Д. Иловайский

Древняя
история

изд 6

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Составилъ

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

—

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

Распространенное въ объемѣ курса среднеучебныхъ заведеній.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Миляковой.

1867.

2007098238

ность сужденій (т. е. воздержаніе отъ увлеченій при характеристикѣ лицъ и событій), соотвѣтствіе частей и нѣкоторая законченность цѣлаго — хотя тѣ достоинства, къ достиженію которыхъ должевъ стремиться составитель историческаго руководства.

Издавая Руководство ко Всеобщей исторіи въ распространенномъ объемѣ; т. е. въ объемѣ курса среднеучебныхъ заведеній, авторъ считаетъ долгомъ оговориться, что при распространеніи своей книги онъ имѣлъ въ виду прежде всего не программу того или другаго учебнаго заведенія, а совокупность требованій научныхъ и педагогическихъ. Содержаніе и направленіе среднеучебнаго курса, т. е. того курса, который составляетъ принадлежность т. наз. общаго образованія, должно быть по преимуществу фактическое: онъ долженъ сообщить значительный запасъ фактовъ изъ жизни историческихъ народовъ; при чемъ рядомъ съ исторіей политической (въ тѣсномъ смыслѣ) необходимо отвести видное мѣсто главнымъ чертамъ изъ быта и образованности. Указывая по возможности на смыслъ, внутреннюю связь и преемство фактовъ, руководство должно приближаться къ тому уровню, на которомъ находится современная историческая наука. Требованія педагогическія или учебныя относятся преимущественно къ изложенію: искусная группировка фактовъ, ясность и сжатость расказа, рельефность описаній, тре-

вость сужденій (т. е. воздержаніе отъ увлеченій при характеристикѣ лицъ и событій), соотвѣтствіе частей и нѣкоторая законченность цѣлаго — вотъ тѣ достоинства, къ достиженію которыхъ долженъ стремиться составитель историческаго руководства.

Относительно самаго содержанія, при передачѣ древней исторіи мы можемъ почти неотступать отъ западныхъ образцовъ; но далѣе, въ средней и новой исторіи, составитель русскаго руководства обязанъ принимать въ расчетъ тѣ стороны, которыя имѣютъ болѣе или менѣе близкія отношенія къ русской націи. Отводя главное мѣсто латиногерманскимъ народамъ новаго міра, онъ однако долженъ наблюдать въ отношеніи къ нимъ экономію, чтобы сообщить по возможности обстоятельный обзоръ исторіи Византіи, имѣвшей большое вліяніе на русскую цивилизацію, а также исторіи родственныхъ намъ славянскихъ племенъ, въ особенности Поляковъ; вообще сосѣдніе съ Россіей народы требуютъ отъ него значительнаго вниманія. Всѣ эти отдѣлы (особенно славянскій) обыкновенно въ иностранныхъ учебникахъ едва существуютъ; наиболѣе распространенныя у насъ, нѣмецкія руководства при изложеніи исторіи новаго міра отводятъ Германіи несоразмѣрно большое мѣсто сравнительно съ другими отдѣлами; что совершенно естественно, потому что эти руководства приспособлены къ требованіямъ нѣмецкаго, (преимущественно протестантскаго) общества.

Самая передача учебныхъ предметовъ имѣетъ свои отличительныя черты у каждой націи; черты эти не всегда уловимы при поверхностномъ взглядѣ; но, чтобы убѣдиться въ нихъ, стоитъ только попристальнѣе сравнить, напримѣръ, учебную литературу нѣмецкую съ французской. Въ исторіи различіе это тѣмъ сильнѣе, что она не принадлежитъ къ наукамъ точнымъ или математическимъ и вездѣ отражаетъ на себѣ умственный складъ и характеръ извѣстной націи.

Авторъ имѣлъ въ виду, что Всеобщая исторія, также какъ и Русская, въ среднеучебныхъ заведеніяхъ должна проходиться первоначально въ сокращенномъ видѣ, доступномъ младшему возрасту; поэтому при

распространенiи своей книги, назначаемой для слѣдующаго, болѣе развитаго возраста, онъ не считалъ нужнымъ устранять изъ нея все, что имѣетъ характеръ нѣсколько отвлеченныхъ обзоровъ и положенiй *.

Что касается до главныхъ источниковъ и пособiй, то авторъ старался по возможности указывать на нихъ при удобномъ случаѣ въ самомъ изложенiи предмета. Изъ тѣхъ пособiй по Древней исторiи, которыя я имѣлъ подъ рукою при составленiи и распространенiи своей книги (кромѣ общихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ курсовъ) приведу здѣсь преимущественно слѣдующiя:

Дункера Geschichte des Alterthums.

Вебера Allgemeine Weltgeschichte für die gebildeten Stände bearbeitet. (Первый томъ, т. е. Востокъ, переведенъ на Русскiй языкъ Зуевымъ и Игнатовичемъ).

Грота History of Greece.

Курцiуса Griechische Geschichte. (Отчасти переведена Н. Поповымъ).

Нибура Römische Geschichte.

---

* Повторяю при этомъ, что въ выборѣ матерiяла авторъ недержался строго какой-либо учебной программы, да и немогъ ея держаться, потому что ни программа, ни объемъ историческаго курса еще не установились въ нашихъ среднеучебныхъ заведенiяхъ. Напримѣръ, онъ ввелъ въ настоящее изданiе обзоръ греческихъ второстепенныхъ государствъ и колонiй и довольно подробный (сравнительно) главу о римской гражданственности, считая и то и другое очень важнымъ для возможно цѣльнаго представленiя о классическомъ мiрѣ и для возможно большей законченности предмета. Разумѣется, преподаватель, пользующiйся моею книгою, легко можетъ отдѣлять карандашемъ тѣ подробности которыя не подходятъ подъ условiя его программы или отведеннаго ему времени.

Момсена Römische Geschichte (бо́льшая часть переведена С. Шестаковымъ).

Дюрюи Histoire de la Grece ancienne и Histoire des Romains et des peuples soumis à leur domination.

Ам. Тьери Tableau de l'empire romain.

Ваксмута Allgemeine Culturgeschichte.

Зибеля Historische Zeitschrift.

Любкера Reallexikon des classischen Alterthums für Gymnasien.

Гуля и *Конера* Das Leben der Griechen und Römer nach antiken Bildwerken dargestellt.

Шерюеля Dictionnaire des antiquités romaines et grecques (переводъ англійской книги Рича).

Тейля Dictionnaire de Biographie, Mythologie, Geographie anciennes (сокращеніе англійской книги Смита).

Изъ русскихъ пособій назову въ особенности „Пропилеи", превосходный сборникъ статей по классической древности (Статьи: Грановскаго, Кудрявцева, Леонтьева, Бабста, Шестакова, Ордынскаго, Благовѣщенскаго, Георгіевскаго и др.) *.

---

* Относительно историческихъ хрестоматій для древней исторіи, мы почти не имѣемъ на русскомъ языкѣ книги, которая могла бы служить дополненіемъ къ курсу (хотя и необязательнымъ), чтобы знакомить съ источниками и писателями, на сколько позволяетъ время (въ родѣ прекраснаго изданія для Средней исторіи г. Стасюлевича). Изъ иностранныхъ пособій по этой части назовемъ Lectures historiques *Рафи*, у котораго именно отдѣлъ древней исторіи составленъ болѣе удовлетворительнымъ образомъ, чѣмъ послѣдующіе, и по своему скромному объему близко подходитъ къ условіямъ среднеучебнаго курса.

ВВЕДЕНІЕ.

Исторія занимается собственно народами Кавказскаго поколѣнія: одаренные превосходными духовными силами сравнительно съ другими народами, они одни достигли высшихъ степеней цивилизаціи. Монгольское поколѣніе только отчасти входитъ въ исторію, именно въ лицѣ Китайскаго народа, который имѣлъ свое самостоятельное развитіе, но замкнутое и одностороннее. Другая часть монголовъ является въ исторіи съ характеромъ враждебнымъ образованности, т. е. съ характеромъ разрушительнымъ (скиѳы, гунны, татары и пр.). Народы Негрскаго поколѣнія остаются внѣ исторической жизни во все продолженіе Древнихъ и Среднихъ вѣковъ, потому что коснѣютъ на первоначальной ступени духовнаго развитія. (Внѣ общей исторической жизни въ эти вѣка остаются также поколѣнія Американское и Малайское; первое считается переходнымъ отъ Кавказскаго къ Монгольскому, а второе отъ Кавказскаго къ Негрскому).

Изъ Кавказскаго поколѣнія на поприщѣ исторической дѣятельности выступаютъ преимущественно двѣ главныя семьи народовъ: *Индоевропейская* (индусы, зенды, греко-латины, кельты, германцы и славяне) и *Семитическая* (финикіяне и карѳагеняне, евреи, арабы; вѣроятно къ той же семьѣ принадлежали ассиро-вавилоняне и египтяне). Каждая изъ этихъ семей имѣла свое самостоятельное развитіе; но онѣ многое заимствовали другъ у друга и нерѣдко вступали въ борьбу между собою. Семиты не владѣютъ такою гармоніей

духовныхъ силъ, какою отличаются индоевропейцы. Острый умъ, смѣлый, предпріимчивый духъ, пылкія страсти и болѣе эгоистическая натура составляютъ отличительныя качества семитовъ. Ихъ поэзія попреимуществу лирическая; эпосъ, гдѣ личность поэта должна оставаться въ тѣни, у нихъ не развился; еще менѣе удалась имъ драма. Изъ искусствъ у нихъ процвѣтала музыка, какъ непосредственное выраженіе душевныхъ волненій. Религія семитовъ въ особенности наклонна къ монотеизму или единобожію; религіозный энтузіазмъ часто доходитъ у нихъ до фанатизма и исключительности (т. е. отсутствіе вѣротерпимости). Индоевропейцы напротивъ обнаруживаютъ болѣе ясное, спокойное міросозерцаніе; имъ по преимуществу принадлежатъ изящныя искусства, особенно скульптура и живопись; формы ихъ религіознаго и политическаго развитія гораздо разнообразнѣе и многостороннѣе.

Древнюю исторію дѣлятъ обыкновенно на 4 періода: 1, отъ древнѣйшихъ временъ до основанія Персидской монархіи, т. е. до Кира (560 г. до Р. Х.); 2, до Александра Великаго (336 г. до Р. Х.); 3, до Августа (30 г. до Р. Х.), и 4, до паденія Западной Римской имперіи (476 по Р. Х.). Но древніе народы далеко не находились въ такомъ сближеніи между собою, въ какомъ находятся народы новые; почти каждый историческій народъ, каждое государство древности долго жило отдѣльною жизнію и медленно проходило ступени общественнаго развитія, вырабатывая своеобразныя формы цивилизаціи. Поэтому, вмѣсто хронологическаго, удобнѣе принимать дѣленіе этнографическое, т. е. по народамъ. Тогда древняя исторія рѣзко распадается на три главные отдѣла: Востокъ (народы Азіи и отчасти сѣверной Африки), Греческій міръ и Римское государство.

ВОСТОКЪ.

I. НАРОДЫ ДРЕВНЕЙ АЗІИ.

Финикіяне. Ихъ мореплаваніе, торговля, открытія и колоніи. Евреи. Ихъ родоначальники, цари, раздѣленіе и упадокъ. Вавилоняне и Ассиріяне. Семирамида. Судьба Ассиріи. Навуходоносоръ. Городъ Вавилонъ. Нравы вавилонянъ; ихъ памятники. Иранъ. Мидяне. Дейокъ и его преемники. Индусы. Ихъ касты, религія, исторія и памятники. Китайцы. Ихъ исторія и религія.

Вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря, тамъ, гдѣ возвышается хребетъ Ливанскихъ горъ, лежала страна, извѣстная въ Библіи подъ именемъ Ханаана. Ее населяли два родственные народа: въ сѣверной части *Финикіяне*, а въ южной *Евреи*.

Финикія представляла узкую береговую полосу съ каменистою и песчаною почвою. Она была неудобна для земледѣлія; за то берега ея изрѣзаны заливами и бухтами, очень удобными для стоянки судовъ; а на горахъ Ливанскихъ росли прекрасные кедровые лѣса, изъ которыхъ строились прочные корабли. Такимъ образомъ природа Финикіи давала всѣ средства для мореплаванія, и дѣйствительно, финикіяне сдѣлались первымъ мореходнымъ, торговымъ народомъ. Торговля ихъ началась морскимъ разбоемъ. Они грабили сосѣдніе бе-

рега, похищали людей и продавали ихъ въ рабство. Потомъ они оставили разбои, и стали мирно промѣнивать свои товары другимъ народамъ на дорогія растенія, металлы, ткани и т. п.

Изъ сосѣднихъ острововъ финикіяне особенно посѣщали Кипръ; тутъ они нашли мѣдные рудники, и основали финикійскіе города и селенія, т. е. завели свои *колоніи*. Мало по малу торговля и колоніи финикіянъ распространились почти по всѣмъ главнымъ островамъ и берегамъ Средиземнаго моря. Въ восточной части этого моря финикіяне встрѣтили потомъ сильныхъ соперниковъ въ греческихъ колонистахъ; поэтому они обратились преимущественно въ западную часть Средиземнаго моря, и завели колоніи по берегамъ Сициліи (Палермо), сѣверной Африки (Карфагенъ, Утика и др.) и Испаніи (Гадесъ или Кадиксъ, Малага и др.) Въ Испаніи финикіяне нашли богатыя серебряныя руды; говорятъ, когда они прибыли сюда въ первый разъ, то добыли столько серебра, что нагрузили имъ всѣ свои корабли, сдѣлали изъ него всю корабельную утварь и даже якори.

Смѣлые финикійскіе купцы не ограничились Средиземнымъ моремъ; они ходили и въ Атлантическій океанъ, т. е. за столпы Геркулесовы (такъ называли въ древности Гибралтарскій проливъ или собственно двѣ скалы, возвышающіяся на его противоположныхъ берегахъ). По Атлантическому океану они плавали на Британскіе острова, откуда вывозили олово; достигали даже Балтійскаго моря, и съ береговъ Пруссіи привозили янтарь, который древніе народы цѣнили выше золота. Финикіяне ходили также и на югъ отъ Гибралтарскаго пролива вдоль африканскихъ береговъ. Говорятъ, что одинъ изъ египетскихъ фараоновъ (Нехао), имѣя въ своей службѣ финикійскихъ моряковъ, поручилъ имъ объѣхать всю Африку. Они отправились изъ Египта по Аравійскому заливу. Когда наступало дождливое время года, мореплаватели выходили на берегъ, строили себѣ хижины, сѣяли хлѣбъ, и дожидались пока онъ созрѣетъ; потомъ собирали его и плыли далѣе. Такимъ образомъ на третій годъ они благополуч-

но достигли Средиземнаго моря, и воротились въ Египетъ. Финикійскіе купцы не желали, чтобы чужіе моряки по ихъ слѣдамъ ходили за Гибралтарскій проливъ, и старались пугать ихъ расказами о страшныхъ буряхъ, о морскихъ чудовищахъ и другихъ опасностяхъ, которыя будто бы ожидали мореплавателей въ океанѣ.

Финикіяне вели также и большую сухопутную торговлю. Она производилась караванами: товары навьючивали на верблюдовъ, которые потомъ длинной вереницей совершали переходы по степямъ. Финикійскіе торговцы ѣздили на сѣверъ, въ Арменію, гдѣ покупали коней и невольниковъ; съ востока, изъ Вавилоніи, они привозили шелкъ и вино; на югѣ, въ Аравіи, доставали золото и благовонную смолу или ладонъ, который курился во время жертвоприношеній. На финикійскихъ фабрикахъ выдѣлывались искусныя вещи изъ металловъ, слоновой кости и чернаго дерева; изъ шерсти и шелка они приготовляли дорогія ткани. Особенно высоко цѣнилась тогда ткани окрашенныя въ пурпуровую краску. Расказываютъ, будто финикіяне открыли эту краску случайно. Одинъ пастухъ пасъ свое стадо на морскомъ берегу; вдругъ его собака прибѣжала съ окровавленной мордой. Посмотрѣвъ поближе, пастухъ убѣдился, что то была не кровь, а слѣды разгрызенныхъ улитокъ особой породы; изъ нихъ стали добывать пурпуровую краску. Точно также финикіянамъ приписываютъ и нѣкоторыя другія открытія. Напримѣръ, о стеклѣ расказываютъ слѣдующее. Однажды моряки, приставъ къ песчаному берегу, начали варить себѣ пищу; они поставили котелъ на кусокъ селитры и развели огонь. Когда сняли котелъ, селитры ужъ не было; она растопилась, смѣшалась съ пескомъ и золою, и образовался прозрачный камень. Такимъ образомъ открыли средство дѣлать стекло; но оно сначала цѣнилось очень дорого, и употреблялось для украшенія комнатъ и одежды. Окна у древнихъ народовъ, живщихъ въ теплонъ климатѣ, были безъ стеколъ, съ одними занавѣсками; а сосуды дѣлались изъ глины или изъ металловъ. Далѣе, фи-

никіянамъ приписываютъ изобрѣтеніе металлическихъ денегъ и ариѳметическихъ знаковъ или цыфръ; и тѣ и другіе конечно были необходимы для ихъ торговыхъ счетовъ. Между ремесленниками и художниками особенно славились финикійскіе зодчіе или архитекторы.

Религія финикійская состояла преимущественно въ поклоненіи свѣтиламъ небеснымъ. Солнце они называли богомъ *Вааломъ* или *Молохомъ*, а луну богиней *Астартой*. Молоха они считали богомъ грознымъ и мстительнымъ, и разумѣли подъ нимъ преимущественно нестерпимый лѣтній зной; поэтому старались умилостивить его большими жертвами, и даже человѣческими. Въ одной финикійской колоніи (въ Карѳагенѣ) стоялъ мѣдный идолъ Молоха съ протянутыми руками; во время жертвоприношеній у ногъ его разводили огонь; родители приносили своихъ дѣтей и клали ихъ на раскаленныя руки идола. Эта жертва считалась для него самою пріятною. Кромѣ того почти общимъ почитаніемъ у финикіянъ пользовался богъ Мелькартъ или тирскій Геркулесъ, покровитель торговли и мореплаванія; ему былъ воздвигнутъ великолѣпный храмъ въ городѣ Тирѣ; сюда ежегодно присылались изъ другихъ городовъ жрецы съ дарами для Геркулеса.

Фабрики и обширная торговля сдѣлали изъ каменистой безплодной Финикіи самую богатую страну въ древности. Города ея, окруженные красивыми хуторами и деревнями, шли почти непрерывною цѣпью вдоль морскаго берега, и кипѣли промышленнымъ народомъ; въ гаваняхъ развѣвались безчисленные паруса. Обыкновенно каждый городъ съ своею областью имѣлъ особаго царя, власть котораго была ограничена жрецами и богатѣйшими гражданами; нѣкоторые города составляли между собой союзы для защиты отъ другихъ народовъ. Главныя мѣста въ такихъ союзахъ занимали *Сидонъ* и особенно знаменитый *Тиръ*. Кромѣ нихъ замѣчательны города: Арадъ, Триполисъ, Библъ, Беритъ и др. Изъ царей финикійскихъ намъ извѣстны только имена нѣкоторыхъ царей города Тира; напримѣръ: *Абибалъ*, современникъ Саула и

Давида; *Хирамъ*, который посылалъ Саломону финикійскихъ зодчихъ и матеріалы для построенія Іерусалимскаго храма; *Пигмальонъ*, братъ Дидоны карфагенской, и *Этбаалъ*, при которомъ Тиръ былъ разрушенъ Навуходоносоромъ.

Богатства финикійскихъ городовъ послужили приманкою для сильныхъ воинственныхъ сосѣдей. Такъ Финикія испытала нашествіе ассирійскаго царя Салманассара; потомъ была покорена вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ; онъ взялъ городъ Тиръ послѣ тринадцатилѣтней осады и разорилъ его. Но оставшіеся жители переселились на близъ лежащій островъ, и основали тамъ новый Тиръ, который впослѣдствіи сдѣлался еще славнѣе стараго. Со временъ Кира Финикія находилась въ зависимости отъ персовъ. Александръ Македонскій взялъ новый Тиръ, и разрушилъ его совершенно (за 332 года до Рожд. Христ.). Тогда торговля финикіянъ перешла въ другія мѣста, преимущественно въ египетскую Александрію; а Финикія мало по малу обѣднѣла и запустѣла. Гавани ея заволокло пескомъ, и нѣкогда цвѣтущіе города представляютъ теперь только груды мусора. *

Южная часть Ханаана или страна Евреевъ извѣстна подъ именемъ *Палестины*. Вдоль нея протекаетъ рѣка Іорданъ, впадающая въ горькосоленое озеро, названное Мертвымъ моремъ, потому что въ немъ не могутъ жить ни рыбы, ни растенія. Въ древности холмы и долины Палестины были довольно плодоносны; они изобиловали прекрасными рощами, густою травою и виноградниками, и страна эта по справедливости называлась Обѣтованною землею. Она дѣлилась на четыре части. На сѣверѣ лежала *Галилея* съ горою Ѳаворъ, озеромъ Генисаретскимъ и съ городами: Капернаумъ, Тиверi-

---

* Главнымъ источникомъ для знакомства съ финикіянами служитъ древнегреческій географъ Страбонъ. Многія извѣстія о нихъ находимъ также въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Финикіяне имѣли и собственнаго лѣтописца Санхоніатона; но сочиненія его не дошли до насъ; о нихъ мы знаемъ только изъ греческихъ и еврейскихъ писателей.

ада, Назаретъ, Кана и др. Въ срединѣ находилась *Самарія* съ городами Самарія и Сихемъ. Южную часть Палестины занимала *Іудея* съ главнымъ городомъ Іерусалимъ, который былъ построенъ на четырехъ крутыхъ холмахъ; къ востоку отъ него возвышалась Масличная гора, отдѣленная отъ города долиною Кедрона. Кромѣ Іерусалима въ Іудеѣ замѣчательны были: приморскій городъ Кесарія, Іерихонъ, Виѳлеемъ и пр. На востокъ отъ Іордана лежала пустынная область *Перея*, обитаемая отчасти номадами. *

О происхожденіи Евреевъ Библія повѣствуетъ слѣдующее.

Родоначальникомъ и первымъ патріархомъ еврейскаго народа былъ Авраамъ; онъ покинулъ свою родину Месопотамію, и переселился въ Ханаанъ, гдѣ нашелъ хорошія пастбища для своихъ стадъ. Отсюда внукъ его Іаковъ, прозванный *Израилемъ*, съ своими одиннадцатью сыновьями переселился въ Египетъ. Двѣнадцатый сынъ его Іосифъ прославился необыкновенною судьбою. Онъ былъ проданъ братьями въ Египетъ невольникомъ; но тамъ сдѣлался первымъ любимцемъ ѳараона; призвалъ къ себѣ отца и братьевъ, и отвелъ имъ для поселенія прекрасную долину. Здѣсь потомки ихъ продолжали вести пастушескій образъ жизни; они сильно размножились, и по числу сыновей Израиля раздѣлились на двѣнадцать колѣнъ. Отъ жестокихъ притѣсненій фараоновъ евреи ушли изъ Египта подъ предводительствомъ своего пророка Моисея.

Долго кочевали они въ аравійскихъ пустыняхъ, пока воротились опять въ Палестину. Послѣ упорной войны евреи покорили, а частію истребили туземныхъ жителей, и раздѣлили землю по числу колѣнъ. Колѣно Левитово не получило особаго участка; оно разсѣялось между другими, и испол-

* Источникомъ для исторіи Евреевъ служитъ ихъ богатая литература, заключающаяся въ книгахъ Ветхаго Завѣта, которыя по содержанію своему распадаются на книги: историческія, поэтическія и пророческія.

Ограничиваемся здѣсь только краткимъ обзоромъ Еврейской исторіи, потому что она составляетъ особый предметъ преподаванія.

няло должности священниковъ. Мало по малу израильтяне оставили пастушескую или кочевую жизнь, занялись земледѣліемъ, построили города и селенія. Верховная власть находилась сначала въ рукахъ первосвященниковъ. Но такъ какъ евреи постоянно должны были защищать свою землю отъ сосѣднихъ кочевыхъ народовъ (Филистимлянъ, Амаликитянъ и др.), то нерѣдко верховная власть переходила въ руки военачальниковъ, прославившихъ себя побѣдами (напр. Гедеонъ, Самсонъ и др.). Наконецъ опасности со стороны сосѣдей и внутреннія неустройства побудили израильтянъ избрать себѣ царемъ храбраго Саула, и пророкъ Самуилъ помазалъ его на царство.

Особенно было славно царствованіе Саулова преемника Давида. (За тысячу слишкомъ лѣтъ до Р. Х.) Этотъ умный, воинственный царь расширилъ предѣлы своего государства, и утвердилъ столицу въ Іерусалимѣ. Онъ извѣстенъ также своими благочестивыми пѣснями или псалмами, въ которыхъ воспѣвалъ славу и величіе Господа. Сынъ его Соломонъ прославился мудростію и построеніемъ великолѣпнаго Іерусалимскаго храма. Этотъ храмъ былъ сооруженъ финикійскими зодчими изъ мрамора и ливанскихъ кедровъ; а внутреннія украшенія сдѣланы изъ чистаго золота. Сюда со всей Палестины сходился народъ для жертвоприношеній. Вообще только одни евреи сохранили монотеизмъ, т. е. вѣру въ единаго Бога, Творца вселенной (Іегова), и потому они считаются избраннымъ народомъ Божіимъ. А всѣ другіе древніе народы были язычники, т. е. почитали многихъ боговъ и поклонялись идоламъ. Однако примѣры сосѣдей не оставались безъ послѣдствій для еврейскихъ нравовъ и религіи. Самъ Соломонъ подъ старость полюбилъ пышность, обременилъ народъ тяжкими налогами, завелъ у себя многихъ иноплеменныхъ женъ, и допустилъ при своемъ дворѣ языческое богослуженіе.

Послѣ смерти Соломона (около 980 г. до Р. Х.) наступили смуты, и евреи раздѣлились на два царства: *Іудейское* —на югѣ, съ столицею Іерусалимомъ, и *Израильское*—на

сѣверѣ, съ главнымъ городомъ Самаріей. Эти два царства находились во взаимной враждѣ; а народъ все болѣе и болѣе впадалъ въ идолопоклонство. По временамъ являлись вдохновенные люди, называвшіеся *пророками*, которые предвѣщали народу бѣдствія и призывали его къ покаянію; таковы: Илія, Исаія, Еремія и др.

Наконецъ евреи были покорены другими народами. Первое пало Израильское царство, завоеванное ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ (въ 722 г. до Р. X.). Потомъ вавилонскій царь Навуходоносоръ покорилъ Іудейское царство, разрушилъ Іерусалимскій храмъ, а народъ отвелъ въ Вавилонъ (въ 586 г. до Р. X.). При персидскомъ царѣ Кирѣ іудеи получили позволеніе воротиться въ Палестину, и возобновили Іерусалимъ вмѣстѣ съ храмомъ. Бѣдствія исправили Іудеевъ: теперь они оставили идолопоклонство, и начали строго соблюдать поклоненіе единому Богу.

Іудея существовала еще около шести столѣтій, но почти всегда въ зависимости отъ другихъ народовъ.

Къ востоку отъ Ханаана, за сирійскими степями, лежала Месопотамія (т. е. Междурѣчье) по рѣкамъ Эвфрату и Тигру. Въ сѣверной части, около Арменіи, Месопотамія возвышена и холмиста, а въ южной представляетъ ровную низменность. Эту низменность занималъ народъ *Вавилоняне*, названные такъ отъ своей столицы Вавилона. Когда на армянскихъ горахъ таялъ снѣгъ, Эвфратъ и Тигръ выходили изъ береговъ и заливали всю низменность. Отъ такихъ разлитій почва получала необыкновенное плодородіе; а для защиты городовъ и селеній отъ наводненія вавилоняне строили плотины, и провели цѣлую сѣть каналовъ, которые притомъ служили прекрасными путями сообщенія. Кромѣ Вавилона здѣсь были города: Кунакса, Селевкія, Ктезифонъ и пр. Къ сѣверу отъ Вавилоніи, на лѣвомъ берегу Тигра, лежала гористая *Ассирія*, съ главнымъ городомъ Ниневіей.

По сказанію Библіи, Вавилонъ былъ основанъ исполиномъ Нимродомъ, потомкомъ Ноя. А Ниневія построена царемъ

Ниномъ, который завоевалъ Вавилонію, и покорилъ народы, жившіе далѣе на востокѣ, т. е. Мидянъ и Бактрянъ. Вообще расказы о первоначальной исторіи вавилонянъ и ассиріанъ представляютъ много баснословнаго, какъ и у другихъ древнихъ народовъ. Особенно такими вымыслами украшена память Семирамиды, супруги и преемницы Нина. Расказывали напримѣръ, что она была дочерью богини; что покинутая своею матерью, она была вскормлена горными голубицами. Будучи уже женою одного ассирійскаго полководца, Семирамида плѣнила царя Нина своимъ умомъ и красотою, и онъ взялъ ее себѣ въ супруги. Потомъ она убила Нина, завладѣла престоломъ, управляла государствомъ съ необыкновенною славою, и продолжала завоеванія своего мужа. Достигнувъ глубокой старости, она передала власть сыну Ниніасу, а сама превратилась въ голубку и улетѣла на небо.

Народы, вошедшіе въ составъ Ассирійской монархіи, неохотно переносили чужое иго, и стремились отъ него освободиться. Къ тому же преемники Семирамиды по большой части были слабые, изнѣженные деспоты, и Ассирія пришла въ упадокъ. Нѣкоторыя подвластныя племена сдѣлались независимы. Однако Ассирійское царство успѣвало не разъ оправиться отъ своего упадка, и снова становилось грознымъ для сосѣдей; такъ замѣчательны своими походами противъ Финикіи, Палестины и Египта ассирійскіе цари Тиглатъ Пелизаръ, Салманассаръ и Сеннахерибъ. Наконецъ оно было уничтожено соединенными силами вавилонянъ и мидянъ. Послѣднимъ ассирійскимъ царемъ былъ Сарданапалъ, котораго изнѣженность и роскошь вошли въ пословицу; расказываютъ, что онъ все время проводилъ въ забавахъ посреди своего гарема, наряжался и румянился какъ женщины. Когда его столицу осадили мидійскій царь Ціаксаръ и вавилонскій Набополоссаръ, Сарданапалъ отчаялся въ спасеніи; велѣлъ на площади своего дворца сложить огромный костеръ и поставить на немъ просторный покой, куда снесли груды золота, серебра и другихъ царскихъ сокровищъ; потомъ сюда взо-

шелъ царь съ своими женами, и приказалъ зажечь костеръ. Но по другимъ извѣстіямъ Сарданапалъ геройски защищался противъ мидянъ и вавилонянъ, и только послѣ трехлѣтней осады Ниневія была взята и разрушена (за 6 вѣковъ до Р. X.).

Съ паденіемъ Ассиріи возвысилось Вавилонское государство, гдѣ утвердилась халдейская династія. (Халдеи, какъ думаютъ, было племя пришедшее съ сѣвера изъ горъ Арменіи и покорившее Вавилонскую низменность). Процвѣтаніе этого государства начинается со временъ Набополоссара; а въ царствованіе знаменитаго его сына Навуходоносора (604—561) оно достигло высшаго могущества и славы. На сѣверѣ и востокѣ Вавилонія граничила тогда съ сильною Мидійскою монархіей; поэтому Навуходоносоръ обратилъ свое оружіе на западъ противъ небольшихъ государствъ Сиріи, Финикіи и Палестины. Кромѣ своихъ завоеваній, Навуходоносоръ прославилъ себя великолѣпными постройками, которыми онъ украсилъ свою столицу Вавилонъ. Этотъ городъ былъ необыкновенно обширенъ и имѣлъ видъ четырехъугольника, каждая сторона котораго тянулась на 20 верстъ длины. Обширность его впрочемъ происходила отъ того, что дома не строились такъ тѣсно, какъ въ нашихъ европейскихъ городахъ; а обыкновенно окружались просторными дворами и садами. Городъ былъ обведенъ глубокимъ рвомъ и такими толстыми стѣнами, что по немъ свободно могли ѣхать рядомъ шесть колесницъ; по стѣнамъ возвышалось множество башенъ, и на каждой сторонѣ было по нѣскольку желѣзныхъ воротъ. Посреди города протекала рѣка Эвфратъ. На одномъ берегу его находился храмъ главнаго бога Бела, имѣвшій видъ высокой четырехъ-угольной башни; а на другомъ берегу стоялъ царскій дворецъ съ такъ называемыми „висячими садами“. Они были разведены на огромныхъ каменныхъ террасахъ, засыпанныхъ землею, и орошались водою, проведенною изъ Эвфрата до самой вершины террасъ. Говорятъ, Навуходоносоръ велѣлъ воздвигнуть эти

искуственные холмы для своей любимой супруги Никотрисы, которая была родомъ изъ горной Мидіи и скучала однообразной вавилонской равниной.

Религія вавилонянъ была почти такая же, какъ у финикіянъ: они поклонялись свѣтиламъ небеснымъ, и главный богъ у нихъ былъ также Ваалъ, иначе называвшійся *Белъ*, а главная богиня вмѣсто Астарты называлась *Мелиттой*. Въ храмѣ Бела находились золотой идолъ этого бога и алтари, на которыхъ курились драгоцѣнныя благовонія и приносились жертвы; семьдесятъ жрецовъ назначено было служить ему при этомъ храмѣ *. Жрецы вавилонскіе, сохранившіе за собою по преимуществу названіе халдеевъ, съ высокихъ башенъ наблюдали за теченіемъ небесныхъ свѣтилъ. Такія наблюденія научили ихъ опредѣлять положеніе солнца въ разныя времена года и дѣлить годъ на 12 равныхъ частей (имъ приписываютъ изобрѣтеніе зодіака). По положенію звѣздъ они старались гадать о будущемъ, и потому слыли въ народѣ за прорицателей.

Земледѣліе и торговля достигли у вавилонянъ значительной степени процвѣтанія. Вавилонъ лежалъ на большомъ торговомъ пути между Индіей и Финикіей, и служилъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ. Здѣсь толпилось всегда множество иностранцевъ; отсюда можетъ быть и происходилъ обычай вавилонянъ выносить больныхъ на торговую площадь, чтобы проходящіе могли давать имъ полезные совѣты. Изъ фабричныхъ вавилонскихъ издѣлій хлопчатобумажныя матеріи и прекрасные ковры славились на цѣломъ востокѣ. Ни одинъ древній народъ не жилъ съ такою роскошью и велико-

* Одинъ изъ іудейскихъ пророковъ (Варухъ) такими словами обличаетъ вавилонскихъ жрецовъ, которые пользовались суевѣріемъ толпы ради собственныхъ выгодъ: «На головы этихъ идоловъ возлагаютъ золотые вѣнки; но случается иногда, что жрецы похищаютъ у своихъ боговъ золото и серебро и обращаютъ его въ свою пользу». «Они продаютъ жертвоприношенія, снимаютъ съ идоловъ принесенныя въ даръ одежды, и одѣваютъ ими своихъ женъ и дѣтей», и т. д.

лѣпіемъ, какъ вавилоняне: они любили натирать себя благовонными маслами, одѣваться въ яркія ткани; носить дорогіе перстни, трости съ набалдашниками въ видѣ цвѣтка или птицы, и т. п. Нигдѣ не была такъ распространена и страсть къ многоженству какъ здѣсь. (Конечно, говоря о роскошной жизни, надобно подразумѣвать преимущественно жителей столицы и вообще высшій классъ; простой народъ въ азіатскихъ монархіяхъ находился въ бѣдности и угнетеніи). Геродотъ расказываетъ, что въ Вавилоніи былъ странный обычай продавать невѣстъ съ публичнаго торга. Для этого разъ въ году въ каждой деревнѣ собирали дѣвушекъ. Продажу начинали съ самыхъ красивыхъ, которыхъ на перерывъ раскупали богатые юноши; а дурныя доставались бѣднѣйшимъ, и получали въ приданое деньги, вырученныя за первыхъ.

После Навуходоносора Вавилонская монархія существовала недолго. Изнѣженные вавилоняне не могли устоять, когда на нихъ напало храброе, суровое племя персовъ, и были завоеваны персидскимъ царемъ Киромъ (въ 538 г. до Р. Х.).

Холмы, покрывающіе тѣ мѣста, гдѣ находились Ниневія и Вавилонъ, въ нашемъ XIX вѣкѣ были раскопаны европейцами. Въ нихъ открыты остатки храмовъ и дворцовъ, массивныя колонны и разныя каменныя фигуры; особенно замѣчательны колосальныя фигуры крылатыхъ быковъ съ человѣчьими головами; онѣ ставились по бокамъ дворцовыхъ входовъ. Стѣны дворцовъ покрыты скульптурными украшеніями или рельефами, которые изображаютъ разныя сцены изъ ассиро-вавилонской жизни, а именно: религіозныя церемоніи, царскую охоту, войну, торжество царя надъ побѣжденными народами, и т. п. Рельефы эти искусно вырѣзаны на камнѣ и нерѣдко раскрашены живыми красками. Въ гористой Ассиріи уцѣлѣло болѣе памятниковъ, нежели въ низменной Вавилоніи: въ послѣдней не было камня, и постройки производились по большой части изъ кирпича, который съ теченіемъ времени превратился въ мусоръ. Ассирійско-вавилонскіе памятники часто покрыты такъ называемыми клинообразными

надписями (родъ іероглифовъ). Европейскіе ученые уже начали разбирать эти надписи *.

Страна на востокъ отъ Вавилоніи и Ассиріи до самой рѣки Инда извѣстна подъ именемъ Ирана. Здѣсь жили народы, составлявшіе племя Аріанъ или Зендовъ. (*Зендомъ* собственно назывался языкъ, на которомъ написаны ихъ священныя книги). Они заселяли преимущественно гористыя и плодоносныя окраины Ирана; а внутренность его представляетъ огромную сплошную равнину, песчаную и безводную. Главные изъ этихъ народовъ были: *Бактряне*, *Мидяне* и *Персы*. Первые обитали въ сѣверо-восточной части Ирана, и тутъ на одномъ изъ притоковъ рѣки Оксуса (Аму-Дарьи) находилась ихъ столица, богатый торговый городъ Бактра. Мидія занимала сѣверо-западную часть Ирана, къ югу отъ Каспійскаго моря; она представляла прекрасную теплую страну, обильную тучными лугами, на которыхъ паслись стада коней, славившихся въ цѣлой Азіи.

Преданіе, сообщаемое Геродотомъ говоритъ, что мидяне, свергнувъ съ себя ассирійское владычество, долго жили безъ общаго правителя; тогда у нихъ возникли внутренніе раздоры и насилія. Одинъ умный человѣкъ, по имени Дейокъ, воспользовался этой анархіей и искусно достигъ верховной власти. А именно: жители его роднаго селенія избрали его

---

* Источники Ассиро-Вавилонской исторіи: Геродотъ, Библія, Страбонъ и Діодоръ Сицилійскій. Кромѣ того вавилонскій жрецъ Берозъ (жившій въ III вѣкѣ до Р. Х.) написалъ по гречески Вавилонскую исторію, отъ которой дошли до насъ только нѣкоторые отрывки. Въ 1842 г. Ботта, французскій консулъ въ Мосулѣ, началъ производить раскопки на мѣстѣ древней Ниневіи, и открылъ упомянутые выше остатки дворцовъ. За тѣмъ такія же изысканія предпринялъ англичанинъ Лейярдъ. Наиболѣе важные памятники найдены имъ при деревняхъ Хорсабодѣ и Нимрудѣ. Многіе изъ найденныхъ тамъ скульптурныхъ произведеній находятся теперь въ парижскомъ Луврскомъ музеѣ и въ лондонскомъ Британскомъ музеѣ. Изъ европейскихъ ученыхъ, разбиравшихъ клинообразныя надписи, особенно замѣчателенъ англичанинъ Равлинсонъ. Важно то, что эти надписи подтверждаютъ расказы Геродота о восточныхъ народахъ и извѣстія о нихъ Библія.

судьею для рѣшенія своихъ тяжбъ, и Дейокъ разбиралъ ихъ съ большимъ стараніемъ и безпристрастіемъ. Слава о его справедливости начала привлекать къ нему тяжущихся и изъ другихъ мидійскихъ селеній. Когда такимъ образомъ народъ привыкъ уважать рѣшенія Дейока, послѣдній вдругъ объявилъ, что онъ отказывается отъ суда, потому что, занимаясь чужими дѣлами, долженъ былъ пренебречь своими собственными. А между тѣмъ анархія свирѣпствовала въ полной силѣ. Мидяне собрались, и начали обсуждать свое положеніе. Тутъ друзья Дейока предложили народу выбрать царя, который бы наблюдалъ исполненіе законовъ, миръ и тишину въ странѣ. Народъ послѣдовалъ этому совѣту, и выборъ естественно склонился въ пользу Дейока (это происходило за семь вѣковъ до Р. Х.). По требованію новаго царя, народъ воздвигъ ему дворецъ сообразный съ его саномъ, и позволилъ набрать тѣлохранителей. За тѣмъ Дейокъ велѣлъ построить крѣпкій городъ Экбатану. Этотъ городъ стоялъ на холмѣ, поднимающемся семью уступами, и каждый уступъ былъ окруженъ зубчатою стѣною, окрашенною въ особую краску, такъ что издали городъ представлялъ очень пестрый видъ. Расказываютъ далѣе, что Дейокъ, не желая встрѣчать прежнихъ знакомцевъ, заключился въ своемъ дворцѣ, пересталъ показываться народу, и сносился съ нимъ посредствомъ своихъ слугъ. (Впрочемъ такое удаленіе отъ народа и жизнь въ глубинѣ дворца, охраняемаго многочисленной стражей, составляли общій обычай неограниченныхъ азіатскихъ властителей).

Укрѣпивъ свою власть, Дейокъ дѣйствительно наблюдалъ строгое правосудіе; онъ успѣлъ соединить всѣ мидійскія племена въ одно государство, и умеръ послѣ пятидесятилѣтняго царствованія, оставивъ престолъ сыну Фраорту. Этотъ царь напалъ на сосѣднее племя персовъ, и покорилъ ихъ; потомъ онъ началъ войну съ ассиріянами, но въ сраженіи съ ними былъ убитъ. Его сынъ Ціаксаръ, царь еще болѣе воинственный, пошелъ на самую Ниневію, и хотѣлъ разрушить этотъ

городъ, что бы отомстить за смерть отца. Но въ то время на Азію напали съ сѣвера дикіе кочевые народы Турана (или Туркестана), извѣстные подъ общимъ именемъ *Скиѳовъ*. Ціаксаръ хотѣлъ остановить ихъ вторженіе, но проигралъ битву. Скиѳы своими грабежами разорили всю страну, и господствовали въ ней 28 лѣтъ. Однажды Ціаксаръ зазвалъ скиѳскихъ начальниковъ на пиръ, вѣроломно перебилъ ихъ, и изгналъ Скиѳовъ изъ своей земли *. За тѣмъ онъ соединился съ вавилонскимъ царемъ Набополоссаромъ, и снова осадилъ Ниневію, которую на этотъ разъ взялъ и разрушилъ. Ціаксару наслѣдовалъ его сынъ Астіагъ, при которомъ явился персидскій завоеватель Киръ.

Страна между рѣкою Индомъ, Гималайскимъ хребтомъ и Бенгальскимъ заливомъ называется Индіей. Ее заселила часть Арійскаго племени, отдѣлившаяся отъ иранцевъ и получившая названіе *Индусовъ*. Сначала индусы заняли Пенджабъ (что значитъ: Пятирѣчіе), т. е. области по верхнему теченію Инда и его главныхъ четырехъ притоковъ. Отсюда они распространились далѣе на юго-востокъ по жаркой и чрезвычайно плодоносной долинѣ рѣки Ганга и ея главнаго притока Джумны; а потомъ проникли во внутренность гористаго полуострова (Декана), и покорили жившіе тамъ народы негритянскаго племени.

Огромныя земли, занятыя индусами, распались на множество отдѣльныхъ владѣній, управлявшихся своими царями или *раджами*. Изъ нихъ самое богатое и сильное было государство Празіевъ, оно лежало на среднемъ теченіи Ганга съ главнымъ городомъ Палиботра.

Жители индійскихъ государствъ съ теченіемъ времени раз-

---

* Но и послѣ того Скиѳы набѣгами своими нерѣдко тревожили сосѣднюю Бактрію и Мидію. Древнія преданія Ирана наполнены разсказами о борьбѣ съ хищными туранцами; главнымъ героемъ въ нихъ является иранскій богатырь Рустемъ, который изображается въ родѣ нашего сказочнаго богатыря Ильи Муромца.

дѣлились на четыре сословія или касты, которымъ строго было запрещено смѣшиваться между собою. Высшую касту составляли жрецы, называвшіеся *браминами*; за ними слѣдовали воины или *кшатріи*, потомъ *ваисіи* или ремесленники, и наконецъ *судры* или рабы. Первыя три касты были господствующими и произошли отъ арійцевъ, завоевателей Индіи; а судры образовались изъ покоренныхъ народовъ; послѣдніе отличались отъ другихъ кастъ и болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи. Кромѣ того было въ Индіи еще покоренное племя *паріевъ;* они находились въ такомъ презрѣніи у индусовъ, что, напримѣръ, одно прикосновеніе къ парію считалось оскверненіемъ, отъ котораго потомъ надобно было очищать себя особыми религіозными обрядами. Брамины пользовались большими почестями; они строго поддерживали раздѣленіе народа на касты, происхожденіе которыхъ приписывали самому Брамѣ, верховному индійскому божеству. А именно: брамины учили, что сами они вышли изъ головы Брамы, воины изъ рукъ его, ремесленники изъ бедръ, а судры изъ ногъ.

Первоначальная религія индусовъ, какъ и всѣхъ арійцевъ, представляетъ поклоненіе стихіямъ видимой природы; они чтили солнце подъ именемъ бога Индры, небо или бога Варуну и другихъ. Тогда еще не было строгаго дѣленія на касты. Впослѣдствіи,—когда индусы покорили долину Ганга и предались спокойной жизни въ этой роскошной странѣ, когда брамины присвоили себѣ господствующее значеніе—религія индусовъ мало по малу получила болѣе опредѣленный и неподвижный характеръ. Верховное всемогущее существо является у нихъ раздѣленнымъ на три главныхъ божества. Во первыхъ *Брама*, творецъ міра; идолъ его изображался о четырехъ головахъ и четырехъ рукахъ въ знакъ могущества. Второе божество было *Вишну*, богъ благодѣтельный, покровитель плодородія. Индусы вѣрили, что онъ по временамъ сходилъ на землю и принималъ видъ людей, чтобы дѣлать добро. До насъ дошли двѣ большія индійскія поэмы, Магабгарата и Рамаяна, въ которыхъ расказываются подвиги

Вишну въ образѣ двухъ героевъ*. Третій богъ, *Сива*, былъ грозный разрушитель всего живущаго; онъ изображался съ тремя глазами, въ знакъ всевѣденія; на шеѣ у него обыкновенно висѣла цѣпь изъ череповъ. За этими главными слѣдовало безчисленное множество второстепенныхъ и низшихъ божествъ; суевѣрные индусы поклонялись животнымъ и растеніямъ, потому что вся природа по ихъ понятіямъ была проникнута душою Брамы. (Такая религія называется *пантеизмъ*, т. е. всебожіе). При этомъ они вѣрили въ переселеніе душъ, и полагали, что душа человѣка послѣ смерти долгое время переходитъ въ растенія, въ животныя, звѣзды и такъ далѣе, пока не очистится отъ грѣховъ; тогда она соединяется наконецъ съ самимъ Брамою. Молитвы и наставленія браминовъ изложены въ ихъ священныхъ книгахъ, собраніе которыхъ называется *Веды*. А собраніе древнихъ гражданскихъ уставовъ извѣстно подъ именемъ „законовъ Ману" (какого-то миѳическаго царя).

За пять или за шесть вѣковъ до Рожд. Хр. въ Индіи явился мудрецъ, прозванный Будда. Онъ былъ сынъ од-

* Эти поэмы написаны на древнеиндійскомъ или санскритскомъ языкѣ. Магабгарата расказываетъ о борьбѣ двухъ индійскихъ родовъ, Курава и Пандава. Вишну принимаетъ въ ней участіе подъ видомъ героя Кришна, и помогаетъ правой сторонѣ. Изъ многихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, вошедшихъ въ Магабгарату, замѣчателенъ расказъ о трогательной любви двухъ супруговъ, Наль и Дамаянти. Въ Рамаянѣ Вишну является подъ видомъ Рамы, добродѣтельнаго царскаго сына; кознями мачихи онъ лишенъ престола, и удаляется въ лѣсъ съ своею вѣрною женою. Тамъ онъ вступаетъ въ борьбу съ злыми духами—великанами, которыхъ царь Равуна похитилъ его жену и увезъ ее на свой островъ Цейлонъ. Рама соединяется съ обезьянами или лѣсными людьми, переходитъ на островъ, побѣждаетъ царя великановъ Равуну и освобождаетъ жену. Наконецъ онъ возвращается въ отечество, и царствуетъ здѣсь мудро и счастливо. Пѣсни Магабгараты проникнуты болѣе воинственнымъ духомъ; онѣ относятся къ древнѣйшему періоду, т. е. къ завоеванію арійцами долины Ганга. А въ пѣсняхъ Рамаяны выступаютъ болѣе нравственныя добродѣтели (благочестіе, покорность судьбѣ, долгу и т. п.); онѣ напоминаютъ ту эпоху, когда арійцы распространили свое владычество по южной части полуострова.

ного царя, и готовился наслѣдовать престолъ; но вдругъ оставилъ свои дворцы, снялъ дорогія одежды, и, питаясь милостынею, отправился къ браминамъ пустынникамъ. Изучивъ ихъ мудрость, онъ нѣсколько лѣтъ предавался размышленію, подвергая себя въ то же время строгому посту и жестокимъ бичеваніямъ. Потомъ онъ началъ проповѣдывать народу терпѣніе, милосердіе, равенство людей, взаимную любовь и другія добродѣтели. Ученіе его нашло многихъ приверженцевъ, и распространилось по цѣлой Индіи. Но такъ какъ оно подрывало раздѣленіе на касты, то жрецы, не желая потерять свою власть, вооружили народъ противъ буддистовъ; произошли жестокія междоусобныя войны, и буддисты были изгнаны изъ Индіи. Они ушли въ другія страны, и утвердили свое ученіе преимущественно въ Тибетѣ и Китаѣ; но тамъ съ теченіемъ времени эта религія измѣнилась и обратилась въ грубыя суевѣрія (она извѣстна подъ именемъ Ламаизма).

Раздробленіе индійскаго народа на множество отдѣльныхъ государствъ и кастическое устройство, породившее застой и неподвижность въ его политической жизни, были главными причинами его слабости. Между тѣмъ богатство естественныхъ произведеній, довольно развитая промышленность и торговля издавна служили приманкою для иноземныхъ завоевателей. Самый знаменитый походъ въ Индію принадлежитъ Александру Македонскому, который покорилъ долину рѣки Инда (327 г. до Р. Х.). Этотъ походъ впервые познакомилъ европейцевъ съ Индіей, при посредствѣ греческихъ писателей (въ особенности Страбона и Арріана).

Вскорѣ по смерти Александра западные индусы свергли съ себя македонское владычество; предводитель возставшихъ, Сандракотъ, происходившій изъ незнатнаго рода, сдѣлался родоначальникомъ новой царской династіи, и основалъ сильное государство, которое заключало въ себѣ Пятирѣчіе и большую часть долины Ганга. Онъ и преемники его находились то въ непріязненныхъ, то въ дружественныхъ сношеніяхъ съ сирійскими Селевкидами и египет-

скими Птоломеями; эти отношенія поддерживали начавшееся при Александрѣ вліяніе греческой образованности на индусовъ. Внукъ Сандракота, Ашока (въ III вѣкѣ до Р. Х.) пріобрѣлъ славу добродѣтельнаго и справедливаго государя, который продолжительное свое царствованіе посвятилъ внутреннему благоустройству своей земли. Онъ принялъ ученіе Будды и много способствовалъ распространенію буддизма въ Индіи. Но по смерти Ашоки государство его раздѣлилось между его тремя сыновьями. Потомъ начались и кровавыя гоненія противъ буддистовъ. Сюда присоединились вторженія съ сѣвера дикихъ кочевыхъ ордъ. Между прочимъ скиѳы завоевали часть западнаго Индостана. Царь Викрамадитья побѣдилъ ихъ въ 57 году до Р. Х., и этотъ годъ индусы приняли за начало своего лѣтосчисленія. Вообще Викрамадитья извѣстенъ въ индійскихъ преданіяхъ какъ покровитель наукъ и искусствъ, и время его считается золотымъ вѣкомъ санскритской литературы.

Въ средніе вѣка исторія Индіи мало извѣстна. Съ X вѣка по Р. Х. начинаются походы сюда магометанскихъ завоевателей. Въ XVI вѣкѣ сѣверный Индостанъ подпалъ владычеству монголовъ; а потомъ, около половины XVIII вѣка, здѣсь утвердилось владычество англичанъ. Съ того времени началось со стороны европейцевъ изученіе древней литературы и памятниковъ Индіи. *

Наиболѣе замѣчательными памятниками древнихъ индусовъ служатъ храмы. Нѣкоторые изъ нихъ высѣчены въ скалахъ, каковы, напримѣръ, храмы на островѣ Элефантинѣ — близъ Бомбея и около деревни Эллоры — внутри Индостанскаго по-

* Изъ европейскихъ ученыхъ на этомъ поприщѣ наиболѣе замѣчательны труды: англичанъ Джонеса и Вильсона, француза Бюрнуфа и нѣмца Лассена. Между поэтическими произведеніями богатой Санскритской литературы, кромѣ Магабгараты и Рамаяны, особою славою пользуется драма Сакунтала или «Роковой перстень», принадлежащая поэту Калидасу, который жилъ во II вѣкѣ по Р. Х.; она переведена почти на всѣ европейскіе языки.

луострова. Они имѣютъ видъ гротовъ и галлерей, наполненныхъ рядами колоннъ и каменными идолами; а на стѣнахъ также высѣчены разнообразныя фигуры. Идолы въ этихъ храмахъ производятъ непріятное впечатлѣніе своимъ безобразіемъ: они по большой части имѣютъ уродливый видъ, снабжены нѣсколькими головами, многими руками и т. п. Въ индійскихъ горахъ встрѣчаются не только храмы, но и цѣлые города, въ которыхъ всѣ зданія искусно высѣчены изъ скалъ; напримѣръ, остатки города Мавалипурама на восточномъ или Коромандельскомъ берегу. Такія постройки конечно стоили народу огромрыхъ трудовъ и времени; цѣлыя поколѣнія смѣняли другъ друга, съ удивительнымъ терпѣніемъ высѣкая эти зданія. Кромѣ этого по всей Индіи разсѣяны такъ называемыя *пагоды*, т. е. храмы построенные на поверхности земли и имѣющіе куполообразную форму.

На высокихъ равнинахъ Средней Азіи съ незапамятныхъ временъ кочуютъ монгольскія орды, оставаясь въ первобытномъ, дикомъ состояніи. Но восточная отрасль монгольскаго племени, *Китайцы*, уже въ глубокой древности составили огромное государство, и достигли значительной степени образованія или гражданственности. По преданіямъ китайцевъ, предки ихъ (за 3000 лѣтъ до Р. Х.) перекочевали изъ западныхъ горъ въ долину двухъ великихъ рѣкъ, Гоанго и Янтсекіанга, выжгли здѣсь лѣса, истребили хищныхъ звѣрей, начали заниматься земледѣліемъ и строить города.

Основателемъ Китайскаго государства почитаютъ они *Фоги*, который будто бы изобрѣлъ письмена, раздѣлилъ годъ на части, ввелъ бракъ и устроилъ правленіе. Въ XII вѣкѣ до Р. Х. нѣкто *Вуангъ* посредствомъ возмущенія достигъ престола; но, что бы удержаться на немъ, онъ роздалъ вельможамъ и родственникамъ многія земли на княжескихъ правахъ. Отсюда возникла въ Китаѣ феодальная система, которая продолжалась около девяти столѣтій, т. е. до тѣхъ поръ, пока существовала династія Чеу, основанная Вуангомъ. Князья нерѣдко отказывали императору въ повиновеніи и вели меж-

доусобныя войны; впрочемъ это раздробленіе на отдѣльныя владѣнія способствовало оживленію искусствъ, ремеслъ и торговли. Съ паденіемъ династія Чеу пала феодальная система и возстановлено было въ Китаѣ единодержавіе. Чингвангъ, одинъ изъ императоровъ новой династіи (Тзинъ), что бы уничтожить память о прошедшихъ временахъ феодализма, велѣлъ сжечь всѣ книги, за исключеніемъ немногихъ, которыя онъ считалъ полезными. Въ числѣ погибшихъ книгъ находились и сочиненія Конфуція. Но въ слѣдующую династію (Хань, которая царствовала съ 206 г. до Р. Х. до 263 г. послѣ Р. Х) сочиненія Конфуція были возстановлены по памяти или по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ (впрочемъ самое преданіе о сожженіи книгъ не вполнѣ достовѣрно).

Конфуцій былъ китайскій мудрецъ, жившій за пять столѣтій до Р. Х. Основу его ученія составляетъ поклоненіе небу, какъ верховному божеству, и безусловная покорность дѣтей родителямъ, женъ мужьямъ, подданныхъ государямъ. Вообще онъ старался возстановить строгіе обычаи старыхъ временъ и оградить народъ отъ нововведеній; онъ подробно описалъ правила и обряды китайской жизни (до 10,000 церемоній). Спустя нѣсколько столѣтій, когда его ученіе прочно утвердилось въ Китаѣ, ему воздвигли храмы, и память его окружили божескими почестями; а книги его сдѣлались почти единственнымъ предметомъ школьнаго ученія. Другой китайскій философъ, Лаотзе, который жилъ нѣсколько прежде Конфуція, проповѣдывалъ поклоненіе верховному разуму; но ученіе его не имѣло большаго успѣха.

Китай изобилуетъ самыми разнообразными произведеніями природы. Жители его, имѣя все у себя дома, не нуждались въ сношеніяхъ съ другими народами, и привыкли чуждаться всего остальнаго міра. Этому отчужденію много способствовало ихъ географическое положеніе. На востокѣ Китай огражденъ океаномъ, на западѣ высокими горами и пустынями. На сѣверѣ китайцы еще до Р. Х. построили толстую каменную

стѣну въ 300 миль длиною, чтобы удержать набѣги кочевыхъ монгольскихъ ордъ. Однако стѣна не защитила ихъ отъ кочевниковъ. Въ XIII вѣкѣ по Р. Х. Китай былъ завоеванъ монголами Чингисъ-Хана; въ слѣдующемъ столѣтіи китайцы свергли монгольское иго, и у нихъ воцарилась туземная династія Мингъ; но въ XVII. в. здѣсь водворились манджуры, и теперь тамъ царствуетъ манджурская династія.

Главнымъ божествомъ у китайцевъ почитается небо. Императоръ китайскій или богдоханъ называется сыномъ неба, отцемъ китайскаго народа, и ему воздаются божескія почести. Онъ управляетъ народомъ посредствомъ чиновниковъ или мандариновъ, которые раздѣляются на нѣсколько степеней и отличаются цвѣтомъ шариковъ на своихъ шапкахъ. Эти мандарины слывутъ очень учеными людьми, и достигаютъ своихъ степеней не иначе какъ по экзамену. Но вся ученость ихъ состоитъ въ знаніи наизусть Конфуціевыхъ сочиненій.

Китайцы до того гордятся своимъ образованіемъ, что считаютъ себя первымъ народомъ въ мірѣ, и съ презрѣніемъ смотрятъ на другихъ народовъ, называя ихъ варварами. Дѣйствительно, китайцы гораздо прежде европейцевъ изобрѣли компасъ, порохъ и книгопечатаніе; но не умѣли ими воспользоваться. Они до сихъ поръ не имѣютъ большихъ кораблей и не плаваютъ дальше своихъ береговъ; порохъ употреблялся у нихъ преимущественно на фейерверки; а книги все еще печатаются посредствомъ деревянныхъ досокъ, на которыхъ вырѣзаны цѣлыя слова. Главное занятіе народа есть земледѣліе, и оно пользуется большимъ почетомъ; но китайцы до сихъ поръ обработываютъ землю такими же простыми орудіями, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Вмѣстѣ съ монгольскимъ завоеваніемъ религія индійскаго мудреца Будды проникла въ Китай, гдѣ ее исповѣдуетъ большая часть народа; но здѣсь она смѣшалась съ грубыми суевѣріями и идолопоклонствомъ. Богослуженіе у китайцевъ, совершаемое ихъ жрецами или

бонзами, состоитъ въ громѣ и стукѣ разныхъ инструментовъ, въ куреніи благовоній и усердныхъ поклонахъ *.

II. ЕГИПЕТЪ, ПЕРСИДСКАЯ МОНАРХІЯ И КАРФАГЕНЪ.

Область Египта. Разлитія Нила. Пирамиды, муміи и другіе памятники. Касты. Египетскіе боги. Древнѣйшая исторія. Сезострисъ Великій. Преданія о Псамметихѣ. Амазисъ. Персы. Расказъ о происхожденіи Кира. Плѣнный Крезъ. Взятіе Вавилона. Смерть Кира. Камбизъ и Псамменитъ. Лжесмердизъ. Дарій Гистаспъ. Походъ на скиѳовъ. Устройство персидской монархіи. Сатрапіи. Дворъ. Религія. Нравы. Причины упадка. Карфагенъ, его исторія и государственное устройство.

Египетъ считается однимъ изъ самыхъ древнихъ государствъ на земномъ шарѣ. Онъ лежалъ тамъ же, гдѣ и теперь, т. е. въ сѣверозападномъ углу Африки, по долинѣ рѣки Нила. Двѣ невысокія цѣпи горъ—на востокѣ Аравійская, на западѣ Ливійская—отдѣляютъ эту узкую, длинную долину отъ безплодныхъ песчаныхъ пустынь. Къ сѣверу Нильская долина становится гораздо шире, и рѣка Нилъ развѣтвляется на многіе рукава, впадающіе въ Средиземное море. Эта часть Египта представляетъ болотистую низменную страну, которая называлась Нижнимъ Египтомъ или Дельтой. Изъ многихъ городовъ, находившихся здѣсь на рукавахъ Нила, наиболѣе извѣстны: *Саисъ*, *Навкратисъ*, *Геліополисъ*, *Пелузій*; послѣдній на Суезскомъ перешейкѣ, при Средиземномъ морѣ. Слѣдующая къ югу полоса названа Среднимъ Египтомъ, съ столицею *Мемфисъ*.(недалеко отъ нынѣшняго Каира) и городомъ *Арсиное*. Самую южную часть занималъ Верхній Египетъ (или

---

* Самый богатый источникъ для исторіи Китая представляютъ его подробныя государственныя лѣтописи. Изъ европейскихъ синологовъ (т. е. занимавшихся изученіемъ Китайской литературы) замѣчательны труды нѣмецкаго миссіонера Гютцлава и русскаго миссіонера Іакинфа Бичурина.

Ѳиваида), простиравшійся до нильскихъ водопадовъ или до города *Сіене;* тутъ замѣчательнѣйшій городъ былъ *Ѳивы.*

Климатъ въ Египтѣ очень жарокъ, а дождь падаетъ чрезвычайно рѣдко, и вся страна превратилась бы въ пустыню, если бы ее не орошали ежегодныя разлитія Нила. Каждое лѣто отъ сильныхъ дождей, падающихъ на верховьяхъ Нила, въ Абиссиніи, рѣка выступаетъ изъ береговъ, и разливается по всему Египту; такъ что города и деревни, построенные обыкновенно на возвышенныхъ мѣстахъ, кажутся островами, и жители сообщаются между собою на лодкахъ. Когда рѣка входитъ въ берега, она оставляетъ послѣ себя влажный илъ, который удобряетъ землю и дѣлаетъ ее необыкновенно плодородною. Но чѣмъ разлитіе водъ было слабѣе, тѣмъ менѣе былъ урожай. Поэтому Египтяне копали озера и проводили множество каналовъ, чтобы сохранить воду на случай засухи. Изъ такихъ озеръ самое большое было Мериндово, въ Среднемъ Египтѣ, названное по имени древняго царя Мерида, который велѣлъ его ископать; а изъ каналовъ самый значительный каналъ Іосифовъ, который тянется по среднему Египту параллельно съ Ниломъ, по западную его сторону. Вообще земледѣліе у древнихъ египтянъ находилось въ цвѣтущемъ состояніи.

Послѣ этого народа остались многочисленные и величественные памятники, которыхъ не могли сокрушить нѣсколько тысячелѣтій.

Первое мѣсто между египетскими памятниками занимаютъ *пирамиды.* Такъ называются громадныя четырехъ-угольныя зданія, которыя къ верху постепенно съуживаются и оканчиваются площадкой. Пирамиды назначались для погребенія царей. Внутри ихъ дѣлались узкіе переходы и небольшія комнаты; въ самой просторной комнатѣ ставили раскрашенный саркофагъ или гробъ, въ который заключали набальзамированный трупъ царя. Подлѣ каждой пирамиды находились склепы и гробницы; въ нихъ хоронились царскіе родственники. Пирамиды возвышаются преимущественно къ западу отъ Мем-

фиса. Цари, бывшіе въ этой части Египта, обыкновенно строили для себя пирамиду въ продолженіе всего своего царствованія. Самая громадная построена царемъ Хеопсомъ; она похожа на цѣлую гору и имѣетъ до 70 саженъ вышины. Говорятъ, надъ ней работало 100,000 человѣкъ въ теченіе 30 лѣтъ; огромные камни, изъ которыхъ она сложена, ломали въ горахъ на восточной сторонѣ Нила, и съ чрезвычайными трудами перетаскивали ихъ черезъ рѣку къ мѣсту постройки. Много народу гибло въ этихъ тяжелыхъ работахъ; но ѳараоны египетскіе не щадили людей, чтобы воздвигнуть себѣ прочные памятники.

Египтяне чрезвычайно много заботились о своихъ покойникахъ. Они вѣрили въ переселеніе душъ; думали, что душа человѣка по смерти его въ продолженіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ переходитъ изъ одного животнаго въ другое, и наконецъ опять воротится въ тѣло того же человѣка; поэтому всѣми силами старались предохранить его отъ гніенія, и усовершенствовали искусство бальзамированія. Оно состояло въ томъ, что у трупа вынимали внутренности, наполняли его ароматическими веществами, обвертывали потомъ длинными тканями, заливали гипсомъ и расписывали красками. Такія набальзамированныя тѣла называютъ *муміями*. Ихъ не зарывали въ землю; а ставили въ пещерахъ или *катакомбахъ*, высѣченныхъ въ горахъ. Здѣсь воздухъ отличается сухостью, которая также способствуетъ сохраненію тѣла. Внутренность катакомбъ часто отдѣлывалась съ большимъ тщаніемъ; стѣны ихъ расписаны разными картинами, по которымъ мы можемъ получить ясное понятіе объ одеждѣ древнихъ египтянъ, объ ихъ вооруженіи, домашней утвари и пр. Но осматривать эти катакомбы въ настоящее время очень неудобно; тамъ господствуютъ темнота, нестерпимый жаръ и густая пыль, поднимающаяся отъ безчисленныхъ изсохшихъ мумій. Въ память царей и другихъ знатныхъ покойниковъ ставились высокіе *обелиски*; это четырехъ-угольныя колонны,

къ верху заостренныя и обыкновенно высѣченныя изъ цѣльнаго гранита *.

Далѣе, памятниками египтянъ служатъ развалины дворцовъ и храмовъ, которые также какъ пирамиды отличались необыкновенно громадными размѣрами. Изъ дворцовъ особенно замѣчателенъ *лабиринтъ*, построенный въ той же части Египта, гдѣ находились пирамиды; говорятъ, онъ заключалъ въ себѣ 3000 комнатъ. Самые же многочисленные развалины дворцовъ и храмовъ сохранились на мѣстѣ древнихъ Ѳивъ, въ верхнемъ Египтѣ. Этотъ городъ лежалъ на обоихъ берегахъ Нила и тянулся на 14 верстъ вдоль рѣки; по числу воротъ онъ назывался „стовратными“ Ѳивами. Теперь на томъ мѣстѣ находится нѣсколько арабскихъ деревень. Храмы ѳивскіе были такъ велики, что, напримѣръ, одна изъ этихъ деревень, Карнакъ, занимаетъ только часть пространства, гдѣ стоялъ одинъ древній храмъ. Внутри египетскихъ храмовъ господствовалъ таинственный полумракъ; а снаружи ихъ обставляли длинными рядами колоннъ и колосальными статуями людей. Изъ этихъ статуй самая извѣстная колоссъ Мемнона, о которомъ расказываютъ, что при восхожденіи солнца онъ издавалъ гармоническіе звуки; этотъ колоссъ есть ничто иное какъ статуя ѳараона Аменофиса III, и представляетъ его сидящимъ на тронѣ съ руками протянутыми на колѣнахъ (обычная поза египетскихъ статуй). Дворцы и храмы соединялись между собою аллеями изъ *сфинксовъ* — это каменныя изваянія львовъ съ человѣчьими головами. (Многіе египетскіе сфинксы перевезены въ Европу). Въ среднемъ Египтѣ недалеко отъ поля пирамидъ находится колоссальный сфинксъ, высѣченный изъ цѣлой скалы. Голова этого сфинкса, какъ говорятъ, представляетъ портретъ одного изъ еги-

* Два египетскихъ обелиска были перевезены въ Римъ при Августѣ. Въ нашемъ вѣкѣ одинъ обелискъ переправленъ въ Парижъ и теперь украшаетъ тамъ площадь Согласія; его гіероглифическія надписи свидѣтельствуютъ, что онъ былъ сооруженъ при Сезострисѣ.

петскихъ фараоновъ (Тумозиса IV). Памятники Египта часто покрыты письменами, которыя извѣстны подъ именемъ *іероглифовъ*. Они обыкновенно представляютъ рядомъ стоящія фигуры птицъ, животныхъ, людей, разныхъ орудій и т. п. Европейскіе ученые послѣ многихъ усилій открыли наконецъ смыслъ этихъ іероглифовъ, и въ настоящее время ихъ уже могутъ читать.

Жители древняго Египта, подобно Индіи, дѣлились на разныя касты. Двѣ изъ нихъ, *жрецы* и *воины*, были высшими, господствующими кастами; а остальныя, т. е. ремесленники, земледѣльцы, пастухи и пр., были низшими или подчиненными. Эти подчиненныя касты отличались отъ высшихъ болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи, и конечно принадлежали къ туземнымъ негритянскимъ племенамъ; они по всей вѣроятности были покорены пришлымъ изъ Азіи бѣлымъ племенемъ (семитическимъ), которое и составило здѣсь господствующіе классы. Жрецы пользовались чрезвычайнымъ уваженіемъ въ народѣ, и были главными совѣтниками царей или фараоновъ. Они также были самые образованные люди, и занимались науками, напримѣръ: астрономіей, геометріей, географіей и пр.

Многоженство въ Египтѣ было довольно рѣдко, и женщины не находились здѣсь въ такомъ угнетенномъ, рабскомъ состояніи, какъ въ азіатскихъ государствахъ; они могли являться въ обществѣ вмѣстѣ съ мущинами. Законы относительно женщинъ были очень строги; напримѣръ, человѣкъ, оскорбившій честь женщины, долженъ быть изувѣченъ. Вообще многіе законы и обычаи египтянъ показываютъ, что они были умный, серьёзный народъ. Такъ во время пиршествъ обыкновенно приносили въ залъ деревянное подобіе муміи, чтобы напомнить пирующимъ о смерти.

Египтяне сначала обожали самые главные предметы видимой природы: солнце, землю, луну, и т. п. Но съ теченіемъ времени число ихъ боговъ чрезвычайно размножилось. Высшимъ и благодѣтельнымъ существомъ почитался *Озирисъ*, божество солнца и вмѣстѣ Нила; потомъ супруга его *Изида*,

подъ которою разумѣли плодородную землю. Грозный вѣтеръ, приносившій изъ сосѣднихъ степей горы песку на египетскія поля, представлялся воображенію египтянъ злымъ богомъ *Тифономъ*, и они старались умилостивить его жертвами. Обожаніе животныхъ было очень распространено въ Египтѣ; напримѣръ, почитали крокодиловъ, мышей, кошекъ, особенно послѣднихъ, и кто хотя нечаянно убивалъ священную кошку, безъ милосердія подвергался казни. Въ каждой провинціи, даже въ каждомъ городѣ были свои особые боги между животными. Но общимъ почетомъ пользовался священный быкъ *Аписъ*. Онъ имѣлъ особые признаки, именно: черный цвѣтъ шерсти съ бѣлымъ пятномъ на лбу; у него былъ свой храмъ въ Мемфисѣ, гдѣ ему прислуживала цѣлая толпа жрецовъ. Когда Аписъ издыхалъ, то всѣ египтяне надѣвали трауръ, поднимался вопль и плачь; между тѣмъ жрецы отыскивали другаго быка съ тѣми же признаками; когда находили, трауръ снимался, начинались празднества и ликованія, и новаго Аписа съ торжествомъ вводили въ храмъ. Аписъ потому пользовался такимъ обожаніемъ, что по мнѣнію Египтянъ въ немъ жила душа Озириса. (Въ позднѣйшія времена Египетской исторіи, при Птоломеяхъ, наибольшее почитаніе у египтянъ воздавалось богу *Серапису*, который представлялъ соединеніе Озириса и Аписа). Эта религія, исполненная грубаго идолопоклонства и суевѣрій, составляла собственно религію низшихъ классовъ народа. Въ высшихъ классахъ, особенно между жрецами, встрѣчаются болѣе отвлеченныя вѣрованія, которыя возвышались до идеи о единомъ вѣчномъ богѣ, творцѣ вселенной. Такое божество въ Ѳивахъ носило имя Аммона, а въ Мемфисѣ Фта.

Уже въ глубокой древности Египетъ имѣлъ много богатыхъ цвѣтущихъ городовъ, и былъ раздѣленъ на нѣсколько государствъ. Изъ нихъ самыя замѣчательныя были: *Мемфисское* въ Среднемъ и *Ѳивское* въ Верхнемъ Египтѣ. Въ началѣ эти государства имѣли устройство теократическое, т. е. управленіе находилось въ рукахъ жрецовъ. Съ теченіемъ

времени необходимость защищать страну отъ сосѣднихъ народовъ сосредоточила власть въ рукахъ военачальника, и теократическое правленіе перешло въ монархическое. Древнѣйшимъ царемъ по египетскимъ преданіямъ является *Менесъ*, который жилъ, какъ полагаютъ, по крайней мѣрѣ за 3000 лѣтъ до Р. Х. Египетскій историкъ Манеѳонъ насчитываетъ со времени *Менеса* до 30 династій, которыя царствовали въ Египтѣ отчасти одновременно въ разныхъ его частяхъ, отчасти слѣдовали другъ за другомъ. Тысячи за двѣ лѣтъ до Р. Х. на Египетъ напали Гиксы, кочевой народъ изъ арабскихъ степей; они покорили Средній и Нижній Египетъ, и господствовали здѣсь нѣсколько сотъ лѣтъ; владычество ихъ было тяжко для египтянъ, и жрецы терпѣли отъ нихъ сильныя гоненія. Наконецъ ѳивскіе ѳараоны изгнали гиксовъ, и соединили весь Египетъ подъ своею властію. Тогда начался самый блестящій періодъ египетской исторіи. Между фараонами этого періода наиболѣе знаменитъ *Рамзесъ II Міамунъ* или *Сезострисъ Великій* (принадлежавшій къ 19-й египетской династіи и жившій въ XIV в. до Р. Х.). Расказываютъ, что отецъ съ ранняго дѣтства окружилъ Сезостриса мальчиками, родившимися съ нимъ въ одинъ день. Вмѣстѣ съ ними молодой принцъ занимался военными упражненіями и пріучалъ себя къ постояннымъ трудамъ. Товарищи сдѣлались впослѣдствіи его первыми слугами и полководцами. Во время своего долгаго царствованія Сезострисъ проводилъ каналы, сооружалъ великолѣпныя зданія, и былъ счастливымъ завоевателемъ. Говорятъ, будто съ своими войсками и боевыми колесницами онъ доходилъ на сѣверъ до Чернаго моря, на востокъ до Индіи, и на пути приказывалъ воздвигать огромныя колоны въ память своихъ побѣдъ. И теперь еще часто встрѣчается его имя на ѳивскихъ памятникахъ. Для сооруженія зданій онъ употреблялъ многочисленныхъ плѣнниковъ, набранныхъ между побѣжденными народами (Въ этихъ тяжелыхъ работахъ участвовали и евреи, жившіе тогда въ Египтѣ). Ему приписываютъ и раздѣленіе Египта въ прави-

тельственномъ отношенія на 36 провинцій, называвшихся „номы" и состоявшихъ подъ управленіемъ номарховъ. Но періодъ слѣдующихъ за тѣмъ династій ознаменовался внутренними смутами и упадкомъ египетскаго могущества. Завоеванія въ западной Азіи были утрачены. На нѣкоторое время Египетъ даже подпадаетъ владычеству эѳіопскаго царя *Сабакона* и его преемниковъ (25-я династія).

Потомъ Египетъ опять распался на нѣсколько владѣній. Ихъ соединилъ снова въ одно государство *Псамметихъ*, родоначальникъ 26-й египетской династіи (за 650 лѣтъ до Р. Х.). Геродотъ расказываетъ о Псамметихѣ слѣдующее преданіе, слышанное имъ отъ египетскихъ жрецовъ.

Въ одно время царствовали въ Египтѣ двѣнадцать фараоновъ. Въ память своего согласія они построили тотъ самый дворецъ, который извѣстенъ подъ именемъ Лабиринта. Но ихъ согласіе было непродолжительно. Оракулъ (т. е. жрецы-прорицатели при какомъ нибудь храмѣ) предсказалъ, что тотъ будетъ владѣть всѣмъ Египтомъ, кто въ мемфисскомъ храмѣ принесетъ жертву богамъ изъ мѣдной чаши. Однажды всѣ цари были въ храмѣ, и хотѣли по обычаю совершить возліяніе изъ золотыхъ сосудовъ; но верховный жрецъ ошибкою принесъ одиннадцать чашъ вмѣсто двѣнадцати. Псамметиху, какъ младшему, недостало чаши; тогда онъ сдѣлалъ возліяніе изъ своего мѣднаго шлема. Цари вспомнили о предсказаніи оракула, и, опасаясь Псамметиха, сослали его въ болотистыя страны Нижняго Египта. Тутъ оракулъ предсказалъ ему, что за него отомстятъ мѣдные люди. Спустя нѣсколько времени къ египетскому берегу пристали какіе-то неизвѣстные воины въ мѣдныхъ панцыряхъ. Оказалось, что это были греческіе морскіе разбойники. Псамметихъ нанялъ ихъ въ свою службу, и дѣйствительно побѣдилъ всѣхъ остальныхъ фараоновъ.

Изъ этого преданія можно считать достовѣрнымъ только то, что Псамметихъ былъ сначала царемъ въ нижнемъ Египтѣ, а потомъ подчинилъ себѣ весь Египетъ съ помощію наемныхъ греческихъ воиновъ, которые превосходили египтянъ своимъ

вооруженіемъ и храбростію. Онъ первый дозволилъ грекамъ ѣздить въ Египетъ для торговли и селиться въ египетскихъ городахъ. А до того времени египтяне, особенно жрецы, чуждались иноземцевъ, и не пускали ихъ въ свою землю. Но такъ какъ Псамметихъ оказывалъ явное предпочтеніе греческимъ наемникамъ, осыпалъ ихъ подарками и раздавалъ имъ земли, то каста воиновъ сильно оскорбилась. Говорятъ болѣе 200,000 человѣкъ этой касты покинули Египетъ, и переселились на югъ въ Эѳіопію или Нубію, гдѣ существовало значительное государство *Мерое*, которое по всей вѣроятности было египетской колоніей.

Сынъ и наслѣдникъ Псамметиха *Нехао* (616—600) также покровительствовалъ торговлѣ и мореплаванію, завелъ значительный флотъ, и велѣлъ рыть каналъ для соединенія Чермнаго моря съ восточнымъ рукавомъ Нила. (Онъ заставилъ финикіянъ объѣхать вокругъ Африки). Нехао предпринялъ покореніе Сиріи, богатые города которой издавна привлекали вниманіе египетскихъ ѳараоновъ. Но здѣсь онъ встрѣтился съ другимъ, болѣе могущественнымъ завоевателемъ того времени, вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ. Нехао былъ разбитъ вавилонянами при Кархемышѣ, и потерялъ всѣ свои завоеванія. Династія Псамметиха не пользовалась народною любовью за свое покровительство иноземцамъ, и была вскорѣ низвергнута. А именно, египетское войско, посланное царемъ *Априсомъ* для завоеванія греческой колоніи Кирены, послѣ неудачнаго похода взбунтовалось. Априсъ поручилъ одному изъ полководцевъ, *Амазису*, усмирить бунтъ. Но въ то время, когда послѣдній увѣщевалъ воиновъ, одинъ египтянинъ, стоявшій позади его, надѣлъ ему на голову шлемъ, и воскликнулъ: „пусть онъ будетъ нашимъ царемъ!" Амазисъ не противился, пошелъ на Априса, разбилъ его наемниковъ, и завладѣлъ престоломъ. (569 г.) Этотъ умный государь однако продолжалъ дѣятельныя сношенія съ греками, и даже дозволилъ имъ строить свои храмы въ Египетской землѣ. Египетъ при немъ достигъ замѣчательной степени процвѣтанія, благодаря обширной торговлѣ съ

иноземцами и особенно съ греками. Но едва умеръ Амазисъ и на престолъ вступилъ сынъ его *Псамменитъ*, какъ Египетъ былъ завоеванъ персами (въ 525 г. до Р. Х.) *.

Египтяне однако не разъ возставали противъ персидскаго ига, и иногда имъ удавалось на время имѣть своихъ собственныхъ царей (каковы: Инаръ, Амиртей, Нектанебъ и др.).

Родиной *Персовъ* была гористая часть Ирана, омываемая Персидскимъ заливомъ (нынѣшняя провинція Фарсистанъ). Персы дѣлились на десять племенъ, изъ которыхъ племя Пасаргадовъ составляло аристократію въ этой странѣ; остальныя отчасти обработывали землю, отчасти занимались скотоводствомъ и вели кочевой образъ жизни. Къ племени Пасаргадовъ принадлежала фамилія Ахеменидовъ, которая вела свое происхожденіе отъ Джемшида, древнѣйшаго баснословнаго царя аріанъ. Изъ этой фамиліи вышелъ *Киръ*, основатель Персидской монархіи. Первоначальное его имя было Аградатъ; а, когда ему удалось стать во главѣ персовъ и соединить ихъ племена въ одинъ народъ, онъ получилъ имя Кира, которое означаетъ: солнце. Онъ побудилъ этотъ свѣжій, крѣпкій народъ свергнуть съ себя зависимость отъ мидянъ, которые послѣ своихъ завоеваній успѣли уже утратить прежнее мужество и предались изнѣженному образу жизни. Исторія Кира (какъ и другихъ героевъ древности) украшена баснословными преданіями. Вотъ что разсказываетъ о немъ Геродотъ.

Мидійскому царю Астіагу однажды приснилось, будто изъ

---

* Главные источники египетской исторіи: Геродотъ, Діодоръ Сицилійскій, александрійскій ученый Эратостенъ и Библія. Манеѳонъ, одинъ египетскій жрецъ изъ Геліополя, жившій въ III в. до Р. Х., на основаніи храмовыхъ записокъ написалъ Египетскую исторію на греческомъ языкѣ; но только небольшая часть его сочиненія дошла до насъ. Обильный историческій матеріалъ для Египта представляютъ іероглифическіе надписи на его памятникахъ. Изъ европейскихъ ученыхъ, разбиравшихъ эти надписи, наиболѣе важны труды француза Шампольона Младшаго и нѣмцевъ Лепсіуса и Бунзена.

чрева его дочери выросло дерево, которое тѣнью своею покрыло всю Азію. Царь спросилъ маговъ (т. е. мидійскихъ жрецовъ), что значитъ этотъ сонъ. Они истолковали такъ, что дочь его родитъ сына, который будетъ царствовать надъ цѣлой Азіей. Астіагъ испугался; когда же дочь его, бывшая за мужемъ за однимъ знатнымъ персомъ, дѣйствительно родила сына, онъ велѣлъ своему приближенному вельможѣ Гарпагу умертвить младенца. Гарпагъ не рѣшился самъ на убійство, и поручилъ это сдѣлать одному пастуху. Но пастухъ по просьбѣ своей жены воспиталъ маленькаго Кира вмѣсто сына. Разъ, играя съ сверстниками, Киръ былъ выбранъ ими въ цари, и наказалъ за что-то розгами сына одного вельможи; тотъ пожаловался отцу, отецъ Астіагу. Послѣдній призвалъ Кира; пораженный его бойкими отвѣтами и сходствомъ лица съ своею дочерью, онъ заставилъ пастуха во всемъ признаться. Маги успокоили Астіага тѣмъ, что Киръ былъ выбранъ своими сверстниками въ цари, и слѣдовательно сонъ уже исполнился. Астіагъ отправилъ Кира въ Персію къ его родителямъ; но Гарпага жестоко наказалъ за ослушаніе.

Когда Киръ возмужалъ, Гарпагъ предложилъ ему возстать противъ мидянъ, и обѣщалъ свою помощь. Киръ легко возмутилъ недовольныхъ персовъ. Астіагъ послалъ войско подъ начальствомъ того же Гарпага; но Гарпагъ перешелъ на сторону Кира. Тогда Астіагъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ; а Киръ завладѣлъ всѣмъ мидійскимъ царствомъ (560 г. до Р. X.). Другой греческій историкъ, Ксенофонтъ, въ своемъ романическомъ жизнеописаніи Кира („Киропедія“) совсѣмъ умалчиваетъ о возстаніи персовъ противъ мидянъ; онъ говоритъ, будто послѣ Астіага царствовалъ его сынъ Ціаксаръ II, а Ціаксару мирно наслѣдовалъ его племянникъ Киръ. Но извѣстіе Геродота въ общихъ чертахъ достовѣрнѣе, потому что безъ сильныхъ потрясеній и безъ борьбы персы не могли изъ подчиненнаго племени сдѣлаться господствующимъ въ Мидійской монархіи. Противъ новаго завоевателя составили союзъ три самые могущественные государя того времени: вавилон-

скій, египетскій и лидійскій. Но прежде нежели они соединились, Киръ предупредилъ ихъ, и напалъ на лидійскаго царя. Государство *Лидійское* занимало западную часть полуострова Малой Азіи отъ Архипелага до рѣки Галиса (нынѣшняго Кизиль-Ирмака). Здѣсь царствовалъ въ то время Крезъ, гордый своими несмѣтными богатствами. Киръ разбилъ Креза, и взялъ его столицу городъ Сарды.

По словамъ Геродота, плѣнный Крезъ былъ осужденъ на сожженіе. Когда его положили на костеръ, онъ воскликнулъ: О Солонъ, Солонъ, Солонъ! Киръ остановилъ казнь, и спросилъ, что значитъ такое восклицаніе. Тогда Крезъ расказалъ, какъ его однажды посѣтилъ греческій мудрецъ Солонъ, какъ онъ показалъ гостю свои сокровища, и спросилъ Солона, кого онъ считаетъ самымъ счастливымъ изъ людей, думая, что услышитъ свое имя. Но къ удивленію его мудрецъ привелъ нѣсколько другихъ примѣровъ, и замѣтилъ, что прежде кончины никто еще не можетъ назвать себя счастливымъ. Киръ былъ тронутъ этимъ расказомъ, даровалъ жизнь Крезу, и держалъ его въ почетѣ.

Поручивъ Гарпагу докончить завоеваніе Малой Азіи съ ея греческими колоніями, Киръ занялся покореніемъ народовъ, обитавшихъ къ востоку отъ Мидіи. За тѣмъ онъ обратился на вавилонскаго царя Набонида, иначе называемаго Вальтасаромъ, и осадилъ его столицу. Но Вавилонъ былъ неприступенъ за своими крѣпкими стѣнами. Киръ придумалъ особое средство, чтобъ овладѣть городомъ: онъ велѣлъ прокопать каналъ, и отвести воду изъ Эвфрата въ сосѣднее озеро: а потомъ разъ ночью персы по дну рѣки ворвались въ городъ. Вальтасаръ, безпечно пировавшій въ своемъ дворцѣ, былъ застигнутъ врасплохъ, и погибъ (538). Спустя два года, персидскій царь позволилъ іудеямъ воротиться изъ вавилонскаго плѣна и построить новый храмъ въ Іерусалимѣ.

Киръ готовился уже идти на третьяго своего врага, египетскаго царя Амазиса; но смерть помѣшала его намѣренію (529 г. до Р. Х.) По извѣстію Геродота. онъ палъ въ битвѣ

съ кочевымъ скиѳскимъ племенемъ Массагетовъ; при этомъ царица ихъ Томириса будто бы положила его отрубленную голову въ мѣшокъ, наполненный кровью, и сказала: „напейся крови, которой ты не могъ насытиться при жизни“. Но уже самъ Геродотъ замѣчаетъ, что о смерти Кира существовали разные расказы, изъ которыхъ онъ выбралъ показавшійся ему болѣе вѣроятнымъ. Греческій писатель Ктезій сообщаетъ, что Киръ былъ смертельно раненъ въ сраженіи съ народомъ Дербики, жившимъ на берегахъ Оксуса; а Ксенофонтъ (въ Киропедіи) изображаетъ его спокойно скончавшимся въ своемъ дворцѣ. Извѣстно также, что прахъ Кира покоился на его родинѣ, въ персидскомъ городѣ Пасаргада, въ великолѣпной гробницѣ, которую охраняли особые жрецы.

Вообще Киръ, основавшій огромную Персидскую монархію, съ своимъ умомъ и мужествомъ соединялъ великодушіе и справедливость. Сынъ и наслѣдникъ его *Камбизъ* продолжалъ завоеванія отца, но не походилъ на него характеромъ. Это былъ образецъ жестокихъ восточныхъ деспотовъ. Онъ напалъ на Египетъ, котораго богатства обѣщали огромную добычу завоевателямъ. Царь египетскій Псамменитъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ египтянами и наемными греками, и сразился съ нимъ при Пелузіѣ. Сраженіе было упорное; наконецъ персы побѣдили. * Псамменитъ заперся въ своей столицѣ Мемфисѣ; персидскіе послы, предложившіе ему сдаться, были умерщвлены. Тогда Камбизъ взялъ приступомъ городъ, и страшно наказалъ жителей. Псамменитъ, находясь въ плѣну, долженъ былъ видѣть, какъ его дочь и знатнѣйшія египетскія дѣвицы въ одеждѣ рабынь носили воду въ станъ персовъ; потомъ

---

* Геродотъ, лѣтъ семьдесятъ спустя, видѣлъ это поле битвы, и расказываетъ, что кости павшихъ египтянъ и персовъ составляли два отдѣльные бугра; что черепа персидскіе легко раздроблялись отъ удара камнемъ, но египетскіе напротивъ были очень тверды. Это различіе онъ объясняетъ такимъ образомъ: египтяне съ дѣтства брили себѣ голову и пріучали ее быть нечувствительною къ солнечнымъ лучамъ; а персы на оборотъ съ ранней молодости тщательно покрывали свою голову.

мимо его провели его сына съ веревкою на шеѣ и 2000 знатныхъ египетскихъ юношей, осужденныхъ на казнь за убійство персидскихъ пословъ. Онъ молча смотрѣлъ на это зрѣлище; но когда прошелъ одинъ изъ его друзей, прося милостыни у персовъ, Псамменитъ горько заплакалъ. На вопросъ Камбиза, почему же онъ не плакалъ при видѣ дочери и сына, тотъ отвѣчалъ: „О несчастіи друга я еще могу плакать, но собственное мое горе слишкомъ велико, чтобы выразить его слезами.“ Слова эти тронули даже Камбиза, и онъ велѣлъ пощадить Псамменитова сына; но уже было поздно: казнь началась, и царскій сынъ казненъ первый.

Изъ Египта Камбизъ пошелъ на югъ въ землю Эѳіоповъ; но онъ зашелъ въ пустыню, гдѣ войско его терпѣло такой ужасный голодъ, что воины стали убивать по жребію своихъ товарищей на съѣденіе. Камбизъ принужденъ былъ поспѣшно воротиться въ Мемфисъ. Здѣсь въ то время праздновали открытіе новаго Аписа; а свирѣпый персидскій царь счелъ эти праздники насмѣшкою надъ своею неудачею, казнилъ многихъ жрецовъ, и собственноручно закололъ Аписа. Онъ велѣлъ также умертвить и брата своего Смердиза, подозрѣвая его въ замыслахъ на престолъ. Но одинъ мидійскій магъ, похожій на Смердиза, подъ его именемъ возмутилъ народъ, и объявилъ себя царемъ. Камбизъ поспѣшилъ въ Мидію, и дорогою умеръ отъ раны, которую неосторожно нанесъ себѣ собственнымъ мечемъ (522 г.)

Лжесмердизъ царствовалъ послѣ того нѣсколько мѣсяцевъ. Такъ какъ онъ не показывался даже вельможамъ, и тщательно скрывался въ глубинѣ своего дворца, то персы возъимѣли подозрѣніе. Семеро персидскихъ вельможъ составили заговоръ, проникли во дворецъ, и убили Лжесмердиза. Когда обманъ его былъ обнаруженъ, персы перебили множество мидійскихъ маговъ, и день этотъ положили праздновать ежегодно, какъ новое освобожденіе отъ мидійскаго владычества; за тѣмъ семеро вельможъ по жребію рѣшили, кому изъ нихъ быть царемъ: жребій достался *Дарію Гистаспу*.

Дарій началъ свое царствованіе усмиреніемъ покоренныхъ народовъ, которые воспользовались смутнымъ временемъ Лжесмердиза и возстали противъ персидскаго владычества. Въ числѣ ихъ были и вавилоняне. Дарій долго и безъуспѣшно осаждалъ Вавилонъ; наконецъ ему помогла преданность одного знатнаго перса, по имени Зопира: онъ самъ изуродовалъ себя, и передался вавилонянамъ какъ будто человѣкъ, слишкомъ жестоко наказанный Даріемъ. Зопиръ предпринималъ изъ Вавилона вылазки, и, по условію съ персидскимъ царемъ, нѣсколько разъ побѣждалъ персидскіе отряды. Вавилоняне, обманутые такими успѣхами, ввѣрили ему охраненіе стѣнъ; тогда онъ отворилъ ворота персамъ, и впустилъ ихъ въ городъ. *

Далѣе изъ военныхъ предпріятій Дарія особенно замѣчателенъ походъ его на скиѳовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря (въ нынѣшней южной Россіи). По словамъ Геродота, онъ выступилъ съ 700,000 воиновъ, перешелъ Ѳракійскій Боспоръ (теперь Константинопольскій проливъ) по мосту, построенному изъ финикійскихъ и греческихъ судовъ; потомъ по такому же мосту переправился черезъ Дунай, и вошелъ въ страну скиѳовъ. Но скиѳскіе наѣздники, избѣгая рѣшительнаго сраженія, завлекли его въ глубь своихъ степей, гдѣ персы начали страдать отъ голода и жажды. Дарій послалъ къ скиѳскому царю сказать, что бы онъ или вступилъ въ битву, или прислалъ бы ему земли и воды въ знакъ своей покорности. „Намъ нѣтъ нужды сражаться—отвѣчали скиѳы: —мы неоставляемъ за собой ни городовъ, ни селъ, ни об-

* Въ персидскомъ Курдистанѣ есть скала Бизутунъ, по бокамъ которой вырѣзаны рельефныя фигуры, окруженныя клинообразными надписями. Одинъ изъ этихъ рельефовъ получилъ особую извѣстность: онъ изображаетъ царя Дарія, передъ которымъ стоитъ рядъ связанныхъ плѣнниковъ. Клинообразная надпись называетъ этихъ плѣнниковъ по именамъ; объясняетъ, что то были предводители возставшихъ народовъ, и разсказываетъ подвиги царя. Предводитель вавилонянъ тутъ называется Надитабира, который ложно именовалъ себя Навуходоносоромъ, сыномъ царя Набонида.

работанныхъ полей; но у насъ есть могилы предковъ; попробуй оскорбить ихъ, и ты узнаешь, какъ мы сражаемся для ихъ защиты". Вмѣсто земли и воды они прислали Дарію птицу, мышь, лягушку и пять стрѣлъ. Одинъ персъ такъ истолковалъ значеніе этихъ подарковъ: „Персы, если вы неумѣете летать подобно птицамъ, прятаться въ землю подобно мышамъ, прыгать въ болота какъ лягушки, то вы не воротитесь въ отечество и всѣ погибнете отъ нашихъ стрѣлъ". Дарій съ большими потерями отступилъ тою же дорогою обратно въ Азію. Мостъ, построенный на Дунаѣ, былъ порученъ охраненію малоазіатскихъ грековъ. Одинъ изъ греческихъ начальниковъ, Мильтіадъ аѳинскій, предлагалъ товарищамъ уничтожить этотъ мостъ, оставить Дарія на жертву скиѳамъ, и тѣмъ помочь малоазіатскимъ грекамъ освободиться отъ персидскаго ига. Но Гистіей, тиранъ (т. е. правитель) города Милета, воспротивился этому совѣту: онъ напомнилъ другимъ начальникамъ, что сами они пользуются властью въ своихъ городахъ только при помощи персовъ, и что безъ этой помощи города греческіе опять возстановятъ у себя республиканское правленіе. Мнѣніе Гистіея одержало верхъ, и персидское войско было спасено отъ гибели. Но впослѣдствіи тотъ же Гистіей первый подстрекнулъ малоазіатскихъ грековъ къ возстанію противъ Дарія, и этимъ возстаніемъ начались знаменитыя Греко-персидскія войны.

Дарій Гистаспъ прославился не столько военными предпріятіями, сколько своимъ умнымъ правленіемъ и устройствомъ великой Персидской Монархіи, въ составъ которой входили почти всѣ народы средней Азіи вмѣстѣ съ Египтомъ.

Персидская монархія была раздѣлена на 20 сатрапій. Начальники ихъ или сатрапы имѣли главною своею обязанностію сборъ дани; при этомъ они по большой части грабили и угнетали народъ для своего обогащенія. За ними надзирали особые царскіе чиновники, которые назывались очами и ушами государя. Въ каждой провинціи расположенъ былъ

отрядъ войска для поддержанія ея покорности. Начальники этихъ отрядовъ при первыхъ царяхъ не были подчинены сатрапамъ, которые имѣли только гражданскую власть. Но въ послѣдствіи это правило не соблюдалось: сатрапы присвоили себѣ власть равно гражданскую и военную; отсюда возникали иногда ихъ стремленія къ самостоятельности и мятежи. Сатрапы начали окружать себя пышностью и многочисленнымъ дворомъ, на подобіе царскаго. Чтобы уменьшить грабительство сатраповъ, Дарій опредѣлилъ для каждой провинціи количество дани, отчасти деньгами, отчасти естественными произведеніями. Напримѣръ, Египетская сатрапія платила 700 талантовъ серебромъ и столько же хлѣбомъ, Вавилонія 1000 талантовъ серебромъ и 500 молодыхъ евнуховъ; Киликійская давала 360 бѣлыхъ коней и 500 талантовъ, и т. д. (Весь денежный доходъ государста простирался до 15 или 16 миліоновъ нашихъ серебряныхъ рублей). Чтобы установить быстрыя сообщенія съ провинціями, отъ царской резиденціи проведены были въ разныя стороны дороги, на которыхъ размѣщены станціи разстояніемъ другъ отъ друга въ одинъ день пути; тутъ находились гонцы съ конями, всегда готовые переносить приказанія отъ царя къ сатрапамъ и донесенія отъ сатраповъ къ царю.

Самъ царь представлялъ образецъ восточныхъ государей; власть его была ни чѣмъ не ограничена, и всѣ подданные были въ сущности его рабами. Впрочемъ царя окружали всегда избранные мужи, знающіе старые обычаи и указы, и царь совѣтовался съ ними почти о всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Эти совѣтники избирались преимущественно изъ маговъ или жрецовъ; вообще мидійскіе маги, благодаря сходству религіи персовъ и мидянъ, умѣли сохранить почти все прежнее значеніе свое и при персидскомъ владычествѣ. Дворъ царскій (носившій, также какъ у турокъ имя *порты*) отличался чрезвычайною пышностію и былъ недоступенъ для народа; онъ былъ наполненъ многочисленными слугами, чиновниками, евнухами и тѣлохранителями; такъ что во дворцѣ ежедневно

обѣдало до 15,000 человѣкъ. Гвардія царя состояла изъ 2000 отборныхъ всадниковъ и 2000 копьеносцевъ; кромѣ того за нимъ слѣдовалъ всегда десятитысячный отрядъ „безсмертныхъ“, который составлялъ ядро царской арміи. Каждая провинція должна была доставлять къ царскому столу лучшія свои произведенія; напримѣръ: пшеницу привозили съ западныхъ береговъ Малой Азіи, вино изъ Сиріи, соль изъ Ливіи отъ храма Юпитера Аммона, воду изъ рѣки Хоаспа (притокъ Тигра), и воду эту въ золотыхъ сосудахъ возили за царемъ во время походовъ. Жены царскія (гаремъ) набирались изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ со всего государства. Мѣстопребываніе царя мѣнялось по временамъ года: зимой онъ жилъ въ знойномъ Вавилонѣ, весною въ Сузѣ (на востокъ отъ Вавилона), а лѣтомъ въ прохладной Экбатанѣ. Его дворъ, гаремъ и гвардія всюду слѣдовали за нимъ; переходы ихъ изъ одного мѣста въ другое были разорительны для народа и походили на шествіе непріятельской арміи, потому что жители должны были безплатно доставлять всѣ припасы для ихъ содержанія.

Персы почитали преимущественно двухъ верховныхъ боговъ, *Ормузда* и *Аримана*; эти боги находятся въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ. Ормуздъ, богъ свѣтлый и добрый окруженъ такими же свѣтлыми геніями (амшаспанды); а Ариманъ существо злое и мрачное; ему повинуются злые духи (дивы). Со временемъ Ормуздъ побѣдитъ Аримана (т. е. добро возьметъ верхъ надъ зломъ); старый міръ будетъ очищенъ огнемъ, и тогда настанетъ вѣчное царство добра. (Наибольшимъ поклоненіемъ пользовался еще *Митра*, божество солнца). Въ противоположность индусамъ и египтянамъ, персы не воздвигали почти ни идоловъ, ни храмовъ; а жрецы ихъ всходили на высокія мѣста; совершали тамъ молитвы и приносили жертвы солнцу, лунѣ и огню. Всеочищающій огонь служилъ для персовъ символомъ Ормузда, и поэтому отцы семействъ старались постоянно поддерживать въ своемъ жилищѣ священный огонь. Вода, какъ элементъ очищающій, также играла важную роль

въ ихъ религіи; поклонникъ Ормузда передъ молитвой и передъ обѣдомъ, умывалъ себѣ руки, ноги и лицо. Какъ у египтянъ покойниковъ окружали чрезвычайными попеченіями, такъ напротивъ у персовъ имъ почти не воздавали погребенія: мертвые трупы, какъ лишенные оживлявшей ихъ прежде души, считались предметами нечистыми; ихъ относили въ пустынныя мѣста и оставляли тамъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ и животнымъ. Религіозныя преданія и ученіе персовъ были изложены въ ихъ священныхъ книгахъ, собраніе которыхъ извѣстно подъ именемъ *Зендъ-Авесты*; отъ нея дошли до насъ только отрывки. Устроителемъ этой религіи почитался мудрецъ или пророкъ Зороастръ, который по мнѣнію однихъ былъ современникомъ Кира и Дарія Гистаспа; а по мнѣнію другихъ, болѣе вѣроятному, онъ родился многими вѣками прежде и жилъ въ Бактрѣ, во времена сильной Бактрійской державы. Персы долго сохраняли религію Зороастра и послѣ паденія своего государства; но въ средніе вѣка она уступила въ Иранѣ свое мѣсто исламу. (Въ настоящее время существуютъ въ сѣверозападномъ Индостанѣ небольшія секты подобныхъ огнепоклонниковъ, подъ именемъ парсовъ или гебровъ).

Древніе персы первоначально отличались мужествомъ и простотою нравовъ; сыновей своихъ они учили въ особенности тремъ предметамъ: ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду. Воспитаніе молодыхъ персовъ было очень суровое; пищею имъ служили только хлѣбъ и нѣсколько овощей. Охота, борьба другъ съ другомъ и безпрерывные переходы по скалистымъ горамъ и глубокимъ долинамъ Персиды превосходно развивали ихъ энергію и тѣлесную силу. Поэтому во времена Кира армія персовъ не встрѣчала себѣ въ Азіи достойныхъ соперниковъ. Изъ всѣхъ дней въ году персы наиболѣе праздновали день своего рожденія. Они очень любили вино, и за чашей совѣтовались о дѣлахъ. На утро однако обсуждали ихъ снова, съ трезвой головой, и, если находили вчерашнее рѣшеніе хорошимъ, исполняли его; въ противномъ случаѣ отмѣняли. Особенно не любили они дол-

ковъ, на томъ основаніи, что кто имѣетъ долги, тотъ непремѣнно долженъ лгать. Но, покоривъ мидянъ и вавилонянъ, персы переняли у нихъ многіе обычаи, роскошь въ одеждѣ и въ образѣ жизни, и привыкли къ обманамъ.

Могущество персидской монархіи было непрочно: она составилась изъ многихъ разнообразныхъ народовъ, которые съ трудомъ переносили чужеземное иго, и возставали при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно египтяне, вавилоняне и малоазіатскіе греки; могущественные сатрапы также стремились къ самостоятельности. Къ тому же при персидскомъ дворѣ послѣ Дарія умножились интриги и взаимная ненависть главныхъ царскихъ женъ: каждая изъ нихъ старалась упрочить наслѣдство престола за своимъ сыномъ; отсюда происходили тайныя убійства, междоусобія, и рѣдкій государь вступалъ на престолъ, не истребивъ своихъ родственниковъ.

Вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и междоусобій огромное персидское государство скоро пришло въ упадокъ. Слабость его вполнѣ обнаружилась во время войнъ съ греками. Послѣ смерти Дарія Гистаспа (486 г.) сынъ его *Ксерксъ* предпринялъ походъ въ самую Грецію; но потерялъ тамъ почти все свое войско. Начальникъ Ксерксовой гвардіи, Артабанъ, хотѣлъ воспользоваться его неудачами, истребить всю его фамилію и самому взойти на престолъ. Ему дѣйствительно удалось убить Ксеркса и его сына Дарія (465 до Р. Х.); но и самъ онъ вскорѣ былъ казненъ. Эта попытка представляетъ образецъ кровавыхъ дворцовыхъ переворотовъ, которые нерѣдко повторялись потомъ въ Персіи. (Важнѣйшіе преемники Ксеркса были: сынъ его *Артаксерксъ I Лонгиманъ*, *Дарій II*, *Артаксерксъ II Мнемонъ* и *Артаксерксъ III (Охъ)*. Послѣднимъ персидскимъ царемъ былъ *Дарій III Кодоманъ*, (334—330), при которомъ государство персидское завоевано Александромъ Македонскимъ.

Важнѣйшимъ памятникомъ древнихъ персовъ служатъ теперь развалины Персеполя, главнаго города Персиды, гдѣ цари ихъ вступали на престолъ и погребались. Здѣсь сохранились

остатки дворца и царскія гробницы, высѣченныя въ скалѣ. Дворецъ построенъ изъ мрамора, и находится на возвышеніи, спускающемся тремя террасами; къ этимъ террасамъ ведутъ широкія мраморныя лѣстницы. Входы украшены величественными колоннадами и рельефными изображеніями крылатыхъ быковъ съ человѣчьей головой; такая голова обыкновенно снабжена длинной бородой въ завиткахъ и покрыта тіарой или шапкой, имѣющей форму зубчатой башни *.

Карфагенъ, самая замѣчательная изъ финикійскихъ колоній находился на сѣверномъ берегу Африки. Онъ былъ основанъ переселенцами изъ города Тира. Баснословное преданіе говоритъ, что Дидона, сестра жестокаго тирскаго царя Пигмаліона, отъ его преслѣдованій удалилась съ своими приверженцами въ Африку; тамъ купила у жителей столько земли, сколько могла охватить воловья шкура, разрѣзанная на тонкіе ремни, и построила городъ Карфагенъ. Онъ лежалъ на небольшомъ полуостровѣ недалеко отъ нынѣшняго Туниса; внутри его находился замокъ Бирса (это имя значитъ „воловья кожа", и конечно находится въ связи съ упомянутымъ преданіемъ). Благодаря своей предпріимчивости и обширной

* Главные источники персидской исторіи: Во 1-хъ, греческіе писатели: Геродотъ, который самъ путешествовалъ по Азіи, Ктезій, бывшій придворнымъ врачемъ Артаксеркса II, Ксенофонтъ и Діодоръ Сицилійскій. Во 2-хъ книги Ветхаго Завѣта, въ особенности книги Эсоирь, Эздры, Неемія и нѣкоторыхъ пророковъ. У древнихъ персовъ былъ обычай записывать замѣчательныя происшествія въ ихъ государствѣ, и для того существовали особые писцы; но эти лѣтописи не дошли до насъ; ими отчасти пользовался Ктезій въ своемъ сочиненіи о Персіи. Непосредственно отъ древнеперсидской письменности дошли до насъ нѣкоторыя клинообразныя надписи на памятникахъ и отрывки изъ Зендъ-Авесты. Эти отрывки впервые были переведены въ прошломъ столѣтіи французскимъ ученымъ Анкетиль дю Перронъ. Чтобы изучить древній Зендскій языкъ Анкетиль дю Перронъ совершилъ героическій подвигъ: онъ простымъ солдатомъ поступилъ въ службу англійской Остъ-Индской компаніи, и послѣ долгихъ трудовъ и лишеній, познакомился наконецъ съ Зендскимъ языкомъ при помощи огнепоклонниковъ Гебровъ, у которыхъ сохранились нѣкоторыя священныя книги древнихъ персовъ.

торговлѣ, карфагеняне впослѣдствіи сдѣлались могущественнѣе самихъ финикіянъ. Финикійскія колоніи на Африканскомъ берегу (*Утика*, *Адруметъ*, *Лептисъ* и др.) должны были признать надъ собою господство Карфагена. Онъ постепенно подчинилъ себѣ и сосѣдніе туземные народы, извѣстные у древнихъ подъ общимъ именемъ Ливіянъ (Назамоны, Максы, Лотофаги и др.); эти народы жили къ югу и востоку отъ собственной Карфагенской области, которая дѣлилась на двѣ части: сѣверную или Зевгитанію и южную или Бизацію. Къ западу отъ этой области лежала горная область Нумидія (теперь Алжиръ), обитаемая воинственными племенами, которыхъ карфагеняне не могли покорить. Итакъ, владѣнія карфагенскія на Африканскомъ материкѣ занимали огромное протяженіе отъ Нумидіи до Киренаики, т. е. до области греческой колоніи *Кирене* (теперь земля Барка) *.

Завоеванія и колоніи карфагенянъ кромѣ того распространились по всей западной половинѣ Средиземнаго моря (въ Сардиніи, Корсикѣ, Испаніи); перешли за столпы Геркулесовы, и появились на западномъ берегу Африки. Здѣсь, по расказу греческаго историка Геродота, карфагенскіе торговцы слѣдующимъ образомъ промѣнивали свои произведенія туземцамъ. Приставъ къ берегу, они раскладывали на немъ то-

* Пограничнымъ пунктомъ съ послѣднею служили такъ называемые „Алтари Филеновъ". Преданіе расказываетъ слѣдующее. Карфагеняне и Киренцы вели между собою долговременныя войны за обладаніе песчаною равниною, которую омываютъ заливы Сирты. Наконецъ оба народа условились въ назначенный день отправить каждый изъ своего города пословъ, и гдѣ они встрѣтятся, тамъ пусть и будетъ граница двухъ государствъ. Карфагенскіе послы, два брата Филены, прошли гораздо большее разстояніе, нежели послы киренскіе. Послѣдніе, опасаясь наказанія отъ своихъ согражданъ, обвинили карфагенянъ въ томъ, что они отправились ранѣе назначеннаго срока, и предложили Филенамъ или быть погребенными заживо на мѣстѣ встрѣчи, или дозволить киренцамъ идти далѣе до какого имъ угодно пункта и тамъ подвергнуть себя такой же смерти. Филены приняли первое предложеніе, и были погребены живыми на мѣстѣ встрѣчи. Карфагеняне воздвигли имъ здѣсь алтари, и окружили ихъ память разными почестями. (Салюстій).

вары, потомъ возвращались на корабли и разводили большой дымъ. Туземцы, замѣтивъ дымъ, приходили на берегъ, клали золото подлѣ товаровъ и удалялись. Карфагеняне спѣшили осмотрѣть количество золота, и, если находили его достаточнымъ, то брали и отплывали отъ берега; въ противномъ случаѣ ждали на корабляхъ; тогда туземцы прибавляли еще золота, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока карфагеняне были довольны.

Карфагеняне хотѣли завладѣть островомъ Сициліей, берега которой были покрыты цвѣтущими греческими городами. Здѣсь они встрѣтили отпоръ преимущественно со стороны Сиракузъ, богатѣйшей изъ греческихъ колоній. Въ Сиракузахъ въ V и IV вв. до Р. Х. является рядъ умныхъ предпріимчивыхъ тирановъ (Гелонъ, Діонисій Старшій, Агафоклъ), при которыхъ эта колонія достигла значительной степени военнаго могущества; она съ успѣхомъ отбивала попытки карфагенянъ, которымъ удалось только подчинить западную часть острова. Въ III вѣкѣ до Р. Х. карфагеняне встрѣтились въ Сициліи еще съ болѣе могущественными врагами, чѣмъ греки, т. е. съ римлянами. Отсюда начались знаменитыя Пуническія войны, которыя окончились совершеннымъ паденіемъ Карфагенскаго государства.

Карфагенъ, подобно финикійскимъ городамъ, въ началѣ управлялся царями; но съ теченіемъ времени онъ обратился въ аристократическую республику; главнымъ правительственнымъ мѣстомъ сдѣлался сенатъ; а выбранные изъ числа сенаторовъ сто знатныхъ мужей составляли верховный совѣтъ, который первоначально имѣлъ значеніе высшаго судилища; въ послѣдствіи этотъ олигархическій совѣтъ захватилъ въ свои руки почти все управленіе. Важнѣйшіе вопросы, въ случаѣ разногласія въ совѣтѣ и сенатѣ, предоставлялись на рѣшеніе народному собранію. Мѣсто прежняго царя заступили два высшихъ сановника, подъ именемъ суффетовъ, которые выбирались изъ знатнѣйшихъ фамилій и предсѣдательствовали въ сенатѣ, но не имѣли большой власти. Какъ народъ тор-

говый карфагеняне особенно заботились о сильномъ флотѣ; сухопутныя ихъ войска набирались изъ покоренныхъ туземцевъ и наемныхъ иностранцевъ; только предводители назначались изъ карфагенскихъ гражданъ. Западные сосѣди карфагенянъ, нумидійцы, доставляли для этихъ войскъ превосходную конницу, а острова Балеарскіе снабжали ихъ славными въ древности пращниками (метатели камней); кромѣ того они имѣли пріученныхъ къ битвѣ слоновъ. При всей многочисленности эти наемныя войска не всегда служили надежною защитою для республики, потому что не были одушевлены патріотизмомъ, т. е. любовью къ отечеству. Иногда онѣ возмущались, и обращали свое оружіе противъ самаго Карфагена. Замѣчательна трехлѣтняя опустошительная война карфагенянъ съ ихъ наемными полчищами, въ 241—238 г. до Р. Х. Наемники были побѣждены только благодаря талантамъ карфагенскаго полководца Гамилькара (отецъ знаменитаго Аннибала). Аристократическія фамиліи Магоновъ, Ганноновъ и Барка въ теченіе долгаго времени снабжали республику полководцами и другими высшими сановниками. Соперничество этихъ фамилій нерѣдко подавало поводъ къ борьбѣ партій въ сенатѣ и народномъ собраніи *.

---

* Главные источники для Карфагенской исторіи греческіе и римскіе писатели: Геродотъ, Полибій, Салюстій и Юстинъ. Въ недавнее время на мѣстѣ древняго Карфагена предприняты французами интересныя раскопки.

Какъ народъ исключительно преданный торговлѣ и промышленности, карфагеняне повидимому оставались равнодушны къ успѣхамъ искусствъ и литературы. Покрайней мѣрѣ до насъ не дошло отъ этого народа никакихъ литературныхъ памятниковъ; изъ римскихъ писателей извѣстно только о существованіи двухъ карфагенскихъ сочиненій: трактатъ Магона о земледѣліи и отчетъ Ганнона о его экспедиціи на западный берегъ Африки (за 5 вѣковъ до Р. Х.).

ГРЕЦІЯ

III. ДРЕВНѢЙШАЯ ИЛИ ГЕРОИЧЕСКАЯ ГРЕЦІЯ.

Географическій обзоръ. Пеласги. Циклопическія постройки. Эллины. Мифы объ ихъ происхожденіи, Геркулесъ. Тезей. Аргонавты. Эдипъ. Ѳиванскія войны. Троянскій походъ. Сцены изъ Иліады. Одиссея. Доряне въ Пелопоннесѣ. Общественный бытъ героическаго періода. Рапсоды. Религія. Оракулы. Амфиктіоніи. Общественныя игры.

Греція занимаетъ южную часть Балканскаго полуострова *. Эта страна очень гориста; а берега ея изрѣзаны заливами и бухтами, глубоко вдающимися въ материкъ. Сама природа раздѣлила Грецію на три части: Сѣверную, Среднюю и Южную.

Посреди сѣверной Греціи, съ сѣвера на югъ, идетъ хребетъ Пиндъ и дѣлитъ ее на двѣ области: западную или *Эпиръ* и восточную или *Ѳессалію*. Внутри Эпира замѣчателенъ былъ городъ Додона съ оракуломъ въ честь главнаго греческаго бога Зевеса. На сѣверѣ Эпиръ отдѣляется отъ Иллиріи горами Керавнскими; а Ѳессалія отъ Македоніи Камбунскими. Послѣдній хребетъ на востокѣ, у Эгейскаго моря, образуетъ высокую горную группу Олимпъ. Далѣе вдоль восточнаго берега возвышаются группы Осса и Пеліонъ. На югѣ Ѳессалія замыкается горою Эта, которая оканчивается близь моря знаменитымъ Ѳермопильскимъ ущельемъ. (Ѳермопилы значитъ: „ворота теплыхъ водъ"; здѣсь находится много теплыхъ источниковъ). Такимъ образомъ Ѳессалія образуетъ котловину, замкнутую со всѣхъ сторонъ горами; посреди ея протекаетъ рѣка Пеней, которой устье, стѣсненное съ одной стороны Олимпомъ съ другой Оссою, орошаетъ живописную Темпейскую долину; она представляетъ единственный удобный

* Названіе *Греція* употреблялось собственно римлянами, а греки называли свою страну *Эллада*.

проходъ изъ Македоніи въ Грецію. Почти со всѣми замѣчательными мѣстностями древней Греціи связаны были поэтическіе миѳы. Такъ: происхожденіе Темпейской долины приписывалось удару трезубцемъ бога морей Нептуна; снѣжныя вершины Олимпа, окутанныя облаками, почитались мѣстопребываніемъ двѣнадцати высшихъ боговъ и богинь; отсюда Зевесъ разгромилъ титановъ, которые хотѣли взгромоздить Пеліонъ на Оссу, что бы добраться до неба; на Пеліонѣ срублены были деревья, изъ которыхъ построенъ корабль Арго, и т. д. Ѳессалія была богата городами; изъ нихъ наиболѣе замѣчательные: Ларисса и Фарсалъ.

Средняя Греція или собственно *Эллада* наполнена отрогами хребта Пинда. Она распадалась на слѣдующія области: юго-восточный уголъ Эллады, выдающійся въ море, занимала холмистая *Аттика* съ ея знаменитою столицею Аѳины. Сосѣдняя Аттикѣ земля была *Біотія* съ озеромъ Копаидой, въ которое впадаетъ рѣка Кефисъ, и съ горою Геликонъ, почитавшейся мѣстопребываніемъ девяти музъ (богини разныхъ искусствъ). Между городами здѣсь первое мѣсто занимали „семивратныя“ Ѳивы. Далѣе къ западу лежала *Ѳокида* съ горою Парнасомъ, у подошвы которой находился священный городъ Дельфы съ богатымъ храмомъ и оракуломъ въ честь бога Аполлона. Между Парнасомъ и Этой лежала горная область *Дорида.* Кромѣ нея Ѳокида граничила съ двумя *Локридами*: на сѣверѣ отъ нея по берегу Эвбейскаго пролива жили Локры Опунтскіе, а на югозападѣ у Коринфскаго залива Локры Озольскіе. Послѣдніе на западѣ сосѣдили съ дикой, скалистой *Этоліей*, которая рѣкою Ахелоемъ отдѣлялась отъ *Акарнаніи* —крайней западной области въ Средней Греціи.

Коринѳскимъ перешейкомъ Эллада соединяется съ южною Греціей или *Пеллопоннесомъ* (теперь полуостровъ Морея). Въ срединѣ этого полуострова возвышается дикая, горная область *Аркадія*, обильная прекрасными пастбищами, на которыхъ обитало пастушеское племя; важнѣйшіе изъ городовъ:

Орхоменъ и Мантинея. Къ востоку отъ нея лежала каменистая *Арголида* съ городами Аргосъ и Микены; а къ западу *Элида*, орошаемая рѣкою Алфеемъ. Послѣдняя область считалась священною, потому что здѣсь, подлѣ города Олимпіи, происходили знаменитыя Олимпійскія игры. Къ югу отъ Аркадіи находились: гористая *Лаконія* съ главнымъ городомъ Спарта и плодоносная *Мессенія* съ городомъ Мессеной. Къ сѣверу отъ Аркадіи, вдоль береговъ Коринѳскаго залива, лежала *Ахаія* съ ея 12 городами, составлявшими впослѣдствіи Ахейскій союзъ (Патра, Дима, Феры и др.). Съ востока къ Ахаіи примыкала маленькая область города *Сикіона*; а Коринѳскій перешеекъ занятъ былъ двумя небольшими областями: на югѣ богатаго торговаго города *Коринѳа*, на сѣверѣ *Мегары*.

Часть Средиземнаго моря между Греціей и Малой Азіей въ древности называлась Эгейскимъ моремъ (теперь Архипелагъ.) Это море усѣяно островами, населенными греческимъ народомъ. Самый значительный изъ нихъ *Эвбея*, который тянется вдоль восточныхъ береговъ Эллады, съ городами Халкидой и Эретріей. Къ югу отъ Эвбеи находится группа острововъ Цикладскихъ: *Паросъ*, *Делосъ*, *Наксосъ* и др.; а на востокъ отъ нихъ, вдоль береговъ Малой Азіи разбросаны острова Спорадскіе: *Лесбосъ*, *Хіосъ*, *Самосъ*, *Родосъ* и пр. На югѣ лежитъ большой островъ *Критъ* (Кандія); а далѣе на востокѣ *Кипръ*, извѣстный своимъ превосходнымъ виномъ. Вдоль западныхъ береговъ Греціи идетъ рядъ *Іоническихъ* острововъ; самый большой изъ нихъ *Корцира* (Корфу), потомъ: *Левкадія*, *Итака* и др. Въ Сароническомъ заливѣ, между Аттикой и Арголидой лежатъ два небольшіе, но замѣчательные острова: *Саламинъ и Эгина.*

Вообще Греція занимала весьма выгодное положеніе, въ центрѣ историческихъ странъ древняго міра. Море отдѣляло ее отъ Азіи, Африки и Италіи, а многочисленные острова сближали. Такъ Циклады, начинавшіеся у береговъ Аттики, на востокѣ смѣшивались съ Спорадами; а послѣдніе касались Малой Азіи.

Съ острова Корциры уже видѣлись берега Италіи; а отъ Крита въ три дня плаванія достигали до Египта. Чрезвычайно ломанная береговая линія материка (т. е. частые и глубоко-врѣзывающіеся въ него заливы) еще болѣе облегчала сообщенія, и слѣдовательно должна была способствовать развитію промышленности и торговли. Разнообразію греческой природы (которая состоитъ изъ гористыхъ группъ, перемѣшанныхъ съ долинами и высокими равнинами) соотвѣтствовало разнообразіе почвы и естественныхъ произведеній. Напримѣръ, Аттика славилась своими оливками и медомъ, Ѳессалія конями, Мессенія плодоносными полями, Аркадія пастбищами, острова Эвбея и Тасосъ (самый сѣверный на Эгейскомъ морѣ) богатыми рудниками, островъ Паросъ превосходнымъ мраморомъ и т. д. Мягкій, пріятный климатъ (т. е. лѣто не слишкомъ жаркое, а зима не слишкомъ холодная) также способствовалъ развитію дѣятельнаго живаго характера въ населеніи; а постоянное пребываніе и движеніе на открытомъ воздухѣ укрѣпляло его физическія силы.

Древнѣйшее населеніе Греціи составляли *Пеласги*, народъ земледѣльческій и миролюбивый. Подъ общимъ именемъ пеласговъ разумѣлись различныя мелкія племена, каковы: Дріопы, Лапиты, Перребы и др. Остатки этого первобытнаго населенія долѣе другихъ мѣстъ сохранялись въ Эпирѣ, Ѳессаліи, Біотіи, Арголидѣ и особенно въ Аркадіи. Въ Біотіи близъ озера Копаиды находился богатый Орхоменъ, городъ пеласгическаго народа Миніянъ; по словамъ преданія, они прорыли сквозь гору каналъ изъ озера Копаиды, что бы предохранить свою землю отъ наводненій; а такая работа указываетъ уже на значительную степень гражданственности. Памятниками пеласгическаго племени считаются „циклопическія“ постройки, сохранившіяся до нашего времени. Онѣ сдѣланы изъ большихъ каменныхъ глыбъ, приложенныхъ другъ къ другу, и отличаются чрезвычайною прочностію; греки впослѣдствіи не могли понять, какимъ образомъ обыкновенные люди ворочали такими огромными камнями, и назвали эти стѣны работою какихъ-то

великановъ циклоповъ. Наиболѣе замѣчательные изъ этихъ циклопическихъ памятниковъ находятся въ Арголидѣ; а именно: часть стѣнъ древняго города Тиринфа и „Сокровищница царя Атрея“ въ Микенахъ; стѣны послѣдняго зданія къ верху постепенно сближаются другъ съ другомъ и заканчиваются площадкой. Между развалинами Микенъ также сохранилась часть стѣны съ такъ наз. Львиными Воротами: онѣ замыкаются сверху огромнымъ камнемъ, который служитъ подножіемъ рельефному изображенію двухъ львовъ.

Гораздо позднѣе пеласговъ поселились въ Греціи ихъ соплеменники *Эллины;* они въ незапамятныя времена перешли изъ Малой Азіи на Балканскій полуостровъ, черезъ Ѳракію и Македонію проникли въ Ѳессалію; долго жили около Олимпа (на что указываетъ важное значеніе этой горной группы въ греческой миѳологіи), и отсюда распространились по Греціи, отчасти покоривъ пеласговъ, отчасти оттѣснивъ ихъ въ наиболѣе дикія горныя области. О происхожденіи своихъ предковъ позднѣйшіе греки расказывали слѣдующіе миѳы:

Могучій титанъ Прометей похитилъ съ неба огонь и сообщилъ его людямъ. За это Зевесъ приковалъ его къ Кавказской скалѣ, гдѣ коршунъ постоянно клевалъ его тѣло. Сынъ Прометея Девкальонъ царствовалъ въ Ѳессаліи, когда Зевесъ за грѣхи людей наслалъ на нихъ великій потопъ. Одинъ только Девкальонъ съ своей женой Пиррой спасся на кораблѣ отъ этого потопа. Корабль остановился на вершинѣ Парнаса; здѣсь, когда воды вошли въ берега, Девкальонъ и Пирра, по совѣту Дельфійскаго оракула, набрали камней и бросали ихъ черезъ себя; камни Девкальона обратились въ мужчинъ, а камни Пирры въ женщинъ. По другому преданію у Девкальона былъ сынъ Эллинъ; а у Эллина сыновья Доръ, Эолъ и Ксутъ; у Ксута Іонъ и Ахей. Отъ нихъ то и произошли четыре племени: Доряне, Эоляне, Іоняне и Ахеяне. Подобными вымыслами греки конечно старались объяснить общее происхожденіе различныхъ эллинскихъ племе . (Племя

Ахеянъ владѣло южной частью Өессаліи или Өтіотидой и восточною половиною Пелопоннеса; Эоляне населили преимущественно Өокиду, Этолію, Локриду, Элиду и Мессенію; Іоняне заняли Аттику, а Доряне пока оставались въ горахъ Дориды).

По расказамъ грековъ, за много столѣтій до Р. Хр. изъ сосѣдней Азіи и Египта приходили въ Грецію знатные переселенцы, которые научили грековъ ремесламъ, торговлѣ, и положили основаніе самымъ знаменитымъ греческимъ городамъ и государствамъ. Напримѣръ, тысячи за полторы лѣтъ до Р. Х. изъ Египта прибылъ въ Аттику съ своими единоземцами Кекропсъ. Онъ женился на дочери туземнаго царя и наслѣдовалъ послѣ него престолъ; соединилъ жителей Аттики въ одинъ народъ, научилъ ихъ воздѣлывать оливки, установилъ брачные и погребальные обряды, учредилъ судилище Ареопагъ, и построилъ крѣпость Кекропію, около которой возникъ потомъ городъ Аѳины. Изъ Египта также прибылъ Данай, убѣжавшій съ своими 50 дочерями отъ преслѣдованій своего брата; онъ поселился въ Аргосѣ. Легенда прибавляетъ, что его дочери (Данаиды) по приказанію отца умертвили своихъ мужей; за это преступленіе Данаиды были осуждены въ аду постоянно наполнять водою бездонную бочку. Изъ Финикіи переселился въ Біотію Кадмъ, и построилъ крѣпость Кадмею, около которой образовался городъ Өивы; Кадмъ научилъ жителей письменному искусству, умѣнью добывать руду, и пр. Самое названіе южной Греціи Пелопоннесомъ будто произошло отъ Пелопса, переселенца, изъ Лидіи *.

---

* Вотъ какъ преданіе расказываетъ о Пелопсѣ. Отецъ его царь Танталъ желая испытать могущество боговъ, закололъ имъ въ пищу собственнаго сына Пелопса. Зевесъ воскресилъ его, а отца осудилъ мучиться въ аду постояннымъ голодомъ и жаждою посреди изобилія: Танталъ стоялъ по горло въ водѣ и надъ головою его простирались вѣтви обремененныя плодами; но когда онъ хотѣлъ сорвать плодъ, вѣтви поднимались вверхъ, а когда наклонялся къ водѣ, она убѣгала отъ него. Пелопсъ съ своими сокровищами прибылъ въ южную Грецію, именно въ Елиду, и посватался за прекрасную Гипподамію, дочь царя Ономая. Оракулъ предсказалъ Ономаю, что онъ погибнетъ отъ своего зятя.

Потомки этихъ выходцевъ долгое время царствовали въ Греціи и извѣстны подъ общимъ именемъ героевъ. Баснословные разсказы объ ихъ судьбѣ наполняютъ весь древнѣйшій или такъ называемый „героическій" періодъ греческой исторіи. Надобно замѣтить, что ни одинъ народъ не оставилъ столько баснословныхъ преданій о своихъ богахъ и герояхъ, какъ греки. Такія преданія или вымыслы называются *миѳы*.

Изъ потомковъ Даная прославился Персей, который владѣлъ крылатымъ конемъ Пегасомъ и совершилъ много подвиговъ; между прочимъ отрубилъ голову чудовища Медузы, отъ одного вида которой люди превращались въ камень. Но первое мѣсто между миѳическими героями у грековъ занимаютъ Геркулесъ и Тезей. Геркулесъ принадлежалъ также къ потомкамъ Даная и считался сыномъ самого Зевеса. Онъ одаренъ былъ необыкновенною силою. Въ припадкѣ бѣшенства Геркулесъ убилъ свою жену и дѣтей, и боги осудили его за это преступленіе служить одному греческому царю (Эвристею тиринѳскому). По порученію царя Геркулесъ совершилъ двѣнадцать знаменитыхъ подвиговъ. Напримѣръ, онъ своею тяжелою палицею убилъ ужаснаго льва, который жилъ въ Немейскомъ лѣсу и опустошалъ окрестности; кожу этого льва герой сталъ носить вмѣсто плаща; далѣе, онъ убилъ чудовищную змѣю или гидру, обитавшую въ Лернейскомъ болотѣ, хотя у нея вмѣсто каждой отрубленной головы выростала новая; побѣдилъ воинственныхъ женщинъ или амазонокъ; спускался въ Адъ и вывелъ оттуда Цербера или трехголоваго пса, который охранялъ входъ въ это царство

Чтобы избѣжать гибели, Ономай всякому жениху предлагалъ состязаться съ нимъ въ ристаніи: при помощи своихъ быстрыхъ коней онъ всегда одерживалъ побѣду, и, по условію, убивалъ побѣжденнаго. Пелопсъ подкупилъ царскаго возницу; послѣдній устроилъ такъ, что колесница царя во время бѣга опрокинулась, и Ономай убился до смерти. Пелопсъ наслѣдовалъ ему, и женился на его дочери. Но передъ смертію Ономай проклялъ своего соперника и весь его родъ. Дѣйствительно потомки Пелопса были преслѣдуемы большими несчастіями.

замогильныхъ тѣней, и т. д. Вообще о Геркулесѣ существовало у грековъ много разныхъ миѳовъ.

Тезей былъ сынъ аѳинскаго царя Эгея. Въ молодости Тезей, подобно Геркулесу, совершилъ много подвиговъ, побѣждалъ великановъ, разбойниковъ и т. п. Главнымъ его подвигомъ считается уничтоженіе минотавра. Миносъ, царь острова Крита, за убійство своего сына аѳинянами, заставилъ ихъ привозить ему ежегодную дань изъ семи юношей и семи дѣвицъ. Тамъ несчастныхъ запирали въ огромное зданіе или лабиринтъ, гдѣ ихъ пожирало чудовище минотавръ, на половину человѣкъ на половину быкъ. Тезей самъ пожелалъ отправиться на островъ Критъ въ числѣ семи юношей, убилъ минотавра, и благополучно воротился въ Аѳины. Но дорогою онъ забылъ выставить на кораблѣ вмѣсто чернаго флага бѣлый, который долженъ былъ служить для Эгея условнымъ знакомъ побѣды. Эгей, завидѣвъ съ вершины прибрежной скалы корабль съ прежнимъ чернымъ флагомъ, счелъ своего сына погибшимъ, и въ отчаяніи бросился въ море. Отъ его имени будто и самое это море названо Эгейскимъ.

Греки вообще любили объяснять географическія названія разными миѳами. Напримѣръ, проливъ Дарданелы назывался у нихъ Геллеспонтъ. Они расказываютъ, что Гелла, дочь одного царя, спасаясь отъ своей злой мачихи, вмѣстѣ съ братомъ сѣла на златоруннаго барана и отправилась по морю; но, плывя чрезъ проливъ, упала въ воду и утонула; отъ чего проливъ и названъ Геллеспонтъ (что значитъ: море Геллы). Братъ ея приплылъ къ восточкому берегу Чернаго моря въ Колхиду (теперь Грузія), барана своего принесъ въ жертву богамъ, а его золотое руно повѣсилъ въ священной рощѣ. Царь той земли приставилъ огнедышащаго дракона охранять руно. Впослѣдствіи греческіе герои собрались въ числѣ 50, и отправились на кораблѣ Арго добывать это золотое руно. Предпріятіе ихъ извѣстно подъ именемъ *Похода Аргонавтовъ.* Въ числѣ этихъ героевъ находились: Геркулесъ, Тезей, близнецы Касторъ и Поллуксъ, и пѣвецъ Орфей, который сво-

ими пѣснями укрощалъ дикихъ звѣрей и двигалъ скалы. Предводителемъ былъ Язонъ, одинъ изъ ѳессалійскихъ князей. Послѣ многихъ приключеній Язонъ (съ помощію дочери колхидскаго царя волшебницы Медеи) овладѣлъ золотымъ руномъ, и воротился на родину. Этотъ миѳъ объ аргонавтахъ, какъ полагаютъ, указываетъ на древнія предпріятія греческихъ пиратовъ или морскихъ разбойниковъ, которые грабили отдаленные берега Чернаго моря.

Изъ всѣхъ греческихъ героевъ самою печальною судьбою прославилось потомство основателя Ѳивъ Кадма. Одинъ изъ его потомковъ, Эдипъ, случайно убилъ своего отца и женился на матери, которыхъ совсѣмъ не зналъ. Когда онъ царствовалъ въ Ѳивахъ, вдругъ на Ѳивскую землю напала моровая язва. По обычаю обратились къ оракулу, и тотъ отвѣчалъ, что боги караютъ ѳивянъ за преступленіе Эдипа. Услыхавъ о томъ, Эдипъ въ отчаяніи выкололъ себѣ глаза, и пошелъ странствовать въ чужія земли въ сопровожденіи дочери Антигоны, которая не хотѣла покинуть своего несчастнаго отца. Но и послѣ того злая судьба преслѣдовала его родъ.

Два сына Эдипа, Этеоклъ и Полиникъ, согласились царствовать по очереди. Но по прошествіи срока Этеоклъ отказался уступить престолъ Полинику; послѣдній привелъ противъ брата пелопонесскихъ князей, и осадилъ Ѳивы. Братья рѣшили покончить дѣло поединкомъ, и съ такою яростью бросились другъ на друга, что оба пали мертвые. Даже и послѣ смерти взаимная ненависть не прекратилась: когда по обычаю того времени тѣла ихъ сожгли на кострѣ, то пламя раздѣлилось на двѣ части. Князья, осаждавшіе Ѳивы, почти всѣ погибли подъ ихъ стѣнами; но сыновья ихъ возобновили осаду, и взяли городъ; чѣмъ и окончились такъ называемыя *Ѳиванскія войны*.

Въ южной Греціи господствовали Пелопиды, т. е. потомки Пелопса. Съ ихъ судьбою связаны самые любопытные греческіе миѳы, именно о Троянской войнѣ.

На сѣверозападномъ берегу Малой Азіи находилось небольшое царство греческихъ единоплеменниковъ Троянъ. Одно время въ Троѣ царствовалъ старецъ Пріамъ, у котораго было много сыновей; старшій изъ нихъ, Гекторъ, славился военными доблестями, а другой, Парисъ, своею красивою наружностію. Послѣдній сдѣлался виновникомъ войны съ греками. Онъ посѣтилъ Пелопоннесъ, и жестоко оскорбилъ одного изъ пелопидовъ, именно спартанскаго царя Менелая, у котораго похитилъ его жену прекрасную Елену. Тогда многіе греческіе князья соединились, избрали общимъ предводителемъ Менелаева брата Агамемнона, микенскаго царя, и отправились въ походъ противъ Трои. Кромѣ Агамемнона и Менелая славнѣйшими вождями или героями этого похода были: Одиссей, Аяксъ и Ахиллъ. Одиссей былъ мужъ необыкновенно хитрый и находчивый, Аяксъ отличался огромнымъ ростомъ и силою; но юный Ахилъ всѣхъ героевъ превосходилъ своими подвигами. Троя была защищена крѣпкими стѣнами; греки не могли взять ее приступомъ, и рѣшились повести правильную осаду. Они вытащили свои небольшіе корабли на берегъ, и устроили здѣсь лагерь. На полянѣ между лагеремъ и городомъ происходили частыя битвы; простые воины сражались пѣшіе, а герои выѣзжали на боевыхъ колесницахъ (онѣ были небольшія, двухколесныя и устроены такъ, что на нихъ ѣздили и сражались не сидя, а стоя). Нѣкоторыя битвы подъ Троей живописно расказаны въ греческой поэмѣ *Иліада* (творцемъ которой греки считали слѣпаго старца Гомера). Сами олимпійскіе боги принимали участіе въ войнѣ, одни за троянъ, другіе за грековъ.

Вотъ какимъ образомъ расказываетъ Иліада о борьбѣ Ахилла съ Гекторомъ:

Ахиллъ поссорился съ главнымъ вождемъ Агамемнономъ, и пересталъ участвовать въ битвахъ. Тогда трояне начали брать верхъ, и другъ Ахилла Патроклъ палъ отъ руки Гектора. Смерть друга возбудила въ героѣ жажду мести; онъ помирился съ Агамемнономъ, и жестоко сталъ поражать тро-

нимъ. Доблестный Гекторъ рѣшился вступить съ нимъ въ единоборство. Супруга его Андромаха вмѣстѣ съ другими троянками съ высокой башни смотрѣла на битву. Она вышла на встрѣчу мужу, когда тотъ шелъ изъ города на послѣдній бой; за ней кормилица несла на рукахъ маленькаго сына Астіанакса. Предчувствуя бѣду, Андромаха со слезами умоляетъ Гектора не выходить изъ города и защищаться въ стѣнахъ; но герой считаетъ постыднымъ уклоняться отъ опасности. Онъ нагнулся, чтобы поцѣловать сына; мальчикъ съ крикомъ прижался къ кормилицѣ: его испугала косматая грива, развѣвавшаяся на мѣдномъ шлемѣ Гектора. Герой улыбнулся, снялъ свой блестящій шлемъ, взялъ на руки сына, и долго ласкалъ его; потомъ онъ трогательно простился съ женою; сказалъ ей, что пусть она идетъ домой и занимается съ служанками тканьемъ или пряжею, а мущины должны сражаться.

Однако, когда Гекторъ лицомъ къ лицу сошелся съ грознымъ Ахилломъ, онъ невольно задрожалъ и хотѣлъ удалиться въ городъ; но „быстроногій" Ахиллъ погнался за нимъ, и они три раза обѣжали вокругъ троянскихъ стѣнъ. Между тѣмъ Зевесъ, съ высокаго неба взиравшій на битву, поднялъ вѣсы и положилъ на нихъ два жребія, одинъ Гектора, другой Ахилла; жребій Гектора опустился внизъ, и тогда покровитель его богъ Аполлонъ удалился отъ него, а богиня Аѳина начала помогать своему любимцу Ахиллу. Она остановила бѣгущаго Гектора, явившись ему въ образѣ брата и обѣщая помощь противъ врага. Ахиллъ первый бросилъ свое тяжелое копье; Гекторъ быстро припалъ на одно колѣно, и копье пролетѣло мимо: богиня Аѳина подхватила его, и снова подала Ахиллу. Гекторъ пустилъ свое копье, и попалъ въ середину Ахиллова щита; но не пробилъ его (щитъ былъ искованъ самимъ богомъ Вулканомъ, искусно работавшимъ вещи изъ металловъ). Тогда Гекторъ съ мечемъ бросился на противника; но тотъ предупредилъ его, и ударилъ копьемъ въ горло, именно въ томъ мѣстѣ, которое не было закрыто мѣднымъ доспѣхомъ. Гекторъ упалъ. Умирая, онъ умолялъ Ахилла

не предавать его тѣло поруганію. Но жестокосердый Ахиллъ снялъ съ него доспѣхъ, привязалъ трупъ за ноги къ своей колесницѣ, и погналъ въ греческій станъ. Съ высоты стѣнъ Трояне увидѣли гибель своего героя, и по всему городу поднялись вопли. Когда настала ночь, старецъ Пріамъ отправился въ ставку Ахилла, и упросилъ отдать ему тѣло любимаго сына.

Вслѣдъ за тѣмъ Иліада прекращается. Окончаніе расказовъ о Троянской войнѣ мы узнаёмъ уже изъ другихъ поэмъ (преимущественно изъ *Энеиды*, которую написалъ римскій поэтъ Виргилій). Только послѣ десятилѣтней осады удалось грекамъ взять Трою хитростію. По совѣту изобрѣтательнаго Одиссея они построили огромнаго деревяннаго коня, оставили его на берегу, а сами какъ будто отплыли въ отечество, и распустили слухъ, что конь оставленъ въ даръ богамъ. Трояне съ торжествомъ втащили коня въ городъ. Но внутри его скрыто было нѣсколько греческихъ героевъ; они ночью вышли убили сонную стражу, и впустили въ городъ грековъ, которые уже воротились и ждали у воротъ. Тогда Троя предана была огню и разграбленію; жители частію избиты, частію отведены въ рабство, и царство троянское разрушено (около 12 вѣковъ до Р. Х.) Изъ пылающаго города спасся только герой Эней съ немногими людьми.

Послѣ разрушенія Трои немногіе изъ греческихъ героевъ благополучно воротились въ отечество, а нѣкоторые и по возвращеніи нашли въ своихъ земляхъ большія перемѣны. Агамемнонъ былъ убитъ измѣнившею ему женою Клитемнестрою. А „хитроумный“ Одиссей десять лѣтъ странствовалъ по морямъ, прежде нежели достигъ своего острова Итаки. Баснословныя приключенія его расказаны въ другой греческой поэмѣ, которая называется *Одиссея* и также считалась произведеніемъ слѣпаго Гомера.

Во время своихъ странствій Одиссей подвергался чрезвычайнымъ опасностямъ; но всегда избавлялся отъ нихъ своею находчивостію или помощію боговъ. (Такъ, однажды онъ по-

палъ къ циклопамъ или одноглазымъ великанамъ—людоѣдамъ). Между тѣмъ въ отечествѣ ждала его вѣрная супруга Пенелопа съ сыномъ Телемакомъ. Нѣсколько жениховъ искали ея руки, увѣряя, что Одиссея уже нѣтъ въ живыхъ. Пенелопа просила ихъ подождать, пока будетъ окончена начатая ею ткань: но въ продолженіе ночи она распускала то, что успѣвала соткать днемъ.

Какъ Иліада изображаетъ намъ битвы и военные обычаи грековъ, такъ Одиссея на оборотъ изобилуетъ картинами изъ ихъ мирной жизни, изъ ихъ семейныхъ и общественныхъ нравовъ. Для примѣра возьмемъ пребываніе Одиссея на островѣ Феаковъ.

Потерпѣвъ кораблекрушеніе, Одиссей присталъ къ острову торговаго народа Феаковъ. Тутъ ему встрѣтилась Навзикая, дочь Феакскаго царя, которая съ двумя служанками мыла въ рѣкѣ за городомъ платье. Она дала незнакомцу приличную одежду, и указала ему дорогу во дворецъ своего отца Алкиноя. Дворецъ блисталъ золотомъ и серебромъ, и былъ наполненъ прислужницами, изъ которыхъ однѣ вертѣли ручныя мельницы, другія пряли или ткали. Въ большой комнатѣ вокругъ стѣнъ на скамьяхъ, покрытыхъ ковромъ, сидѣли феакскіе князья; царица работала за прялкой возлѣ пылающаго очага. Къ ней прежде всего обратился Одиссей съ просьбою о ласковомъ пріемѣ и отправленіи его на родину; въ ожиданіи отвѣта онъ сѣлъ у очага въ пеплѣ, по обычаю просителей. Самъ царь подошолъ къ незнакомцу, поднялъ его, и велѣлъ подать ему хлѣба, мяса, овощей и вино, смѣшанное съ водою (такъ обыкновенно пили древніе).

На другой день царь повелъ гостя на площадь въ народное собраніе, которому предложилъ снарядить корабль, чтобы отвезти иноземца въ отечество. Потомъ царь пригласилъ корабельщиковъ и феакскихъ князей къ себѣ на пиръ. Для этого пира закололи 12 овецъ, нѣсколько свиней и быковъ; виночерпій усердно подливалъ вино пирующимъ. Для увеселенія гостей, по обычаю призванъ пѣвецъ (слѣпой

старецъ Демодокъ), который подъ звуки своей лиры началъ пѣть сказанія о Троянской войнѣ. Одиссей, слушая его, прослезился; царь замѣтилъ это, и велѣлъ пѣвцу перестать. Потомъ отправились на площадь, гдѣ юноши начали показывать свое искусство въ кулачномъ бою, борьбѣ, бѣганьи и другихъ играхъ. Одиссей, по вызову присутствующихъ, взялъ тяжелый камень, и бросилъ его съ такой силой, что тотъ далеко перелетѣлъ за цѣль. Военныя игры смѣнились плясками молодыхъ людей. За тѣмъ отвели Одиссея въ теплую баню, гдѣ онъ вымылся и умастилъ себя масломъ. Во время вечерней трапезы старый пѣвецъ запѣлъ о деревянномъ конѣ, которымъ взята была Троя. Одиссей опять прослезился. Тогда только Алкиной спросилъ, кто онъ такой и какая причина его скорби. Герой расказалъ свои приключенія съ самаго отъѣзда изъ Трои. Слушатели были увлечены его расказомъ. Ѳеакскіе князья подарили ему каждый по красивой одеждѣ, по золотой чашѣ и мѣдному треножному котлу.

На слѣдующій день во дворцѣ убили вола, и бедра его по обычаю сожгли на жертвенникѣ въ честь Зевеса. Одиссей простился съ гостепріимнымъ царемъ, сѣлъ на приготовленный корабль, и поплылъ въ отечество.

Вслѣдствіе Троянской войны произошли большіе перевороты въ самой Греціи, особенно въ Пелопоннесѣ. До этой войны здѣсь господствовало племя Ахеяпъ, подъ управленіемъ царственнаго рода Пелопидовъ. Потери, понесенныя ими въ Троянской войнѣ, ослабили ихъ силу въ отечествѣ; тогда другія племена потѣснили Ахеянъ, и заняли ихъ мѣсто. Изъ такихъ народныхъ движеній самое важное было вторженіе Дорянъ въ Пелопоннезъ; иначе оно называется „возвращеніе Гераклидовъ". Преданіе расказываетъ о немъ такимъ образомъ. Потомки Геркулеса, изгнаные изъ отечества Пелопидами, удалились сначала въ Аттику къ Тезею и отсюда пытались снова завоевать свои земли, но безуспѣшно. Потомъ они нашли убѣжище у воинственнаго племени Дорянъ. Послѣ Троянской войны доряне вооружились за ихъ права, и двинулись въ Пелопо-

незъ подъ начальствомъ трехъ братьевъ Гераклидовъ: Темена, Кресфонта и Аристодема. Съ ними соединилась и часть этолянъ подъ начальствомъ Оксила. Они не пошли на Коринфскій перешеекъ, гдѣ легко было бы преградить имъ путь; сюда они послали только одинъ отрядъ, что бы обмануть непріятелей; а главныя силы свои переправили на судахъ черезъ Коринфскій заливъ, и вторглись въ Пелопоннезъ. Владычество Пелопидовъ было уничтожено, и доряне завоевали полуостровъ, за исключеніемъ Аркадіи и сѣверной его части; въ послѣдней утвердились остатки независимыхъ Ахеянъ, вытѣснивъ оттуда прежнихъ жителей Іонянъ. (Съ тѣхъ поръ эта часть стала извѣстна подъ именемъ Ахаіи). Завоеватели раздѣлили между собою покоренныя земли: Теменъ получилъ Арголиду, Кресфонтъ Мессенію, Проклъ и Эврисѳенъ, сыновья Аристодема (умершаго на походѣ), Лаконію, а этолянинъ Оксилъ Элиду. (1100 л. до Р. X.). Но то, что преданіе изображаетъ дѣломъ одного поколѣнія и даже одного похода, въ дѣйствительности совершилось конечно въ гораздо большее время и съ большими усиліями. По всѣмъ признакамъ доряне встрѣтили упорное сопротивленіе, и нѣсколько поколѣній смѣнило другъ друга прежде, нежели они утвердили здѣсь свое господство. Значительная часть прежнихъ жителей Пелопоннеса (Ахеяне, Эоляне и Іоняне), нехотѣвшіе подчиниться завоевателямъ, переселились на острова и берега сосѣднихъ странъ, особенно въ Малую Азію, и основали многочисленныя греческія колоніи.

Дорійскимъ завоеваніемъ Пелопоннеса оканчивается героическій періодъ древней Греціи, и начинается собственно историческій: съ этихъ поръ расказы о событіяхъ отличаются уже гораздо большею достовѣрностію. Въ самомъ общественномъ устройствѣ грековъ начинается важная перемѣна: патріархальный монархическій бытъ постепенно переходитъ въ республиканскій, съ выборными властями; сила обычая смѣняется силою опредѣленнаго законодательства.

Общественный бытъ героическаго періода извѣстенъ намъ преимущественно изъ гомерическихъ поэмъ, т. е. изъ Иліады

и Одиссеи. Онъ представляется въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ:

Во главѣ отдѣльныхъ народовъ находился царь, какъ верховный предводитель на войнѣ, судія и жрецъ. Онъ обыкновенно ведетъ свой родъ отъ боговъ или миѳическихъ героевъ, и свой санъ передаетъ въ наслѣдство старшему сыну; но этотъ царь нисколько не походилъ на восточныхъ деспотовъ. Во всѣхъ почти дѣлахъ онъ совѣтовался съ окружавшими его знатными мужами. Доходы его состояли изъ произведеній собственныхъ полей и добровольныхъ подарковъ; изъ военной добычи онъ получалъ только бо̀льшую долю сравнительно съ другими. Отличительнымъ знакомъ его достоинства служитъ жезлъ или скипетръ; у него нѣтъ другихъ тѣлохранителей кромѣ глашатаевъ; въ собраніяхъ ему только предоставляется самое почетное мѣсто. Вообще значеніе царя основывалось главнымъ образомъ на его личныхъ достоинствахъ, каковы: умъ, тѣлесная сила, военная доблесть, краснорѣчіе и т. п. Знатные мужи, окружавшіе царя (народная аристократія), принадлежали къ тѣмъ родамъ, которые выдвинулись изъ толпы военными подвигами, а также и богатствомъ, т. е. бо̀льшимъ размѣромъ своихъ полей, стадъ и т. п. На войнѣ они составляютъ передній рядъ войска, и, благодаря своему богатству, отличаются вооруженіемъ отъ остальныхъ воиновъ. Простая палица и звѣриная шкура древнѣйшаго или миѳическаго періода (такъ изображается напримѣръ Геркулесъ) уже недостаточны для знатныхъ воиновъ періода героическаго; они выходятъ на битву въ панцырѣ и шлемѣ, съ мечемъ, копьемъ и щитомъ въ рукахъ, стоя на колесницѣ, запряженной парою быстрыхъ коней, которыми управляетъ особый возница. Вооруженіе героевъ сдѣлано обыкновенно изъ мѣди или бронзы, такъ какъ обработка желѣза представляла болѣе трудностей. Битвы героической эпохи еще не имѣютъ характера позднѣйшихъ сраженій плотными, стройными массами; онѣ совершаются безпорядочно, въ разсыпную; все дѣло обыкновенно рѣшается вождями и героями, которые

съ обѣихъ сторонъ выѣзжаютъ впередъ и вступаютъ между собою въ единоборство. Вообще военное искусство было еще довольно незначительно; города брали только долговременною осадою или хитростью.

Слѣдующую низшую ступень послѣ сословія благородныхъ составлялъ собственно народъ, т. е. классъ простыхъ, свободныхъ людей. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ они сходятся на вѣче или народное собраніе (*агора̀*); но сами еще не участвуютъ въ совѣщаніи, а только слушаютъ рѣчи царя или знатныхъ мужей и старцевъ. Впрочемъ иногда народъ выражаетъ здѣсь свое одобреніе или неодобреніе смѣшаннымъ гуломъ, который Гомеръ уподобляетъ бурнымъ волнамъ моря или жатвѣ, колеблемой порывистымъ вѣтромъ. Обычай подвергать важнѣйшія дѣла гласному обсужденію постепенно развивалъ въ народѣ гражданскій смыслъ, и приготовлялъ его къ слѣдующей за героическимъ періодомъ эпохѣ республиканской. Занятіями простыхъ гражданъ въ этомъ періодѣ были земледѣліе, скотоводство и нѣкоторые ремесла (плотничное, кузнечное, кожевенное и пр.); но торговля была еще мало развита. Третій классъ населенія составляли люди несвободные, т. е. рабы. Главнымъ источникомъ рабства служила война: въ рабовъ обращались покоренные туземцы или плѣнники, взятые на походѣ въ непріятельскую землю. Рабы и рабыни исполняли полевыя работы, пасли стада, прислуживали въ домѣ господина; обращеніе съ ними въ древнѣйшей Греціи не было суровое; они скорѣе походили на членовъ семейства. Въ тѣ патріархальныя времена самъ господинъ и его сыновья раздѣляли съ ними хозяйственныя работы; а госпожа и ея дочери вмѣстѣ съ невольницами занимались прядѣніемъ, тканьемъ, мытьемъ бѣлья и т. п.

Положеніе женщины у грековъ было гораздо лучше чѣмъ у восточныхъ народовъ (за исключеніемъ Евреевъ). Хотя въ героическомъ періодѣ грекъ еще покупаетъ себѣ жену, но она не осуждена проводить жизнь въ уединеніи гарема и въ рабскихъ отношеніяхъ къ мужчинѣ какъ на востокѣ; на

ней лежатъ преимущественно заботы о домашнемъ хозяйствѣ. Опредѣленныхъ законовъ въ тѣ времена еще не встрѣчается; они пока замѣняются обычаями; а обычаи поддерживаются преимущественно тѣмъ вѣрованіемъ, что нарушеніе ихъ навлекаетъ на виновнаго гнѣвъ и месть со стороны боговъ. Какъ и у другихъ народовъ стоящихъ на первыхъ ступеняхъ гражданственности, когда господствуютъ самоуправство и право сильнаго, личная безопасность у грековъ охраняется обычаемъ кровавой мести: кровь убитаго требовала возмездія отъ его родственниковъ; если они не соглашались взять съ убійцы денежную пеню, то онъ развѣ только бѣгствомъ могъ спасти свою жизнь.

Раздробленіе Греціи на множество мелкихъ государствъ и дальнее разстояніе колоній не мѣшали грекамъ сознавать себя однимъ народомъ; всѣ они называли себя эллинами: а чужіе народы извѣстны были у нихъ подъ именемъ *варваровъ*. Главною связью между греками разныхъ странъ служили: общій для нихъ греческій языкъ и общая народная поэзія, одинаковые обычаи и религія.

Странствующіе пѣвцы, прославлявшіе боговъ и героевъ, были дорогими гостями на пирахъ и празднествахъ древней Греціи. Пѣніе свое они сопровождали звуками семиструнной лиры или кинары. Такіе пѣвцы назывались *рапсоды*. Они или сами слагали пѣсни про старину или повторяли тѣ, которыя были сложены прежде и передавались отъ одного поколѣнія другому. Любимѣйшимъ предметомъ для такихъ пѣсенъ служили герои Троянской войны; изъ нихъ образовались впослѣдствіи двѣ большія поэмы, Иліада и Одиссея. Эти произведенія многихъ народныхъ поэтовъ были приписаны только одному *Гомеру*; его представляли, какъ образецъ рапсода, слѣпымъ старцемъ, странствующимъ изъ одного города въ другой. Родиной его была Іонія (т. е. іоническія колоніи на берегу Малой Азіи), и семь городовъ спорили за честь называться его отечествомъ. Время его жизни полагали при-

близительно за 10 вѣковъ до Р. Х. * Иліада и Одиссея, которыя изображаютъ отдѣльные греческіе народы и ихъ героевъ членами одной и тойже великой эллинской семьи, получили характеръ священныхъ пѣсенъ; онѣ съ малолѣтства заучивались наизустъ во всѣхъ греческихъ странахъ, и въ свою очередь укрѣпляли между греками сознаніе своего племеннаго единства.

Въ этихъ гомерическихъ поэмахъ выразилось также и объединеніе греческой религіи: почти всѣ важнѣйшія божества греческія собраны здѣсь въ одну семью, и называются „Олимпійскими“, потому что ихъ мѣстопребываніе изображается на вершинахъ Олимпа. Религія грековъ, какъ и большая часть языческихъ религій, представляла *политеизмъ* (многобожіе), и состояла первоначально въ обожаніи природы. Громъ и молнію по ихъ мнѣнію посылалъ *Зевесъ*, властитель неба; моремъ повелѣвалъ его братъ *Посейдонъ*; а другой братъ *Аидъ* или *Адъ* царствовалъ въ какомъ-то подземномъ мірѣ, гдѣ блуждаютъ тѣни умершихъ людей. Супруга Зевеса была *Гера;* а дѣти его: *Аполлонъ* или солнце, *Діана*—луна, *Афродита*, *Афина*, *Арей*—богъ войны, *Гермесъ*—богъ торговли, *Гефестъ*—богъ художествъ, *Деметра*—богиня плодородія, *Діонисій* или *Вакхъ*—богъ вина и веселья. ** (Имена

---

* Мнѣніе о Гомерѣ, какъ о единомъ творцѣ двухъ поэмъ, впервые было поколеблено въ концѣ прошлаго столѣтія нѣмецкимъ ученымъ Августомъ Вольфомъ. Онъ доказывалъ: что гомерическія поэмы возникли изъ ряда отдѣльныхъ пѣсенъ, примыкавшихъ къ циклу сказаній о Троянской войнѣ и сложенныхъ іонійскими пѣвцами, во главѣ которыхъ стоялъ Гомеръ; что эти пѣсни могли передаваться только устно, потому что письменное искусство находилось въ тѣ времена еще въ младенчествѣ (чертили знаки на металлѣ и камнѣ), и что, наконецъ, сами древніе упоминаютъ о соединеніи отдѣльныхъ рапсодовъ въ двѣ большія поэмы при Пизистратѣ, т. е. въ VI в. до Р. Х.

** По расказамъ греческихъ миѳовъ сначала вселенная представляла хаосъ; изъ него постепенно вышли разныя божества. Главная между ними богиня Гея (земля) произвела изъ себя Урана (небо) и громадныхъ исполиновъ, названныхъ титанами и гигантами. Отъ Урана произошелъ Хроносъ (время). Послѣдній убилъ своего отца Урана, и произвелъ на землѣ «золотой вѣкъ».

греческихъ боговъ извѣстны у насъ болѣе подъ римскими названіями, именно: Юпитеръ, Нептунъ, Юнона, и пр.). Впослѣдствіи они начали олицетворять собою не только видимую природу, но и разныя свойства людей; напримѣръ, Аполлонъ считался покровителемъ умственнаго просвѣщенія, Афродита изображала женскую красоту, Аѳина мудрость и т. д. Олимпійскіе боги находятся въ постоянномъ сообщеніи съ людьми и подвержены обыкновеннымъ человѣческимъ страстямъ и ощущеніямъ, каковы: радость, горе, гнѣвъ, ненависть и т. п. Въ сраженіяхъ подъ Троей нѣкоторые изъ нихъ даже были ранены смертными; но изъ ихъ ранъ текла легкая прозрачная кровь, похожая на росу. Они питаются амброзіей и божественнымъ напиткомъ нектаромъ. Олимпійскіе боги впрочемъ не пользовались всюду равнымъ почитаніемъ; многіе города до позднѣйшихъ временъ сохраняли предпочтеніе къ одному какому нибудь божеству. Такъ, Аѳина или Минерва царила въ Аѳинахъ, Юнона въ Аргосѣ, Аполлонъ въ Дельфахъ, Венера на островѣ Кипрѣ, и т. д. Кромѣ главныхъ или Олимпійскихъ боговъ у грековъ было еще множество низшихъ; всѣ горы, лѣса, поля, рѣки, всѣ явленія природы по ихъ понятіямъ, имѣли свои особыя божественныя существа или своихъ геніевъ, таковы: разныя *нимфы*, *сирены*, *сатиры*, *фавны* и

Опасаясь въ свою очередь погибнуть отъ собственныхъ дѣтей, Хроносъ проглатывалъ ихъ тотчасъ послѣ рожденія; такъ онъ поглотилъ Гестію, Деметру, Геру, Посейдона и Плутона. Но младшій изъ нихъ Зевесъ былъ спасенъ своею матерью Реею, которая вмѣсто него подала отцу камень завернутый на подобіе ребенка. Зевесъ, воспитанный ею скрытно отъ отца на островѣ Критѣ, потомъ заставилъ Хроноса освободить изъ себя другихъ дѣтей, и вмѣстѣ съ братьями захватилъ владычество надъ міромъ. Тутъ они должны были выдержать борьбу съ титанами и гигантами. Титаны начали сносить горы и громоздить ихъ одна на другую, чтобы добраться до Олимпійцевъ. Но Зевесъ ударилъ своею молніей, и горы разсыпались; побѣжденные титаны были низвергнуты въ подземныя бездны. Эти расказы мы узнаемъ отъ греческаго поэта *Гезіода*, родомъ біотійца, который жилъ въ IX в. до Р. Х. и написалъ поэму *Ѳеогонія* (что значитъ: «происхожденіе боговъ»). Ему также приписываютъ поэму «*Труды и Дни*» — собраніе разныхъ правилъ житейской мудрости.

пр. *. Впрочемъ идея о единомъ божествѣ, управляющемъ вселенной, не была совершенно чужда грекамъ; она выражалась въ неясномъ представленіи о неумолимой Судьбѣ, которой подчиненъ былъ и самъ Зевесъ. Понятія ихъ о загробной жизни и воздаяніи каждому по заслугамъ были довольно смутны. Тѣни грѣшниковъ отсылались въ мрачный холодный *Тартаръ*; а тѣни людей добродѣтельныхъ отправлялись въ *Элизіумъ*, гдѣ они вели блаженное существованіе посреди зеленыхъ рощъ и цвѣтовъ, наслаждаясь вѣчной весной. Однако и подобное существованіе въ глазахъ грековъ было гораздо менѣе привлекательно чѣмъ земная жизнь. „Я бы предпочелъ лучше быть на землѣ поденщикомъ какого нибудь бѣдняка чѣмъ царствовать здѣсь надъ всѣми тѣнями мертвыхъ“ — го-

* Вотъ какъ изображаетъ одинъ писатель поэтическія представленія грековъ о богахъ, олицетворявшихъ обычныя явленія природы. (Именно, французскій аббатъ Бартелеми, написавшій въ прошломъ столѣтіи прекрасную книгу о древней Греціи подъ видомъ «Путешествія молодаго скиѳа Анахарсиса»):

«Всякое утро молодая богиня (Аврора или заря) отворяетъ двери Востока и распространяетъ прохладу въ воздухѣ, разсыпаетъ цвѣты по полямъ и рубины по пути солнца. Тогда земля пробуждается и готовится встрѣтить бога (т. е. Аполлона), который всякій день даетъ ей новую жизнь: онъ появляется въ величіи, соотвѣтствующемъ царю неба; его колесница, везомая Горами (часами), летитъ и углубляется въ неизмѣримое пространство, наполняя его пламенемъ и свѣтомъ. Какъ скоро онъ достигаетъ чертоговъ царицы морей, Ночи, она раскидываетъ свое темное покрывало, и зажигаетъ безчисленные огни на небесномъ сводѣ. Тогда восходитъ другая колесница (луна), которой тихій успокоительный свѣтъ располагаетъ къ мечтамъ чувствительныя сердца. Радуга, блистающая роскошными цвѣтами и сгибающаяся отъ одного конца горизонта къ другому—это свѣтлые слѣды Ириды, которая несетъ на землю повелѣнія Юноны. Пріятные вѣтерки и страшныя бури—это геніи, которые то играютъ въ воздухѣ, то борятся другъ съ другомъ, что бы поднять волны. У подошвы этого спуска есть гротъ, исполненный прохлады и спокойствія: тутъ благодѣтельная нимфа льетъ изъ своей неизсякаемой урны ручей, который оплодотворяетъ сосѣднюю долину; отсюда подслушиваетъ она желанія молодой красавицы, которая приходитъ любоваться на себя въ текучей волнѣ. Войдите въ тотъ мрачный лѣсъ: ваша душа не чувствуетъ ни тишины, ни уединенія, потому что вы вступили въ жилище дріадъ и сильвановъ, и величіе божества внушаетъ вамъ таинственный трепетъ.“

ворилъ Ахиллесъ Одиссею, который во время своихъ странствованій удостоился видѣть загробный міръ. Тяжкіе преступники еще при жизни своей подвергались мщенію боговъ; исполнителями этого мщенія почитались злыя богиня *эвмениды* или *фуріи*, которыя жестоко преслѣдовали свою жертву и не давали ей покоя; онѣ представлялись съ извивающимися змѣями на головѣ, съ бичемъ въ одной рукѣ и съ свѣточемъ въ другой. (Эти богини конечно олицетворяли собой угрызенія совѣсти).

Между богами и людьми среднюю ступень занимали еще полубоги; обыкновенно память людей, отличившихся великими подвигами или заслугами, основателей городовъ, вождей переселенцевъ и т. п. окружалась божескими почестями. Почти каждый городъ, каждое поселеніе имѣли свои особыя мѣстныя божества и своихъ полубоговъ.

Боговъ своихъ греки представляли въ образѣ людей, только одаренныхъ сверхъестественными силами и безсмертіемъ. Идолы или статуи ихъ поэтому имѣли видъ совершенно человѣческій; они были изваяны изъ дерева, разныхъ металловъ, камней и особенно изъ мрамора. Нигдѣ искусство ваянія не достигало такого совершенства, такого изящества, какъ въ древней Греціи. Статуя Зевеса обыкновенно имѣла видъ почтеннаго мужа, сидящаго на тронѣ со скипетромъ въ рукѣ; Аполлонъ представлялъ стройнаго юношу, Афродита молодую прекрасную женщину, Аѳина вооруженную дѣвушку и т. д.

Статуи боговъ ставились въ храмахъ, которые не были акъ огромны, какъ въ Египтѣ или на востокѣ; но за то отличались стройными размѣрами и изящною отдѣлкою. На красивыхъ алтаряхъ жрецы приносили богамъ въ жертву животныхъ, въ особенности быковъ, украшенныхъ цвѣточными гирляндами. Греки думали, что боги могутъ говорить съ людьми и открывать имъ будущее посредствомъ особыхъ прорицалищъ или *оракуловъ*. Знаменитыхъ оракуловъ было два. Одинъ въ эпирскомъ городѣ Додонѣ при храмѣ Зевеса;

жрецы толковали здѣсь будущее по шелесту листьевъ священнаго дуба, по журчанью ручья или по звуку висящихъ мѣдныхъ сосудовъ. Другой, еще болѣе почитаемый оракулъ находился въ Дельфахъ, у подошвы горы Парнаса, при храмѣ Аполлона. Здѣсь жрица, называвшаяся *пиѳія,* садилась на треножникъ, поставленный надъ разсѣлиной скалы; одуряющіе пары, выходившіе изъ этой разсѣлины, приводили пиѳію въ изступленіе, и она произносила безсвязныя слова, изъ которыхъ жрецы выводили отвѣты вопрошавшимъ. Сюда стекались послы со всѣхъ греческихъ земель отъ знатныхъ людей и цѣлыхъ государствъ, и не иначе какъ съ богатыми дарами. Тутъ они довольно долго ожидали своей очереди; а между тѣмъ хитрые жрецы развѣдывали обстоятельства вопрошавшихъ, и потомъ давали отвѣты, но по большей части неясные, такъ что ихъ можно было истолковать различнымъ образомъ. Впрочемъ жреческое сословіе въ Греціи не было многочисленно, и не пользовалось такою властію, какъ у восточныхъ народовъ; оно не составляло отдѣльной касты. Всякій глава семейства исполнялъ въ своемъ домѣ обязанности жреца.

Въ числѣ учрежденій, поддерживавшихъ тѣсную связь между отдѣльными греческими народами, важную роль играло *Амфиктіоново судилище.* Основаніе его приписывали Амфиктіону, одному изъ древнѣйшихъ царей аѳинскихъ. Это былъ союзъ многихъ сосѣднихъ государствъ съ цѣлью охранять Дельфійскій оракулъ и сокровища Дельфійскаго храма, а также поддерживать взаимный миръ и разбирать пограничныя распри. Судилище собиралось два раза въ годъ, весною и осенью, попеременно въ Дельфахъ и въ Ѳермопилахъ. Число городовъ, принадлежавшихъ къ союзу, простиралось до 30, и каждый городъ посылалъ въ судилище двухъ депутатовъ. Вступая въ собраніе, амфиктіоны предварительно давали слѣдующую присягу: „Клянусь никогда не разрушать города, принадлежащаго къ союзу Амфиктіонову и никогда не лишать его текучей воды ни въ мирное, ни въ военное время“

и т. д. По примѣру Дельфійской амфиктоніи образовалось потомъ въ Греціи и еще нѣсколько подобныхъ союзовъ.

Между общими греческими праздниками первое мѣсто занимали *общественныя игры*, на которыхъ происходили разныя состязанія въ силѣ и ловкости. Самыя замѣчательныя игры были *Олимпійскія*, названныя такъ потому, что онѣ совершались въ честь Зевеса Олимпійскаго, близъ города Олимпіи въ Элидѣ. На мѣстѣ усыпанномъ пескомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней состязатели или *атлеты* боролись другъ съ другомъ; метали диски или метталическіе круги, бѣгали взапуски, перегонялись на колесницахъ. Кругомъ располагались зрители, стекавшіеся со всѣхъ греческихъ земель. Время игръ начиналось и оканчивалось жертвоприношеніями и пѣніемъ молитвъ или гимновъ. Побѣдители награждались лавровымъ вѣнкомъ; эта награда цѣнилась очень высоко, и считалась украшеніемъ не только самаго атлета, но и цѣлаго города, въ которомъ онъ родился *. Кромѣ тѣлесныхъ или гимнастическихъ состязаній, на этихъ играхъ впослѣдствіи писатели и поэты читали свои лучшія сочиненія. Напримѣръ, Геродотъ читалъ здѣсь отрывки изъ своей исторіи. Олимпійскія игры производились черезъ каждые четыре года, и по этимъ четырехлѣтнимъ промежуткамъ или *Олимпіадамъ* греки вели свое лѣтосчисленіе. Счетъ по олимпіадамъ велся съ того года, когда въ первый разъ были записаны имена побѣдителей (за 776 лѣтъ до Р. Х. Отсюда собственно и начинается достовѣрная хронологія греческой исторіи; а событія прежняго времени обозначаются болѣе или менѣе

---

* Первую награду получалъ атлетъ, одержавшій побѣду въ бѣгѣ. Быстрота ногъ цѣнилась у грековъ болѣе всего; потому и главный герой Иліады Ахиллъ называется «быстроногимъ».

Между атлетами греческими славою перваго силача пользовался Милонъ Кротонскій. (Кротонъ — греческая колонія въ Южной Италіи).

Въ послѣдствіи въ честь побѣдителей на общественныхъ играхъ поэты слагали хвалебные гимны. Такими гимнами особенно прославился греческій поэтъ *Пиндаръ*, родомъ изъ Біотіи, жившій въ V вѣкѣ до Р. Х.

гадательными цифрами). Кромѣ Олимпійскихъ были общественныя игры: *Истмійскія* въ Коринѳѣ, *Немейскія* въ Арголидѣ и *Пиѳійскія* въ Дельфахъ.

IV. ГРЕЧЕСКІЯ ГОСУДАРСТВА И КОЛОНІИ.

Лаконія и городъ Спарта. Ликургъ. Сословія. Аристократическое правленіе, образъ жизни и суровое воспитаніе спартанцевъ. Аттика. Городъ Аѳины. Правленіе эвпатридовъ. Солонъ и его законы. Демократическое устройство аѳинянъ. Пизистратъ и его сыновья. Клисѳенъ. Обзоръ второстепенныхъ государствъ Греціи. Тираны. Причины переселеній. Колоніи малоазіатскія. Поликратъ. Торговля. Прочія восточныя колоніи. Кирена. Западныя колоніи. Сиракузы. Великая Греція. Пиѳагоръ. Массилія.

Въ періодъ героическій изъ четырехъ греческихъ племенъ главная роль принадлежала Ахеянамъ и отчасти Эолянамъ; въ слѣдующій за тѣмъ историческій періодъ на передній планъ выступаютъ Доряне и Іоняне. Съ теченіемъ времени эти два племени, развивая каждое различныя стороны эллинскаго характера, являются весьма несходными другъ съ другомъ. Въ дорическихъ государствахъ замѣчаемъ жосткость нравовъ, наклонность къ удержанію старыхъ обычаевъ, къ опредѣленнымъ, почти неподвижнымъ формамъ быта и господство аристократіи (т. е. консервативное направленіе). А іоняне обнаруживаютъ болѣе мягкій характеръ, стремленіе къ новизнѣ, къ кипучей разносторонней дѣятельности и къ преобладанію демократіи или народоправленія (прогрессивное направленіе). Вмѣстѣ съ тѣмъ умственное развитіе, т. е. поэзія, науки и искусства, получаютъ у іонянъ гораздо болѣе широкое развитіе, чѣмъ у дорянъ. Представительницею доризма является *Спарта*, а іонизма *Аѳины*. Въ исторіи этихъ двухъ рес-

публикъ на долгое время сосредоточивается исторія цѣлой Греціи.

Лаконика или Лакедемонъ составляла юговосточную часть Пелопоннеза. Отъ горъ Аркадіи идутъ на югъ два хребта: Тайгетъ и Парнонъ; первый оканчивается мысомъ Тенарумъ (теперь Матапанъ), второй мысомъ Малеа. Между этими крутыми скалистыми хребтами лежитъ долина, орошаемая рѣкою Эвротомъ. На сѣверѣ она представляетъ единственный удобный проходъ сухимъ путемъ въ Лаконію; на прочихъ сухопутныхъ границахъ эта область была почти неприступна по причинѣ высокихъ горъ. Климатъ здѣсь болѣе суровъ чѣмъ въ другихъ частяхъ Греціи: лѣтомъ почти тропическіе жары, а зимою довольно холодно. Почва мѣстами очень плодородна, но вообще требуетъ значительнаго труда для своей обработки. Такія условія должны были способствовать развитію жосткости и энергіи въ самомъ характерѣ жителей. Обиліе желѣзной руды въ лаконскихъ горахъ представляло драгоцѣнный матеріалъ для воинственнаго населенія. Въ цвѣтущій періодъ Спартанской республики число жителей Лаконіи полагаютъ отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ.

Главный городъ, Спарта, лежалъ на склонахъ хребта Тайгета, на правомъ берегу Эврота, и представлялъ группы домиковъ разбросанныхъ по холмамъ; онъ возникъ изъ соединенія нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень; прямыхъ, непрерывныхъ улицъ въ немъ почти не было. Внутренней крѣпости или акрополя Спарта собственно не имѣла, хотя этимъ именемъ и назывался холмъ, на которомъ стоялъ храмъ Аѳины Поліухосъ. Вообще наиболѣе богатыми красивыми зданіями были храмы, мѣста правительственныхъ засѣданій и прекрасный, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора, театръ. Подлѣ города устроена была особая площадь, обсаженная платанами и окруженная рвомъ съ водою; на нее вели два мостика, украшенные статуями Геркулеса и Ликурга. Эта площадь служила для воинскихъ упражненій юношей, которые раздѣлялись на двѣ стороны: одна сторона отбивала площадь у другой; причемъ противники старались

столкнуть другъ друга въ воду. Самый городъ противъ обыкновенія не былъ огражденъ стѣнами: мужество гражданъ должно было служить ему защитою. Кромѣ Спарты въ Лаконіи находимъ мало значительныхъ городовъ; населеніе разсѣяно было въ многочисленныхъ мѣстечкахъ и деревняхъ; заслуживаютъ упоминанія только городъ *Амиклы* и гавань *Гитіумъ*.

Доряне завоевали Лаконію подъ начальствомъ двухъ братьевъ, и съ тѣхъ поръ въ Спартѣ было всегда два царя. Они рѣдко находились между собою въ согласіи; а покоренные лаконцы часто возставали противъ своихъ завоевателей; отсюда происходили большія смуты и волненія. Но въ IX вѣкѣ до Р. Х. явился мужъ, который своими законами утвердилъ порядокъ въ Спартѣ. Это былъ Ликургъ, принадлежавшій къ одной изъ двухъ царскихъ фамилій. Жизнь и дѣятельность этого лица имѣетъ полумиѳическій, полуисторическій характеръ. Вотъ что расказываетъ о немъ позднѣйшій греческій историкъ Плутархъ:

Ликургъ былъ сынъ спартанскаго царя Эвнома, который, однажды желая разнять драку, получилъ ударъ ножемъ, и умеръ. Старшій сынъ Эвнома Полидектъ также вскорѣ умеръ; Ликургъ долженъ былъ наслѣдовать брату въ царскомъ достоинствѣ; но отказался отъ него въ пользу маленькаго племянника своего Харилая (сына Полидектова); однако нѣкоторое время пользовался властію въ качествѣ опекуна племянника. Такъ какъ его справедливость навлекла на него вражду многихъ знатныхъ людей, то Ликургъ оставилъ потомъ отечество и отправился путешествовать. На островѣ Критѣ онъ изучилъ дорическія установленія царя Миноса; въ іонійскихъ колоніяхъ (въ Малой Азіи) познакомился съ пѣснями Гомера, и впослѣдствіи сообщилъ ихъ спартанцамъ; въ Египтѣ онъ заимствовалъ многія познанія отъ жрецовъ. Между тѣмъ въ Спартѣ свирѣпствовали раздоры и смуты; народъ просилъ Ликурга воротиться въ отечество и утвердить порядокъ опредѣленными законами. Ликургъ исполнилъ эту просьбу. Что бы придать болѣе вѣсу своему предпріятію, онъ

обратился за совѣтомъ къ Дельфійскому оракулу, и Пиѳія назвала его другомъ боговъ. Когда его законы были окончены и введены въ Спартѣ, онъ собралъ весь народъ и объявилъ, что остается сдѣлать еще одно важное дѣло; но, что о немъ онъ не можетъ сообщить прежде, нежели посовѣтуется съ оракуломъ. Отправляясь въ Дельфы, онъ заставилъ всѣхъ сановниковъ и всѣхъ гражданъ поклясться, что они неизмѣнно будутъ сохранять данные имъ законы до его возвращенія. Въ Дельфахъ Ликургъ принесъ жертву Аполлону, и вопросилъ оракула, хороши ли его законы. Оракулъ отвѣчалъ, что до тѣхъ поръ, пока Спарта сохранитъ ихъ, она будетъ наслаждаться полнымъ счастьемъ. Этотъ отвѣтъ Ликургъ послалъ въ отечество; а самъ еще разъ принесъ жертву Аполлону; за тѣмъ добровольно уморилъ себя голодомъ, и прахъ свой завѣщалъ бросить въ море, чтобы сограждане не имѣли никакого предлога нарушить его законы. Спартанцы воздавали его памяти почти божескія почести.

Съ того времени Спартанское государство имѣло слѣдующее устройство. Населеніе страны дѣлилось на три сословія или класса: Спартіаты, Періэки и Илоты. *Спартіаты*, т. е. собственно граждане Спарты, были потомки дорянъ-завоевателей и составляли родъ господствующей военной аристократіи. Она впрочемъ не имѣла вполнѣ замкнутаго характера. Съ одной стороны въ нее вошли нѣкоторые аристократическіе роды покоренныхъ ахеянъ, и кромѣ того великія заслуги, оказанныя государству, всегда открывали періэкамъ доступъ въ ряды спартіатовъ. Съ другой стороны обѣднѣвшіе спартанцы, которые были не въ состояніи на свой счетъ отправлять военную службу и участвовать въ общественномъ столѣ, или не получили надлежащаго воспитанія, исключались изъ этого сословія, и поступали въ число періэковъ. Спартіаты считались равными между собою, были свободны отъ податей; занимались только гимнастикой, охотой и войной. Они дѣлились на три филы или колѣна; каждая фила подраздѣлялась

на 10 фратрій; фратрія заключала въ себѣ 300 семействъ. Слѣдовательно всѣхъ семействъ было 9000 *.

Періэками назывались въ Лаконіи жители ахейскихъ городовъ, завоеванныхъ дорянами. Они не пользовались полными правами гражданъ: общины ихъ находились подъ надзоромъ спартіатовъ; они платили подати, обязаны были также служить въ войскѣ и во флотѣ. Вообще положеніе періэковъ было довольно сносное; въ ихъ рукахъ сосредоточивались земледѣліе, торговля и промышленность. Они занимали въ государствѣ мѣсто средняго сословія, и считались лично свободными, такъ что имъ не былъ воспрещенъ доступъ къ Олимпійскимъ играмъ.

Гораздо тяжеле было положеніе *Илотовъ*. Такъ называлась другая часть покоренныхъ ахеянъ, именно сельскіе жители, обращенные въ рабство. (Говорятъ, будто ихъ названіе произошло отъ города Илоса, жители котораго возмутились противъ дорянъ и за то были наказаны обращеніемъ въ рабовъ). Впрочемъ они принадлежали не отдѣльнымъ лицамъ, а государству, которое отдавало ихъ во временное пользованіе спартіатамъ. Господинъ не могъ ни продать илота, ни отпустить его на волю; илоты обработывали его земли, при чемъ доставляли господину извѣстное количество хлѣба и другихъ произведеній, а остальное обращали въ свою пользу. Изъ илотовъ состояла также домашняя прислуга спартіата; въ качествѣ слугъ и оруженосцевъ они сопровождали его и на войну. Надежда на свободу не была совершенно отнята у илотовъ: въ случаѣ нужды они призывались къ военной

* Въ связи съ этимъ числомъ находится извѣстіе Плутарха о Ликурговомъ раздѣлѣ земель. Именно: что бы водворить между гражданами равенство въ имуществахъ, Ликургъ раздѣлилъ Лаконію на 39,000 участковъ; 9000 большихъ участковъ были розданы спартіатамъ, а 30,000 малыхъ, покореннымъ лаконцамъ. Но существованіе такого раздѣла нѣкоторые ученые (напримѣръ, Лахманъ и Гротъ) отвергаютъ на томъ основаніи, что другіе писатели древности о немъ не упоминаютъ; притомъ во времена Ликурга далеко еще не вся Лаконія была завоевана дорянами.

службѣ, особенно въ качествѣ легковооруженныхъ и матросовъ. Наиболѣе отличившіеся изъ нихъ отпускались на волю. Но вообще этотъ многочисленный классъ населенія съ неудовольствіемъ переносилъ свое иго, нерѣдко дѣлалъ попытки къ возстанію, и постоянно держалъ спартіатовъ въ напряженномъ состояніи. Что бы ослабить илотовъ, Спарта употребляла разныя мѣры: запрещала имъ собираться въ толпу, пѣть военные спартанскіе гимны, а иногда даже прибѣгала къ ихъ истребленію. Такъ, расказываютъ, что ежегодно отправлялась внутрь страны экспедиція изъ молодыхъ спартанцевъ, вооруженныхъ кинжалами; что бы пріучать себя къ пролитію крови, они должны были убивать всѣхъ илотовъ, попавшихся на встрѣчу въ извѣстный часъ. Эта охота на илотовъ называлась *криптія* *.

Почти во всѣхъ другихъ греческихъ государствахъ прекратилось наслѣдственное царское достоинтсво; въ Спартѣ оно удержалось, но за то съ такою ограниченною властію, которая не мѣшала республиканскому образу правленія. Совмѣстное существованіе *двухъ царей* служило не малымъ препятствіемъ усиленію этой власти. Въ Лаконіи цари были только первыми сановниками республики; но внѣ ея во время похода они пользовались почти неограниченнымъ полномочіемъ. Уваженіе къ нимъ гражданъ основывалось главнымъ образомъ на томъ, что оба царскіе рода (Проклиды и Агиды)

* По всей вѣроятности подобные расказы преувеличены; можетъ быть криптія въ сущности предпринималась для очищенія страны отъ разбойничьихъ шаекъ, которыя составлялись изъ бѣглыхъ илотовъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Спарта не задумываясь истребляла опасныхъ рабовъ. Фукидидъ передаетъ слѣдующій фактъ: однажды республика, подозрѣвая мятежные замыслы со стороны илотовъ, обнародовала, что бы всѣ тѣ изъ нихъ, которые по своимъ прошлымъ заслугамъ считали себя достойными свободы, предъявили свои права передъ сановниками. На этотъ вызовъ собрались самые храбрые и честолюбивые илоты; правительство выбрало изъ нихъ наиболѣе достойныхъ, въ числѣ 2000. Съ вѣнками на головахъ они отправились торжественной процессіей въ храмы, что бы благодарить боговъ; но, спустя не много времени, всѣ эти 2000 человѣкъ исчезли безъ всякаго слѣда.

вели свое происхожденіе отъ Геркулеса. Спартанскіе цари были вмѣстѣ жрецами Зевеса и посредниками въ сношеніяхъ государства съ Дельфійскимъ оракуломъ. Они ежемѣсячно возобновляли свою присягу исполнять законы республики. Смерть каждаго изъ нихъ чтилась десятидневнымъ народнымъ трауромъ. Они были предсѣдателями *Герузіи* или спартанскаго Сената. Герузія состояла изъ 28 геронтовъ или старцевъ (что вмѣстѣ съ двумя царями составляло 30 членовъ по числу 30 фратрій); геронты избирались на всю жизнь изъ заслуженныхъ, уважаемыхъ спартіатовъ, имѣвшихъ неменѣе 60 лѣтъ отъ роду. Этотъ совѣтъ старцевъ предварительно обсуждалъ вопросы, долженствовавшіе поступить на рѣшеніе народнаго собранія, исполнялъ обязанности верховнаго судилища по важнымъ преступленіямъ, и надзиралъ за нравами гражданъ. Кромѣ того въ Спартѣ было еще пять высшихъ сановниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *эфоровъ*; они избирались народомъ на одинъ годъ. Учрежденіе ихъ полагаютъ лѣтъ сто спустя послѣ Ликурга. Въ началѣ эфоры только разбирали тяжбы по имуществу и надзирали за рынками; но въ послѣдствіи кругъ дѣятельности ихъ весьма расширился. Они присвоили себѣ право призывать къ своему суду всякаго чиновника республики (за исключеніемъ геронтовъ); въ чрезвычайныхъ случаяхъ они могли даже арестовать царя, подозрѣваемаго въ измѣнѣ. Позднѣе обыкновенно двое изъ эфоровъ сопровождали царя во время походовъ. Важнѣйшія государственныя дѣла сановники предлагали на рѣшеніе *народнаго собранія*, въ которомъ участвовали всѣ спартіаты, имѣвшіе не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Но здѣсь не было обычая разсуждать о дѣлѣ; народъ только простымъ крикомъ одобрялъ или отвергалъ предложеніе властей. Вообще Спарта была республикой, въ которой государственныя дѣла находились болѣе въ рукахъ царей и высшихъ сановниковъ, нежели народнаго собранія. Подобная республика называется *аристократическою*. (Герузія могла даже отмѣнить рѣшеніе народнаго собранія, ежели находила его неправильнымъ).

Спартанцамъ предписанъ былъ самый строгій образъ жизни, и запрещалась всякая роскошь. Напримѣръ, мужчины не могли обѣдать дома; они собирались за общіе столы, гдѣ обѣдали товариществами. Этотъ обычай общественн ыхъ столовъ назывался *сисситія*. Каждый членъ товарищества доставлялъ къ столу опредѣленное количество муки, вина, плодовъ и денегъ. Обѣдали они очень умѣренно; любимое кушанье ихъ составляла черная похлебка, сваренная изъ свинаго отвара, крови уксуса и соли. Въ одеждѣ и жилищахъ соблюдалась также величайшая простота. Только передъ битвою спартанцы наряжались какъ на праздникъ: они надѣвали тогда багряные плащи, украшали вѣнками свои длинные волосы, и шли съ пѣснями при звукахъ флейтъ. (Извѣстіе Плутарха о томъ, что Ликургъ изгналъ изъ Спарты золотую и серебряную монету и ввелъ тяжеловѣсную желѣзную, чтобы предупредить накопленіе большихъ суммъ въ однѣхъ рукахъ — это извѣстіе невѣроятно; золотую и серебряную монету начали чеканить въ Греціи уже послѣ Ликурга).

Воспитаніе дѣтей было очень суровое. Они принадлежали собственно не родителямъ, а государству. Новорожденнаго мальчика отецъ долженъ былъ выставлять въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ собирались старцы. Если они находили дитя слабымъ или уродливымъ, то его бросали въ пропасть съ вершины Тайгета; только дѣти, обѣщавшіе здоровыхъ воиновъ, возвращались родителямъ, и оставались на ихъ попеченіи до семилѣтняго возраста. Съ этого возраста мальчики отдавались въ гимназію, т. е. въ общественную школу, гдѣ они занимались болѣе всего гимнастикой или тѣлесными упражненіями, подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ (педономовъ). Здѣсь старались образовать изъ нихъ сильныхъ, крѣпкихъ воиновъ, способныхъ переносить всѣ лишенія и подчиняться самой строгой дисциплинѣ; ихъ заставляли привыкать къ голоду, къ усталости и перенесенію боли; съ этою цѣлью, напримѣръ, мальчиковъ жестоко сѣкли розгами, и считалось признакомъ мужества не издавать притомъ никакихъ стоновъ. Даже дѣ-

вушки спартанскія занимались гимнастическими упражненіями, чтобы укрѣпить свои силы и производить потомъ здоровыхъ дѣтей. Спартанки были извѣстны своей красотой во всей Греціи; спартанскія кормилицы вошли въ такую славу, что вездѣ богатые люди старались поручать имъ своихъ дѣтей. Что бы развить въ молодыхъ спартіатахъ находчивость и ловкость, имъ позволялось безнаказанно украсть что либо изъ съѣстнаго; но если воръ попадался, то его больно наказывали. Мальчикамъ не давали обуви; лѣтомъ и зимой они носили одинаковую одежду; спали на тростникѣ, который должны были сами наломать въ Эвротѣ, безъ помощи острыхъ орудій. Кромѣ гимнастики они учились въ школѣ играть на флейтѣ, и пѣть религіозные и воинственные гимны. Скромность и уваженіе къ старшимъ были первымъ долгомъ молодыхъ людей. Спартанскіе юноши обыкновенно ходили по улицамъ тихимъ, ровнымъ шагомъ съ опущеннымъ взоромъ и держа руки подъ плащемъ (послѣднее считалось въ Греціи признакомъ скромности). Они съ дѣтства пріучались не плодить рѣчей, а отвѣчать коротко и сильно. Отсюда подобные отвѣты и теперь называются „лаконическими“.

Въ 20 лѣтъ спартіатъ оканчивалъ свое воспитаніе и поступалъ въ войско. Въ 30 лѣтъ онъ становился супругомъ и пользовался всѣми правами гражданина; въ 60 онъ освобождался отъ военной службы. Бракъ заключался между молодыми людьми свободно, по склонности. Обыкновенно спартіатъ похищалъ свою подругу (впрочемъ съ вѣдома родителей), и нѣсколько времени видался съ нею тайкомъ; а потомъ уже открыто объявлялъ ее своей женой, и вводилъ въ свой домъ. Положеніе жены въ Спартѣ и вообще у дорянъ было довольно почетное; она была госпожею въ домѣ, не вела такой заключенной жизни, какъ на востокѣ и отчасти у другихъ греческихъ племенъ, и въ лучшія времена Спарты обнаруживала высокій патріотическій духъ. Напримѣръ: одинъ молодой спартіатъ, показывая матери своей мечъ, замѣтилъ, что онъ очень коротокъ. „Сдѣлай еще одинъ шагъ впередъ“,

отвѣчала мать. Другая спартанка, подавая щитъ сыну, отправлявшемуся на войну, сказала лаконически: „съ нимъ или на немъ“ (т. е. возвращайся побѣдителемъ или мертвымъ).

Итакъ, учрежденія Спарты носятъ на себѣ общій дорійскій характеръ. Въ другихъ дорійскихъ государствахъ (особенно на островѣ Критѣ) встрѣчаются тѣже отношенія завоевателей къ покореннымъ, тѣже общественные столы, герузія и пр. Только въ Спартѣ дорійскіе обычаи достигли наибольшаго развитія, и пріобрѣли силу твердыхъ, опредѣленныхъ законовъ, подъ именемъ законовъ Ликурга. Положеніе дорянъ въ Лаконіи посреди враждебнаго имъ ахейскаго племени и постоянная необходимость силою оружія поддерживать здѣсь свое господство надъ болѣе многочисленными туземцами способствовали тому, что Спартанская община усвоила себѣ характеръ военнаго братства, всегда готоваго къ битвѣ. Водвореніе Ликурговыхъ учрежденій дѣйствительно обезпечило за Спартою нѣсколько сотъ лѣтъ замѣчательнаго могущества, и наполнило ея исторію громкими дѣлами любви къ отечеству и благоговѣнія передъ его законами. Съ другой стороны они сообщили ей характеръ неподвижности. Пренебрегая мирнымъ трудомъ и умственными занятіями, спартанцы съ теченіемъ времени отстали въ этомъ отношеніи отъ другихъ грековъ. *

---

* Не занимаясь торговлею, они могли еще накоплять у себя богатства посредствомъ военной добычи; но, что бы построить храмы и другія изящныя зданія, должны были приглашать художниковъ изъ чужихъ областей; на поприщѣ литературы и наукъ они не произвели ни одного генія. Спартанцы были превосходными воинами; ихъ армія возбуждала всеобщее удивленіе и заранѣе наводила страхъ на непріятелей своими стройными движеніями, воинственнымъ видомъ людей, яркими плащами, блестящими мѣдными шлемами и щитами; трусость была между ними большою рѣдкостью; она наказывалась общимъ презрѣніемъ и отчужденіемъ. Но, въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста спартанцы отстали отъ болѣе образованныхъ эллинскихъ народовъ. Побѣды увлекли спартанцевъ къ военнымъ предпріятіямъ за предѣлы отечества; а эти предпріятія близко познакомили ихъ съ образомъ жизни другихъ народовъ, и повели за собою впослѣдствіи перемѣну ихъ простаго, суроваго быта.

Благодаря воинственному устройству своей общины, спартанцы докончили покореніе лаконскихъ ахеянъ; а затѣмъ обратили свое оружіе на сосѣднюю область Мессенію. Вражда съ мессенянами возникла изъ пограничныхъ споровъ, въ VIII в. д. Р. Х. Спартанцы вели съ ними двѣ войны; подробности этихъ войнъ украшены разными баснословными сказаніями. Въ первой Мессенской войнѣ отличился царь мессенянъ Аристодемъ, который для спасенія отечества закололъ въ жертву богамъ собственную дочь; а потомъ, когда отчаялся въ этомъ спасеніи, самъ убилъ себя на ея могилѣ. Во второй войнѣ вождемъ мессенянъ явился герой Аристоменъ. Въ числѣ его баснословныхъ приключеній расказываютъ слѣдующее: взятый однажды въ плѣнъ спартанцами, онъ вмѣстѣ съ своими товарищами былъ брошенъ въ глубокую пропасть; но остался живъ, и спасся изъ нея съ помощью лисицы: она пришла на трупы его товарищей, и открыла такимъ образомъ нору, черезъ которую Аристоменъ выползъ изъ пропасти. Побѣды Аристомена, нашедшаго союзниковъ въ аркадянахъ и аргивянахъ, навели такой страхъ на Спарту, что она, по совѣту Дельфійскаго оракула обратилась за помощью къ аѳинянамъ, и тѣ прислали ей поэта Тиртея. Его воинственные гимны воодушевили спартанцевъ, и счастье перешло на ихъ сторону. Вслѣдствіе измѣны аркадянъ, Аристоменъ потерялъ большое сраженіе; онъ долго еще защищался въ горной крѣпости Ира; наконецъ съ оставшеюся горстью храбрыхъ удалился въ Аркадію. Мессенія была завоевана спартанцами; многіе ея жители переселились въ южную Италію и Сицилію; а оставшіеся въ отечествѣ были обращены въ илотовъ. (Около половины VII вѣка до Р. Х.).

За тѣмъ послѣдовали упорныя войны Спарты съ другими сосѣдями: аркадянами и аргивянами. У первыхъ спартанцы отняли пограничную горную область Тегею, у вторыхъ Кинурію. Около эпохи грекоперсидскихъ войнъ Лакедемонъ является самымъ сильнымъ государствомъ Греціи. Почти всѣ народы Пелопоннеса признали надъ собою спартанскую *гегемо-*

нію. Она выражалась тѣмъ, что на общихъ совѣтахъ и во время общихъ походовъ предводительство принадлежало спартанскимъ царямъ.

Вторая знаменитая республика, *Аѳины*, владѣла юговосточнымъ угломъ Средней Греціи, т. е. Аттикой. Эта область представляетъ высокую холмистую страну, которая отъ беотійской горной группы Киѳерона понижается къ морю на востокъ и на западъ и оканчивается мысомъ Суній. Изъ отдѣльныхъ возвышенностей замѣчательны: Пентеликонъ, доставлявшій превосходный мраморъ для аѳинскихъ построекъ, Лавріонъ, богатый серебряными и свинцовыми рудниками, и Гиметъ, извѣстный своимъ медомъ (греки незнали сахара, и медъ былъ важнымъ предметомъ торговли). Почва Аттики не отличалась особымъ плодородіемъ за исключеніемъ юго-западной приморской равнины, славившейся своими оливками. Здѣсь находился главный городъ Аѳины, на берегу двухъ незначительныхъ рѣкъ Кефиса и Илиса *. Посреди города возвышался крутой обрывистый холмъ; онъ былъ окруженъ особою стѣною и застроенъ храмами, памятниками и другими общественными зданіями; это мѣсто называлось *Акрополь* (тоже что въ древнихъ русскихъ городахъ *кремль* т. е внутренняя крѣпость). Главная аѳинская гавань на морскомъ берегу называлась *Пирей*: она составляла цѣлый особый городъ, и была соединена съ Аѳинами двумя стѣнами, пространство между которыми также было застроено и представляло одну непрерывную улицу (на протяженіи почти семи верстъ). Въ самое цвѣтущее время республики число аѳинскихъ жителей простиралось до 180,000. А все населеніе Аттики составляло до полумильона; но большая половина его въ это

---

* Поэтическая легенда разсказываетъ, что богиня Аѳина спорила съ богомъ Посейдономъ о томъ, чьимъ именемъ, назвать городъ; положено было рѣшить споръ достоинствомъ ихъ произведеній. Тогда Аѳина произвела на пользу людей оливу; Посейдонъ ударилъ своимъ трезубцемъ, и изъ морскихъ волнъ вышелъ конь. Городъ былъ названъ именемъ Аѳины.

время были рабы. Изъ другихъ городовъ Аттики замѣчательны: *Мараөонъ*, на восточномъ берегу; *Элевзисъ*, лежавшій въ той же югозападной приморской равнинѣ противъ острова Саламина, и извѣстный своими мистеріями или религіозными таинствами.

Населеніе Аттики произошло изъ смѣшенія древнѣйшихъ обитателей ея пеласговъ съ ахеянами, эолянами и іонянами. Здѣсь не было такого отдѣленія завоевателей отъ покоренныхъ какъ въ дорійскихъ государствахъ. Однако издревле уже встрѣчаются три класса свободныхъ жителей: *эвпатриды* или благородные, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались большія поземельныя владѣнія (они преимущественно эолійскаго и іонійскаго происхожденія), земледѣльцы (*геоморы*) и ремесленники (*демiурги*). Это раздѣленіе приписывалось царю Тезею, который считался настоящимъ основателемъ Аөинскаго государства: онъ соединилъ въ одинъ народъ 12 отдѣльныхъ общинъ, бывшихъ въ Аттикѣ, и сдѣлалъ Аөины главнымъ городомъ. Въ память этого соединенія онъ устроилъ *панаөинейскій* праздникъ, въ которомъ принималъ участіе весь народъ. Слѣды древнѣйшаго распаденія на отдѣльныя общины сохранились потомъ въ раздѣленіи народа на четыре колѣна или филы, изъ которыхъ каждое подраздѣлялось на три фратріи. Связью между членами филы или фратріи служили преимущественно общее почитаніе какого-либо миөическаго родоначальника этой филы и сообща приносимыя ему жертвы.

Аристократія эвпатридовъ съ теченіемъ времени пріобрѣла господствующее значеніе въ странѣ, и мало по малу уничтожила царскую власть; царское достоинство потеряло наслѣдственное право и сдѣлалось избирательнымъ, а потомъ и совсѣмъ прекратилось. Этотъ постепенный переворотъ впослѣдствіи преданіе приписало слѣдующему событію. Когда доряне двинулись на югъ для завоеванія Пелопоннеса, часть ихъ напала на Аттику. Жители обратились къ оракулу; онъ отвѣчалъ, что побѣдитъ та сторона, у которой предводитель бу-

детъ убитъ. Царь аѳинскій Кодръ, переодѣвшись простымъ солдатомъ, пошелъ въ непріятельскій станъ, завелъ тамъ ссору, и былъ убитъ. Когда доряне узнали о его самопожертвованіи, они испугались предсказанія оракула, и отступили. Тогда эвпатриды объявили, что послѣ такого великодушнаго царя никто недостоинъ быть его преемникомъ, и царское достоинство было отмѣнено. На мѣсто царя стали выбирать высшаго сановника подъ именемъ *архонта*. Въ началѣ его выбирали изъ фамиліи Кодра и на цѣлую жизнь; потомъ ограничили архонтство десятью годами; наконецъ власть его раздѣляли между девятью сановниками, которые выбирались ежегодно и притомъ уже изъ всѣхъ эвпатридовъ. Первый изъ этихъ девяти архонтовъ назывался *эпонимъ*, это былъ высшій гражданскій сановникъ; второй, *басилевсъ*, отправлялъ обязанности верховнаго жреца и судьи по религіознымъ проступкамъ, третій, *полемархъ*, начальствовалъ надъ войскомъ. Остальные шесть, подъ именемъ архонтовъ *тесмотетовъ*, раздѣляли между собою завѣдываніе дѣлами второстепенной важности. Такимъ образомъ эвпатриды захватили въ свои руки все управленіе государствомъ, и слѣдовательно Аѳины являются сначала республикою аристократическою. Эвпатриды болѣе всего заботились о собственныхъ выгодахъ, и, пользуясь отсутствіемъ опредѣленныхъ законовъ, угнетали простыхъ гражданъ; особенно жестоко поступали они съ своими должниками, обращая въ рабство несостоятельныхъ. Поэтому много было недовольныхъ, которые старались свергнуть владычество аристократовъ. Отсюда происходили смуты и междоусобія. Народъ потребовалъ изданія законовъ. Эвпатриды поручили составить ихъ архонту Дракону (624 г.); но законы его были слишкомъ жестоки для простыхъ людей, и названы кровавыми законами, такъ какъ почти за всякое преступленіе назначали смертную казнь. Междоусобія возобновились. (Одинъ богатый эвпатридъ, Килонъ, пользуясь смутами, попытался даже захватить себѣ верховную власть; но попытка его окончилась неудачею). Конецъ этимъ смутамъ положилъ Солонъ.

Солонъ происходилъ изъ очень знатнаго рода; но, будучи небогатъ, онъ занялся торговлею, пріобрѣлъ большую опытность путешествіями, и за свой умъ пользовался общимъ уваженіемъ. Слѣдующій подвигъ сдѣлалъ его любимцемъ народа.

Сосѣдняя республика Мегара отняла у аѳинянъ островъ Саламинъ; попытки возвратить его были такъ неудачны, что аѳиняне закономъ опредѣлили смертную казнь тому, кто будетъ возбуждать народъ къ новому походу на Саламинъ. Тогда Солонъ притворился помѣшаннымъ, и однажды на площади прочелъ свое стихотвореніе о Саламинѣ, которое такъ воодушевило юношество, что по его требованію законъ о смертной казни былъ отмѣненъ; снарядили новую экспедицію подъ начальствомъ Солона, и онъ завоевалъ обратно островъ. Когда его избрали архонтомъ, народъ обратился къ нему съ просьбою издать прочные законы для республики. Солонъ исполнилъ это дѣло съ большимъ успѣхомъ (594 г. до Р. Х.).

Во первыхъ, Солонъ облегчилъ должниковъ посредствомъ такъ наз. *сиссахтіи*, которая состояла въ увеличеніи цѣнности денегъ. (Старая мина стоила прежде 73 драхмы; онъ опредѣлилъ ее въ 100 драхмъ; слѣдовательно уплата долга новыми минами облегчала должника на 20%). Кромѣ того онъ далъ свободу должникамъ, обращеннымъ въ рабство, и лишилъ заимодавцевъ на будущее время всякаго права на личность должниковъ.

Далѣе, оставивъ прежнее дѣленіе народа на четыре филы по происхожденію, Солонъ раздѣлилъ его на четыре класса по имуществу, и, сообразно съ тѣмъ, опредѣлилъ права и обязанности. Первый классъ заключалъ въ себѣ гражданъ, которые имѣли ежегоднаго доходу не менѣе 500 медимновъ разныхъ произведеній отъ своихъ полей (медимнъ—извѣстная греческая мѣра); поэтому они назывались *пентакозіомедимны*. Этому классу предоставлялось исключительное право на архонтство и другія высшія должности. Второй классъ, *всадники*, имѣлъ доходу не менѣе 300 медимновъ, что считалось достаточнымъ

для содержанія коня; онъ доставлялъ конницу. Третій классъ, *зевгиты*, съ доходомъ свыше 150 медимновъ; онъ доставлялъ тяжеловооруженную пѣхоту (гоплитовъ). Четвертый, *теты*, имѣвшій менѣе 150 медимновъ; граждане этого класса служили легковооруженными въ войскѣ и матросами на флотѣ. Первые три класса платили съ своихъ поземельныхъ имуществъ извѣстныя подати; и, сообразно съ ними, пользовались правами на разныя государственныя должности. Четвертый классъ не платилъ ничего, за то и былъ исключенъ изъ должностей; но онъ участвовалъ въ народномъ собраніи и въ судахъ присяжныхъ.

Государственное правленіе Солонъ устроилъ слѣдующимъ образомъ:

Онъ сохранилъ девять прежнихъ архонтовъ, облеченныхъ властію исполнительною и отчасти судебною (родъ министровъ новаго времени). По окончаніи года они отдавали отчетъ въ своемъ управленіи народному собранію: а, пока состояли въ должности, особа ихъ почиталась священною. Для занятія текущими дѣлами и надзора за финансами учрежденъ сенатъ или *совѣтъ (буле)* изъ 400 членовъ. Этотъ совѣтъ имѣлъ такое же назначеніе, какое въ Спартѣ герузія, съ тѣмъ различіемъ, что въ члены его избирались граждане не отъ 60, а отъ 30 лѣтъ. Онъ также приготовлялъ проэкты новыхъ постановленій, которыя предлагались на рѣшеніе народнаго собранія. Сенатъ дѣлился на 12 коммиссій или пританей. Каждая пританея по очереди занималась дѣлами въ теченіе мѣсяца; она собиралась ежедневно въ зданіи, называвшемся *пританеонъ* и получала пищу на счетъ государства. Главная власть въ республикѣ предоставлена *народному собранію* (экклезіа). Оно ежегодно выбирало новыхъ архонтовъ; рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, издавало законы, и пр. Собраніе начиналось жертвоприношеніемъ и молитвою; потомъ объявляли предметъ подлежащій рѣшенію, и глашатай призывалъ на каѳедру (т. е. на возвышенное мѣсто) тѣхъ, кото-

рые имѣли предложить какой либо полезный совѣтъ: тутъ всякій гражданинъ могъ быть „ораторомъ“, т. е. излагать свое мнѣніе. А въ народное собраніе допускались граждане начиная съ 20-лѣтняго возраста. Когда оканчивалось обсужденіе вопроса, собраніе рѣшало его большинствомъ голосовъ, посредствомъ поднятія руки. Кромѣ того въ Аѳинахъ былъ еще *Ареопагъ*; онъ существовалъ уже при царяхъ; а во времена республики получилъ значеніе высшаго судилища для важнѣйшихъ преступленій; въ него поступали тѣ изъ бывшихъ архонтовъ, которые съ честію занимали эту должность. Засѣданія ареопага происходили подъ предсѣдательствомъ архонта басилевса; онѣ производились подъ открытымъ небомъ, ночью, при свѣтѣ факеловъ. Обвинитель и обвиняемый, произнося передъ судьями рѣчи, не должны были прибѣгать къ ораторскому краснорѣчію, а расказывать дѣло совершенно просто, подъ страшными клятвами въ истинѣ своихъ словъ. Когда наступало рѣшеніе дѣла, каждый ареопагитъ бралъ съ жертвенника камешекъ, и клалъ его или въ мѣдную урну Милосердія, или въ деревянную урну Смерти. Приговоръ изрекался на основаніи той урны, въ которой оказывалось болѣе камешковъ; въ случаѣ равнаго числа предпочтеніе отдавалось Милосердію. Ареопагъ надзиралъ также за нравами гражданъ и воспитаніемъ юношества, за уваженіемъ къ законамъ и религіи. Совѣтъ и Ареопагъ, по словамъ Солона, должны были служить двумя якорями государственному кораблю, чтобы охранять его во время бури.

Учрежденія Солона такимъ образомъ представляютъ искусное соединеніе аристократіи и тимократіи съ демократіей (*тимократія* значитъ господство богатыхъ). Представителями первыхъ были архонты, совѣтъ и ареопагъ; а *демократію* представляло народное собраніе, облеченное верховною властію. Слово это происходитъ отъ греческаго *демосъ*, что значитъ „народъ.“ Но въ Аѳинахъ подъ словомъ народъ разумѣлись не всѣ жители вмѣстѣ, а только коренные аѳинскіе граждане, число которыхъ было не велико (около 20,000

въ цвѣтущее время республики). Остальные жители Аѳинъ и жители другихъ городовъ Аттики, извѣстные подъ именемъ *метековъ*, занимались торговлею, ремеслами, земледѣліемъ; они были лично свободны, платили подати, въ случаѣ требованія отправляли военную службу, но въ правленіи не участвовали. Каждый метекъ долженъ былъ выбрать между гражданами себѣ патрона или покровителя. Сельское населеніе и домашнюю прислугу составлялъ многочисленный классъ рабовъ. Положеніе ихъ въ Аѳинахъ было лучше, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Господинъ не имѣлъ права бить своего раба; въ случаѣ дурнаго обращенія рабъ могъ требовать, что бы его продали другому господину; смертной казни онъ подвергался только по судебному приговору. Рабы аѳинскіе не носили на одеждѣ никакихъ знаковъ своего состоянія, какъ это было въ Спартѣ. Отпущеніе на волю случалось очень часто. За то въ Аѳинской исторіи почти не встрѣчаемъ возстаній рабовъ, въ противуположность спартанскимъ илотамъ.

На воспитаніе юношества Солонъ также обратилъ большое вниманіе. Но аѳинскія учрежденія оказываютъ болѣе уваженія къ семейнымъ узамъ, чѣмъ спартанскія. Что бы предотвратить браки по коммерческому расчету, Солонъ запретилъ невѣстѣ приносить мужу въ приданое болѣе трехъ платьевъ и нѣсколькихъ вещей изъ домашней утвари. За то онъ требовалъ отъ женщинъ скромности, и ограничилъ ихъ свободу разными постановленіями объ ихъ выѣздахъ, траурѣ, жертвоприношеніяхъ и пр. Дитя въ Аѳинахъ выростало въ семейной средѣ, на попеченіи родителей. Только въ 16 лѣтъ мальчикъ посѣщалъ общественную школу, гдѣ занимались гимнастикой для укрѣпленія тѣла; но кромѣ того они занимались и умственнымъ образованіемъ или *музыкой*. Этимъ именемъ назывались вообще науки и искусства, находившіяся подъ покровительствомъ девяти музъ. Ученіе наизусть греческихъ поэтовъ и особенно Гомера составляло необходимую принадлежность воспитанія. Въ 18 лѣтъ юноши начинали военную

службу, но пока въ пограничныхъ гарнизонахъ. Съ 20 лѣтъ они считались уже совершеннолѣтними гражданами, и поступали въ войско. Но въ отношеніи къ родителямъ аѳинянинъ всегда долженъ былъ оставаться добрымъ сыномъ; при избраніи гражданина въ какую либо изъ высшихъ государственныхъ должностей законъ предписывалъ навести предварительно справку, почиталъ ли онъ родителей при ихъ жизни и послѣ смерти.

Между тѣмъ какъ спартанцы пренебрегали мирными занятіями, Солонъ, напротивъ, старался поощрить аѳинянъ къ ремесламъ и торговлѣ. Взрослый сынъ въ Аѳинахъ обязанъ былъ содержать стараго и слабаго отца; но если отецъ не научилъ сына никакому ремеслу, то не могъ требовать отъ него поддержки въ старости. Ареопагъ, между прочимъ, долженъ былъ справляться о средствахъ существованія каждаго гражданина и наказывать людей праздныхъ. Солонъ запретилъ вывозъ сырыхъ произведеній, но за исключеніемъ оливковаго масла, которое сдѣлалось для аѳинянъ значительною отраслію внѣшней торговли. Онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ выгодное приморское положеніе Аттики, и основалъ значительный флотъ, постановивъ, что бы каждая изъ 18 *навкрарій* вооружала на свой счетъ одну галеру на службу республики (навкраріи—это было поземельное дѣленіе Аѳинскаго государства, родъ округовъ или уѣздовъ).

Солонъ взялъ съ аѳинянъ клятву исполнять его законы въ теченіи десяти лѣтъ, и отправился путешествовать. Но скоро въ Аѳинахъ возобновилась вражда знатныхъ людей съ простыми гражданами, т. е. партіи аристократической съ демократической. Предводителемъ послѣдней явился умный краснорѣчивый Пизистратъ, родственникъ Солона. Онъ побѣдилъ аристократовъ, захватилъ въ свои руки Акрополь, а вмѣстѣ съ нимъ и верховную власть, и сдѣлался аѳинскимъ *тиранномъ* (560 г.). Тщетно Солонъ, воротившійся въ отечество, противился этой тиранніи. Враги Пизистрата два раза изгоняли тиранна изъ Аѳинъ; однако онъ съ помощью наем-

наго войска снова утвердилъ свою власть. Впрочемъ онъ управлялъ кротко и не измѣнялъ Солоновыхъ постановленій. Онъ началъ украшать Аѳины великолѣпными постройками, и между прочимъ заложилъ колоссальный храмъ Юпитера Олимпійскаго (который былъ оконченъ только 700 лѣтъ спустя). Онъ основалъ первую публичную библіотеку; велѣлъ впервые написать поэмы Гомера, сохранявшіяся дотолѣ посредствомъ устной передачи рапсодовъ, и учредилъ праздникъ *великія панаѳинеи*, отправлявшійся черезъ каждыя пять лѣтъ. Власть Пизистрата была уже на столько упрочена, что, умирая, онъ передалъ ее двумъ своимъ сыновьямъ, Гиппію и Гиппарху (529 г.). Эти Пизистратиды сначала правили спокойно; но два аѳинскіе юноши, Гармодій и Аристогитонъ, составили заговоръ съ цѣлью свергнуть владычество тирановъ. (Поводомъ къ тому послужила личная месть противъ Гиппарха, который оскорбилъ сестру Гармодія, объявивъ ее недостойною участвовать въ одной религіозной процессіи). Заговорщики хотѣли воспользоваться праздникомъ великихъ панаѳиней, когда всѣ граждане собирались вооруженные; но имъ удалось убить одного Гиппарха (514 г.). Гармодій и Аристогитонъ погибли; а друзья ихъ были подвергнуты пыткѣ, чтобы раскрыть соучастниковъ заговора; при этомъ одна женщина, по имени Леэна, во время пытки откусила себѣ языкъ, чтобы не проговориться отъ боли. Гиппій съ тѣхъ поръ измѣнилъ свое поведеніе и сталъ править жестоко. Изгнанная Пизистратомъ, богатая фамилія Алкмеонидовъ тогда явилась во главѣ недовольныхъ, и возобновила попытки низвергнуть тираннію. Наконецъ, съ помощію спартанцевъ, удалось изгнать Гиппія изъ Аѳинъ (510 г.). Аѳиняне прославили память Гармодія и Аристогитона, и воздвигли имъ статуи; а въ честь Леэны (имя это означаетъ: „львица“) была отлита бронзовая львица съ раскрытой пастью безъ языка.

Послѣ изгнанія тирана въ Аѳинахъ возобновились смуты, вслѣдствіе борьбы аристократовъ съ народною партіей; первые хотѣли возстановить то господство аристократіи, кото-

рымъ она пользовалась до Солона. Но главою народной партіи явился замѣчательный человѣкъ, Клисѳенъ, принадлежавшій къ фамиліи Алкмеонидовъ. Избранный архонтомъ эпонимомъ, онъ утвердилъ учрежденія Солона, и дополнилъ ихъ новыми законами, которые дали рѣшительный перевѣсъ демократіи надъ аристократіей. А именно: Вмѣсто прежняго дѣленія на четыре филы, онъ раздѣлилъ народъ на 10 филъ, и каждую подраздѣлилъ на *демы* (число всѣхъ демъ потомъ было 174); при чемъ увеличилъ число гражданъ, включивъ въ эти демы многихъ свободныхъ метековъ. Совѣтъ, вмѣсто 400 членовъ, составленъ теперь изъ 500, по 50 представителей отъ каждой филы. Въ военномъ отношеніи каждая фила ежегодно избирала для себя полководца или *стратега*, и такимъ образомъ во главѣ войска поставлено 10 стратеговъ. Судебное значеніе Ареопага уменьшилось учрежденіемъ суда *геліастовъ* или присяжныхъ. Они избирались изъ всѣхъ гражданъ (съ 30-лѣтняго возраста) по жребію, въ числѣ 6000, и раздѣлялись на 10 коммисій или трибуналовъ. Такимъ образомъ въ этихъ судахъ принималъ участіе почти весь аѳинскій народъ. Клисѳену приписываютъ еще учрежденіе *остракизма*: ежегодно въ опредѣленный день народному собранію предоставлялось осуждать на временное изгнаніе того изъ гражданъ, который по своему вліянію казался опаснымъ для спокойствія республики (чтобы предотвратить возобновленіе тиранновъ). При этомъ подача голосовъ была тайная, посредствомъ надписи на черепкахъ (остраковъ), которые потомъ отбирались у гражданъ и считались; большинство голосовъ рѣшало вопросъ; но для этого собраніе должно было заключать въ себѣ не менѣе 6000 гражданъ. (Въ Аѳинской исторіи насчитываютъ до 10 случаевъ изгнанія посредствомъ остракизма).

Аристократическая партія въ Аѳинахъ еще разъ попыталась воротить свое прежнее значеніе, и вошла въ союзъ съ Спартою, которая враждебно смотрѣла на усиленіе аѳинской демократіи. Два раза спартанскій царь Клеоменъ приходилъ съ

войскомъ въ Аттику. Въ первый походъ ему удалось съ помощью аристократовъ занять Акрополь; но возставшій народъ прогналъ спартанцевъ, и казнилъ многихъ аристократовъ. Спартанцы, соединившись съ своими пелопонесскими союзниками и беотійцами, снова вторглись въ Аттику, и дошли до Элевзиса; но тутъ коринеяне отказались далѣе слѣдовать за ними и воротились домой. Второй спартанскій царь Дамаратъ, находившійся въ распрѣ съ Клеоменомъ, также воротился назадъ; тогда и Клеоменъ долженъ былъ отступить. (По этому поводу въ Спартѣ былъ изданъ законъ, который запрещалъ на будущее время находиться при войскѣ обоимъ царямъ въ одно время). Тогда Спарта начала готовиться къ новому походу во главѣ Пелопоннезскаго союза, съ цѣлью возстановить въ Аѳинахъ Гиппія. Но посолъ коринѳскій (Созиклъ) отъ имени своихъ согражданъ отказался помогать тирану, и увлекъ за собою большинство союзниковъ. Спартанцы принуждены были отложить свою вражду и соперничество съ аѳинянами, тѣмъ болѣе, что въ это время для всей Греціи наступала эпоха великой борьбы съ Персами.

Такимъ образомъ въ Аѳинахъ упрочились демократическія учрежденія, благодаря которымъ эта небольшая республика въ короткое время достигла блестящаго, разносторонняго развитія своихъ силъ; она сдѣлалась самымъ образованнымъ и самымъ богатымъ между греческими государствами. Впослѣдствіи, какъ Спарта пострадала отъ излишней неподвижности своего государственнаго устройства, такъ и Аѳины ослабѣли отъ слишкомъ быстраго движенія ихъ политической жизни *.

---

* Процвѣтаніе государства и его постепенное движеніе впередъ обыкновенно обусловливается равновѣсіемъ двухъ силъ или двухъ направленій: *консервативнаго* (охранительнаго) и *прогрессивнаго* (преобразовательнаго); аристократія всегда наклонна къ сохраненію стараго порядка, съ которымъ связано ея привилегированное положеніе; а демократія (средніе и низшіе классы) легко поддается желанію перемѣнъ.

Обзоръ прочихъ второстепенныхъ греческихъ государствъ, какъ метрополій, такъ и колоній, представляетъ почти такой же ходъ исторіи, какой мы видѣли въ Спартѣ и Аѳинахъ. Въ періодъ отъ вторженія дорянъ въ Пелопоннесъ до Персидскихъ войнъ царское достоинство было или совсѣмъ отмѣнено или весьма ослаблено. (Долѣе другихъ удержались цари въ Спартѣ и Эпирѣ). На мѣсто монархій героическаго періода постепенно выступаютъ республики, которыя отличаются другъ отъ друга бо́льшимъ или меньшимъ преобладаніемъ аристократіи; но вездѣ въ ряду республиканскихъ учрежденій встрѣчаемъ народное собраніе, т. е. демократическую основу. Аристократическія фамиліи принимали главное участіе въ отмѣнѣ монархической власти; онѣ стремились потомъ обратить этотъ переворотъ въ свою пользу, т. е. старались подчинить себѣ низшіе классы и захватить управленіе въ свои руки. Тамъ, гдѣ имъ удавалось это и гдѣ они слишкомъ рѣзко отдѣляли себя отъ народа, происходила *олигархія* (что собственно значитъ „господство немногихъ“). Но средніе и низшіе классы народа въ свою очередь стремятся къ уравненію въ правахъ съ высшими; отсюда почти повсюду возникаетъ внутри республикъ борьба демократіи съ аристократіей. Иногда какой либо предпріимчивый даровитый человѣкъ изъ аристократовъ является во главѣ народной партіи, одолѣваетъ ея противниковъ, и захватываетъ въ свои руки верховную власть: такіе люди назывались *тираннами*. Они обыкновенно старались удержать за собою эту власть при помощи наемной стражи, и нерѣдко казнями, изгнаніемъ, конфискаціей имущества и т. п. устрашали противную имъ партію. (Отсюда слово „тиранъ“ стало означать и вообще жестокаго правителя). Въ VII и VI вв. до Р. Х. встрѣчаются тиранны въ большей части греческихъ государствъ. Чтобы занять народъ или внушить почтеніе къ своему правленію, тиранны предпринимали дорогія постройки общественныхъ зданій, старались окружать себя блескомъ, покровительствовали поэтамъ и художникамъ, торговлѣ и промышленности; по-

этому эпоха тиранновъ не была безплодна для успѣховъ образованности. Но злоупотребленія властію впослѣдствіи вызывали новыя смуты: города сами собой или съ помощью другихъ (особенно спартанцевъ) нерѣдко изгоняли тиранновъ, и ввѣряли правленіе выборнымъ сановникамъ *.

Изъ второстепенныхъ государствъ наиболѣе замѣчательны:

Аргосъ. Дорійцы, завоевавшіе Арголиду, раздѣлили ея города между собою. Города эти (Аргосъ, Микены, Тиринфъ, Эпидавръ, Трезенъ и др.) составили между собою союзъ, во главѣ котораго сталъ Аргосъ. Покровителемъ союза почитался богъ Аполлонъ Пиѳійскій: его святилище находилось въ Аргосскомъ замкѣ, и сюда приходили послы отъ союзныхъ городовъ для жертвоприношеній. Аргосцы имѣли право силою дѣйствовать противъ тѣхъ городовъ, которые не присылали обычныхъ жертвъ. Но попытки аргосскихъ дорянъ подчинить себѣ Арголиду такъ, какъ спартанцы подчинили себѣ Лаконію, остались безъуспѣшны. Къ внутреннимъ раздорамъ въ союзѣ присоединилось соперничество и вражда съ Спартою. Аргивяне, не разъ побѣжденные спартанцами и потерявшіе часть пограничныхъ областей, тѣмъ не менѣе отказывались признать Спартанскую гегемонію въ Пелопоннесѣ. Впослѣдствіи, во время борьбы аристократическихъ государствъ

---

* Эта разнообразная борьба республиканскихъ учрежденій съ монархическими и соперничество демократіи съ аристократіей, кипѣвшія во всѣхъ уголкахъ Греческаго міра, возбуждали умы къ постоянной дѣятельности, и много способствовали богатому развитію греческой цивилизаціи. Рядомъ съ стремленіемъ демократіи къ уравненію въ правахъ возникаетъ и равенство по оружію: на мѣсто передовыхъ воиновъ героической эпохи, сражавшихся на колесницахъ, въ разсыпную, выступаютъ гоплиты (тяжеловооруженная пѣхота), соединенная въ тѣсный и глубокій строй; отдѣльные подвиги аристократическихъ героевъ смѣняются подвигами войска, которое представляетъ собою массу гражданъ, одинаково вооруженныхъ, проникнутыхъ однимъ духомъ дисциплины и любви къ отечеству. Такое устройство военныхъ силъ спасло Грецію въ эпоху Персидскаго нашествія.

съ демократическими, аргивяне изъ ненависти къ Спартѣ, принимали сторону Аѳинъ.

Къ Аргивскому союзу принадлежалъ, находящійся въ Сароническомъ заливѣ, сосѣдній островъ *Эгина* (съ городомъ того же имени); но впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ самостоятельность, и сдѣлался извѣстенъ своею цвѣтущею торговлею и значительнымъ флотомъ; такъ что эгиняне долгое время были соперниками аѳинянъ на морѣ.

На сѣверѣ сосѣдили съ Арголидой дорійскія государства *Сикіонъ* и *Коринѳъ*. Сикіонъ владѣлъ небольшою, но довольно плодородною областью на берегу Коринѳскаго залива, и славился нѣкоторыми отраслями промышленности (особенно своею школою живописи и металлическими издѣліями). Въ VII в. до Р. Х. предводителемъ сикіонской народной партіи въ борьбѣ съ дорійской аристократіей явился Ортагоръ, человѣкъ простаго происхожденія; онъ сдѣлался тиранномъ; фамилія Ортагоридовъ цѣлое столѣтіе удерживала за собою эту тираннію, благодаря своимъ талантамъ и хорошему управленію. Коринѳъ занималъ весьма выгодное для торговли положеніе на Коринѳскомъ перешейкѣ, между заливами Сароническимъ и Коринѳскимъ. Трудности, которыя встрѣчали мореплавателей, отправлявшихся вокругъ Пелопоннеза, заставляли торговцевъ предпочитать путь черезъ Коринѳскій перешеекъ *; поэтому Коринѳъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ товаровъ, и рано достигъ цвѣтущаго состоянія. Населеніе его отличалось дѣятельнымъ промышленнымъ духомъ; но постоянныя торговыя сношенія съ восточными народами и приливъ иностранцевъ, вмѣстѣ съ развитіемъ богатства и роскоши, произвели большую порчу нравовъ; такъ что коринѳяне впослѣдствіи считались самымъ изнѣженнымъ и суевѣрнымъ народомъ Греціи.

---

* Въ Греціи существовала поговорка: «Прежде чѣмъ обогнуть мысъ Малею, забудьте все, что вамъ дорого». (Мысъ Малея — юговосточная оконечность Пелопоннеза).

Когда въ VIII вѣкѣ прекратилась въ Коринѳѣ царская династія Гераклидовъ, управленіемъ завладѣла дорійская олигархія, во главѣ которой стала знатная фамилія Бакхіадовъ. Эта олигархія была низвержена предводителемъ народной партіи Кипселомъ; онъ достигъ тиранніи, и за свое кроткое умное правленіе пользовался такою любовью народа, что обходился безъ стражи. Его сынъ и наслѣдникъ Періандръ по уму причисленъ къ семи греческимъ мудрецамъ; но, въ противуположность отцу, онъ ознаменовалъ свое правленіе жестокостями, направленными преимущественно противъ людей знатныхъ и богатыхъ. Онъ царствовалъ 40 лѣтъ (до 585 г.), и довелъ Коринѳское государство до значительной степени военнаго могущества на морѣ и на сушѣ. Послѣ его смерти олигархія, съ помощью спартанцевъ, низвергла фамилію Кипселидовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣло могущество Коринѳа, и онъ утратилъ господство надъ нѣкоторыми зависимыми городами.

Между областями Средней Греціи, послѣ Аттики, самою значительною была *Біотія.* Царское достоинство исчезло здѣсь еще въ XII в. до Р. Х., и Біотія распалась почти на столько же государствъ, сколько было городовъ (Ѳивы, Орхоменъ, Платея, Ѳеспія, Танагра, Херонея и др.). Управленіе въ нихъ было по большей части олигархическое. Эти города составили между собою союзъ, главою котораго стали Ѳивы. Ѳивянамъ удалось даже потомъ обратить союзные города въ подчиненные. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно Платея и Ѳеспія, пытались свергнуть съ себя ѳивскую зависимость; отсюда возникли междоусобныя войны, повлекшія за собою разрушеніе этихъ двухъ городовъ ѳивянцами. Высшими сановниками союза и начальниками войска были 11 ежегодно избираемыхъ *беотарховъ.* По объему своей области и по многочисленному населенію, Біотія могла бы играть въ Греціи первую роль; но этому воспрепятствовали внутреннія неустройства и вражда союзныхъ городовъ съ Ѳивами.

Фокида заключала въ себѣ отъ 20 до 30 маленькихъ республикъ, соединенныхъ союзомъ. Но городъ Дельфы, обязан-

ный своимъ значеніемъ и богатствомъ храму Аполлона и его оракулу, не хотѣлъ вступать въ этотъ союзъ, и успѣлъ въ томъ съ помощью Спарты. Правленіе въ Дельфахъ было строго аристократическое; первый сановникъ назывался „пританомъ"; совѣтъ пяти лицъ, выводившихъ свое происхожденіе отъ Девкальона, завѣдывалъ дѣлами оракула.

Мегара, занимавшая сѣверную часть Коринфскаго перешейка, выдвигается изъ ряда мелкихъ государствъ особенно во время своего тирана Ѳеагена (въ концѣ VII в.; мы видѣли, что мегаряне отняли тогда у аѳинянъ островъ Саламинъ). Многочисленныя колоніи, высланныя ею въ VI в., указываютъ на ея густое населеніе и цвѣтущую торговлю.

Ѳессалія по своему объему могла бы играть очень важную роль въ греческой исторіи; но она дробилась на множество мелкихъ владѣній, сначала управлявшихся князьями, потомъ обратившихся въ республики и почти несвязанныхъ между собою общимъ союзомъ. Иногда впрочемъ вся страна соединялась подъ властію *Тагоса* (родъ диктатора), но очень рѣдко и на короткое время. Господствующее сословіе или благородные отправляли военную службу на конѣ, и ѳессалійцы славились своею конницею. Сословіе низшее, подчиненное называлось *пенесты*; это были древніе обитатели Ѳессаліи, покоренные позднѣйшими пришельцами и обращенные въ состояніе подобное спартанскимъ илотамъ; они пасли многочисленныя стада дворянъ, обработывали ихъ земли, составляли ихъ прислугу и слѣдовали за ними на войну; но не могли быть проданы за предѣлы страны, или безъ особыхъ поводовъ лишены участковъ земли, которая давалась имъ для пропитанія. Въ нѣкоторыхъ городахъ возвышались извѣстныя фамиліи, которыя пользовались почти царскою властію; таковы, напримѣръ, были Алевады въ Лариссѣ, производившіе свой родъ отъ Геркулеса. Этотъ древній пеласгическій городъ былъ самымъ богатымъ въ Ѳессаліи и славился боемъ быковъ. Въ извѣстный день года жители его отправ-

ляли праздникъ, на которомъ господа прислуживали своимъ рабамъ.

Отъ государствъ собственной Греціи перейдемъ теперь къ колоніямъ:

Многія причины побуждали грековъ къ переселеніямъ. Во первыхъ, борьба разныхъ племенъ и борьба сословій внутри Греціи. Обыкновенно часть прежнихъ обитателей какой либо области, послѣ завоеванія ея другимъ племенемъ, не хотѣла оставаться въ качествѣ подчиненнаго сословія и переселялась въ иную страну. Особенно сильный толчекъ къ такимъ переселеніямъ сообщенъ былъ вторженіемъ дорянъ въ Пелопоннесъ, въ XI в. до. Р. Х. Потомъ, во время внутренней борьбы сословій (аристократіи съ демократіей), сторонники какой либо побѣжденной партіи, угнетаемой противниками, иногда подвергались изгнанію или сами выселялись изъ роднаго города. Далѣе, нѣкоторыя государства переселяли въ чужія земли избытокъ своего населенія или отправляли колонистовъ, что бы занять выгодные торговые и военные пункты. Таково особенно было движеніе переселенцевъ въ VIII и VII вв. до Р. Х. Наконецъ размноженію колоній много способствовалъ подвижный, предпріимчивый характеръ греческаго народа и его географическое положеніе (т. е. море, окружавшее Грецію и вдающееся въ нее безчисленными заливами), изобиліе острововъ и близость береговъ Азіи и Италіи. Колоніи находились въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ своимъ *метрополіямъ*: если онѣ возникали вслѣдствіе внѣшняго завоеванія или внутреннихъ войнъ, то прямо становились въ независимое положеніе; а если основывались при содѣйствіи своей метрополіи, то нерѣдко были зависимы отъ нея; но съ теченіемъ времени эта зависимость прекращалась, и оставались только дружественныя связи, которыя со стороны колоній выражались нѣкоторыми знаками почтанія своей метрополіи. Особенно крѣпки были связи религіозныя; напримѣръ, во время большихъ праздниковъ въ метрополіи коло-

нія присылали депутаціи и жертвоприношенія для главнаго храма. Многія колоніи, достигшіи цвѣтущаго состоянія, въ свою очередь высылали отъ себя переселенцевъ для основанія новыхъ городовъ, и иногда просили у своей метрополіи предводителей этимъ переселенцамъ.

Около эпохи Персидскихъ войнъ мы находимъ греческія колоніи почти на всѣхъ островахъ и берегахъ Средиземнаго моря. По положенію своему онѣ распадались на двѣ главныя части; одна въ восточной половинѣ этого моря, другая въ западной.

1. Восточныя колоніи.

Весь западный берегъ Малой Азіи и сосѣдніе острова были покрыты греческими колоніями, которыя дѣлились здѣсь на три группы (отъ сѣвера къ югу): эолійскія, іонійскія и дорійскія. Первыя занимали берегъ Мизіи и составляли союзъ изъ 12 городовъ. Важнѣйшіе города были: *Кумы* и *Смирна* (послѣдній отошелъ потомъ къ Іонійскому союзу). Сюда принадлежалъ и островъ Лесбосъ съ важнымъ городомъ *Митилена.* Въ началѣ VI в. до Р. Х. жители Митилены, что бы прекратить внутреннюю борьбу партій и смуты, ввѣрили власть Питтаку съ порученіемъ устроить ихъ государство. Питтакъ былъ другъ Солона (также отнесенный къ числу мудрецовъ), и, подобно ему, издалъ законы, водворившіе спокойствіе въ отечествѣ; по прошествіи 10 лѣтъ, окончивъ свое дѣло, онъ добровольно сложилъ власть, и воротился къ состоянію простаго гражданина. Города Эолійскаго союза отправляли общія религіозныя празднества (панэоліи) около Кумъ.

Іонійскія колоніи были основаны преимущественно переселенцами изъ Аттики; преданіе говоритъ, что они отправились подъ начальствомъ Нелея (сынъ царя Кодра), и утвердились на берегу Лидіи только послѣ долгой борьбы съ туземными народцами (каріяне, мигдоны и пр.), которыхъ отчасти истребили или оттѣснили внутрь страны. Іонія пред-

ставляла также союзъ изъ 12 городовъ. Мѣсто ихъ общихъ совѣщаній (паніоніонъ) находилось при храмѣ Посейдона на мысѣ Микале, и союзъ этотъ имѣлъ болѣе религіозный, нежели политическій характеръ. Каждый городъ управлялся самъ собою; здѣсь также какъ и въ собственной Греціи кипѣла борьба аристократіи съ демократіей, при явномъ перевѣсѣ послѣдней; а въ VII и VI вв. до Р. Х. верховная власть находилась по большой части въ рукахъ тирановъ. Между іонійскими городами первое мѣсто по богатству и обширной торговлѣ занималъ *Милетъ*, который основалъ до 80 колоній на берегахъ Чернаго моря. Далѣе слѣдуютъ: *Фокея*, также очень богатый, торговый городъ, и *Эфесъ*, знаменитый своимъ храмомъ богини Артемиды или Діаны. (Когда этотъ храмъ былъ сожженъ безумцемъ Геростратомъ, малоазіатскіе греки общими усиліями возобновили его еще въ болѣе великолѣпномъ видѣ, такъ что онъ былъ причисленъ къ семи чудесамъ свѣта). Изъ острововъ, принадлежавшихъ къ Іонійскому союзу, замѣчательны *Хіосъ* и *Самосъ*, съ городами того же имени. Самосъ возвысился на значительную степень морскаго могущества во времена тиранна Поликрата (современникъ Пизистратидовъ), который завелъ флотъ во 100 кораблей, покорилъ многіе сосѣдніе острова и города, собралъ большія богатства и украсилъ городъ великолѣпными постройками. Предпріятія Поликрата постоянно сопровождались такимъ успѣхомъ, что союзникъ его египетскій царь Амазисъ отказался отъ союза изъ опасенія раздѣлить съ нимъ несчастный конецъ. Древніе думали, что боги завидуютъ слишкомъ счастливому человѣку и отплатятъ ему со временемъ жестокимъ бѣдствіемъ. * По смерти Поликрата упало и могущество Самоса.

---

* Преданіе расказываетъ слѣдующее. Что бы смягчить зависть боговъ, Поликратъ хотѣлъ подвергнуть себя нѣкоторому лишенію. Онъ выѣхалъ въ открытое море и бросилъ въ него очень дорогой перстень; а, воротясь во дворецъ, предался (притворной) печали объ этой потерѣ. Спустя три дня,

Дорійскія колоніи занимали берегъ Каріи, и представляли союзъ шести городовъ, между которыми наиболѣе замѣчательны: *Галикарнасъ*, родина Геродота, и *Родосъ*, на островѣ того же имени; кромѣ того островъ *Косъ*, посвященный богу врачей Эскулапу и родина Гиппократа, отца медицины. Сборнымъ пунктомъ для этого союза служилъ храмъ Аполлона, на одномъ изъ карійскихъ мысовъ. Дорійскіе колонисты заняли также большой островъ Критъ. Внутреннія смуты и соперничество городовъ (между которыми первое мѣсто занимала *Кносса*) помѣшали этому острову играть видную роль въ Греческой исторіи. Критяне ранѣе другихъ грековъ подали пагубный примѣръ наемныхъ солдатъ: они нанимались въ службу другихъ государствъ, въ качествѣ стрѣлковъ и пращниковъ.

Малоазіатскія колоніи, разбросанныя то у подошвы мысовъ, то въ глубинѣ заливовъ, въ виду моря, усѣяннаго безчисленными островами, уже по самому положенію своему призывались быть посредниками въ обмѣнѣ произведеній между Азіей и Европой. Въ древности эта роль принадлежала финикіянамъ; малоазіатскіе греки вытѣснили финикіянъ изъ Эгейскаго моря; въ VII и VI вв. до Р. Х. ихъ торговля достигла высшаго своего развитія. Главными ея предметами служили: фригійская шерсть, переработанная въ разныя матеріи на іонійскихъ фабрикахъ, металлы, египетскій папирусъ, масло, плоды и вина Греціи, фракійское строевое дерево, таврическіе хлѣба, черноморская соль, ладонъ и другія благовонія Аравіи, африканская слоновая кость, киренскій сильфіумъ (дорогое растеніе для приправы кушанья), аѳинская посуда и всѣ разнообразныя произведенія промышленности лидійской, финикійской и вавилонской. Кромѣ того, одну изъ

рыбакъ приноситъ для его стола прекрасную рыбу; когда ее вскрыли, нашли въ ней брошенный перстень. Боги не приняли подарокъ Поликрата. Дѣйствительно, вскорѣ персидскій сатрапъ заманилъ его къ себѣ подъ видомъ переговоровъ, и велѣлъ распять на крестѣ.

самыхъ значительныхъ отраслей торговли тѣхъ временъ составляли рабы.

Когда въ VII в. въ Малой Азіи усилилось царство Лидійское, оно пыталось подчинить себѣ и греческія колоніи; долгое время греки успѣшно отстаивали свою независимость. Только Крезу удалось наконецъ покорить іонійцевъ. Впрочемъ лидійское иго было довольно легкое; Крезъ имѣлъ матерью гречанку, не былъ чуждъ греческаго образованія; часто отправлялъ посольства за совѣтами къ Дельфійскому оракулу, и радушно принималъ у себя знаменитыхъ греческихъ мужей (каковы: Солонъ, Питтакъ, Біасъ). Когда Киръ завоевалъ Лидію, малоазіатскіе греки, послѣ нѣсколькихъ попытокъ сопротивленія, принуждены были признать себя данниками персидскаго царя.

Кромѣ западнаго берега Малоазіатскаго полуострова, греческія колоніи встрѣчались также по его южному и сѣверному берегу. На югѣ онѣ разсѣяны были въ областяхъ Ликіи, Памфиліи, Киликіи и на островѣ Кипрѣ. Во время персидскаго завоеванія горсть ликійскихъ грековъ, затерянная посреди варварскихъ народовъ, показала примѣръ геройской обороны: когда Гарпагъ явился подъ стѣнами ихъ города Ксанта и прогналъ назадъ вышедшихъ противъ него гражданъ, они сложили огромный костеръ, бросили на него своихъ женъ, дѣтей, свои сокровища, и потомъ съ оружіемъ въ рукахъ погибли въ жестокой сѣчѣ съ персами. (Это были предшественники Леонида и его 300 спартанцевъ). На сѣверѣ полуострова по берегу Пропонтиды (Мраморнаго моря) и Понта Эвксинскаго (Чернаго м.) замѣчательнѣйшіе колоніи: *Абидосъ*, *Кизикъ*, *Синопъ и Трапезунтъ*. По сѣверному берегу Чернаго моря въ сосѣдствѣ съ Скиѳами (въ нынѣшней Южной Россіи) находились: *Ольвія*, *Пантикапея*, *Танаисъ*, *Фанагорія*, *Фазисъ* и др. Они преимущественно торговали хлѣбомъ и невольниками. Черное море греки сначала назвали Аксенскимъ или „Негостепріимнымъ", по причинѣ его бурь и дикаго характера прибрежныхъ на-

родовъ; но потомъ, когда развили здѣсь свою торговлю и колоніи, переименовали въ Эвксинское, т. е. „Гостепріимное".

Южные берега Македоніи и Ѳракіи и сосѣдніе съ ними острова Эгейскаго моря также покрылись греческими колоніями. Изъ нихъ замѣчательны: *Потидея*, *Олинѳъ*, *Стагира* (родина Аристотеля), *Амфиполисъ* и *Византія*; послѣдняя лежала у Фракійскаго Боспора (т. е. Константинопольскаго пролива) она была основана мегарянами, и предназначена къ великой роли. Изъ островов важнѣйшіе: *Тазосъ*, богатый золотою рудою, *Самоѳракія*, знаменитый религіозными мистеріями, и *Лемносъ*, который считался мѣстопребываніемъ Вулкана, бога кузнецовъ и художниковъ. (Къ этой легендѣ подали поводъ волканическій характеръ острова и подземный шумъ, который приписывали работникамъ Вулкана, циклопамъ, стучавшимъ своими молотами).

На Африканскомъ берегу находилась Киренаика (теперь Барка), т. е. область города *Кирены*, основаннаго греческими колонистами. Вмѣстѣ съ четырьмя другими колоніями онъ составилъ союзное государство Пентаполисъ (т. е. „пять городовъ"). Киренцы покорили сосѣднихъ номадовъ, и расширили свои владѣнія такъ, что граничили по одну сторону съ Египтомъ, по другую съ Карфагенской республикой. Кирена управлялась царями до V столѣтія, когда здѣсь введена была республика. Во время Дарія Гистаспа персы воспользовались внутренними междоусобіями Киренаики и подчинили ее своему господству; но впослѣдствіи она возвратила себѣ независимость. Область эта славилась своимъ плодородіемъ, конскими табунами, шерстяными тканями и литейными фабриками (особенно превосходнымъ чеканомъ монеты).

2. Западныя колоніи.

На западной сторонѣ Греціи прежде всего конечно были заняты Іонійскіе острова и особенно самый большой изъ нихъ *Корцира* съ городомъ того же имени, который служилъ

связью между Греціей и Италіей: въ его гавани останавливались всѣ корабли переплывавшіе Іоническое море.

Разбои тирренскихъ пиратовъ на моряхъ Италіи и Сициліи, а также легенды о гигантскомъ ростѣ и свирѣпости сицилійскихъ обитателей долгое время удерживали грековъ отъ предпріятій въ западную часть Средиземнаго моря. Случай уничтожилъ ихъ опасенія. Одинъ аѳинскій мореплаватель былъ заброшенъ вѣтрами на берегъ Сициліи, и нашелъ, что жители ея напротивъ отличаются слабостію духа и тѣла; а страна чрезвычайно богата естественными произведеніями. Это извѣстіе привлекло сюда многихъ греческихъ колонистовъ. Они завели свои поселенія преимущественно по восточному и южному берегу острова, и оттѣснили своихъ предшественниковъ финикіянъ въ его западную часть. Замѣчательнѣйшія греческія колоніи въ Сициліи были слѣдующія. На южномъ берегу: *Селинунтъ* и богатый *Агригентъ*, между тиранами котораго особенно извѣстенъ жестокій Фаларисъ (преданіе говоритъ, что онъ жертвы своей жестокости запиралъ въ мѣднаго быка, и раскалялъ его медленнымъ огнемъ). На восточномъ берегу: *Занкла* или *Мессена*, *Катана* и *Сиракузы*. Послѣдняя, самая значительная изъ сицилійскихъ колоній, была основана коринѳянами, около половины VIII в. до Р. Х. Сначала колонисты заняли небольшой островъ Ортигію, лежащій у юго-восточнаго берега; а потомъ городъ распространился и на сосѣдній берегъ; во времена своего процвѣтанія онъ состоялъ изъ пяти частей, огражденныхъ каждая особыми стѣнами. Онъ имѣлъ двѣ превосходныя гавани, и вообще занималъ чрезвычайно выгодное торговое положеніе. Потомки первоначальныхъ, т. е. коринѳскихъ, колонистовъ старались удержать за собой господствующее положеніе, опираясь на наемныхъ солдатъ; позднѣйшіе переселенцы, прибывавшіе сюда изъ всѣхъ частей Греціи, были свободны, но не имѣли участія въ управленіи; туземные жители (племени Сикуловъ), покоренные колонистами, были обращены въ рабовъ. Въ Сиракузахъ и въ другихъ сицилійскихъ колоніяхъ происходила вражда низшихъ

классовъ съ господствующими фамиліями, т. е. демократіи съ аристократіей; смѣлые, честолюбивые люди, какъ и вездѣ, пользовались этой враждою, и захватывали верховную власть. Такъ въ началѣ V в. въ Сиракузахъ царствовалъ могущественный тиранъ Гелонъ, который завелъ многочисленное войско и флотъ и привелъ въ зависимость отъ Сиракузъ значительную часть Сициліи. Братъ и наслѣдникъ его Гіеронъ былъ другомъ художниковъ и поэтовъ, которыхъ собиралъ при своемъ дворѣ. При Гелонѣ началась продолжительная борьба Сиракузъ съ Карфагенянами.

Немного позднѣе чѣмъ въ Сициліи появились греческія колоніи по берегамъ южной Италіи; онѣ вскорѣ такъ размножились, что южная Италія получила названіе *Великой Греціи.* Колонисты должны были бороться здѣсь со многими трудностями, каковы: недостатокъ глубокихъ безопасныхъ гаваней, нездоровый климатъ (по причинѣ множества болотъ), морскіе разбои этрусковъ, полудикіе воинственные туземцы и соперничество карфагенскихъ торговцевъ. Дѣятельные греки однако преодолѣли эти препятствія; италъянскія колоніи ихъ развили обширную морскую торговлю, и достигли замѣчательнаго процвѣтанія. Изъ нихъ наиболѣе значительные на юговосточномъ берегу: *Тарентъ*, самый богатый и сильный городъ Великой Греціи, основанный спартанцами, *Сибарисъ*, *Кротонъ* и *Локры*; а на западномъ: *Регіумъ*, при Мессинскомъ заливѣ, *Кумы* и *Партенопея* (Неаполь). Кумы, расположенные въ живописной, дикой мѣстности, извѣстны были своимъ оракуломъ, жрица котораго называлась „сибилла". Локры, послѣ внутреннихъ смутъ и неурядицъ, получили прочное государственное устройство отъ своего законодателя Залевка, въ VII в. Законы его, давшіе перевѣсъ аристократіи, въ особенности были направлены на поддержаніе строгихъ нравовъ и уваженіе къ религіи. Локряне долго оставались преданы этимъ законамъ; чтобы предохранить ихъ отъ частыхъ перемѣнъ, говорятъ, существовало такое правило: гражданинъ, желавшій предложить какое нибудь новое постановленіе, являлся въ народное со-

браніе съ веревкою на шеѣ; если его предложеніе принималось, онъ оставался живъ; въ противномъ случаѣ онъ подвергался немедленному удушенію *. Сибарисъ былъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ, торговыхъ городовъ; богатые сибаритяне прославились своимъ роскошнымъ изнѣженнымъ образомъ жизни, такъ что вошли въ пословицу. Они находились въ жестокой враждѣ съ сосѣдями своими кротонцами; послѣдніе наконецъ взяли верхъ, и разрушили Сибарисъ. Этою побѣдою кротонцы обязаны преимущественно своимъ строгимъ нравамъ, которые ввелъ у нихъ знаменитый философъ *Пиѳагоръ* (въ VI вѣкѣ до Р. Х.). Родиной Пиѳагора былъ островъ Самосъ, гдѣ тогда царствовалъ тираннъ Поликратъ. Пиѳагоръ началъ проповѣдывать улучшеніе нравовъ; но принужденъ былъ удалиться изъ отечества, переселился въ южную Италію, и нашелъ многихъ послѣдователей своему ученію въ Кротонѣ. Онъ основалъ изъ нихъ Пиѳагорейскій союзъ — родъ жреческаго ордена, въ который члены допускались только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ испытанія. Пиѳагорейцы вели очень строгій образъ жизни, и питали величайшее уваженіе къ своему учителю. (Выраженіе „самъ сказалъ“ было для нихъ выше всѣхъ доказательствъ). Этотъ союзъ забралъ въ свои руки власть надъ городомъ, и управлялъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ; но потомъ враждебная ему демократическая партія возбудила противъ него народное возстаніе, и изгнала пиѳагорейцевъ изъ Кротона.

Въ южной Галліи переселенцы изъ малоазіатскаго города Фокеи основали колонію *Массилію* (Марсель), за 6 вѣковъ до Р. Х. Этотъ городъ въ свою очередь завелъ новыя посе-

---

* Замѣчателенъ еще другой законодатель, Харондъ Катанскій, котораго считаютъ современникомъ Залевка. Въ видахъ общественной безопасности, Харондъ, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ гражданамъ являться въ народное собраніе вооруженными; но самъ онъ однажды поспѣшилъ въ собраніе, забывъ снять съ себя оружіе. Ему замѣтилъ кто то, что онъ нарушаетъ собственные законы. «Нѣтъ, отвѣчалъ Харондъ, я хочу утвердить ихъ» и обнаживъ мечъ, пронзилъ свою грудь.

ленія по сосѣднимъ берегамъ Галліи и Испаніи. Кромѣ обширной морской торговли (особенно оливковымъ масломъ), Массилія славилась въ древности своимъ хорошо устроеннымъ правленіемъ и внутреннимъ спокойствіемъ. Правленіе носило здѣсь характеръ умѣренной аристократіи. 600 граждан, избранныхъ на цѣлую жизнь и не иначе какъ изъ людей семейныхъ, составляли сенатъ. Изъ числа ихъ выбиралось 15 членовъ для занятія текущими дѣлами; три сановника, облеченные исполнительною властію председательствовали въ этомъ комитетѣ. Сохраненіе внутренняго мира и согласія было необходимо жителямъ Массиліи, при ихъ уединенномъ положеніи посреди воинственныхъ гальскихъ племенъ, при частыхъ морскихъ войнахъ съ этрусками и карѳагенянами.

На восточномъ берегу Испаніи изъ греческихъ колоній заслуживаетъ вниманія городъ *Сагунтъ*, основанный переселенцами съ острова Закинта.

V. БОРЬБА СЪ ПЕРСАМИ И РАЗЦВѢТЪ ГРЕЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ.

Возстаніе малоазіатскихъ грековъ. Мильтіадъ и Мараѳонская битва. Аристидъ и Ѳемистоклъ. Нашествіе Ксеркса. Ѳермопилы, Саламинъ и Платея. Перемѣна гегемоніи. Павзаній. Кимонъ. Периклъ. Развитіе аѳинскаго могущества и демократіи. Греческая поэзія. Замѣчательные лирическіе поэты. Театръ. Знаменитѣйшіе трагики. Аристофанъ. Архитектура. Украшеніе города Аѳинъ. Пластика. Фидій. Живопись. Обѣдъ. Женщины. Одежда.

Въ концѣ VI в. до Р. X. столкновеніе Греческаго міра съ огромной Персидской монархіей сдѣлалось неизбѣжнымъ. Послѣдняя достигла тогда своихъ естественныхъ предѣловъ: со всѣхъ сторонъ она была окружена пустынями, морями, боль-

шими рѣками и высокими горами. Только на сѣверозападѣ она не была отдѣлена значительными преградами отъ Грецін; независимость этой небольшой страны отравляла спокойствіе и гордость могущественнаго царя. Киръ завоевалъ Азію, Камбизъ часть Африки; Дарій не хотѣлъ быть ниже своихъ предшественниковъ, и предпринялъ завоеваніе Европы. Его огромное предпріятіе противъ скиѳовъ окончилось неудачею. Но на возвратномъ пути онъ оставилъ часть войска полководцу своему Мегабазу съ порученіемъ завоевать Ѳракію и Македонію. Македонскій царь Аминта призналъ надъ собою верховную зависимость отъ Персіи. Теперь границы этой монархіи касались Европейской Грецін. Поводомъ къ великой борьбѣ послужилъ мятежъ іонійскихъ колоній.

Гистіей, тираннъ города Милета, возбудилъ подозрѣніе персидскаго царя, былъ вызванъ къ его двору и тамъ задержанъ. Аристагоръ, зять и преемникъ Гистіея, тайно возбуждаемый имъ, поднялъ возстаніе противъ персовъ, и увлекѣ за собою значительную часть малоазіатскихъ грековъ. Онъ обратился за помощью къ Спартѣ и Аѳинамъ; но только аѳиняне послали ему 20 кораблей, къ которымъ присоединились еще 5 кораблей эвбейскаго города Эретріи. Союзники взяли и сожгли городъ Сарды, столицу персидскаго сатрапа (500 г. до Р. Х.); но тѣмъ и ограничились ихъ успѣхи. Аѳиняне воротились назадъ; а малоазіатскіе греки вскорѣ были усмирены персами; глава возставшихъ городовъ, Милетъ, былъ взятъ и разоренъ *. Послѣ того Дарій, подстрекаемый Пизистратидомъ Гиппіемъ, рѣшился наказать и европейскихъ грековъ; особенно онъ былъ раздраженъ противъ аѳинянъ, и велѣлъ одному изъ своихъ служителей ежедневно повторять за обѣдомъ: „Царь помни объ аѳинянахъ“.

---

* Аѳинскій поэтъ Фринихъ написалъ трагедію «Взятіе Милета» Во время ея представленія зрители не могли удержаться отъ рыданій, и поэтъ былъ осужденъ заплатить пеню въ 1000 драхмъ за такое живое напоминаніе этого печальнаго событія.

Дарій послалъ своего зятя Мардонія съ войскомъ, которое должно было проникнуть въ Грецію черезъ Өракію; между тѣмъ какъ персидскій флотъ слѣдовалъ за нимъ вдоль берега (493 г.). У Аөонскаго мыса этотъ флотъ былъ разбитъ бурею; а сухопутное войско большею частію погибло въ борьбѣ съ воинственными өракійскими племенами. Тогда Дарій вооружилъ новое, еще болѣе сильное войско, и послалъ въ греческія государства герольдовъ требовать земли и воды въ знакъ покорности. Греки, испуганные страшными силами персовъ, большею частію исполнили это требованіе; напротивъ аөиняне и спартанцы не только отказали, но даже убили персидскихъ пословъ. Персидская армія, простиравшаяся какъ говорятъ до 100,000 человѣкъ, выступила на грековъ подъ начальствомъ двухъ полководцевъ, Датиса и Артаферна. Она сѣла на корабли, и, чтобы избѣжать Аөонскаго мыса, направилась прямо черезъ Эгейское море. Сначала персы взяли и разорили эвбейскій городъ Эретрію; потомъ они высадились на восточномъ берегу Аттики близь города Мараөона (490 г.). Аөиняне могли выставить противъ нихъ только 10,000. Они посылали за помощью къ спартанцамъ; тѣ обѣщали, но по обычаю не хотѣли выдти въ походъ прежде полнолунія, и потому опоздали. Только городъ Платея прислалъ 1000 человѣкъ. Войско аөинское находилось подъ начальствомъ 10 стратеговъ или полководцевъ; между ними болѣе всѣхъ выдавался Мильтіадъ, бывшій прежде тиранномъ въ аөинскихъ колоніяхъ Херсонеса Өракійскаго. (Такъ назывался узкій полуостровъ, омываемый съ одной стороны проливомъ Геллеспонтомъ съ другой Эгейскимъ моремъ. Во время похода Дарія въ Скиөію Мильтіадъ совѣтовалъ разрушить мостъ.) Онъ предложилъ немедленно выдти на встрѣчу персамъ и вступить въ бой; другіе совѣтовали подождать; голоса стратеговъ раздѣлились по ровну. Но Мильтіаду удалось склонить на свою сторону полемарха Каллимаха, котораго голосъ далъ перевѣсъ его мнѣнію. Аөиняне вышли на Мараөонское поле. Стратеги по очереди смѣняли другъ дру-

га въ начальствѣ надъ войскомъ. Одинъ изъ нихъ, Аристидъ, сознавая превосходство Мильтіада, предложилъ товарищамъ уступить ему команду не въ очередь; но онъ не принялъ ся, дождался своего очереднаго дня, и тогда далъ битву. Зная привычку персовъ устремлять главную силу на центръ непріятельскаго войска, Мильтіадъ поставилъ въ серединѣ худшую часть своихъ воиновъ и преимущественно рабовъ, а лучшую размѣстилъ по крыльямъ. Дѣйствительно, отборная персидская конница бросилась на центръ грековъ, и погнала ихъ передъ собою; но въ это время лучшіе греческіе отряды напали съ двухъ сторонъ на персовъ, и разбили ихъ на голову. Персы бросились на корабли, и оставили грекамъ въ добычу весь лагерь. Говорятъ, что тутъ между прочимъ нашли множество цѣпей, которыя персы приготовили для грековъ, и прекрасную мраморную колонну, которую они хотѣли поставить на мѣстѣ своей будущей побѣды. Персы на корабляхъ поспѣшили обогнуть мысъ Суній и напасть на Аѳины, остававшіяся почти беззащитными. Но аѳинское войско, не смотря на свое утомленіе, предупредило ихъ, и успѣло достигнуть города прежде непріятелей; тогда послѣдніе удалились въ Азію. Спустя два дня послѣ битвы, прибыли и спартанцы; но они могли только поздравить аѳинянъ съ побѣдою, и съ любопытствомъ осматривали Мараѳонское поле. Всѣ греки прославляли имя Мильтіада; но награда, которую ему воздали впослѣдствіи, отличалась республиканскою простотою: на стѣнѣ одного портика была нарисована Мараѳонская битва, и изображеніе Мильтіада представляло главную фигуру этой картины. Конецъ его не соотвѣтствовалъ его славѣ. Мильтіадъ склонилъ аѳинянъ ввѣрить ему 70 кораблей для того, чтобы завоевать тѣ цикладскіе острова, которые передались персамъ. При осадѣ Пароса онъ былъ тяжело раненъ, и воротился назадъ безъ успѣха. Сограждане приговорили его заплатить большой денежный штрафъ (50 талантовъ); онъ вскорѣ умеръ отъ своихъ

ранъ, и штрафъ былъ уплаченъ потомъ его сыномъ Кимономъ.

Послѣ Мильтіада въ Аѳинахъ возвысились два замѣчательные мужа: Ѳемистоклъ и Аристидъ. Послѣдній пріобрѣлъ уваженіе примѣрною честностію и справедливостію; а Ѳемистоклъ былъ человѣкъ съ большими дарованіями и очень честолюбивый. Послѣ Мараѳонской побѣды онъ вдругъ сдѣлался задумчивъ и печаленъ; друзья спрашивали, что съ нимъ случилось. „Лавры Мильтіада не даютъ мнѣ спать", отвѣчалъ Ѳемистоклъ. Онъ хотѣлъ непремѣнно прославить и себя и свое отечество великими подвигами. Ѳемистоклъ особенно изучалъ искусство краснорѣчія, и явился блестящимъ ораторомъ въ народномъ собраніи. Благодаря своей удивительной памяти, онъ зналъ имена всѣхъ аѳинскихъ гражданъ; былъ съ ними очень обходителенъ и всегда готовъ на личныя услуги. Такимъ образомъ Ѳемистоклъ сдѣлался главою демократической партіи. Между тѣмъ Аристидъ примыкалъ къ партіи аристократической и вмѣстѣ охранительной. Отсюда возникло соперничество этихъ двухъ мужей за вліяніе на дѣла республики. Ѳемистоклъ не былъ очень разборчивъ на средства для достиженія своихъ цѣлей; онъ распространилъ въ народѣ слухи о томъ, что Аристидъ стремится къ тиранніи, и послѣдній былъ изгнанъ изъ Аѳинъ посредствомъ остракизма (483). *

Послѣ Мараѳонской битвы народъ аѳинскій считалъ персидскую войну оконченною; но Ѳемистоклъ понималъ, что она только началась; онъ понималъ также, что для грековъ главное спасеніе должно заключаться въ сильномъ флотѣ. Онъ

* Раскязываютъ, что одинъ простой гражданинъ въ народномъ собраніи попросилъ находившагося подлѣ Аристида начертить его имя на черепкѣ. «Развѣ Аристидъ чѣмъ нибудь оскорбилъ тебя?»—спросилъ тотъ. «Нѣтъ, —отвѣчалъ гражданинъ—я даже его незнаю; но мнѣ наскучило постоянно слышать, какъ его называютъ справедливымъ». Покидая городъ, Аристидъ молилъ боговъ избавить его отечество отъ всего того, что могло бы заставить пожалѣть о его изгнаніи.

воспользовался морскою войною Аѳинъ съ жителями острова Эгины, и убѣдилъ согражданъ обратить на постройку и вооруженіе кораблей доходы съ серебряныхъ рудниковъ Лавріона. Эгинитяне вскорѣ должны были уступить аѳинянамъ первенство на морѣ, и при открытіи новой войны съ персами аѳиняне имѣли флотъ въ 200 военныхъ кораблей.

Уже Дарій Гистаспъ готовился отомстить грекамъ за первыя неудачи, и собиралъ отовсюду силы. Возмущеніе египтянъ отвлекло его вниманіе отъ Греціи. Преемникъ его Ксерксъ подавилъ это возмущеніе, и затѣмъ выступилъ противъ грековъ съ несмѣтнымъ войскомъ.

Для переправы въ Европу онъ велѣлъ навести мостъ изъ судовъ черезъ Геллеспонтъ. Сухопутное войско пошло вдоль Ѳракіи, а около береговъ слѣдовалъ за нимъ огромный флотъ (состоявшій большею частію изъ кораблей финикіянъ и малоазіатскихъ грековъ). Чтобы обойти опасную для кораблей Аѳонскую гору, ее отдѣлили отъ твердой земли каналомъ, который копали три года съ большимъ трудомъ. Греки расказывали, будто полчища Ксеркса простиралось до 2.000.000 человѣкъ. Полчища эти представляли чрезвычайно пестрое зрѣлище, и заключали въ себѣ воиновъ изъ всѣхъ народовъ, находившихся подъ властію персидскаго царя. Тутъ были: царская гвардія въ блестящихъ позолоченыхъ панцыряхъ, персы и мидяне въ узкихъ цвѣтныхъ кафтанахъ и остроконечныхъ бараньихъ шапкахъ съ короткими копьями и стрѣлами, ассирійцы въ мѣдныхъ шлемахъ съ палицами окованными желѣзомъ, арабы въ своихъ широкихъ бурнусахъ, вооруженные только лукомъ и стрѣлами, эѳіопы съ раскрашеннымъ тѣломъ, имѣя на плечахъ львиную или тигровую кожу, а вмѣсто шапки конскую голову съ гривой, и пр. Персидское войско не было въ самомъ дѣлѣ такъ страшно, какъ казалось по своей огромности: разноплеменные отряды почти не понимали другъ друга, и сражались какъ рабы только по приказанію своего повелителя или изъ жадности къ добычѣ; они были плохо вооружены и не имѣли правильнаго

воинскаго порядка. Трудности похода и продовольствія увеличивались отъ большаго количества слугъ, женщинъ и обозовъ, которыхъ всюду брали съ собою знатные люди. Между тѣмъ греческія войска, хотя были немногочисленны, но представляли стройные ряды искусныхъ, сильныхъ воиновъ. въ мѣдныхъ и желѣзныхъ доспѣхахъ, воодушевленные желаніемъ биться за свое отечество и свою свободу. Ѳессаліицы и большая часть Средней Греціи изъявили покорность Ксерксу; но другіе греки, особенно спартанцы и аѳиняне приготовились къ геройской защитѣ.

Когда Ксекс вошелъ въ предѣлы Греціи, было время Олимпійскихъ игръ; а въ Спартѣ наступилъ праздникъ Аполлона Карнейскаго, продолжавшійся 8 дней. Несмотря на величайшую опасность, греки не оставили своихъ праздниковъ, и только небольшая союзная армія, въ нѣсколько тысячъ, отправлена къ Ѳермопильскому ущелью подъ начальствомъ спартанскаго цара Леонида. Соединенный греческій флотъ занялъ позицію недалеко отъ этого ущелья въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ Эвбею отъ Средней Греціи, при мысѣ Артемизіѣ. Тутъ начались удачныя морскія битвы съ персами. Но взятіе Ѳермопилъ заставило греческіе корабли отступать далѣе къ югу. Расказываютъ, что Ксерксъ передъ началомъ битвы послалъ къ Леониду съ требованіемъ выдать оружіе; Леонидъ отвѣчалъ лаконически: „Приди и возьми". Царь отрядилъ мидянъ съ приказаніемъ привести къ нему грековъ живыми. Мидяне храбро бросились впередъ; но были отбиты съ большою потерею; ихъ смѣнилъ отрядъ безсмертныхъ; но и они потерпѣли такую же неудачу. Сомкнувъ свои щиты въ одну непроницаемую стѣну, греки поражали персовъ своими длинными копьями. На слѣдующій день сраженіе возобновилось, и опять съ тѣмъ же успѣхомъ. Но одинъ греческій измѣнникъ, Эфіальтъ, въ надеждѣ на богатую награду, извѣстилъ Ксеркса, что есть горная тропинка, по которой можно обойти непріятелей. Царь послалъ съ нимъ часть своего войска. Персы шли цѣлую ночь, и къ утру очути-

лись въ тылу у грековъ. Тогда Леонидъ отпустилъ большую часть союзныхъ отрядовъ; а самъ съ 300 своихъ спартанцевъ и нѣсколькими стами союзниковъ бросился на непріятелей, и послѣ отчаянной битвы палъ со всѣми спартанцами. Впослѣдствіи на томъ мѣстѣ поставлено был мѣдное изображеніе льва съ надписью: „Странникъ! возвѣсти Спартѣ, что мы легли здѣсь всѣ триста, вѣрные законамъ своего отечества".

Персы вступили въ Среднюю Грецію, и сильно опустошили Фокиду и Аттику (а Беотійцы покорились имъ добровольно). Часть войска, отправленная на Дельфы, что бы завладѣть сокровищами Аполлонова храма, по словамъ преданія, была разсѣяна страшнымъ громомъ (въ которомъ видѣли мщеніе самаго Аполлона). Аѳиняне заранѣе обратились къ Дельфійскому оракулу за совѣтомъ; онъ отвѣчалъ, что они найдутъ спасеніе за деревянными стѣнами. Нѣкоторые поняли этотъ отвѣтъ буквально, и поставили вокругъ своей крѣпости деревянныя стѣны; но другіе и особенно Ѳемистоклъ истолковали, что подъ деревянными стѣнами тутъ разумѣются корабли. Дѣйствительно, жители Аѳинъ поспѣшили сѣсть на корабли, отославъ свои семейства на Саламинъ и нѣкоторые другіе острова. Персы вслѣдъ затѣмъ взяли и сожгли городъ Аѳины. Соединенный греческій флотъ, отступая передъ персидскимъ, остановился въ проливѣ между островомъ Саламиномъ и берегомъ Аттики. Послѣ разоренія Аѳинъ спартанскій царь Эврибіадъ, главный начальникъ флота, хотѣлъ отступить еще далѣе на югъ, къ Пелопонезу. Но проницательный Ѳемистоклъ понималъ всѣ выгоды настоящей позиціи, и прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы удержать грековъ. Онъ притворился измѣнникомъ, и увѣдомилъ Ксеркса, что греки хотятъ бѣжать отъ вѣрной гибели. Царь тотчасъ велѣлъ своимъ кораблямъ загородить выходы изъ пролива, и греки принуждены были вступить въ бой. Огромный персидскій флотъ не могъ свободно дѣйствовать въ узкомъ проливѣ, и его большіе корабли безпрерывно садились на мель; между тѣмъ какъ лег-

кія греческія суда дѣйствовали очень проворно и искусно. Такимъ образомъ греки одержали въ Саламинской битвѣ полную побѣду (480 г. до Р. X.). Ксеркс смотрѣлъ на эту битву съ высокаго трона, который былъ воздвигнутъ для него на берегу Аттики. Увидавъ пораженіе персовъ, онъ потерялъ мужество, и воротился въ Азію, оставивъ въ Греціи полководца Мардонія съ 300.000 отборнаго войска. Послѣдній расположился зимовать въ Өессаліи и Беотіи.

Опасность еще не миновала; а спартанцы ушли назадъ, и занялись постройкою стѣны на Коринфскомъ перешейкѣ, чтобы преградить персамъ вторженіе въ Пелопоннезъ. Слѣдующею весною Мардоній снова опустошилъ Аттику; при чемъ аөиняне опять спаслись на островъ Саламинъ. Наконецъ аөинскіе послы убѣдили спартіатовъ выступить въ походъ. По дорогѣ къ спартанцамъ примкнули всѣ греки, оставшіеся вѣрными отечеству: подлѣ Элевзиса съ ними соединились аөиняне, сошедшіе съ кораблей; тогда греческое войско достигло 100.000 человѣкъ: оно находилось подъ начальствомъ спартанскаго царя Павзанія. Мардоній отступилъ изъ Аттики въ Беотію, чтобы найти болѣе ровную мѣстность, удобную для дѣйствія его конницы; съ своими 300,000 азіатскаго войска и 50,000 греческихъ союзниковъ онъ расположился на лѣвомъ берегу рѣки Азопа: противъ него, на правомъ берегу, недалеко отъ города Платеи у подошвы Киөерона сталъ Павзаній. Въ обоихъ лагеряхъ жертвенныя предзнаменованія грозили пораженіемъ тому войску, которое первымъ начнетъ битву. Спустя десять дней, Мардоній потерялъ терпѣніе, и вступилъ въ бой: онъ палъ во время сраженія, а войска его были совершенно разбиты. (479 г.) *. Остатки персовъ, предводимые Артаба-

* Вотъ нѣкоторыя подробности битвы при Платеѣ (По Геродоту и Плутарху).

Однажды около полуночи въ греческомъ станѣ явился всадникъ и потребовалъ свиданія съ аөинскимъ полководцемъ Аристидомъ. «Берегитесь, сказалъ онъ; Мардоній, вопреки предзнаменованіямъ, по недостатку въ продовольствіи, нападетъ на васъ завтра на разсвѣтѣ. Принужденный противъ

зомъ, ушли назадъ въ Азію. Побѣдителямъ досталась огромная добыча; одна десятая часть ея была принесена въ даръ богамъ; другая десятая часть предоставлена Павзанію; остальное раздѣлено между всѣми союзниками (а такъ наз. награда за храбрость единодушно присуждена платейцамъ). На полѣ битвы воздвигнуты памятники павшимъ воинамъ. Между греческими союзниками персовъ самыми упорными были ѳиванцы; поэтому побѣдоносная армія явилась передъ стѣнами Ѳивъ, и заставила выдать главныхъ измѣнниковъ, которые были на-

---

воли слѣдовать за персами, я приношу вамъ доказательство моей преданности Греціи. Я Александръ, царь Македонскій; надѣюсь, что вы меня не выдадите». За тѣмъ онъ повернулъ коня и ускакалъ. На слѣдующій день персидская конница отрѣзала грекамъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ и снабженіе водою. Ночью греки снялись съ лагеря, чтобы подвинуться ближе къ Платеѣ. На утро Мардоній, увидавъ движеніе грековъ, счелъ его бѣгствомъ, и велѣлъ произвести общее нападеніе. Аѳиняне во время движенія отдалились отъ другихъ союзниковъ; вся масса персовъ обратилась на ближайшія къ нимъ дружины спартанцевъ и тегеатовъ. Извѣщенные гонцами Павзанія, аѳиняне поспѣшили на помощь, но наткнулись на союзныхъ съ персами ѳессалійцевъ и беотійцевъ, и вступили съ ними въ жаркій бой. Между тѣмъ спартанцы воздерживались отъ битвы, ожидая конца жертвоприношеніямъ, по которымъ гадали о судьбѣ сраженія. Первыя жертвы не дали счастливыхъ предзнаменованій, и воины продолжали оставаться въ бездѣйствіи, подъ градомъ персидскихъ стрѣлъ. Въ эту критическую минуту Павзаній обратилъ свои взоры къ киѳеронскому храму Юноны, и умолилъ богиню о помощи. Минуту спустя, лакедемоняне получили счастливыя предзнаменованія, и тотчасъ ринулись въ битву. Персы сражались храбро; но у нихъ не было ни искусства, ни хорошаго вооруженія, чтобы противустоять греческимъ копьямъ и крѣпкимъ панцырямъ. Они вступали въ рукопашную битву то по одиночкѣ, то небольшими кучками, такъ что спартанцы легко били ихъ по частямъ. Самый жестокій бой кипѣлъ тамъ, гдѣ находился Мардоній на своемъ бѣломъ конѣ, окруженный отборнымъ отрядомъ. Когда Мардоній палъ, пораженный пращею, а отрядъ его былъ истребленъ, остальныя войска обратились въ бѣгство, и укрылись въ свой укрѣпленный лагерь. Лакедемоняне попытались взять этотъ лагерь приступомъ; но тутъ обнаружилось ихъ неумѣнье брать укрѣпленныя мѣста; они были нѣсколько разъ отбиты, и принуждены дожидаться аѳинянъ; послѣдніе, сломивъ наконецъ греческихъ измѣнниковъ, прибѣжали къ лагерю, и послѣ упорнаго боя сдѣлали проломъ: тогда греки ворвались въ лагерь, и произвели страшное избіеніе персовъ.

казаны смертію. Въ тоже самое время греческій флотъ, подъ начальствомъ спартанскаго царя Леотихида и аѳинянина Ксантиппа присталъ къ берегамъ Малой Азіи у мыса Микале (противъ острова Самоса); греки разбили здѣсь персидское войско и сожгли персидскіе корабли. Слѣдствіемъ побѣды при Микале было освобожденіе іонійскихъ колоній. Такимъ образомъ окончилось громадное предпріятіе Ксеркса. Греки отразили нашествіе азіатскихъ варваровъ, и спасли отъ гибели европейскую цивилизацію.

Гегемонія въ войнѣ съ персами принадлежала спартанцамъ: ихъ цари предводительствовали соединенными греческими силами: но главная честь борьбы безспорно пришлась на долю аѳинянъ; побѣды при Мараѳонѣ, Саламинѣ и Микале были выиграны или одними аѳинянами или по преимуществу ими. Ихъ корабли составляли главную силу греческаго флота; ихъ вожди, Мильтіадъ, Ѳемистоклъ и Аристидъ (при нашествіи Ксеркса воротившійся изъ изгнанія), своими талантами и заслугами возвысились надъ всѣми вождями остальныхъ грековъ. Слава аѳинянъ не замедлила возбудить зависть въ спартанцахъ. Недоброжелательство ихъ обнаружилось по слѣдующему поводу. Аѳины послѣ нашествія персовъ лежали въ развалинахъ и были беззащитны. По убѣжденію Ѳемистокла граждане запретили строить частные дома прежде, нежели городъ будетъ окруженъ крѣпкою стѣною. Весь народъ дѣятельно принялся за работу. Спартанцы прислали въ Аѳины съ требованіемъ, чтобы не былъ укрѣпляемъ стѣною ни одинъ городъ къ сѣверу отъ Коринѳскаго перешейка; на томъ основаніи, что такіе города будто бы послужатъ опорными пунктами для персовъ въ случаѣ новаго нападенія. Ѳемистоклъ самъ отправился посломъ въ Спарту съ отвѣтомъ отъ аѳинянъ; но тамъ, подъ разными предлогами, медлилъ объясненіями, чтобы выиграть время; наконецъ пришло извѣстіе, что стѣны готовы; тогда Ѳемистоклъ гордо объявилъ лакедемонскимъ властямъ, что аѳиняне не нуждаются въ ихъ совѣтахъ относительно своихъ стѣнъ. За тѣмъ онъ обратилъ

вниманіе на устройство безопаснаго пріюта для морскихъ силъ. Старая аѳинская гавань Фалеръ была мала и слишкомъ открыта. По настоянію Ѳемистокла аѳиняне устроили новую пристань въ сосѣдней бухтѣ Пирейской, и гавань Пирей также обвели крѣпкою стѣною. Далѣе, по его же совѣту, аѳиняне даровали разныя льготы иностранцамъ, особенно ремесленникамъ, которые пожелали бы основаться въ ихъ городѣ. Эти льготы привлекли въ Аѳины много людей со всѣхъ сторонъ; населеніе города быстро возрасло, такъ что аѳиняне вскорѣ могли высылать многочисленныя колоніи. Въ то же время устройство Аѳинъ пріобрѣло еще болѣе демократическій характеръ: четвертый классъ гражданъ, по предложенію Аристида, получилъ доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, и даже къ архонству.

Между тѣмъ военныя дѣйствія противъ персовъ продолжались. Спарта еще удерживала за собою гегемонію надъ государствами континентальными; но на морѣ ея гегемонія перешла теперь къ Аѳинамъ. Малоазіатскія колоніи и острова Эгейскаго моря составили постоянный союзъ для борьбы съ общимъ врагомъ, т. е. персами; предводительство военными силами ввѣрялось Аѳинамъ; каждое государство доставляло извѣстное число воиновъ, кораблей и денегъ на военные издержки; для совѣщанія о дѣлахъ союза послы отъ всѣхъ союзныхъ государствъ собирались на островѣ Делосѣ въ храмѣ Аполлона; тутъ же хранилась и союзная казна. Главнымъ устроителемъ этого союза былъ Аристидъ; ему, какъ самому честному и справедливому изъ грековъ, ввѣрено было охраненіе союзной казны.

Отпаденію морскихъ государствъ отъ спартанской гегемоніи и переходу ихъ на сторону Аѳинъ много способствовало неразумное поведеніе спартанскаго царя Павзанія. Надмѣнный славою, пріобрѣтенною имъ при Платеѣ, онъ началъ тяготиться надзоромъ эфоровъ, гордо и повелительно обращался съ союзными греками, окружалъ себя большою пышностію, и наконецъ завелъ тайныя сношенія съ Ксерксомъ.

Спарта отозвала его съ театра войны въ отечество. Тутъ онъ задумалъ поднять илотовъ, что бы низвергнуть эфоровъ и захватить неограниченную власть. Когда его замыслы были открыты и ему угрожала казнь, онъ укрылся въ одинъ храмъ. Храмы почитались неприкосновеннымъ убѣжищемъ и оттуда нельзя было взять силою преступника. Но спартанцы завалили входъ, и Павзаній умеръ съ голоду; говорятъ, что мать его первая принесла для этого камень (467 г.). Изъ ненависти къ Ѳемистоклу спартанцы обвинили его передъ аѳинянами въ соучастіи съ Павзаніемъ. Ѳемистоклъ еще прежде того подвергся остракизму стараніями враждебной ему аристократической партіи; а теперь онъ былъ осужденъ на смерть. Послѣ долгихъ скитаній онъ удалился къ персидскому царю Артаксерксу; тотъ принялъ его ласково и щедро одарилъ, въ надеждѣ воспользоваться его талантами. Говорятъ, Ѳемистоклъ, потомъ принялъ ядъ, чтобы не служить персамъ противъ грековъ. Около того же времени окончилъ свою жизнь Аристидъ; республика почтила его погребеніемъ на общественный счетъ и дала приданое его дочерямъ.

По смерти этихъ мужей самое видное мѣсто въ Аѳинахъ занялъ Кимонъ, сынъ Мильтіада. Онъ не былъ блестящимъ ораторомъ въ народномъ собраніи; за то отличался открытымъ характеромъ, привѣтливымъ обращеніемъ и щедростію; богатства свои Кимонъ расточалъ на украшеніе города садами и на пособіе бѣднымъ гражданамъ. Но возвышеніе его главнымъ образомъ было основано на его военныхъ подвигахъ въ борьбѣ съ персами. Наиболѣе знаменита его двойная побѣда при устьѣ рѣки Эвримедона (въ малоазіатской провинціи Памфиліи), гдѣ онъ истребилъ непріятельскій флотъ, и затѣмъ, высадившись на берегъ, разбилъ многочисленную непріятельскую армію (466 г.). Какъ глава аристократической или охранительной партіи, Кимонъ былъ большимъ почитателемъ Спарты и ея законовъ. Около того времени страшное землетрясеніе разрушило Лакедемонъ, при чемъ погибло много народу. Илоты и мессенцы воспользовались

этимъ бѣдствіемъ и возстали противъ спартіатовъ (464 г.). Началась третья Мессенская война, которая продолжалась десять лѣтъ. Спартанцы просили помощи у аѳинянъ; просьбу эту поддержали Кимонъ и его партія. Аѳиняне дѣйствительно отправили вспомогательное войско подъ начальствомъ Кимона; но походъ былъ неудаченъ, и подозрительные спартанцы отослали аѳинянъ назадъ. Кимонъ подвергся изгнанію остракизмомъ, по обычаю на 10 лѣтъ. Но еще до истеченія срока сограждане воротили его въ отечество; онъ продолжалъ свои подвиги противъ персовъ, и умеръ на островѣ Кипрѣ при осадѣ одного города (449). Тогда Аѳины заключили съ персами такъ называемый *Кимоновъ міръ*, по условіямъ котораго персидскій царь призналъ независимость малоазіатскихъ грековъ, и обязался не посылать военныхъ кораблей въ Эгейское море.

Благодаря усиліямъ Кимоновой партіи, рѣшительная борьба аѳинянъ съ спартанцами была на время отсрочена. Однако еще при его жизни соперничество ихъ вызвало войну. Потерпѣвъ нѣсколько неудачъ въ континентальныхъ сраженіяхъ (особенно при Танагрѣ и Коронеѣ), аѳиняне отказались отъ намѣренія отнять у спартанцевъ гегемонію на континентѣ, и заключили съ ними перемиріе на 30 лѣтъ (445 г.). Но этою войною было упрочено ихъ морское господство; соперница Аѳинъ на морѣ, островъ Эгина, принуждена выдать аѳинянамъ свои корабли и обязалась платить имъ дань; а островъ Эвбея окончательно ими покоренъ; онъ былъ важенъ для Аѳинъ по своему положенію, по своимъ богатымъ пастбищамъ и полямъ; на немъ поселены были многіе аѳинскіе колонисты.

Во время послѣдней войны въ Аѳинской республикѣ на первый планъ выступилъ Periклъ. Онъ былъ сынъ Ксантиппа, побѣдителя при Микале; а по матери происходилъ отъ знатной фамиліи Алкмеонидовъ. При своемъ необыкновенномъ умѣ, онъ получилъ прекрасное образованіе, которое старался постоянно расширить бесѣдами съ писателями и учеными;

въ особенности онъ пользовался наставленіями философа Анаксагора. Природа одарила его красивою наружностію (важное качество для того, кто хотѣлъ имѣть вліяніе на народъ, потому что греки были большіе почитатели красоты)*. Его осанка и манеры были исполнены достоинства и величія; никто изъ аѳинянъ не носилъ такъ живописно свой плащъ; никто изъ ораторовъ во время рѣчи не говорилъ съ такимъ спокойствіемъ и такъ кстати не поднималъ руку какъ Периклъ. Главнымъ средствомъ его вліянія на народъ служило ему удивительное краснорѣчіе, отличавшееся силою и энергіей. Къ этимъ качествамъ Периклъ присоединялъ замѣчательную сдержанность и осторожность въ своемъ поведеніи. Онъ не стремился къ быстрому возвышенію, а пріобрѣталъ вліяніе медленно и постепенно; только на войнѣ обнаруживалъ самую блестящую храбрость. По своему происхожденію Периклъ принадлежалъ къ аристократамъ; но, когда началась его дѣятельность, первое мѣсто въ этой партіи занималъ Кимонъ; при томъ аристократія въ то время была уже очень ослаблена въ Аѳинской республикѣ. Периклъ постарался занять мѣсто во главѣ народной партіи; но не унижался передъ толпою и не льстилъ ея страстямъ. Получивъ вліяніе на дѣла республики, онъ продолжалъ сохранять свою сдержанность, и большею частію дѣйствовалъ посредствомъ людей ему преданныхъ. Только въ важныхъ случаяхъ онъ самъ всходилъ на трибуну, и тогда развивалъ такую силу слова, что современники сравнивали его краснорѣчіе съ перунами громовержца Зевеса, и дали ему прозваніе „олимпійскаго". Въ своей частной жизни Периклъ былъ простъ и умѣренъ, удалялся шумныхъ удовольствій, отказывался отъ всѣхъ приглашеній на пиры и праздники; на улицѣ его видали только по дорогѣ въ сенатъ или въ народное собраніе. Однако онъ не былъ человѣкомъ угрюмымъ и необщительнымъ; дома онъ

* Только голова Перикла была нѣсколько велика сравнительно съ прочими частями тѣла, поэтому художники почти всегда изображали его съ шлемомъ на головѣ.

любилъ отдыхать послѣ трудовъ въ кругу своихъ друзей, бесѣдуя объ искусствѣ съ Фидіемъ, о литературѣ съ Софокломъ и Эврипидомъ, о философіи съ Анаксагоромъ и Сократомъ. Душою этого кружка была любимая подруга Перикла Аспазія, которая блистала не одною красотою, но и своимъ тонкимъ остроуміемъ и свѣденіями въ литературѣ. Честность и безкорыстіе Перикла были признаваемы даже его врагами; онъ не пользовался случаями увеличивать свое состояніе на общественный счетъ (чѣмъ помрачилъ свою славу, напримѣръ, Ѳемистоклъ). Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, онъ избѣжалъ обвиненія въ тиранніи и обычнаго въ тѣ времена остракизма; онъ удерживалъ свое вліяніе на дѣла въ теченіе 40 лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія 16 лѣтъ руководилъ аѳинянами почти безъ соперниковъ; между тѣмъ онъ не былъ ни архонтомъ ни членомъ ареопага (его избирали только въ число 10 стратеговъ). Такимъ образомъ Периклъ представляетъ типъ *демагога* (вождь народа) въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Дѣятельность Перикла была направлена на укрѣпленіе аѳинскаго могущества, на возвышеніе аѳинской демократіи и украшеніе роднаго города.

Предводительство Аѳинъ въ союзѣ, образовавшемся для борьбы съ персами, вскорѣ обратилось съ ихъ стороны въ полное господство; эта перемѣна произошла особенно съ тѣхъ поръ, какъ союзники, за немногими исключеніями, согласились вмѣсто войскъ доставлять аѳинянамъ деньги, и союзная казна была перенесена изъ Делоса въ Аѳины (взносы достигли теперь до 600 талантовъ въ годъ). Для союзниковъ вначалѣ такое положеніе казалось выгоднымъ: между тѣмъ какъ они мирно занимались торговлею и промыслами, аѳинскій флотъ долженъ былъ охранять ихъ отъ внѣшнихъ непріятелей. Союзные города стали обращаться въ Аѳины за рѣшеніемъ своихъ взаимныхъ тяжбъ; враждебныя партіи одного и того же города также прибѣгали къ посредничеству аѳинянъ; отсюда Аѳины присвоили себѣ и высшую судебную

власть въ союзѣ. Когда островъ Самосъ во время своей распри съ Милетомъ не захотѣлъ подчиниться приговору Аѳинъ и вошелъ въ сношенія съ персами, аѳиняне послали противъ него 60 кораблей подъ начальствомъ Перикла. Самосъ былъ взятъ, принужденъ выдать свои корабли и заплатить военныя издержки. Такимъ образомъ аѳиняне начали силою усмирять тѣ города, которые пытались отдѣлиться отъ союза. Периклъ значительно расширилъ аѳинскую колонизацію. Выводя колонистовъ, онъ уменьшалъ въ городѣ число бѣдныхъ и умножалъ отдаленныя поселенія, которыя способствовали развитію торговли и морскаго могущества аѳинянъ. Таково особенно значеніе ихъ колоній на сѣверныхъ островахъ и берегахъ Эгейскаго моря (т. е. во Ѳракіи и Македоніи). Чтобы поддержать тѣсную связь этихъ колоній съ метрополіей, Периклъ сохранялъ за колонистами званіе и права аѳинскихъ гражданъ.

Итакъ, если къ жителямъ Аттики присоединить колоніи и союзниковъ, то Аѳины располагали государствомъ, которое заключало въ себѣ, какъ думаютъ, болѣе 10,000,000 народонаселенія. Доходы Аѳинской республики простирались до 1500 талантовъ въ годъ (талантъ составлялъ около 1500 руб. сер.)*; при Периклѣ за всѣми расходами въ государственной казнѣ оставалось еще до 8,000 талантовъ сбереженія. Военныя

---

* Греки не любили прямыхъ налоговъ на гражданъ, и доходы эти состояли: изъ произведеній государственныхъ земель, рудниковъ, лѣсовъ, пастбищъ и другихъ угодій, которыя по большой части отдавались на откупъ въ частныя руки, изъ штрафовъ, конфискацій, разнаго рода пошлинъ (судебныхъ, таможенныхъ, рыночныхъ и др.), изъ поголовнаго или подушнаго сбора съ метековъ, изъ взноса союзныхъ городовъ; наконецъ, изъ временныхъ налоговъ на имущества (въ случаѣ нужды) и разнаго рода пожертвованій со стороны богатыхъ людей. Такія пожертвованія носили общее названіе *литургій:* онѣ назначались: на содержаніе хоровъ при театральныхъ представленіяхъ, на содержаніе борцевъ во время общественныхъ игръ, на публичные пиры въ торжественныхъ случаяхъ, на отправку религіозныхъ депутацій въ *Делосъ* или *Дельфы* и на оснастку военныхъ кораблей (Послѣдняя литургія, т. е. оснастка кораблей, носила названіе *тріерархіи*).

силы Аѳинской республики состояли главнымъ образомъ изъ многочисленнаго флота, именно изъ 300 триремъ и множества мелкихъ судовъ съ 60,000 матросовъ *. Сухопутное войско заключало въ себѣ: 13,000 тяжеловооруженныхъ или гоплитовъ, всегда готовыхъ выступить въ походъ (а за каждымъ гоплитомъ слѣдовало нѣсколько легковооруженныхъ слугъ), 16,000 человѣкъ расположенныхъ гарнизонами и 1200 всадниковъ; 1200 наемныхъ скиѳскихъ стрѣлковъ исполняли полицейскую службу. Въ случаѣ нужды войско это могло быть увеличено: всѣ граждане были воинами; метеки и рабы также набирались въ военную службу, особенно на флотъ; кромѣ того деньги всегда могли доставить много наемниковъ (преимущественно скиѳскихъ и критскихъ стрѣлковъ). Граждане вооружались на свой счетъ; Периклъ облегчилъ имъ военную службу, назначивъ жалованіе: именно, каждый гоплитъ получалъ 4 обола ежедневно, офицеры вдвое болѣе, а всадники втрое (аттическій оболъ равнялся приблизительно нашимъ 4 коп. сереб.).

Относительно развитія демократіи Периклъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Ареопагъ представлялъ послѣднюю опору аристократической и охранительной партіи. По предложенію Периклова друга Эфіальта, аѳиняне ограничили судебное значеніе Ареопага только дѣлами о смертоубійствѣ, и лишили его права останавливать приговоры народнаго собранія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ государство лишилось и послѣдняго учрежденія, которое могло еще удерживать впечатлительный аѳинскій народъ отъ излишнихъ увлеченій и крайностей. Почти все судопроизводство, гражданское и уголовное, теперь было сосредоточено въ судахъ геліастовъ, т. е. присяжныхъ. За

---

* *Триремою* назывался корабль или собственно большая морская лодка, снабженная съ каждой стороны тремя рядами веселъ, одинъ рядъ надъ другимъ; соотвѣтственно тому на каждомъ боку корабля находилось три ряда отверстій, въ которыя продѣвались весла; вдоль этихъ отверстій шли скамьи для гребцовъ.

участіе въ этихъ судахъ и за каждое присутствіе въ народномъ собраніи Periклъ положилъ также выдавать гражданамъ по нѣскольку оболовъ. Далѣе, чтобы всѣ граждане посѣщали театральныя представленія (служившія средствомъ не одного развлеченія, но и поученія), Периклъ основалъ особую кассу, изъ которой бѣднымъ гражданамъ выдавали деньги на плату за мѣста въ театрѣ.

При Периклѣ окончены были такъ называемыя Длинныя стѣны, соединившія городъ Аѳины съ его гаванью Пиреемъ. Самый городъ онъ украсилъ великолѣпными памятниками искусства, употребивъ на нихъ преимущественно союзную казну (она имѣла своей цѣлью войну съ персами; но война эта уже прекратилась). Лучшіе художники и поэты пользовались его дружбою и покровительствомъ. Аѳины сдѣлались средоточіемъ не только торговли и промышленности, но и умственной жизни грековъ. Вѣкъ Перикла извѣстенъ въ исторіи какъ вѣкъ высшаго процвѣтанія греческой образованности.

Разцвѣтъ этой образованности начался не въ метрополіи или собственной Греціи, а въ ея малоазіатскихъ колоніяхъ; чему особенно способствовали рано развившаяся здѣсь торговля и близкія сношенія съ наиболѣе образованными народами древняго востока, т. е. съ лидянами, финикіянами, египтянами и ассиро-вавилонянами. (Гражданственность народовъ торговыхъ всегда развивается быстрѣе, нежели народовъ земледѣльческихъ и пастушескихъ; посѣщая чужія страны, торговцы знакомятся съ иноземными обычаями, знаніями, искусствами и т. п.). Такъ, по нѣкоторымъ признакамъ отъ ассиріянъ греки заимствовали начатки архитектурнаго и скульптурнаго искусства, у финикіянъ азбуку и денежную систему, у египтянъ геометрію, у халдеевъ астрономію и т. д.

Въ вѣкъ Перикла, т. е. въ V в. до Р. Х., наибольшаго развитія достигаютъ двѣ стороны греческой цивилизаціи: *поэзія* и *искусство*.

Поэзія греческая прежде всего разцвѣла въ іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи: тамъ сложились эпическія пѣсни Гомера и другихъ рапсодовъ. За эпохою эпоса, который воспѣвалъ времена героическія, наступило преобладаніе лирической поэзіи (отъ VIII до V в. до Р. Х.). Ея развитіе началось также въ азіатскихъ колоніяхъ. Эта поэзія раздѣлилась на нѣсколько видовъ. Вопервыхъ, *элегія*, которая преимущественно выражаетъ разныя движенія души (грусть, радость и т. п.). Знаменитѣйшіе элегическіе поэты были: Сафо, женщина-поэтъ родомъ съ острова Лесбоса, соотечественница и современница Питтака митиленскаго (расказы о томъ, что она вслѣдствіе неудачной привязанности бросилась со скалы въ море, считаются теперь вымысломъ); Симонидъ, съ острова Кеоса, особенно извѣстный своими элегіями на смерть воиновъ, павшихъ при Мараѳонѣ, на битву при Ѳермопилахъ и побѣду при Саламинѣ; современникъ его Анакреонъ, уроженецъ острова Теоса, воспѣвавшій радости и наслажденія жизни (отсюда подобная поэзія называется „анакреонтическая") и пр. Изъ лирическихъ поэтовъ собственной Греціи замѣчательны только: аѳинянинъ Тиртей, прославившійся своими воинственными элегіями во время второй Мессенской войны, и Пиндаръ, уроженецъ Беотіи (522—442 г. до Р. Х.). Слава Пиндара была такъ велика, что государи и города греческіе наперерывъ заказывали ему стихотворенія на разные торжественные случаи; онъ сочинялъ между прочимъ гимны или *оды* богамъ; но болѣе всего знамениты его хвалебныя пѣсни въ честь побѣдителей на общественныхъ играхъ. Особый видъ лирики составили *ямбы*, стихотворенія, исполненныя ѣдкой насмѣшки или сатиры; такими ямбами извѣстенъ Архилохъ Паросскій, жившій въ VII в. до Р. Х. (О силѣ его насмѣшки расказываютъ: Архилохъ просилъ у Ликамба руку одной изъ его дочерей; отецъ сначала согласился, потомъ отказалъ; поэтъ отомстилъ ямбическимъ стихотвореніемъ, въ которомъ съ такою ядовитостію осмѣялъ все семейство Ликамба, что дочери его отъ стыда удавились).

Къ лирикѣ относятъ также поэзію *гномическую* или *дидактическую* (т. е. наставительную). Она подъ формою стиха заключала въ себѣ разныя нравственныя правила и наставленія для жизни. Древніе законодатели, каковы Ликургъ, Залевкъ, Солонъ и др., изложили свои законы въ видѣ краткихъ стихотвореній, которыя заучивались наизусть юношами. Къ поэтамъ гномическимъ принадлежатъ такъ наз. семь греческихъ мудрецовъ; каждому изъ этихъ мудрецовъ приписываютъ изрѣченіе, въ которомъ заключалась сущность его наставленій *. Подобныя наставленія иногда облекались въ форму расказа, въ которомъ на мѣсто людей дѣйствующими лицами выводились животныя; отсюда произошла *басня*. Знаменитѣйшимъ баснописцемъ греческимъ считается Эзопъ, современникъ Солона; но о личности его существуютъ только темныя извѣстія; между прочимъ его представляли маленькимъ горбатымъ человѣкомъ и при томъ находившимся въ рабствѣ у одного самосца.

Въ V вѣкѣ до Р. Х. патріотическая борьба съ персами дала сильный толчекъ дальнѣйшему развитію греческой образованности, и процвѣтаніе ея совершается съ тѣхъ поръ въ метрополіи преимущественно передъ колоніями. Этому періоду соотвѣтствуютъ и успѣхи драматической поэзіи, которая составляетъ высшую ступень поэтическаго творчества. Драматическія представленія въ Греціи произошли изъ религіозныхъ праздниковъ въ честь Діониса или Вакха, бога веселья **. Обычною принадлежностію этихъ вакхическихъ

---

* А именно. Клеобулъ училъ: «Наблюдай во всемъ мѣру». Періандръ: «Прежде (чѣмъ дѣлать) все обдумай». Питтакъ митиленскій: «Хорошо расчитывай время». Біасъ: «Не дѣлай многихъ дѣлъ (за одинъ разъ)». Өалесъ милетскій: «Поручительство принесетъ тебѣ заботу». Хилонъ лакедемонскій: «Познай самого себя». Солонъ аѳинскій: «Ничего лишняго». Эти изреченія были начертаны золотыми буквами на колоннахъ Аполлонова храма въ Дельфахъ.

** Діонисъ вмѣстѣ съ Деметрою или Церерою, богинею земнаго плодородія, служилъ предметомъ поклоненія въ особаго рода религіозныхъ церемоніяхъ,

праздниковъ былъ хоръ пѣвцовъ, которые пѣли хвалебныя пѣсни („диѳирамбы“) Діонису и плясали вокругъ его жертвеннаго алтаря, одѣтые сатирами (миѳологическія существа, почитавшіяся спутниками Вакха и изображавшіяся съ козлиными ногами). Между пѣніемъ и танцами начали вставлять разговоры хора съ лицомъ, который изображалъ или самого бога или его вѣстника. Отсюда хоръ остался на всегда существенною частью греческой драмы; а число собственно дѣйствующихъ лицъ или актеровъ было очень ограниченно (сначала только одинъ говорящій актеръ; Эсхилъ сталъ выводить двухъ; а Софоклъ прибавилъ еще третьяго). Мало по малу драматическія представленія въ честь Діониса раздѣлились на два вида, трагедію и комедію, смотря потому какой характеръ имѣли гимны этому божеству, серьёзный или веселый. Возраставшая любовь народа къ этимъ представленіямъ ввела въ обычай давать за одинъ разъ не одну трагедію, а три трагедіи одну за другою, которыя по содержанію имѣли связь между собою и составляли „трилогію“. (Впослѣдствіи къ нимъ присоединили четвертое дѣйствіе или такъ наз. сатириковъ, откуда произошла „тетралогія“).

Драматическія представленія совершались въ зданіяхъ, называвшихся театрами; они не имѣли кровли и занимали большое пространство, такъ что могли вмѣстить въ себя всѣхъ гражданъ республики. Мѣста для зрителей шли полукругомъ по склону какого нибудь холма; при подошвѣ склона помѣщался хоръ (у насъ превратившійся въ оркестръ); далѣе за нимъ, опять на нѣкоторомъ возвышеніи, располагалась сцена, имѣвшая видъ длиннаго и узкаго четырехъугольника

называвшихся «мистеріями» (т. е. таинствами). Знамениты особенно Элевзинскія мистеріи въ Аттикѣ: онѣ состояли въ очистительныхъ и умилостивительныхъ жертвоприношеніяхъ, процессіяхъ, въ ночномъ праздникѣ факеловъ и въ посвященіи новыхъ лицъ, такъ какъ въ таинствахъ участвовали только посвященные. Изъ Аѳинъ ежегодно два раза совершалась торжественная процессія въ Элевзисъ къ храму Деметры для празднованія мистерій («большія» элевзинія праздновались осенью, а «малыя» весною).

(своею длинною стороною примыкавшая къ оркестру. Наши европейскіе театры устроены по тому же плану, съ прибавленіемъ кровли). Представленія происходили при дневномъ свѣтѣ, и начинались съ утра; актеры надѣвали маску соотвѣтственную роли, т. е. трагическую или комическую; такъ какъ разстояніе сцены отъ зрителей было очень значительно, то, для усиленія голоса, маска была снабжена особою машинкою; а небольшія ходули (котурны) увеличивали ростъ актеровъ.

Знаменитѣйшіе драматическіе поэты Греціи принадлежатъ Аѳинамъ, и выступаютъ въ ту эпоху, когда Аѳины появились во главѣ греческой образованности. Изъ числа многихъ аѳинскихъ трагиковъ высшее мѣсто заняли трое: *Эсхилъ*, *Софоклъ* и *Эврипидъ*. Всѣ они болѣе или менѣе современники Перикла. Эсхилъ участвовалъ въ войнѣ за независимость; 45-лѣтнимъ мужемъ онъ сражался при Саламинѣ; шестнадцатилѣтній юноша Софоклъ находился въ хорѣ пѣвцовъ на праздникѣ, который данъ былъ въ честь Саламинской битвы; а Эврипидъ родился въ день этой битвы на островѣ Саламинѣ, куда спаслись его родители. Эсхилъ, какъ говорятъ, написалъ до 70 трагедій; изъ нихъ дошли до насъ только семь («Прикованный Прометей», «Персы», «Эвмениды» и пр.). Содержаніе своихъ трагедій онъ бралъ изъ религіозной и государственной жизни народа. По направленію своему Эсхилъ (происходившій изъ знатнаго рода) принадлежалъ къ партіи охранительной, и въ своихъ произведеніяхъ старался защищать древнія аѳинскія учрежденія противъ нападокъ безпокойной демократіи. Напримѣръ, когда другъ Перикла Эфіальтъ предложилъ народу отнять у ареопага большую часть подсудныхъ ему дѣлъ, Эсхилъ поставилъ на сцену свою трагедію Эвмениды; здѣсь онъ показывалъ, что сама богиня Аѳина была основательницею этого судилища. Однако предложеніе Эфіальта было принято. Въ старости Эсхилъ покинулъ Аѳины, и удалился въ Сицилію, гдѣ и умеръ. Трагедіи его отличаются возвышеннымъ, торжественнымъ стилемъ, величественными ха-

рактерами и строго религіознымъ чувствомъ; надъ лицами и событіями тяготитъ у него владычество суроваго, неумолимаго рока.

Софоклъ еще въ ранней молодости обнаружилъ большие успѣхи въ музыкѣ и гимнастикѣ; а эти два искусства (т. е. собственно пѣніе и пляска) были необходимы драматическому поэту. для устройства хора въ своихъ произведеніяхъ. 28 лѣтъ отъ роду онъ въ одномъ поэтическомъ состязаніи одержалъ верхъ надъ Эсхиломъ, и получилъ побѣдный вѣнокъ. Его долгая жизнь протекла мирно и счастливо. Но въ старости собственный сынъ обвинялъ его передъ членами своей фратріи (которые составляли родъ семейнаго суда) въ томъ, что онъ выжилъ изъ ума и неспособенъ управлять своимъ имѣніемъ. Вмѣсто оправданія Софоклъ прочелъ судьямъ отрывокъ изъ трагедіи „Эдипъ въ Колонѣ», которую онъ въ то время сочинялъ: судьи освободили его отъ обвиненія, и съ тріумфомъ проводили домой. Онъ написалъ болѣе 100 трагедій; изъ нихъ также сохранилось только семь («Антигона», «Эдипъ царь“, „Эдипъ въ Колонѣ“, „Аяксъ“ и пр.). Его трагедіи превосходятъ всѣ другія изяществомъ своего стиля, чрезвычайною гармоніей частей и глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца.

Эврипидъ провелъ жизнь болѣе тревожную и менѣе счастливую. Онъ умеръ при дворѣ македонскаго царя Архелая. Въ своихъ трагедіяхъ Эврипидъ (бывшій послѣдователемъ философа Анаксагора) отступилъ отъ строго религіознаго направленія предшественниковъ; дѣйствующія лица у него философствуютъ и ораторствуютъ подобно современнымъ ему аѳинянамъ; главная задача его произведеній—изобразить міръ человѣческихъ страстей (особенное вниманіе посвящается у него женщинамъ); онъ старается поразить зрителей разными эффектами и растрогать ихъ чувствительными сценами. При этомъ дѣйствіе драмы иногда до того запутывается, что для развязки является на сцену какое нибудь божество и распутываетъ узелъ своимъ приговоромъ (подобная развязка выра-

жается словами: deus ex machina). Число его драмъ также очень велико; сохранилось до насъ около 20 („Медея", „Ипполитъ", „Вакханки" и др.) *.

Во второй половинѣ V вѣка до Р. Х. жилъ величайшій изъ греческихъ комиковъ, Аристофанъ, принадлежавшій также Аѳинамъ. Изъ его 54 комедій сохранилось одиннадцать. Аристофанъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей охранительной партіи: въ своихъ комедіяхъ онъ безпощадно преслѣдуетъ отступленіе аѳинянъ отъ прежнихъ простыхъ, строгихъ нравовъ и тотъ необузданный характеръ, который начала принимать аѳинская демократія. Такъ между прочимъ онъ осмѣиваетъ: ученіе новыхъ философовъ, подрывающихъ древнюю религію и развращающихъ юношество (въ комедіи „Облака"), пагубное вліяніе нѣкоторыхъ демагоговъ на государственныя дѣла („Всадники"), распространившуюся въ народѣ страсть къ доносамъ и тяжбамъ („Осы"), и пр.

Образовательныя искусства, архитектура, ваяніе и живопись, (т. е. искусства наглядныя выражающіяся внѣшними образами) также получили первоначальное развитіе преимущественно въ колоніяхъ. Прежде другихъ искусствъ достигла совершенства архитектура. По характеру или стилю она раздѣлилась на два главные ордена: *дорійскій* и *іонійскій*, получившіе свое названіе отъ іонійскихъ и дорійскихъ колоній въ Малой Азіи. Зданія перваго ордена, сообразно съ характеромъ дорянъ, отличаются строгою гармоніей своихъ частей и простотой украшеній: второй орденъ представляетъ болѣе граціи и роскоши. Впослѣдствіи къ этимъ двумъ орденамъ присоединился

---

* Трагедіи Эврипида стоятъ ниже Эсхиловыхъ и Софокловыхъ; но и онѣ изобиловали многими прекрасными мѣстами, которыя заучивались въ народѣ на память: такъ расказываютъ, что аѳинскіе плѣнники въ Сициліи (во время Пелопоннесской войны) получали свободу за произнесеніе отрывковъ изъ Эврипида. Сравнивая между собою произведенія трехъ великихъ трагиковъ, обыкновенно характеризуютъ ихъ тремя словами: Эсхила словомъ «возвышенное», Софокла—«прекрасное», Эврипида—«трогательное».

еще третій, *коринфскій*, который отличается уже изысканностію и обиліемъ украшеній. Замѣчательными архитектурными произведеніями эпохи до персидскихъ войнъ были: дорическій храмъ Аполлона Дельфійскаго и храмъ Діаны Эфесской—великолѣпный образецъ іонійскаго ордена *.

Со времени персидскихъ войнъ Аѳины становятся средоточіемъ греческаго искусства. Скоплявшіяся здѣсь богатства дали возможность украсить городъ изящными храмами и другими публичными зданіями. Periклъ наполнилъ аѳинскій акрополь величайшими произведеніями зодчества и ваянія. Первое мѣсто между этими произведеніями занялъ *Партенонъ*—храмъ, посвященный покровительницѣ города Аѳинѣ *партеносъ* (что значитъ „дѣвственница"). Онъ построенъ изъ превосходнаго пентелійскаго мрамора въ дорическомъ стилѣ; строителями его были зодчіе Иктинъ и Калликратъ; но всѣ работы производились подъ руководствомъ великаго художника Фидія; фронтонъ его былъ украшенъ скульптурными изображеніями; между прочимъ здѣсь представлена процессія великихъ панаѳиней (часть этихъ мраморныхъ изваяній хранится теперь въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ). Партенонъ считается самымъ совершеннымъ памятникомъ греческаго зодчества. (Онъ сохранялся въ цѣлости до конца XVII вѣка, когда былъ поврежденъ венеціанскими бомбами). Неподалеку отъ Партенона воздвигнутъ храмъ *Эрехтейонъ* (въ честь миѳическаго царя Эрехтея), который представлялъ самый изящный образецъ іонійскаго стиля. Входъ изъ города на гору, въ Акрополь, былъ украшенъ великолѣпнымъ портикомъ или кры-

---

* Эти ордена болѣе всего различаются между собою по колоннамъ. Дорійская колона довольно массивна, не имѣетъ базиса или основанія, къ верху слегка съуживается и заканчивается самымъ простымъ капителемъ; іонійская колонна выше и легче дорійской, стоитъ на базисѣ (представляющемъ подобіе обуви), а капитель ея украшена завиткомъ на подобіе женскаго локона; а коринфская колонна еще сложнѣе, и капитель ея взяла за образецъ корзину съ цвѣтами и листьями аканта. Греческіе храмы вообще имѣли видъ продолговатыхъ четырехъугольниковъ, окруженныхъ колоннадами.

тою мраморною колоннадою, называвшеюся *Пропилеи.* Кромѣ того замѣчателенъ построенный Перикломъ *Одеонъ* съ остроконечною кровлею, въ подражаніе шатру персидскаго царя. Это зданіе назначено было для состязанія въ музыкальномъ искусствѣ на панаѳинейскихъ праздникахъ; а Периклъ былъ избранъ судьею для раздачи наградъ, и распредѣлялъ порядокъ, когда слѣдовало играть на флейтѣ, на китарѣ, пѣть и пр.

Пластика (ваяніе или скульптура) развилась у грековъ въ тѣсной связи съ ихъ религіей, т. е. съ антропоморфизмомъ (человѣкообразнымъ представленіемъ боговъ). Древнѣйшія статуи боговъ и героевъ имѣютъ форму столбовъ съ человѣческою головою; это такъ наз. *гермы.* Потомъ мало по-малу на этихъ статуяхъ начали обозначать руки, ноги и другіе члены человѣческаго тѣла. Наконецъ онѣ приняли совершенное подобіе людей; но долго еще сохраняли свое безжизненное выраженіе и жесткость формъ. * Полнаго своего развитія достигла пластика во время Перикла въ произведеніяхъ аѳинскаго художника Фидія. Самыя замѣчательныя изъ его произведеній: колоссальная статуя Зевеса Олимпійскаго, находившаяся въ элидскомъ городѣ Олимпіи, въ храмѣ Зевеса, и прекрасная статуя Аѳины-дѣвственницы, поставленная въ Партенонѣ. По желанію народа, Фидій сдѣлалъ эту статую изъ самаго дорогаго матеріала, изъ слоновой кости, одежду на ней изъ чистаго золота, а глаза изъ драгоцѣнныхъ камней. Другая колоссальная статуя, Аѳины-*промахосъ* (т. е. „воительницы“), была отлита Фидіемъ изъ бронзы, на счетъ мараѳонской добычи; она представляла вооруженную женщину, и стояла на самомъ высокомъ пунктѣ Акрополя, такъ что моряки, плывя въ Аѳины, уже около мыса Сунія видѣли

* Этотъ періодъ пластическаго искуства называется *архаическимъ.* Памятникомъ его служатъ «Эгинскіе мраморы» или мраморныя статуи, найденныя въ развалинахъ одного храма на островѣ Эгинѣ. Онѣ находятся теперь въ Мюнхенской глиптотекѣ.

верхушку ея шлема и конецъ копья *. Однако судьба Фидія была несчастлива. Враги Перикла подняли жалобы на то, что онъ расточаетъ казну на дорогія постройки и статуи. „Аѳиняне, сказалъ однажды Периклъ въ народномъ собраніи, если вы находите, что я слишкомъ много трачу на памятники, то я принимаю всѣ издержки на себя; но за то на нихъ будетъ начертано только одно мое имя“. Этихъ словъ было достаточно, что бы народъ изъявилъ полное одобреніе его предпріятіямъ. Безсильные противъ самаго Перикла, враги обратились противъ его друзей. Фидій былъ обвиненъ въ томъ, что онъ утаилъ часть золота, назначеннаго для упомянутой статуи Аѳины-дѣвственницы. Но, по совѣту предусмотрительнаго Перикла, Фидій устроилъ статую такъ, что ея золотую одежду можно было снять и взвесить; невинность его была доказана. Враги неуспокоились; они обвинили его въ святотатствѣ, потому что онъ, изобразивъ на щитѣ богини (при тойже статуѣ) битву аѳинянъ съ амазонками, въ числѣ первыхъ помѣстилъ фигуры свою собственную и Периклову. По расказу Плутарха, Фидій умеръ въ темницѣ (по иному извѣстію онъ бѣжалъ въ Элиду). Другой близкій человѣкъ Периклу, философъ Анаксагоръ, былъ обвиненъ въ томъ, что отрицалъ существованіе боговъ, и спасся отъ смерти бѣгствомъ изъ Аѳинъ. Тому же обвиненію подверглась любимая подруга Перикла Аспазія. Онъ едва могъ спасти ее, употребивъ передъ судьями все свое краснорѣчіе и даже обильныя слезы.

Рядомъ съ аѳинской школой ваянія, во главѣ которой стоялъ Фидій, достигла замѣчательнаго процвѣтанія школа

---

* Большая часть мысовъ Аттики, Пелопоннеза, Іоніи и острововъ Архипелага была украшена храмами, надгробными и побѣдными памятниками. Эти памятники, окруженные рощами и скалами, видимые при разныхъ перемѣнахъ освѣщенія — то посреди облаковъ и бури, то при блескѣ луны, заходящаго или восходящаго солнца,—дѣлали берега Греціи чрезвычайно живописными со стороны моря.

аргиво-сикіонская въ лицѣ своего предводителя *Поликлета* (младшій современникъ Фидія: лучшее его произведеніе колоссальная статуя Юноны въ Аргосѣ, сдѣланная также изъ слоновой кости и золота). Въ томъ же вѣкѣ развилась и греческая живопись, преимущественно обработанная двумя школами: аѳинскою (*Полигнотъ*) и малоазіатскою (*Зевксисъ* и его соперникъ *Парразій*).

Итакъ, вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ торговли, промышленности и художествъ, благосостояніе Аѳинъ достигло самой высокой степени. Со всей Греціи пріѣзжали сюда богатые люди, чтобы наслаждаться пріятною аѳинскою жизнію, послушать философовъ и ораторовъ, поучиться у аѳинянъ изящнымъ манерамъ, остроумному разговору, умѣнью хорошо повеселиться, одѣться, и т. п. Вкусные обѣды и хорошее вино были у аѳинянъ въ большой модѣ. Обѣдъ у древнихъ начинался уже по окончаніи дневныхъ хлопотъ, т. е. почти вечеромъ. За столомъ они не сидѣли; а возлежали на низкихъ скамьяхъ, опираясь лѣвою рукою на подушки, и кушанье брали безъ помощи ножей и вилокъ. Когда обѣдъ былъ званый, пирующіе надѣвали вѣнки изъ цвѣтовъ и за спиною каждаго стоялъ невольникъ. Послѣ обѣда умывали руки и совершали возліяніе богамъ (т. е. лили немного вина на землю, произнося молитву); рабы убирали кушанья, и начиналась попойка; впрочемъ по большой части пили вино, разбавленное водою. Пиръ оживлялся разными шутками, остротами, пѣснями; а иногда призывались музыканты и танцовщицы.

Жены и дочери гражданъ обыкновенно здѣсь не присутствовали; онѣ только въ торжественныхъ случаяхъ являлись въ обществѣ мужчинъ; особенно видное мѣсто получали онѣ въ праздничныхъ процессіяхъ. Въ каждомъ зажиточномъ домѣ было особое женское отдѣленіе (гинекей), гдѣ онѣ скромно проводили время съ своими невольницами за шитьемъ, тканьемъ, и т. п. Положеніе женщинъ у грековъ занимало средину между ихъ рабствомъ на востокѣ и настоящимъ состоя-

ніемъ у европейскихъ народовъ. При ихъ уединенной, замкнутой жизни, естественно онѣ въ умственномъ развитіи далеко отстали отъ мущинъ; этимъ обстоятельствомъ пользовался особый классъ свободныхъ женщинъ, неподчинявшихся правиламъ скромности и извѣстныхъ подъ именемъ „гетеръ" (т. е. подругъ). Гетеры старались привлекать мущинъ не одною внѣшнею красотою, но также остроумной бесѣдой и разнообразными талантами; онѣ нерѣдко пріобрѣтали сильное вліяніе на значительныхъ людей; а черезъ нихъ и на общественныя дѣла. Такова была знаменитая Аспазія, происходившая изъ Милета. т. е. изъ малоазіатской Іоніи, гдѣ подъ вліяніемъ восточныхъ народовъ рано развилась распущенность нравовъ. Периклъ развелся съ своею женою, и взялъ къ себѣ Аспазію; его по справедливости упрекаютъ въ томъ, что своимъ примѣромъ онъ немало способствовалъ ослабленію семейныхъ узъ, которое съ особенною силою проявилось въ послѣдующее за нимъ время. (Послѣ Аспазіи извѣстнѣйшія гетеры: Лаиса и Фрина, продававшія свою дружбу за большія деньги).

Дома въ греческихъ городахъ по большой части были некрасивы и тѣсны, а улицы кривы и узки; изящною архитектурою и великолѣпіемъ должны были отличаться только общественныя зданія, преимущественно храмы. Впрочемъ богачи нерѣдко убирали свои дома внутри нарядньмъ образомъ, и имѣли дорогую утварь. Одежда греческая состояла во первыхъ изъ „хитона"; это короткое нижнее платье, охваченное поясомъ (похожее на русскую рубашку). Сверхъ хитона набрасывался длинный плащъ „гиматіонъ"; то былъ четырехъугольный кусокъ шерстяной матеріи, который застегивался на верху пряжкою или просто однимъ угломъ закидывался на лѣвое плечо; при этомъ считалось особымъ признакомъ вкуса, чтобы плащъ былъ накинутъ ловко и драпировался вокругъ тѣла красивыми складками. Всадники надѣвали „хламиду" или плащъ широкій и болѣе короткій. Благодаря своему теплому климату, греки хо-

дили съ непокрытою головою; а въ дорогу надѣвали круглую войлочную шляпу съ узкими или широкими полями. Обыкновенную обувь ихъ составляли „сандаліи“, т. е. кожаныя подошвы, подвязанныя къ ногѣ ремнями. Женщины носили почти такую же одежду, какъ мужчины; только хитонъ ихъ былъ длиннѣе, и онѣ любили украшать себя ожерельями, кольцами и т. п.

VI. ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА И УПАДОКЪ ГРЕЦІИ.

Характеръ аѳинской демократіи. Соперничество съ Спартою. Поводъ къ Пелопоннесской войнѣ. Моровая язва. Клеонъ. Никіевъ миръ. Алкивіадъ и походъ въ Сицилію. Возобновленіе Пелопоннесской войны. Взятіе Аѳинъ 30 тирановъ. Упадокъ нравовъ. Агезилай. Коринѳская война. Анталкидовъ миръ. Возвышеніе Ѳивъ. Эпаминондъ. Философскія школы. Софисты. Сократъ и его послѣдователи. Геродотъ и другіе историки. Отступленіе десяти тысячъ грековъ. Наемники. Ораторское искусство. Сиракузскіе тиранны.

Во время Перикла аѳиняне достигли высшей степени своей славы и силы. Но это цвѣтущее состояніе Аѳинскаго государства было непрочно. Такъ называемое демократическое устройство надобно понимать только относительно коренныхъ жителей Аѳинъ, числомъ около 20,000; только они одни пользовались полными правами гражданства и участвовали въ правленіи; метеки и другіе свободные, но не полноправные жители этого государства конечно не совсѣмъ были довольны своимъ положеніемъ, и завидовали гражданамъ. Притомъ, хотя греки были самымъ образованнымъ народомъ древняго міра; но у нихъ также существовало рабское состояніе, какъ и у другихъ народовъ. Рабовъ продавали на рынкахъ

какъ всякій товаръ. Съ теченіемъ времени число ихъ увеличивалось; въ цвѣтущее время Аѳинской республики оно превышало число всѣхъ свободныхъ жителей. А рабы безъ сомнѣнія не могли питать большаго патріотизма или привязанности къ государству, которое часто не было даже ихъ отечествомъ. Итакъ, если взять отношеніе полноправныхъ гражданъ къ остальному населенію, то Аѳинское государство въ сущности было строго аристократическимъ (какъ и другія греческія государства). Усилившееся рабство повлекло за собою неизбѣжную порчу нравовъ; пользуясь услугами рабовъ, граждане имѣли досугъ, необходимый для развитія высшихъ умственныхъ интересовъ (каковы: политика, наука, искусства и т. п.); но съ другой стороны они мало по малу отвыкли отъ трудолюбивой, скромной жизни, и привыкли проводить время на площадяхъ въ безчисленныхъ толкахъ и спорахъ о правленіи, или въ судахъ, на прогулкахъ, за разными зрѣлищами и т. п. У нихъ распространилась страсть къ тяжбамъ, къ новостямъ, къ праздности и удовольствіямъ. Бѣдные граждане заискивали милостей у богатыхъ; а богатые честолюбцы пользовались ими для достиженія власти въ республикѣ *.

Опасность со стороны могущественной Персидской монархіи соединила спартанцевъ и аѳинянъ въ одной патріотиче-

* Около этого времени случалось иногда, что живые, жадные до новостей, аѳиняне забывали о своихъ правительственныхъ обязанностяхъ и теряли время въ разговорахъ на площади, между тѣмъ какъританы съ небольшимъ числомъ степенныхъ гражданъ тщетно ожидали ихъ на холмѣ Пниксѣ, т. е. на мѣстѣ народнаго собранія. Выведенные изъ терпѣнія, власти посылали на площадь наемныхъ скиѳовъ, отправлявшихъ полицейскія обязанности; тогда граждане спѣшили скорѣе на Пниксъ; каждый старался при этомъ не быть отмѣченнымъ, чтобы не попасть подъ штрафъ. Противъ такой уловки придумано слѣдующее средство: вокругъ площади протягивали веревку окрашенную въ красный цвѣтъ, и этою веревкою охватывали толпу; слѣды краски, остававшіеся на платьѣ, отмѣчали запоздавшихъ и слѣдовательно подлежащихъ штрафу.

ской борьбѣ съ внѣшними врагами, и произвела блестящую эпоху Греческой исторіи. Но когда внѣшняя опасность миновала, снова выступили на первый планъ зависть и раздоры грековъ между собою *. Старое соперничество Спарты съ Аѳинами мало по малу приняло характеръ сильной вражды. Главнымъ побужденіемъ къ ней служила гегемонія или предводительство: спартанцы возненавидѣли аѳинянъ за то, что послѣдніе въ концѣ персидскихъ войнъ захватили въ свои руки гегемонію. Кромѣ того аѳиняне въ другихъ греческихъ городахъ старались поддерживать демократическую партію и притѣснять аристократовъ; а спартанцы наоборотъ помогали вездѣ аристократамъ.

Возраставшая между ними вражда наконецъ повлекла за собою нарушеніе 30-лѣтняго перемирія, и причинила жестокую *Пелопоннесскую войну.*

Поводомъ къ этой войнѣ послужило слѣдующее событіе:

Западная часть Балканскаго полуострова, прилегающая къ Адріатическому морю, называлась *Иллирія.* Здѣсь на берегу Адріатики въ землѣ народа Тавлантовъ находилась небольшая колонія Эпидамнъ (позднѣе названная Диррахіумъ), изъ которой демократическая партія изгнала аристократовъ. Аристократамъ помогли жители богатаго города Коринѳа, а демократамъ жители острова Корциры, который былъ метрополіей Эпидамна. Потомъ съ коринѳянами соединились спартанцы, а съ корцирянами аѳиняне, и скоро вся Греція раздѣлилась на двѣ враждебныя стороны или на два союза: Аѳинскій и Дорическій или Пелопоннесскій (отъ котораго и война получила свое названіе). Послѣдній составили почти всѣ народы Пелопоннеза (исключая аргивянъ и отчасти ахеянъ) и большая часть народовъ Сред-

* Общій смыслъ этихъ междоусобій впрочемъ былъ тотъ, что сильнѣйшія государства стремились подчинить себѣ слабѣйшія и образовать центры для развитія болѣе широкой государственной жизни.

ней Греціи, именно: мегаряне, беотійцы, локры, фокидяне и этоляне. Этотъ союзъ былъ могуществененъ въ особенности своимъ сухопутнымъ войскомъ. Союзниками аѳинянъ была большая часть острововъ Эгейскаго моря и приморскихъ колоній во Ѳракіи; главная ихъ сила заключалась во флотѣ; эти союзники платили аѳинянамъ опредѣленную дань и находились къ нимъ въ подчиненныхъ отношеніяхъ; между тѣмъ какъ Пелопоннесскій союзъ не имѣлъ общей казны и по большей части добровольно признавалъ гегемонію Спарты.

Пелопонесская война продолжалась 27 лѣтъ (431—404 до Р. Х.). Спартанскій царь Архидамъ съ 60,000 войскомъ вторгся въ Аттику. По плану Перикла аѳиняне уклонились отъ битвы на континентѣ и заперлись въ стѣнахъ своего города. Сюда даже укрылись и жители деревень съ своими женами и дѣтьми; не найдя себѣ пріюта въ домахъ, они расположились на площадяхъ, вокругъ храмовъ, между Длинными стѣнами и въ Піреѣ. Спартанцы сильно разорили страну, потомъ удалились въ Пелопоннезъ, берега котораго въ это время подверглись нападенію аѳинскаго флота. На слѣдующій годъ повторилось тоже самое: Архидамъ снова опустошилъ Аттику; но поспѣшилъ уйти, убѣгая отъ моровой язвы. Она занесена была съ востока на корабляхъ въ гавань Пирей, и съ страшною силою начала свирѣпствовать въ Аѳинахъ, чему способствовала чрезмѣрная тѣснота и лѣтній зной *. На третій годъ войны жертвою язвы сдѣлался и самъ Периклъ. Въ это время онъ испыталъ неблагодарность непостоянныхъ аѳинянъ, которые называли его теперь глав-

* Болѣзнь проявлялась сильнымъ внутреннимъ жаромъ и нестерпимою жаждою; обыкновенно на седьмой или девятый день больной умиралъ. По расказу Ѳукидида (написавшаго исторію Пелопонесской войны), когда язва достигла своей высшей степени, то произошелъ чрезвычайный упадокъ нравственности: многіе даже порядочные люди, въ виду окружающей ихъ неизбѣжной смерти, спѣшили скорѣе насладиться жизнію и предавались порочнымъ удовольствіямъ; а люди злонамѣренные пользовались общимъ замѣшательствомъ, что бы безнаказанно совершать преступленія.

нымъ виновникомъ своихъ бѣдствій. Когда передъ смертью онъ лежалъ въ забытьи, окружавшіе друзья начали вспоминать его прекрасныя качества и заслуги. „Вы позабыли самое лучшее, сказалъ вдругъ Периклъ: въ жизни своей я никого не заставилъ носить траурное платье“.

Война продолжалась съ тѣмъ же характеромъ: спартанцы имѣли перевѣсъ на сушѣ, аѳиняне на морѣ. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ усиливалось *. Послѣ Перикла въ Аѳинахъ не оказалось мужа, который могъ бы съ такимъ же успѣхомъ руководить республикой. Главою охранительной партіи былъ Никій, опытный, но недаровитый полководецъ; онъ желалъ примиренія съ Спартою. Представителемъ же народной партіи явился богатый кожевникъ Клеонъ; онъ отличался если не способностями, то смѣлостію и энергіею; умѣлъ льстить толпѣ, и былъ однимъ изъ горячихъ поборниковъ войны. Демосѳенъ,

---

* Примѣромъ этого ожесточенія служитъ судьба Митилены и Платеи. Городъ Митилена (на островѣ Лесбосѣ), принадлежавшій къ Аѳинскому союзу, возмутился и перешелъ на сторону Спарты. Аѳиняне отправили противъ него флотъ, и, прежде нежели подоспѣли на помощь спартанцы, городъ принужденъ былъ сдаться аѳинскому полководцу Пахесу. Тогда аѳиняне, увлеченные нѣкоторыми ораторами, положили жестоко наказать митиленцевъ, чтобы и другіе союзники не послѣдовали ихъ примѣру отпаденія. Пахесу послано повелѣніе истребить всѣхъ жителей способныхъ носить оружіе, а женъ и дочерей продать въ рабство. Но вслѣдъ за тѣмъ граждане опомнились, и послали другую трирему, чтобы остановить исполненіе приговора; гребцы не спали по ночамъ, и успѣли прибыть во время. Тѣмъ не менѣе до 1000 мятежныхъ митиленцевъ, отправленныхъ въ Аѳины, были казнены. Но и самъ завоеватель Лесбоса, Пахесъ, по возвращеніи, былъ преданъ суду за то, что онъ злоупотреблялъ своею властію и между прочимъ обезчестилъ двухъ благородныхъ митиленокъ; не дожидаясь приговора, онъ лишилъ себя жизни. Несчастье митиленцевъ спартанцы выместили на жителяхъ Платеи. Этотъ небольшой беотійскій городъ ни за что не хотѣлъ подчиняться зависимости отъ Ѳивъ, и постоянно оставался вѣрнымъ союзникомъ Аѳинъ. Осажденный спартанцами, онъ два года оборонялся съ геройскимъ мужествомъ. Наконецъ онъ былъ взятъ; граждане способные носить оружіе (числомъ 200) казнены, женщины обращены въ рабство, городъ разрушенъ, и мѣсто его отдано ѳиванцамъ.

предпріимчивый аѳинскій полководецъ, сдѣлалъ высадку на западномъ берегу Мессеніи, и заложилъ тамъ крѣпость Пилосъ; бухта Пилосская представляла превосходное мѣсто для стоянки аѳинскаго флота; а изъ крѣпости они могли возбуждать и поддерживать возстаніе мессенянъ противъ Лакедемона. Спартанцы поняли опасность, и послали 420 спартіатовъ, которые заняли островъ Сфактерію, лежащій при входѣ въ Пилосскую бухту. Но пришли 50 аѳинскихъ кораблей, и со всѣхъ сторонъ оцѣпили Сфактерію. Что бы спасти своихъ согражданъ, спартанцы послали просить мира. Аѳиняне, увлеченные Клеономъ, предъявили слишкомъ тяжкія условія, и миръ не состоялся. Между тѣмъ осада Сфактеріи подвигалась очень медленно. Аѳиняне вручили начальство Клеону, который обѣщалъ окончить все дѣло въ 20 дней, и дѣйствительно, ему удалось принудить къ сдачѣ спартіатовъ. Этотъ успѣхъ сдѣлалъ его любимцемъ народа.

Перевѣсъ въ войнѣ склонился на сторону Аѳинъ. Но молодой, доблестный спартанскій царь Бразидъ поправилъ дѣла лакедемонянъ. Онъ перенесъ театръ войны съ юга на сѣверъ, и отнялъ у аѳинянъ нѣкоторыя ихъ колоніи на македонскомъ берегу, между прочимъ значительный городъ Амфиполисъ. Аѳиняне послали противъ него Клеона: при Амфиполисѣ послѣдній проигралъ битву. Клеонъ и Бразидъ оба пали въ этой битвѣ. Тогда аѳиняне и спартанцы заключили перемиріе на 50 лѣтъ (421 г. до Р. Х.). Оно названо *Никіевымъ миромъ*, по имени Никія, который болѣе всѣхъ ему способствовалъ. Положено было съ обѣихъ сторонъ возвратить почти всѣ завоеванія.

Но скоро этотъ миръ былъ нарушенъ, и война возобновилась еще съ большимъ ожесточеніемъ. Главнымъ ея виновникомъ явился Алкивіадъ.

Алкивіадъ былъ богатъ и знатенъ; природа щедро одарила его красотою и блестящими умственными способностями. Онъ

принадлежалъ къ любимѣйшимъ ученикамъ философа Сократа; но къ несчастью привыкъ вести безпорядочную разгульную жизнь, былъ непостояненъ, капризенъ и чрезвычайно самолюбивъ. Желая отличиться военными подвигами, чтобы потомъ властвовать въ Аѳинахъ, онъ возбудилъ согражданъ предпринять походъ на островъ Сицилію для завоеванія Сиракузъ. и мечталъ завоевать весь этотъ островъ, который снабжалъ своимъ хлѣбомъ Пелопоннесъ.

Поводомъ къ такому предпріятію послужила вражда іонійскихъ колоній въ Сициліи съ дорійскими; первые были слабѣе и обратились съ просьбою о помощи къ аѳинянамъ. Напрасно Никій представлялъ согражданамъ все неблагоразуміе и всѣ трудности такого далекаго похода, тогда какъ Аѳинамъ предстояло еще упрочить свое положеніе въ самой Греціи и на Эгейскомъ морѣ.

Аѳиняне вооружили прекрасный флотъ и посадили на него отборное войско, а главное начальство вручили Алкивіаду (415 г.). Онъ уже овладѣлъ городомъ Катаной, какъ вдругъ явился изъ Аѳинъ корабль, чтобы взять Алкивіада подъ стражу. Надобно замѣтить, что не задолго до отплытія экспедиціи разъ ночью кто-то повалилъ на землю и перебилъ многія статуи бога Гермеса (или Меркурія). Эти статуи находились на улицахъ, у дверей разныхъ зданій. Такой поступокъ считался оскорбленіемъ религіи, и виновники должны были подвергнуться строгому наказанію. Лишь только экспедиція отправилась въ Сицилію, какъ враги Алкивіада обвинили его въ разбитіи статуи, потому что онъ былъ извѣстенъ своею разгульною жизнію и своими проказами. Тогда отдано было повелѣніе представить обвиненнаго на судъ народный.

Дорогою Алкивіаду удалось обмануть стражу и спастись бѣгствомъ. Аѳиняне заочно приговорили его къ смерти. Раздраженный такимъ приговоромъ, онъ удалился въ Спарту, и началъ мстить своему отечеству. По его совѣту, спартанцы заняли гарнизономъ крѣпость Декелею (въ сѣверной Аттикѣ),

откуда постоянно могли безпокоить аѳинянъ, и послали помощь Сиракузамъ, которые были осаждены Никіемъ, принявшимъ главное начальство послѣ Алкивіада. Никій дѣйствовалъ вяло и нерѣшительно, потерялъ удобное время, и самъ вскорѣ былъ стѣсненъ подоспѣвшимъ въ Сиракузы спартанскимъ полководцемъ Гилиппомъ. На помощь къ нему изъ Аѳинъ былъ отправленъ Демосѳенъ съ свѣжимъ войскомъ и флотомъ. Но аѳиняне потерпѣли пораженія на морѣ и на сушѣ. Остатки разбитаго войска были взяты въ плѣнъ и обращены въ рабовъ (413 г.). Такимъ образомъ снова началась война между Спартою и Аѳинами. Спартанцы имѣли рѣшительный перевѣсъ; они получили помощь деньгами и кораблями отъ персовъ, для которыхъ было очень выгодно поддерживать междоусобіе грековъ. Между тѣмъ союзники аѳинянъ, давно недовольные своею зависимостію, отпадали отъ нихъ одинъ за другимъ. Аристократическая партія въ Аѳинахъ вздумала воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ республики и ограничить участіе демократіи въ правленіи. Но войско, стоявшее при Самосѣ, объявило себя противъ такой перемѣны, и рѣшило призвать опять Алкивіада, который удалился изъ Спарты и уже горько раскаявался въ своей измѣнѣ. Онъ побѣдами своими быстро поправилъ дѣла аѳинянъ, и при возвращеніи въ городъ былъ осыпанъ почестями. Къ несчастію полководецъ, которому онъ поручилъ начальство надъ флотомъ во время своего отсутствія, отважился на битву съ искуснымъ спартанскимъ наврахомъ (адмираломъ) Лизандромъ, и потерпѣлъ пораженіе. За тѣмъ послѣдовали новыя неудачи; непостоянные аѳиняне обвинили во всемъ Алкивіада. Онъ снова долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, и впослѣдствіи хотѣлъ отправиться ко двору персидскаго царя. Спартанцы убѣдили сатрапа Малой Азіи, Фарнабаза, чтобъ онъ убилъ или выдалъ имъ Алкивіада. Посланные за нимъ персы побоялись напасть на него открыто, и подожгли домъ, въ которомъ онъ проводилъ ночь. Алкивіадъ съ мечемъ въ рукѣ выбѣжалъ изъ пламени; но убійцы издали поразили его стрѣлами.

Между тѣмъ аѳиняне были окончательно побѣждены спартанцами. Лизандръ истребилъ аѳинскій флотъ у береговъ Малой Азіи, при устьѣ рѣки Эгосъ-Потамоса; потомъ подступилъ къ Аѳинамъ съ моря; а царь Павзаній осадилъ ихъ съ суши. Истомленные голодомъ, аѳиняне принуждены къ сдачѣ, и признали гегемонію Спарты. Стѣны и укрѣпленія гавани Пирея были разрушены спартанцами при звукѣ флейтъ (401). Въ Аѳинахъ вмѣсто демократической республики введена *олигархія* (т. е. правленіе немногихъ лицъ); а именно, власть вручена была 30 аристократамъ, которые сдѣлались извѣстны подъ именемъ „тридцати тирановъ". Правленіе ихъ было жестоко: казнями, лишеніемъ имущества, изгнаніемъ изъ Аѳинъ старались они утвердить свое господство. Особеннымъ свирѣпствомъ между ними отличался даровитый, но безнравственный Критіасъ.

Теперь спартанцы уже не имѣли соперниковъ своей гегемоніи въ цѣлой Греціи. Повсюду они помогали знатнымъ фамиліямъ уничтожать демократію, и вводили олигархію, на подобіе аѳинскихъ тирановъ. Обыкновенно въ каждомъ городѣ водворяли они десять олигарховъ подъ предсѣдательствомъ спартанскаго „гармоста", и поддерживали ихъ спартанскимъ гарнизономъ. Но жестокости олигарховъ возбудили ненависть и возстанія въ нѣкоторыхъ городахъ. Первые подали примѣръ аѳиняне. Изгнанники аѳинскіе составили дружину подъ начальствомъ Тразибула, и свергли правленіе тридцати тирановъ (403). Учрежденія Солона были снова возстановлены въ Аѳинахъ. Но учрежденія эти уже не одушевлялись прежнимъ патріотическимъ духомъ. Вообще со времени Пелопоннесской войны нравы Грековъ подверглись значительной порчѣ.

Въ самой Спартѣ, хотя продолжали господствовать Ликурговы законы, прежніе строгіе нравы измѣнились; вмѣсто нихъ водворилась продажность и любовь къ роскоши. Число настоящихъ спартіатовъ сильно уменьшилось вслѣдствіе войнъ и обѣдненія многихъ фамилій. (Во времена Ликурга ихъ было

9000, въ эпоху персидскихъ войнъ 5000, а потомъ еще менѣе). Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось неравенство; землевладѣніе и высшія государственныя должности сосредоточились въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ фамилій, такъ что управленіе государствомъ становилось болѣе и болѣе олигархическимъ. Своею надмѣнностію привилегированныя фамиліи возбуждали къ себѣ ненависть со стороны другихъ классовъ народа (обѣднѣвшіе спартіаты, періэки, вольноотпущенные илоты и пр.); между тѣмъ какъ ряды войска пополнялись изъ послѣднихъ за недостаткомъ настоящихъ спартіатовъ, и даже многіе знаменитые государственные люди происходили изъ неполноправныхъ гражданъ; таковы, напримѣръ, Гилиппъ и Лизандръ.

Въ концѣ Пелопоннесской войны персы были союзниками Спарты, и помогли ей унизить Аѳины. Но вскорѣ потомъ спартанцы оказали помощь Киру, который возсталъ противъ своего брата Артаксеркса II. Когда Киръ погибъ, Артаксерксъ велѣлъ сатрапу Тиссаферну снова подчинить Персіи греческіе города Малой Азіи. Со времени паденія Аѳинъ города эти находились подъ гегемоніей Спарты, и теперь обратились къ ней съ просьбою о помощи. Спарта отправила къ нимъ войско, и такимъ образомъ опять возобновились грекоперсидскія войны (399 г.). Начальство надъ греческими силами принялъ спартанскій царь Агезилай—одинъ изъ тѣхъ мужей, въ которыхъ еще жили древняя спартанская доблесть и простота нравовъ. Онъ скоро отличился своимъ искуснымъ образомъ дѣйствій въ Малой Азіи и побѣдами надъ персами. Агезилай уже замышлялъ о походѣ внутрь Персіи, когда его планы были разстроены новой междоусобной войной въ самой Греціи. Артаксерксъ II воспользовался ненавистью многихъ грековъ къ спартанской гегемоніи, и съ помощью персидскаго золота противъ Спарты образовался союзъ изъ Ѳивъ, Аргоса, Коринѳа и Аѳинъ. (Это такъ называемая *Коринѳская война*). Лизандръ, выступившій противъ союзниковъ, былъ разбитъ и погибъ. Тогда спартанцы отозвали Агезилая въ Грецію для защиты собственнаго отечества.

„Меня гонятъ отсюда 30,000 стрѣлковъ персидскаго царя"— замѣтилъ онъ, покидая Малую Азію. (Намекъ на 30,000 персидскихъ золотыхъ, которые были розданы греческимъ ораторамъ для того, чтобы они возбуждали своихъ согражданъ къ войнѣ со Спартою). Побѣдою надъ союзниками въ Беотіи, при Коронеѣ, Агезилай возстановилъ перевѣсъ спартанцевъ на сушѣ (394 г.). Но въ тоже время аѳинянинъ Кононъ, начальствуя соединеннымъ грекоперсидскимъ флотомъ, уничтожилъ спартанскій флотъ при малоазіатскомъ городѣ Книдѣ. Спартанскіе гармосты были изгнаны изъ городовъ Архипелага и малоазіатскихъ колоній. Вслѣдъ за тѣмъ Кононъ съ своимъ флотомъ явился въ аѳинской гавани Пиреѣ, и возобновилъ ея стѣны, разрушенныя Лизандромъ.

Устрашенные новымъ возвышеніемъ Аѳинъ, спартанцы вступили въ переговоры съ Артаксерксомъ, и заключили съ Персіей *Анталкидовъ миръ*, названный такъ по имени спартанскаго посла Анталкида (387 г.). По этому миру малоазіатскіе греки были возвращены подъ владычество персовъ; а въ самой Греціи малые города и республики объявлены независимыми отъ большихъ (напримѣръ, беотійскіе города отъ Ѳивъ). Такимъ образомъ спартанцы хотѣли еще болѣе разъединить и ослабить грековъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе сохранить надъ ними свою гегемонію. Но ихъ несправедливости и насилія вскорѣ вызвали новое, еще болѣе сильное возстаніе.

Спартанскій полководецъ (Ѳевидъ), проходя съ войскомъ въ Македонію, дорогою остановился подлѣ Ѳивъ, и, съ помощью аристократической партіи этого города, внезапно захватилъ ѳивскій замокъ Кадмею. Ѳивскіе олигархи, опираясь на спартанскій гарнизонъ, начали сильно утѣснять своихъ согражданъ. Здѣсь освободителями отечества явились два великіе мужа, Пелопидъ и Эпаминондъ. Пелопидъ собралъ дружину ѳивскихъ изгнанниковъ, и пробрался съ ними ночью въ городъ. Переодѣтые въ платье танцовщицъ, они вошли въ домъ, гдѣ пировали тиранны, и перебили ихъ; потомъ заставили спартанскій гарнизонъ удалиться изъ ѳивской крѣпости (379 г.).

Спартанцы отправили на Өивы сильное войско. Өивяне вручили начальство другу Пелопида Эпаминонду, который по скромности своей до того времени былъ мало извѣстенъ, но скрывалъ въ себѣ необыкновенные таланты.

Главное сраженіе съ спартанцами произошло при городкѣ Левктрахъ. Эпаминондъ искусно построилъ немногочисленное өиванское войско (въ косой боевой порядокъ), и на голову разбилъ непріятеля; этой побѣдѣ не мало способствовалъ такъ наз. священный отрядъ, составленный изъ храбрѣйшихъ өивскихъ юношей и предводимый Пелопидомъ. Самъ спартанскій царь Клеомбротъ палъ въ битвѣ; лакедемоняне посредствомъ герольдовъ просили о погребеніи своихъ павшихъ воиновъ, и тѣмъ торжественно признали себя побѣжденными. Өиванцы, прежде слывшіе у грековъ лѣнивымъ и грубымъ народомъ, вдругъ достигли первенства въ цѣлой Греціи, и освободили многіе города отъ власти Спарты. Но ихъ слава продолжалась только до тѣхъ поръ, пока были живы Пелопидъ и Эпаминондъ (неоднократно избираемые въ достоинство беотарховъ). Эпаминондъ совершилъ нѣсколько походовъ въ Пелопоннезъ; онъ вооружилъ здѣсь противъ Спарты племена Аркадіи, не принимавшія дотолѣ почти никакого важнаго участія въ событіяхъ греческой исторіи; они составили между собою союзъ, средоточіемъ котораго былъ сдѣланъ вновь построенный городъ Мегалополь. Кромѣ того Эпаминондъ возмутилъ противъ Лакедемона мессенянъ, которымъ построилъ укрѣпленный городъ Мессену. Онъ подходилъ къ самой Спартѣ, и только бдительность стараго Агезилая спасла городъ отъ өивянъ. Но аөиняне уже завидовали возвышенію Өивъ, и вступили противъ нихъ въ союзъ съ спартанцами; аркадяне также перешли потомъ на сторону послѣднихъ. Эпаминондъ предпринялъ свой четвертый и послѣдній походъ въ Пелопоннезъ. Въ Аркадіи при городѣ Мантинеѣ онъ далъ спартанцамъ и ихъ союзникамъ рѣшительную битву. Өиванцы побѣдили; но здѣсь Эпаминондъ былъ смертельно раненъ копьемъ. Друзья окружили его, и плакали о

томъ, что онъ умираетъ бездѣтнымъ. „Неправда, клянусь Зевсомъ — возразилъ онъ: — я оставляю по себѣ двухъ дочерей, Левктру и Мантинею". (362 г.). Пелопидъ умеръ еще прежде: онъ погибъ во время одного похода въ Өессалію, гдѣ өиванцамъ удалось на время водворить свое вліяніе.

Вскорѣ послѣ Мантинейской битвы өиванцы впали въ прежнее безсиліе; но и спартанцы были такъ ослаблены, что не могли уже возстановить свою гегемонію. Послѣ жестокихъ междоусобій для греческихъ республикъ наступила эпоха общаго изнеможенія. Тогда вопросъ о греческой гегемоніи (т. е. о соединеніи всей Греціи въ одно цѣлое) рѣшила въ свою пользу сосѣдняя Македонія, благодаря своему монархическому началу.

Въ дѣлѣ умственнаго развитія. эпоха политическаго упадка Греціи по преимуществу ознаменована успѣхами философіи. Многіе возвышенные умы, размышляя о природѣ, о человѣкѣ, о божествѣ, конечно не могли успокоиться на народной религіи, т. е. на многочисленныхъ миөахъ, приведенныхъ въ нѣкоторый порядокъ поэтами (преимущественно Гомеромъ и Гезіодомъ). Они понимали несостоятельность греческаго политеизма (многобожія) и антропоморфизма (человѣкообразности боговъ); пытались глубже проникнуть въ сущность вещей, и доходили иногда до сознанія о единомъ высшемъ существѣ; они старались также утвердить правила нравственности на основаніяхъ разума. Отсюда возникли философскія школы. Первоначальное развитіе греческой философіи совершилось въ іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи. Өалесъ милетскій, одинъ изъ семи мудрецовъ (которые въ сущности являются древнѣйшими философами) основалъ такъ наз. *іонійскую школу* философіи; она иначе называется *физическою*, потому что наблюденіями надъ природою старалась объяснить существо физическаго или видимаго міра. Такъ, Өалесъ, замѣчая повсюду въ природѣ жизнь и движеніе, признавалъ основнымъ элементомъ этой жизни и движенія воду; другой іонійскій философъ Анаксимандръ признавалъ за основной эле-

ментъ воздухъ; по мнѣнію иныхъ такимъ элементомъ былъ огонь, и т. д. Эта школа способствовала развитію естественныхъ наукъ (напримѣръ, о Θалесѣ говорятъ, что онъ предсказывалъ солнечное затмѣніе). Къ іонійскимъ философамъ принадлежалъ и Анаксагоръ, который много лѣтъ прожилъ въ Аѳинахъ, гдѣ былъ учителемъ и другомъ Перикла.

Между тѣмъ въ западныхъ колоніяхъ образовалась *элейская школа* философіи (Элеа—колонія фокейцевъ въ южной Италіи); основателемъ ея считается Ксенофанъ, переселенецъ изъ Іоніи, въ VI в. до Р. Х. Онъ училъ, что міръ самъ по себѣ есть существо безконечное, неизмѣняемое; что міръ и божество суть одно и тоже (такое ученіе въ сущности есть *пантеизмъ*). Еще особую школу основалъ въ Италіи знаменитый Пиѳагоръ, современникъ Ксенофана и также происходившій изъ іонійскихъ колоній (съ острова Самоса). По ученію Пиѳагора, міръ, покоится на гармоническомъ сочетаніи своихъ элементовъ; центральный огонь (солнце) составляетъ средоточіе вселенной и вмѣстѣ существо одушевляющее весь міръ; изъ этого существа исходятъ души людей и животныхъ; тѣло умираетъ, но душа остается; она переходитъ въ другое тѣло. (Такое ученіе напоминаетъ восточныя вѣрованія въ переселеніе душъ или *метемпсихозисъ*).

Всѣ эти ученія сошлись въ Аѳинахъ, когда послѣднія сдѣлались средоточіемъ умственной жизни грековъ. Новыя идеи распространялись въ высшихъ, образованныхъ классахъ общества и подрывали въ нихъ древнія религіозныя вѣрованія. Но подрывая вѣру, разнообразныя и часто противорѣчащія другъ другу воззрѣнія философовъ не замѣняли ее положительными, опредѣленными понятіями; во многихъ людяхъ они развивали только сомнѣніе (скептицизмъ) и отрицаніе старыхъ идей. Такіе скептическіе философы получили названіе *софистовъ*. Софисты были собственно риторы или учителя краснорѣчія: аѳинскіе юноши изучали у нихъ искусство произносить рѣчи въ судахъ, въ сенатѣ, въ народномъ собраніи; при чемъ

не столько обращалось вниманіе на внутреннее убѣжденіе оратора, сколько на умѣнье увлечь слушателей потокомъ и блескомъ краснорѣчивыхъ фразъ. Ни во что сами не вѣруя, софисты искали только славы и денегъ; они съ равнымъ искусствомъ оспаривали или защищали одинъ и тотъ же предметъ, одну и туже мысль, смотря по обстоятельствамъ или по желанію слушателей. Такое направленіе вносило сильную порчу въ общественную нравственность. Противъ него выступилъ *Сократъ* съ своею нравственною философіей.

Сынъ одного аѳинскаго ваятеля, Сократъ въ молодости занимался искусствомъ своего отца; онъ вѣрно служилъ отечеству въ войскѣ и въ гражданскихъ должностяхъ. Постоянная наклонность къ размышленію о всемъ видѣнномъ и слышанномъ сдѣлала изъ него философа. (Расказываютъ, что онъ иногда до того углублялся въ самого себя, что цѣлые сутки не сходилъ съ мѣста). Въ образѣ жизни онъ отличался простотою и воздержностію, и никогда не жаловался на свою бѣдность. Не такова была жена его Ксантиппа; эта необразованная, сварливая женщина нисколько не цѣнила философскихъ занятій мужа, и часто бранила его за то, что онъ мало заботился о хозяйствѣ. Но мудрецъ переносилъ ея нападки съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Сократъ оставилъ изысканія прежнихъ философскихъ школъ о происхожденіи міра, объ основныхъ элементахъ вселенной и т. п.; а обратился преимущественно къ изученію внутренняго человѣка. Мало по малу онъ началъ проповѣдывать аѳинскому юношеству здравыя понятія объ обязанностяхъ человѣка, о верховномъ существѣ, которое управляетъ міромъ, и пр. Онъ излагалъ свои мысли вездѣ, гдѣ находилъ слушателей, на рынкѣ, на площади, подъ портиками храма или гимназій. Около него начали собираться послѣдователи. Нѣкоторые богатые юноши, оставивъ уроки софистовъ, обратились къ Сократу.

Софисты, возненавидѣли Сократа, какъ своего опаснаго соперника. Другіе не хотѣли понять его ученія, и также противъ него возставали. Напримѣръ, писатель Аристофанъ

въ одной своей комедіи, подъ заглавіемъ „Облака", представилъ его въ забавномъ видѣ, и смѣшалъ его съ софистами. Говорятъ, Сократъ добродушно смѣялся съ прочими зрителями, когда играли комедію *.

Между тѣмъ какъ въ высшихъ классахъ распространялось невѣріе, низшіе слои народа исполнены были преданности старымъ вѣрованіямъ и идолопоклонству. Враги Сократа воспользовались враждебнымъ настроеніемъ толпы противъ философовъ, и принесли на него жалобу въ томъ, что онъ отрицаетъ существованіе греческихъ боговъ и развращаетъ юношество. Семидесятилѣтній философъ былъ позванъ въ судъ. Въ своей защитительной рѣчи онъ не хотѣлъ оправдываться и молить о пощадѣ, какъ обыкновенно дѣлали подсудимые; а съ достоинствомъ говорилъ о своихъ заслугахъ отечеству. Тогда судьи большинствомъ голосовъ присудили его къ смерти.

Случилось такъ, что во время суда изъ Аѳинъ отправился священный корабль съ дарами для храма Аполлона на островъ Делосъ. Такой корабль аѳиняне отправляли ежегод-

* Содержаніе комедіи «Облака» слѣдующее:

Старый аѳинянинъ Стрепсіадъ, разоренный мотовствомъ своего сына Фидиппида, посылаетъ его въ школу къ софистамъ, чтобы научиться искусству не платить долги (потому что софисты умѣли доказывать несправедливое справедливымъ и наоборотъ). Сынъ отказывается; отецъ идетъ самъ въ школу къ Сократу, котораго застаетъ висящимъ въ корзинѣ на воздухѣ. Мудрецъ объясняетъ ему, что Зевесъ и другіе боги не существуютъ и что дождь и громъ происходятъ отъ облаковъ. Но старикъ оказывается очень тупъ, не можетъ понять софистическихъ тонкостей, и изгоняется изъ школы. Тогда сынъ его Фидиппидъ вступаетъ въ школу, и выучивается наукѣ софистовъ. Воротись домой, онъ во всемъ оспариваетъ отца; наконецъ бьетъ его, и доказываетъ, что имѣетъ на то право. Доказательства его въ родѣ слѣдующаго: пѣтухи и другія животныя дерутся съ родителями; а разница между животными и человѣкомъ только та, что первые не издаютъ писанныхъ законовъ. (Аристофанъ старается показать въ этой комедіи, какъ ученіе софистовъ развращаетъ юношей и подрываетъ простоту старыхъ нравовъ).

но. и до возвращенія его нельзя было совершить никакой казни. На этотъ разъ противные вѣтры задержали корабль въ отсутствіи цѣлый мѣсяцъ. Ученики Сократа воспользовались такою задержкою, и каждый день приходили въ тюрьму для бесѣды съ любимымъ учителемъ. Между прочимъ они предлагали ему спастись бѣгствомъ, и хотѣли подкупить стражу; но философъ не согласился, сказавъ, что всякій гражданинъ долженъ повиноваться законамъ. Онъ утѣшалъ печальныхъ учениковъ тѣмъ, что доказывалъ имъ безсмертіе души, и называлъ свою смерть только переходомъ въ лучшую жизнь. Наконецъ корабль воротился, и Сократъ спокойно выпилъ присужденную ему чашу съ ядомъ. (399 г. до Р. Х.). Ученики его разсѣялись въ разныя стороны и распространили во всѣхъ частяхъ греческаго міра сѣмена его ученія.

Изъ послѣдующихъ философовъ греческихъ главное мѣсто занимаютъ: *Платонъ*, ученикъ Сократа, и *Аристотель*, ученикъ Платона. Послѣ смерти Сократа Платонъ оставилъ Аѳины. Нѣкоторое время онъ находился при дворѣ сиракузскаго тирана Діонисія; но навлекъ на себя его гнѣвъ, и былъ выданъ спартанцамъ, которые продали его рабомъ на островъ Эгину. Одинъ богатый человѣкъ потомъ его выкупилъ. Платонъ воротился въ Аѳины, и началъ преподавать уроки философіи въ одномъ загородномъ зданіи гимназіи, называвшемся Академіей. (Сущность его философіи составляло ученіе о понятіяхъ или объ идеяхъ). Въ числѣ слушателей Платона находился и знаменитый Аристотель, родомъ изъ Македоніи. По смерти своего учителя Аристотель пріобрѣлъ славу перваго философа. Онъ былъ воспитателемъ Александра Македонскаго; потомъ, воротясь въ Аѳины, занялся преподаваніемъ философіи въ тѣнистыхъ аллеяхъ другой загородной гимназіи, которая называлась Лицеемъ. Умъ Аристотеля обнималъ всѣ науки извѣстныя древнему міру (именно: математику, механику, химію, физику, зоологію, медицину, политику и пр.). Особенно онъ обработалъ ту часть философіи, которая называется логикою. Послѣдователи его получили названіе пери-

патетиковъ, т. е. прогуливающихся (такъ какъ Аристотель училъ ихъ ходя по аллеямъ Лицея).

Изъ другихъ послѣдователей Сократа замѣчательны: Аристиппъ и Антистенъ, которые стремились приложить его ученіе къ жизни, но совершенно разными путями. Аристиппъ училъ пользоваться радостями жизни, разумно соединяя умственныя наслажденія съ физическими. Онъ принадлежалъ къ богатой фамиліи изъ колоніи Кирены, и основанная имъ философская школа получила названіе *киренской*. Она находила себѣ послѣдователей между богатыми людьми. Но потомъ эта школа довела до крайности стремленіе къ наслажденіямъ, и обратилась въ безнравственное ученіе. Антистенъ, напротивъ, проповѣдывалъ философію лишенія и самый простой, умѣренный образъ жизни; истинное счастье по его ученію заключалось въ сохраненіи спокойнаго, твердаго духа при всякихъ перемѣнахъ судьбы. Антистенъ былъ самъ бѣденъ, и ученіе его распространялось преимущественно между бѣдняками. Онъ училъ въ аѳинской гимназіи Киносарга; отсюда его школа стала извѣстна подъ именемъ *кинической* (или цинической). Послѣдователи ея также дошли до крайности, стали отвергать наконецъ всѣ удовольствія и наружныя приличія: ходили въ лахмотьяхъ, ѣли грубую пищу, спали на голой землѣ и т. п. Самый знаменитый изъ нихъ Діогенъ, родомъ изъ Синопа. Онъ, какъ расказываютъ, до того велъ суровую жизнь, что поселился въ бочкѣ; тутъ однажды его посѣтилъ Александръ Македонскій, и спросилъ, не желаетъ ли онъ какой милости. „Хорошо, отвѣчалъ Діогенъ, валившійся на пескѣ: посторонись немного отъ солнца". (Расказы эти очевидно преувеличены).

Начало исторической литературы положено было также въ іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи. Древнѣйшіе собиратели преданій о прошедшей жизни грековъ извѣстны подъ именемъ *логографовъ*. (Кадмъ и Гекатей милетскіе въ VI в. до Р. Х.). Но собственно историческіе писатели начинаются Геродотомъ, который названъ „отцомъ исторіи". *Геродотъ*

жилъ въ V вѣкѣ до Р. Х. (484—406 гг.), и былъ родомъ изъ малоазіатскаго города Галикарнаса. Онъ задумалъ описать великую борьбу грековъ съ персами, которой отчасти былъ свидѣтелемъ; превосходнымъ приготовленіемъ къ этому труду послужили его путешествія по Азіи, Египту и берегамъ Чернаго моря; вездѣ онъ наблюдалъ нравы различныхъ народовъ и собиралъ ихъ преданія. Исторія его раздѣлена на 9 книгъ по числу 9 музъ. Первыя книги посвящены описанію восточныхъ народовъ; затѣмъ онъ обозрѣваетъ народы Греціи, и потомъ излагаетъ событія грекоперсидскихъ войнъ. Расказъ его оканчивается почти вслѣдъ за Платейской битвой. Послѣдніе годы жизни Геродотъ провелъ въ южной Италіи, куда онъ удалился изъ роднаго города, страдавшаго въ то время отъ внутреннихъ раздоровъ. Говорятъ, что отрывки изъ его исторіи, читанные имъ на Олимпійскихъ играхъ и на великихъ Панаѳинеяхъ, возбудили общій восторгъ, и воспламенили воображеніе молодаго Ѳукидида, который явился вторымъ знаменитымъ историкомъ греческимъ.

Ѳукидидъ принадлежалъ къ знатной аѳинской фамиліи и пользовался уроками философа Анаксагора. Во время Пелопоннесской войны онъ былъ въ числѣ аѳинскихъ полководцевъ. Но, когда Бразидъ перенесъ военныя дѣйствія въ Македонію, Ѳукидидъ опоздалъ съ своими кораблями на помощь къ Амфиполису, и городъ былъ взятъ Бразидомъ. За это его осудили на изгнаніе, которое продолжалось 20 лѣтъ. Время своего изгнанія Ѳукидидъ провелъ во Ѳракіи, гдѣ у него были значительныя помѣстья и рудокопни; здѣсь онъ предпринялъ описаніе Пелопоннесской войны, за которой внимательно продолжалъ слѣдить изъ своего уединенія. Расказъ его остановился на 21 годѣ этой войны. Продолжателемъ Ѳукидида явился третій историкъ греческій *Ксенофонтъ*, родомъ также аѳинянинъ. Онъ былъ однимъ изъ учениковъ Сократа. Будучи приверженцемъ аристократіи и спартанскаго устройства, Ксенофонтъ возбудилъ противъ себя аѳинскихъ демагоговъ, и подвергся изгнанію. Осталь-

кое время жизни онъ провелъ въ Пелопоннезѣ (умеръ въ 355 г.). Продолжая исторію Греціи отъ событій, на которыхъ остановился Ѳукидидъ, онъ довелъ ее до Мантинейской битвы. Кромѣ того онъ написалъ Киропедію и Анабазисъ. Въ Киропедіи или исторіи Кира Ксенофонтъ изображаетъ этого монарха образцомъ государя, и вообще отдаетъ явное предпочтеніе монархическому правленію передъ безпокойнымъ, измѣнчивымъ состояніемъ демократической республики, какою были Аѳины *. Анабазисъ или „отступленіе“ заключаетъ мастерское описаніе похода 10,000 грековъ, въ числѣ которыхъ находился и Ксенофонтъ. Содержаніе Анабазиса слѣдующее.

Въ Персіи произошло междоусобіе въ царствованіе Артаксеркса II. Младшій братъ его Киръ, бывшій сатрапомъ въ Малой Азіи, задумалъ свергнуть съ престола Артаксеркса и занять его мѣсто. Для этого Киръ нанялъ въ свою службу болѣе 10,000 грековъ. Въ тѣ времена въ Греціи много развелось людей, которые посвящали себя военному ремеслу, составляли вольные отряды и за деньги служили всякому, кто ихъ нанималъ. Близъ Вавилона произошла битва между Артаксерксомъ и Киромъ. Греки, благодаря своему искусству и превосходному вооруженію, уже поколебали полчища Артаксеркса, какъ вдругъ Киръ былъ убитъ, и собствен-

---

* Очевидно, въ то время многіе умы Греціи, утомленные безконечными раздорами партій и междоусобіями, жаждутъ иного порядка, который могъ бы доставить тишину и спокойствіе; такое настроеніе подготовляло для Македонской гегемоніи искреннихъ союзниковъ въ самой Греціи. Попытка къ объединенію Греціи подъ властію монархическою встрѣчается еще до Филиппа македонскаго. Энергическій предпріимчивый Язонъ, тираннъ ѳессалійскаго города Феры, оружіемъ и искусными переговорами принудилъ многіе ѳессалійскіе города приступить къ своему союзу; а потомъ заставилъ провозгласить себя тагосомъ, т. е. верховнымъ начальникомъ всей Ѳессаліи. Онъ собралъ большія силы изъ наемныхъ войскъ, и, вмѣшиваясь въ междоусобія греческихъ государствъ, очевидно замышлялъ подчинить ихъ своей гегемоніи. Но посреди этихъ замысловъ Язонъ погибъ жертвою заговора (370 г.).

ныя войска его разсѣялись (401 г. до Р. Х.). Тогда греческій вспомогательный отрядъ остался безъ всякой помощи, далеко отъ родины, посреди многочисленныхъ непріятелей. Къ довершенію затруднительныхъ обстоятельствъ персидскій сатрапъ Тиссафернъ подъ видомъ переговоровъ заманилъ къ себѣ полководца Клеарха и другихъ греческихъ начальниковъ, и всѣ они погибли. Но тутъ выступилъ впередъ аѳинянинъ Ксенофонтъ, который дотолѣ былъ при войскѣ простымъ охотникомъ. Краснорѣчіемъ своимъ онъ убѣдилъ грековъ не терять мужества, выбрать новыхъ начальниковъ и силою пробиться назадъ въ отечество. Воины послѣдовали его совѣту, и выбрали его однимъ изъ предводителей. Посреди величайшихъ трудностей они совершили свое отступленіе, продолжавшееся 19 мѣсяцевъ. Греки должны были проходить высокія горы, глубокія рѣки, незнакомыя пустыни, постоянно отбиваясь отъ персидскихъ войскъ и встрѣчавшихся на пути враждебныхъ народовъ. Наконецъ они достигли береговъ Чернаго моря, и счастливо переправились въ Европу.

Наемники были однимъ изъ самыхъ важныхъ явленій Греческой жизни въ эпоху упадка. Они почти замѣнили собою прежнія ополченія греческихъ гражданъ: послѣдніе все болѣе и болѣе уклонялись отъ военной службы и предпочитали вести войны наемными отрядами. Число наемниковъ греческихъ быстро увеличивалось со времени Пелопоннесской войны; ряды ихъ пополнялись обѣднѣвшими гражданами, изгнанниками, бѣглецами и т. п. Главными сборными пунктами ихъ были Коринѳъ и мысъ Тенаронъ; здѣсь всегда толпились праздные воины въ ожиданіи наемщиковъ для какого нибудь выгоднаго предпріятія. Они съ одинаковою охотою нанимались въ службу къ греческимъ республикамъ, къ ѳессалійскимъ и ѳракійскимъ князьямъ, къ персидскому царю или его сатрапамъ и пр. Возвращаясь изъ своихъ азіатскихъ походовъ, они вмѣстѣ съ добытымъ золотомъ приносили съ собою новыя привычки, заимствованныя у восточныхъ народовъ, наклонность къ веселой разгульной жизни, и не мало способствовали еще большей порчѣ греческихъ нравовъ. Съ другой стороны наемники, посвящая себя исключительно военному ремеслу, значительно усовершенствовали греческое военное искусство. Предводители этихъ дружинъ положили осно-

вы новой военной тактики (подобно итальянскимъ кондотьерамъ въ концѣ Среднихъ вѣковъ). Они ввели вновь нѣкоторые боевые пріемы, упростили вооруженіе, и постоянными упражненіями придавали своимъ войскамъ болѣе стройности и быстроты въ движеніяхъ. Необходимость поддерживать порядокъ и повиновеніе (дисциплину) въ этой пестрой толпѣ людей, собравшихся съ разныхъ сторонъ, требовала отъ ихъ вождей большаго искусства въ командованіи и твердости характера. Въ подобной школѣ вырабатывались иногда замѣчательные военные таланты. Изъ такихъ вождей, подвинувшихъ впередъ военное искусство, наибольшую славу пріобрѣли аѳинскіе полководцы Хабрій, Ификратъ и Тимоѳей, которые дѣйствовали во время войнъ Коринѳской и Беотійской и нерѣдко нанимались на службу внѣ отечества. Самъ престарѣлый спартанскій царь Агезилай по окончаніи Беотійской войны, отправился съ греческими наемниками въ Египетъ, чтобы за деньги служить Тахосу, возставшему противъ персовъ; во время этого похода онъ умеръ.

Республиканское устройство греческихъ государствъ, съ его публичнымъ обсужденіемъ всѣхъ вопросовъ и гласнымъ судопроизводствомъ, требовало значительнаго дара слова отъ всякаго, кто хотѣлъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Поэтому ораторское искусство сдѣлалось предметомъ тщательнаго изученія и школьной наукой. Софисты начали преподавать эту науку за деньги, и вообще много способствовали ея обработкѣ. (Изъ нихъ особенно извѣстны Горгій и Протагоръ, въ V в.). Уроки Сократа не остались безъ благодѣтельнаго вліянія на развитіе краснорѣчія, сообщивъ ему болѣе простоты и внутренняго убѣжденія. Самая знаменитая школа краснорѣчія въ Аѳинахъ была основана Изократомъ, который обращалъ вниманіе своихъ учениковъ преимущественно на высшіе политическіе вопросы. (Софисты же главнымъ образомъ занимались преподаваніемъ судебныхъ преній). Изъ школы Изократа вышли почти всѣ замѣчательные государственные люди послѣдняго періода греческой независимости. Самъ Изократъ, не имѣя сильнаго голоса и будучи робокъ, не говорилъ публично; но онъ написалъ нѣсколько рѣчей, образцовыхъ по своему изящному стилю и возвышенному образу мыслей. Изократъ былъ пат-

ріотъ, и скорбѣлъ объ упадкѣ Греческой жизни; чтобы отвлечь грековъ отъ внутреннихъ раздоровъ, онъ внушалъ имъ мысль соединиться для новой борьбы съ персами. Когда возвысилось могущество Македоніи при Филиппѣ, онъ указывалъ на Филиппа, какъ на человѣка, который можетъ примирить грековъ и обратить ихъ силы на персовъ. Но послѣ Херонейской битвы (338 г.), видя порабощеніе Греціи, онъ не захотѣлъ пережить ея свободы, и уморилъ себя голодомъ. Высшей степени своего развитія ораторское искусство достигло въ лицѣ Демосфена.

Въ искусствѣ этого періода господствовало направленіе отличное отъ возвышеннаго, строгаго стиля предыдущей эпохи (Фидія); художники стремятся преимущественно къ соединенію изящнаго съ трогательнымъ. Въ пластикѣ представителями новой Аѳинской школы являются Скопасъ и особенно Пракситель. Послѣдній наиболѣе знаменитъ своими статуями Афродиты или Венеры, которую онъ началъ представлять обнаженною; такова его Венера Книдская (названная по имени малоазіатскаго города Книда, который ее купилъ). Между живописцами греческими занялъ первое мѣсто Апеллесъ, глава Сикіонской школы. Изъ его произведеній особенно извѣстны портретъ Александра Македонскаго и Венера, выходящая изъ морской пѣны.

Между греческими колоніями въ западной части Средиземнаго моря наиболѣе замѣчательною по своему значенію и своимъ судьбамъ были Сиракузы. Въ то самое время, когда собственная Греція подверглась нашествію Ксеркса, могущественные карѳагеняне задумали покорить сицилійскихъ грековъ, и, какъ говорятъ, заключили для того союзъ съ персами. Карѳагенскій полководецъ Гамилькаръ присталъ къ острову съ огромнымъ флотомъ и войскомъ; но былъ разбитъ на морѣ и на сушѣ сиракузскимъ тиранномъ Гелономъ (480 г.). Спустя нѣсколько времени, карѳагеняне возобновили свои попытки противъ Сициліи, и успѣли утвердиться

въ западной части острова, завладѣвъ городами Агригентомъ и Селинунтомъ. Но дальнѣйшимъ завоеваніямъ ихъ постоянно препятствовали сиракузяне, у которыхъ время отъ времени являются замѣчательные тираны. Таковъ особенно Діонисій Старшій; будучи однимъ изъ сиракузскихъ полководцевъ, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и захватилъ верховную власть. Какъ умный, дѣятельный правитель и искусный военачальникъ, Діонисій возвысилъ Сиракузы на значительную степень военнаго могущества; но власть свою онъ старался сохранить жестокостями и насиліями. Говорятъ, число казненныхъ имъ простиралось до 10,000. Онъ постоянно опасался возмущеній и заговоровъ со стороны безпокойныхъ сиракузянъ, и принималъ всѣ мѣры предосторожности. Такъ, мѣстопребываніе свое онъ утвердилъ не въ самомъ городѣ, а на островѣ Ортигіи, который превратилъ въ грозную крѣпость, занятую многочисленными наемниками. Кромѣ того, замокъ, въ которомъ жилъ тиранъ, былъ окруженъ крѣпкими стѣнами и рвомъ съ подъемными мостами. Съ народомъ онъ говорилъ не иначе какъ съ высокой башни; носилъ всегда подъ одеждою панцырь, и даже не довѣрялъ цирюльнику брить свою бороду, а заставлялъ своихъ дочерей выжигать ее раскаленною орѣховою скорлупой. Его жадность къ деньгамъ не щадила и священныхъ предметовъ. Напримѣръ, онъ велѣлъ снять со статуи Юпитера золотую мантію и замѣнить ее шерстяною, замѣтивъ, что зимой она слишкомъ холодна, а лѣтомъ слишкомъ тяжела; статую Эскулапа (сынъ Аполлона, богъ врачей) онъ лишилъ золотой бороды, „потому что неприлично сыну носить бороду, когда ее нѣтъ у его отца". Діонисій велъ противъ карфагенянъ три войны, съ перемѣннымъ счастьемъ. Онъ царствовалъ 38 лѣтъ (405—368), и оставилъ престолъ сыну своему Діонисію Младшему. Дурное правленіе послѣдняго привело Сиракузы въ разстройство; граждане возмутились, и нѣкоторые изъ нихъ призвали даже карфагенянъ. Спасителемъ Сиракузъ явился Тимолеонъ, котораго коринфяне при-

слали на помощь сиракузянамъ (Сиракузы были колоніей Коринфа). Этотъ доблестный человѣкъ освободилъ городъ отъ тирана, и одержалъ блестящія побѣды надъ карфагенянами. Междоусобныя войны и анархія сильно опустошили Сиракузы; поэтому Тимолеонъ отовсюду призывалъ греческихъ колонистовъ, которые снова наполнили городъ, и онъ при благоразумномъ правленіи Тимолеона опять пришелъ въ цвѣтущее состояніе. Но послѣ него возобновились смуты и анархія, слѣдствіемъ которыхъ была новая тираннія.

Правленіе захватилъ въ свои руки полководецъ Агаѳоклъ (316—289). При немъ карфагеняне съ большими силами осадили Сиракузы. Но отважный Агаѳоклъ рѣшился въ тоже время напасть на карфагенянъ въ самой Африкѣ. Онъ расчитывалъ на отсутствіе ихъ главнаго войска и на возмущеніе африканскихъ племенъ, которыя съ неудовольствіемъ сносили карфагенское иго. Агафоклъ высадился на берегъ Африки, сжегъ свои корабли, чтобы отнять у воиновъ мысль объ отступленіи, и пошелъ прямо на Карфагенъ. Высланное противъ него войско было разбито. Карфагеняне никогда еще не были въ такой опасности; ими овладѣлъ ужасъ; 200 мальчиковъ изъ знатныхъ фамилій были принесены въ жертву, что ы умилостивить Молоха. Возмущеніе, происшедшее въ самомъ войскѣ Агаѳокла, спасло карфагенянъ, и дало имъ время оправиться. Онъ заключилъ съ ними миръ, взявъ большую сумму денегъ. Послѣ его смерти снова наступили смуты и частые перевороты. Его наемники, оставшись безъ предводителя, предались буйствамъ и грабежу. Карфагеняне въ союзѣ съ этими разбойниками (такъ наз. мамертинцами) осадили Сиракузы. Послѣдніе призвали на помощь эпирскаго царя Пирра. Онъ отбилъ карфагенянъ; но вскорѣ разсорился съ сиракузянами, и удалился. Говорятъ, покидая островъ, онъ сказалъ: „Какое прекрасное поле для битвъ оставляемъ мы римлянамъ и карфагенянамъ!“

VII. МАКЕДОНСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Македонія. Филиппъ. Священная война. Демосфенъ. Оплошность грековъ. Подчиненіе македонянамъ. Александръ Великій. Походъ въ Азію. Битвы съ персами. Гибель Дарія Кодомана. Предпріятіе въ Индію. Ропотъ войска. Возвращеніе. Подражаніе персидскому двору. Смерть Александра. Междоусобія его полководцевъ. Судьба Македоніи. Ахейскій союзъ. Клеоменъ III. Птоломеи и Селевкиды. Іудеи. Александрійская образованность.

Къ сѣверу отъ Өессаліи лежитъ горная страна *Македонія.* Ее населяло суровое воинственное племя пеласгическаго происхожденія, слѣдовательно родственное грекамъ. На македонскомъ берегу Архипелага, особенно на полуостровѣ Халкидикѣ, находилось много греческихъ колоній, отъ которыхъ распространились въ этой странѣ и греческіе обычаи. (Пидна, Потидея, Олинфъ, Стагира, Амфиполисъ).

Во главѣ македонянъ стояла царская династія, которая вела свой родъ отъ Геркулеса. Но власть ея была ограничена благородными фамиліями, и значеніе царя много зависѣло отъ его храбрости и другихъ личныхъ качествъ. Вообще государственное устройство сохраняло здѣсь черты героическихъ временъ Греціи. Стѣсненные съ одной стороны воинственными племенами өракійскими и иллирійскими, съ другой эпиротами и өессалійцами, отрѣзанные отъ моря греческими колонистами, македоняне долгое время оставались незначительнымъ народомъ, невозбуждавшимъ никакого вниманія со стороны грековъ. Отъ похода Дарія на Скиөію до Платейской битвы они находились въ зависимости отъ персовъ; во время борьбы Спарты съ Аөинами македонскіе цари, смотря по обстоятельствамъ, входили въ союзъ съ тою или другою стороною, стараясь извлекать для себя выгоды изъ этой борьбы. Первымъ замѣчательнымъ государемъ

Македоніи является *Архелай.* Главную свою энергію онъ обратилъ на усиленіе царской власти, и для этого вступилъ въ упорную борьбу съ гордымъ, воинственнымъ дворянствомъ; борьба окончилась въ его пользу. Онъ завелъ постоянную армію, строилъ и укрѣплялъ города, проводилъ дороги, поощрялъ земледѣліе. Въ тоже время онъ старался тѣснѣе сблизить Македонію съ Элладой и усвоить своему народу плоды греческой образованности; онъ перенесъ столицу изъ Эдессы въ Пеллу, поближе къ Греціи, и призывалъ къ своему двору знаменитыхъ греческихъ художниковъ и поэтовъ (напримѣръ Зевксиса и Эврипида). Послѣ его смерти (399 г.) наступили въ Македоніи смуты, междоусобія за престолъ, нападенія ѳракійцевъ и иллировъ и вмѣшательство грековъ; Пелопидъ утвердилъ здѣсь на нѣкоторое время вліяніе Ѳивъ. Конецъ смутамъ и начало македонскому могуществу положилъ младшій сынъ *Аминты II*, *Филиппъ* (361—336).

Въ молодости своей Филиппъ былъ взятъ ѳиванцами въ качествѣ заложника, и, говорятъ, жилъ въ домѣ Эпаминонда, гдѣ получилъ греческое образованіе и научился военному искусству. Сдѣлавшись македонскимъ царемъ, Филиппъ еще болѣе усовершенствовалъ греческую фалангу. (Македонская фаланга строилась въ 16 рядовъ пѣхоты, вооруженной очень длинными копьями, такъ что вся эта масса воиновъ представляла непроницаемый лѣсъ копій). Этотъ невзрачный, тщедушный человѣкъ съ помощію своего хитраго ума, неутомимой дѣятельности и отличнаго войска скоро побѣдилъ всѣхъ враговъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и покорилъ часть сосѣднихъ народовъ во Ѳракіи и Иллиріи. Въ безпрерывныхъ военныхъ предпріятіяхъ онъ потерялъ глазъ, разбилъ грудь и бокъ, изуродовалъ руку; но ничто не могло остановить его энергіи. Обезпечивъ государство внутри и со стороны сосѣднихъ варваровъ, Филиппъ обратилъ свои усилія противъ греческихъ колоній, заграждавшихъ ему доступъ къ морю. Онъ осадилъ Амфиполисъ, который по своему положенію при устьяхъ рѣки Стримона на границѣ

Ѳракіи, былъ особенно важенъ для Македоніи. Жители Амфиполиса обратились съ просьбою о помощи къ аѳинянамъ; но хитрый царь усыпилъ последнихъ, увѣряя ихъ, что онъ собственно для нихъ хочетъ завоевать Амфиполисъ. Городъ былъ взятъ, и конечно остался въ рукахъ македонянъ. Отсюда Филиппъ захватилъ долину Стримона, богатую корабельнымъ лѣсомъ, и сосѣднія золотыя пріиски горы Пангея, которыя послужили ему источникомъ огромныхъ доходовъ. Потомъ пали передъ нимъ и другія греческія города въ Македоніи. (Вниманіе аѳинянъ между тѣмъ было отвлечено войною съ нѣкоторыми отпавшими отъ нихъ союзниками). Греческія междоусобія вскорѣ помогли Филиппу распространить свое владычество въ самой Греціи. Въ Ѳессаліи нѣкоторыя аристократическія фамиліи, находясь въ борьбѣ съ тиранками, призвали на помощь Филиппа; что подало ему поводъ утвердить свое вліяніе въ этой странѣ.

Около того времени въ средней Греціи началась такъ наз. *Священная* или *Фокидская война*. Амфиктіоново судилище наложило большую денежную пеню на жителей Фокиды за обработку нѣкоторыхъ полей, принадлежавшихъ храму Аполлона дельфійскаго. Ѳивянамъ и ѳессалійцамъ поручено было принудить ѳокидцевъ къ исполненію приговора. Ѳокидцы взялись за оружіе подъ начальствомъ Филомела; онъ захватилъ Дельфійскій храмъ, и завладѣлъ его сокровищами, которыя употреблены были для найма войскъ. Филомелъ во время одной неудачной битвы бросился въ пропасть; начальство перешло къ его брату Ономарху, который разбилъ ѳиванцевъ и вторгся въ Ѳессалію. Ѳессалійцы призвали па помощь Филиппа. Сначала Филиппъ потерпѣлъ неудачу; но потомъ ему удалось нанести Ономарху рѣшительное пораженіе; при чемъ Ономархъ погибъ. Филиппъ воспользовался своею побѣдою и окончательно подчинилъ себѣ Ѳессалію; города ея заняты были македонскими гарнизонами; полки македонскіе уже двинулись къ Ѳермопиламъ. Но аѳиняне поспѣшили занять проходъ, и недопустили

Македонянъ въ среднюю Грецію (352 г.). Филиппъ съ обычной своей тактикой оставилъ на время Грецію въ покоѣ, и занялся своими дѣлами во Өракіи.

Въ эту эпоху противъ македонскаго царя выступилъ великій ораторъ Демосфенъ. Судьба его очень замѣчательна.

Видя, какими похвалами осыпали аөиняне краснорѣчивыхъ ораторовъ, Демосфенъ еще въ ранней молодости задумалъ сдѣлаться ораторомъ. Онъ прилежно изучалъ искусство краснорѣчія. Но первые опыты говорить съ кафедры были неудачны; его освистали. Демосфенъ съ отчаяніемъ возвратился домой; за нимъ послѣдовалъ одинъ изъ его друзей, актеръ. Демосфенъ началъ горько жаловаться на несправедливость народа; актеръ попросилъ его продекламировать нѣсколько стиховъ изъ какой нибудь трагедіи. Тотъ исполнилъ просьбу; вслѣдъ за нимъ актеръ произнесъ тѣ же стихи, но съ такимъ искусствомъ и выраженіемъ, что Демосфену показалось, будто онъ слышитъ нѣчто совсѣмъ другое. Тогда онъ понялъ, что ему не доставало чистаго, звучнаго голоса и красивыхъ манеръ. Онъ усердно началъ добиваться того и другаго, удалился въ уединеніе, изучалъ передъ зеркаломъ разныя тѣлодвиженія и выраженія физіономіи, ходилъ на берегъ моря и голосомъ своимъ старался заглушить шумъ волнъ, или, чтобы пріучить себя какъ можно долѣе не переводить дыханія, всходилъ на крутыя горы и тамъ произносилъ рѣчи, а иногда бралъ въ ротъ камешки и усиливался говорить ясно. Настойчивые труды его увѣнчались успѣхомъ. Когда Демосфенъ снова явился на кафедрѣ, то былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ, и скоро пріобрѣлъ славу перваго оратора. Съ своимъ ораторскимъ талантомъ онъ соединялъ горячую любовь къ отечеству. Онъ проникъ коварные замыслы Филиппа Македонскаго противъ Греціи, и не упускалъ ни одного случая предупредить аөинянъ объ опасности. Онъ произнесъ цѣлый рядъ энергическихъ рѣчей противъ македонскаго царя. Рѣчи эти названы „филиппиками". Но ему пришлось бороться съ сильною партіей, которая состо-

яла изъ богатыхъ гражданъ, болѣе всего желавшихъ мира, потомъ изъ людей близорукихъ, считавшихъ Филиппа неопаснымъ для Греціи или невидѣвшихъ ничего дурнаго въ македонской гегемоніи. и наконецъ изъ людей подкупленныхъ македонскимъ золотомъ. Къ числу послѣднихъ относятъ блестящаго оратора Эсхина, который явился противникомъ Демосфена и старался увѣрить народъ въ добрыхъ намѣреніяхъ Филиппа *. Сначала народъ оставался глухъ къ предостереженіямъ Демосфена; но по мѣрѣ того, какъ эти предостереженія оправдывались и опасность со стороны Македоніи дѣлалась очевидною, Демосфенъ пріобрѣталъ болѣе и болѣе вліянія. Онъ предлагалъ пресѣчь многія правительственныя злоупотребленія въ самомъ Аѳинскомъ государствѣ **, составить противъ Филиппа союзъ изъ всѣхъ греческихъ государствъ и даже обратиться за помощью къ царю персидскому, который уже не былъ опасенъ для греческой свободы.

Но сами греки вмѣшивали Филиппа въ свои междоусобныя распри и предавали въ его руки свое отечество.

Священная или Фокидская война продолжалась уже десять лѣтъ. Ѳиванцы, тѣснимые фокидцами, обратились къ Филиппу. Онъ не замедлилъ овладѣть Ѳермопилами и явиться въ средней Греціи. Фокидцы были побѣждены; страна ихъ, по приговору Амфиктіонова судилища, была жестоко опустошена; Филиппу, въ награду за помощь, амфиктіоніи присудили предсѣдательство на Пиѳійскихъ играхъ, и отдали

---

* Даже нѣкоторые замѣчательные аѳинскіе патріоты въ началѣ не хотѣли видѣть никакой опасности для греческой свободы въ усиленіи Македоніи; напримѣръ: ораторъ Исократъ и полководецъ Фокіонъ. Послѣдній былъ извѣстенъ за человѣка неподкупной честности и весьма строгихъ нравовъ.

** Напримѣръ, около того времени въ Аѳинахъ изданъ былъ законъ, запрещавшій подъ страхомъ смертной казни кому бы то ни было предлагать, чтобы суммы назначенныя на публичныя празднества («теорикон») могли быть обращены на военныя издержки. Демосфенъ рѣшился возстать и противъ этого закона.

ему два голоса въ своемъ судилищѣ, отнятые у фокидцевъ (346 г.). Вскорѣ потомъ Священная война возобновилась. Амфиктіоновъ судъ склонился на убѣжденія ораторовъ, подкупленныхъ македонскимъ золотомъ, и пригласилъ Филиппа принять начальство въ этой войнѣ. Филиппъ явился съ войскомъ въ Фокидѣ; но, вмѣсто того чтобы продолжать Священную войну, вдругъ захватилъ крѣпость Элатею на беотійской границѣ, и потребовалъ отъ ѳиванцевъ чтобъ они соединились съ нимъ и открыли ему свободный путь въ Аттику.

Когда извѣстіе объ этомъ событіи достигло до Аѳинъ, тамъ произошло чрезвычайное смятеніе. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня граждане собрались на холмѣ Пниксъ. Тщетно герольдъ вызывалъ ораторовъ; никто не рѣшался говорить. Наконецъ Демосѳенъ, на котораго обратились всѣ взоры, взошелъ на каѳедру, и умолялъ народъ не терять мужества. Онъ совѣтовалъ немедленно всѣмъ вооружиться и отправить пословъ въ разные города, особенно въ Ѳивы, съ предложеніемъ соединиться противъ общаго врага. Въ числѣ пословъ, отправленныхъ въ Ѳивы, находился и самъ Демосѳенъ. Силою своего слова онъ и здѣсь побѣдилъ старинную вражду ѳиванцевъ къ аѳинянамъ, и успѣлъ заключить между ними тѣсный союзъ. Ихъ соединенное войско числомъ неуступало македонскому; но оно не было такъ закалено въ битвахъ, и находилось подъ начальствомъ ничтожныхъ полководцевъ (Хареса и Лизикла). Сраженіе произошло въ Беотіи близъ города Херонеи: оно окончилось совершеннымъ пораженіемъ Грековъ. (338 г.) *.

---

* Демосѳенъ участвовалъ въ этой битвѣ; но расказы о его постыдномъ бѣгствѣ не заслуживаютъ вѣроятія, потому что и послѣ того уваженіе къ нему народа нисколько не уменьшилось.

Филиппъ такъ обрадовался побѣдѣ, что напился пьянъ, и началъ плясать на мѣстѣ битвы. Аѳинскій ораторъ Демадъ, находившійся въ числѣ плѣнныхъ, сказалъ ему: „Судьба предназначила тебѣ роль Агамемнона, а ты ведешь себя какъ Терситъ.“ (Терситъ—имя одного презрѣннаго воина

Херонейская битва привела Грецію въ зависимость отъ македонскаго царя. Но Филиппъ опасался раздражать грековъ, и умѣренно пользовался своею побѣдою. Онъ только заставилъ провозгласить себя предводителемъ (гегемономъ) греческихъ силъ въ задуманной имъ войнѣ противъ персовъ. Филиппъ ясно видѣлъ внутреннюю слабость Персидской монархіи, и вознамѣрился покорить ее при помощи грековъ. Онъ дѣятельно готовился къ походу въ Азію; но однажды, отправясь въ театръ безъ стражи, дорогою былъ убитъ однимъ изъ своихъ тѣлохранителей.

Филиппу наслѣдовалъ сынъ его *Александръ* (336—323). Расказываютъ, что онъ родился въ ту самую ночь, когда безумный грекъ Геростратъ, желая увѣковѣчить свое имя въ исторіи, сжегъ великолѣпный храмъ Діаны въ Эфесѣ, считавшійся однимъ изъ чудесъ свѣта. Окончательное воспитаніе сына Филиппъ поручилъ знаменитому философу Аристотелю, который научилъ его всему, что могли знать самые образованные греки *. Изъ поэтовъ греческихъ Александръ особенно плѣнялся Гомеромъ, и Ахиллъ сдѣлался его любимымъ героемъ. Онъ былъ одаренъ необыкновенными способностями, прекрасною наружностію, неодолимымъ мужествомъ

въ Иліадѣ). Эти слова привели Филиппа въ себя. Онъ поступилъ какъ политикъ вмѣстѣ искусный и великодушный: отпустилъ безъ выкупа аѳинскихъ плѣнныхъ, и предложилъ Аѳинамъ снисходительныя условія мира. Съ ѳиванцами напротивъ онъ обошелся очень сурово: заставилъ ихъ заплатить выкупъ за плѣнныхъ, занялъ Кадмею македонскимъ гарнизономъ и лишилъ ихъ господства въ Беотіи. Ѳивы не имѣли за себя такихъ великихъ воспоминаній какъ Аѳины, оказавшія неисчислимыя заслуги дѣлу цивилизаціи. Притомъ дальновидный Филиппъ не любилъ рисковать пріобрѣтенными успѣхами, и не хотѣлъ довести противника до отчаянія: аѳиняне послѣ Херонейской битвы рѣшились встать какъ одинъ человѣкъ и защищаться до послѣдней крайности въ случаѣ нападенія на ихъ городъ; въ ихъ распоряженіи еще находился сильный флотъ.

* Говорятъ, Филиппъ, извѣщая Аристотеля о рожденіи Александра, прибавилъ: «я благодарю боговъ не столько за дарованіе мнѣ сына, сколько за то, что онъ родился при твоей жизни».

и любовью къ славѣ. Однажды къ Филиппу привели дикаго ѳессалійскаго коня Буцефала, на котораго не могли сѣсть и самые искусные наѣздники; но юноша Александръ укротилъ коня, и съ тѣхъ поръ съ нимъ не разставался. На этомъ конѣ онъ сражался въ Херонейской битвѣ, и, предводительствуя македонской конницей, рѣшилъ побѣду.

Греки вздумали было воспользоваться смертью Филиппа, чтобы возвратить свою независимость. Но Александръ быстро усмирилъ возстаніе. При этомъ особенно пострадалъ городъ Ѳивы, оказавшій упорное сопротивленіе. Взявъ Ѳивы, македонскій царь велѣлъ плѣнныхъ ѳивянъ продавать въ рабство и разрушить городъ, пощадивъ только ѳивскую крѣпость и домъ, принадлежавшій нѣкогда поэту Пиндару. За тѣмъ онъ немедленно приступилъ къ исполненію плановъ своего отца относительно Персіи, и, поручивъ начальство въ Греціи и Македоніи полководцу Антипатру, выступилъ въ походъ только съ 35,000 человѣкъ. Но это войско было отлично устроено и состояло изъ людей отважныхъ, закаленныхъ въ битвахъ; имъ начальствовали опытные искусные полководцы Филиппа, каковы: Парменіонъ, Клитъ, Птоломей и др. Высадившись на берегъ Малой Азіи недалеко отъ того мѣста, гдѣ находилась древняя Троя, Александръ принесъ жертвы героямъ Троянской войны, и положилъ вѣнокъ на могилу Ахиллеса; а другъ его Гефестіонъ увѣнчалъ могилу Патрокла.

Въ Персіи въ то время царствовалъ Дарій III Кодоманъ, непохожій на своихъ предшественниковъ; онъ былъ умный и добрый государь; но не могъ уже спасти Персію отъ паденія. Первая битва съ персами произошла на сѣверо-западѣ Малой Азіи при рѣкѣ Граникѣ. Въ персидскомъ войскѣ находилось много греческихъ наемниковъ; однако они не спасли персовъ отъ пораженія. Два непріятеля узнали Александра по блестящему шлему съ развѣвающимися перьями; одинъ изъ нихъ сбилъ шлемъ, а другой занесъ уже руку, чтобы поразить его въ голову; но въ эту минуту подоспѣлъ Клитъ,

и ударомъ меча отсѣкъ персу руку вмѣстѣ съ саблей, (334 г.). 300 непріятельскихъ щитовъ Александръ отправилъ въ Аѳины, чтобы посвятить ихъ храму Минервы съ надписью: „У азіатскихъ варваровъ (отняли ихъ) Александръ и Греки, за исключеніемъ Лакедемонянъ“. (Спартанцы отказались участвовать въ его походѣ).

Потомъ Александръ покорилъ Малую Азію *, и направился въ Сирію. Тутъ Дарій Кодоманъ снова загородилъ ему дорогу, собравъ огромное войско. При городѣ Иссѣ онъ опять былъ разбитъ; весь богатый лагерь его, мать, жена и дѣти достались македонянамъ. Побѣдитель прошелъ Финикію, гдѣ только богатый городъ Тиръ не хотѣлъ сдаться; Александръ построилъ плотину, соединившую твердую землю съ островомъ, на которомъ былъ расположенъ новый Тиръ, и взялъ его приступомъ. Іудеи подчинились ему безъ сопротивленія. Египтяне также; они были рады избавиться отъ ненавистнаго персидскаго ига. Здѣсь при устьяхъ Нила Александръ построилъ городъ, назвавъ его по своему имени Александріей и населивъ преимущественно греками. Этотъ городъ благодаря выгодному мѣстоположенію, скоро сдѣлался самымъ торговымъ и богатымъ на берегахъ Средиземнаго моря, и къ нему перешла вся торговля разрушеннаго финикійскаго Тира. Александръ не мало привлекалъ къ себѣ по-

---

* Въ одномъ городѣ Малой Азіи находилась колесница какого-то древняго царя Гордія, и при ней упряжь съ чрезвычайно запутаннымъ узломъ. Существовало преданіе, что тотъ, кто распутаетъ этотъ узелъ, будетъ владѣть цѣлой Азіей. Александръ взялъ и мечемъ разрубилъ Гордіевъ узелъ. Въ другомъ городѣ, Тарсѣ, Александръ опасно заболѣлъ, вслѣдствіе того, что разгоряченный и покрытый потомъ искупался въ холодныхъ водахъ рѣки Кидна. Находившійся при немъ греческій врачъ Филиппъ предложилъ ему сильно дѣйствующее питье. Александръ въ это время получилъ отъ Парменіона письмо, въ которомъ тотъ совѣтовалъ не довѣряться врачу, будто бы подкупленному персами. Когда Филиппъ принесъ больному приготовленное лекарство, Александръ подалъ ему письмо Парменіона, и, смотря на лицо читавшаго, спокойно выпилъ лекарство. Вскорѣ онъ выздоровѣлъ.

коренные народы тѣмъ, что оказывалъ уваженіе ихъ обычаямъ и религіи, приносилъ жертвы ихъ богамъ. Онъ не упускалъ также случая поразить воображеніе восточныхъ народовъ слухами, которые выдавали его за существо божественное. Такъ, онъ предпринималъ походъ на востокъ отъ Египта по Ливійской песчаной пустынѣ въ оазисъ, на которомъ находился храмъ и оракулъ Юпитера Аммона, и здѣсь жрецы привѣтствовали его какъ Юпитерова сына.

Изъ Египта Александръ пошелъ внутрь Персидскаго государства. За Тигромъ, между ассирійскими городами Гавгамелой и Арбеллами, Дарій Кодоманъ еще разъ попыталъ счастья въ битвѣ. Говорятъ, онъ выставилъ такое огромное войско съ боевыми колесницами и слонами, что сами полководцы македонскіе устрашились, и совѣтовали напасть на персовъ ночью; но Александръ отвѣчалъ, что онъ не хочетъ побѣждать украдкой. Дѣйствительно, громадное но нестройное и мало воодушевленное персидское войско опять было разбито и разсѣяно. Дарій убѣжалъ въ Бактрію; бактрійскій сатрапъ Бессъ велѣлъ его убить, и объявилъ себя царемъ. Передовые всадники Александра нашли Дарія плавающимъ въ своей крови; онъ попросилъ напиться, и одинъ македонянинъ принесъ ему воды въ своемъ шлемѣ. Дарій благодарилъ его; сказалъ, что ему нечѣмъ заплатить за услугу, но что Александръ наградитъ за него. Онъ особенно уважалъ македонскаго царя за кроткое обращеніе съ его плѣннымъ семействомъ. Подоспѣвшій Александръ нашелъ Дарія уже мертвымъ. Онъ изъявилъ горькое сожалѣніе о своемъ врагѣ, и приказалъ воздать ему обычное царское погребеніе; а вѣроломнаго Бесса впослѣдствіи взялъ въ плѣнъ и предалъ казни.

Послѣ того Александръ докончилъ покореніе Персидскаго государства походами въ его самыя отдаленныя сѣверныя и восточныя земли (Гирканію, Согдіану и Бактріану). На пути своемъ Александръ не истреблялъ народы, и не опустошалъ цѣлыя страны, какъ это дѣлали дикіе азіатскіе завоеватели.

Напротивъ онъ строилъ новые города (по большей части названные Александріями), оставлялъ въ нихъ греческіе гарнизоны, установлялъ гражданскій порядокъ, и такимъ образомъ въ этихъ далекихъ варварскихъ странахъ распространилось греческое образованіе (греческій языкъ, обычаи и искусства). Походы по песчанымъ пустынямъ и высокимъ горнымъ хребтамъ сильно утомили македонское войско; оно желало воротиться, и не разъ поднимало ропотъ. Но молодой вождь умѣлъ успокоить воиновъ и одушевить ихъ желаніемъ новыхъ подвиговъ. (Время отъ времени войско его пополнялось новыми отрядами изъ Македоніи, Греціи и Малой Азіи). Онъ уже мечталъ завоевать всѣ народы и основать всемірную монархію *.

Изъ сѣверовосточной Персіи Александръ весною 327 года предпринялъ походъ въ Индію, славившуюся своими богатствами. Со 120,000 пѣхоты и 15,000 конницы онъ вступилъ въ Пенджабъ или область Пятирѣчья. Обитатели этой области распадались на многія государства; самыми сильными царями здѣсь были Таксилъ и Поръ, враждовавшіе между собою. Таксилъ добровольно подчинился Александру и звалъ его на помощь противъ своего врага Пора. На берегахъ Гидаспа Поръ встрѣтилъ Александра съ большимъ войскомъ, множествомъ боевыхъ слоновъ и колесницъ. Послѣ упорнаго сраженія онъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. На вопросъ побѣдителя, какъ онъ желаетъ, чтобы съ нимъ обходились, „какъ съ царемъ“, отвѣчалъ Поръ. Александръ обошелся съ нимъ какъ съ своимъ другомъ и возвратилъ ему царство.

---

* Александра однако справедливо упрекаютъ за разореніе богатаго города Персеполя, который онъ отдалъ на разграбленіе своимъ воинамъ, чтобы вознаградить ихъ за понесенные труды. Мало того, въ слѣдующую ночь, когда Александръ съ своими приближенными пировалъ въ великолѣпномъ персепольскомъ дворцѣ, одна аѳинская гетера предложила сжечь дворецъ, чтобы отплатить персамъ за сожженіе греческихъ храмовъ и памятниковъ при нашествіи Ксеркса на Грецію. Царь, отуманенный винными парами, послѣдовалъ ея совѣту.

(Вмѣстѣ съ великодушіемъ онъ тутъ обнаружилъ дальновидную политику, не желая оставлять Таксила безъ соперника). За тѣмъ онъ покорилъ остальные народы Пятирѣчія, достигъ рѣки Гифазиса и собирался уже идти въ долину Ганга. Но тутъ войско, истомленное безконечными походами и лишеніями, отказалось за нимъ слѣдовать. Напрасно Александръ прибѣгалъ къ убѣжденіямъ и угрозамъ; потомъ онъ заперся въ своей палаткѣ, и не выходилъ изъ нея три дня; на этотъ разъ ничто не помогло, и царь долженъ былъ уступить. Когда онъ объявилъ обратный походъ, воины отвѣчали кликами радости и благодарности своему вождю. Чтобы ознаменовать предѣлъ своихъ завоеваній, Александръ раздѣлилъ войско на 12 частей, и каждой части велѣлъ воздвигнуть на берегу Гифазиса по каменному жертвеннику, походившему величиною на огромныя башни. Здѣсь принесены были благодарственныя жертвы богамъ, и, по греческому обычаю, отпразднованы гимнастическія игры. Потомъ царь велѣлъ построить суда, и спустился на нихъ въ рѣку Индъ, а по Инду поплылъ къ морю. Часть войска шла берегомъ; народы, встрѣчавшіеся на пути, отчасти покорились добровольно, отчасти были принуждены къ тому оружіемъ; для управленія ими Александръ назначалъ своихъ сатраповъ *.

* Самое сильное сопротивленіе оказалъ народъ Малліяне. При штурмѣ ихъ крѣпости Александръ едва не поплатился жизнію за свою неукротимую храбрость. Онъ первый взошелъ на стѣну съ тремя изъ своихъ офицеровъ. Вдругъ лѣстница подломилась, и, пока македоняне приставляли другую, царь сдѣлался цѣлью всѣхъ непріятельскихъ копій, стрѣлъ и камней. Онъ одинъ спрыгнулъ въ крѣпость, былъ окруженъ, и долго защищался, повергая на землю всѣхъ, кто къ нему приближался. Наконецъ израненный онъ упалъ безъ чувствъ; къ счастію подоспѣли его три товарища и прикрыли его своими щитами; между тѣмъ остальные воины перелѣзли стѣны, и разсѣяли индійцевъ. Долго выздоровленіе Александра казалось сомнительнымъ; воины, не видя своего вождя, считали его уже умершимъ и предавались неутѣшной горести. Чтобы успокоить ихъ, Александръ, оправившись немного, велѣлъ на лодкѣ подвезти себя къ берегу и сѣлъ на коня въ виду своей арміи. Тогда по всему лагерю раздались клики радости; всѣ на перерывъ бросились къ нему, чтобы прикоснуться къ его рукамъ, колѣнамъ и одеждѣ.

Достигнувъ устьевъ Инда, Александръ выѣхалъ въ море и тамъ принесъ жертвы богамъ; а въ честь бога Посейдона велѣлъ бросить въ море тельцовъ и золотыя чаши служившія для возліяній. Отсюда часть войска онъ отправилъ моремъ къ устью Эвфрата, подъ начальствомъ адмирала Неарха; а съ остальною воротился назадъ сухимъ путемъ по южнымъ пустынямъ Персіи (по песчаной области Гедрозіи). Походъ этотъ былъ чрезвычайно труденъ: зной, жажда и голодъ истребили болѣе половины воиновъ. Но Александръ своимъ примѣромъ поддерживалъ въ нихъ бодрость; онъ былъ всегда впереди и раздѣлялъ съ ними всѣ труды и лишенія. Однажды македонское войско сильно страдало отъ безводія; нѣсколько воиновъ нашли немного мутной воды, собрали ее въ шлемъ и принесли царю; но онъ вылилъ ее на землю, потому что не хотѣлъ пить въ то время, когда армія его умирала отъ жажды. Такой поступокъ придалъ новыя силы усталому войску. По возвращеніи своемъ онъ отпустилъ на родину 10,000 старыхъ воиновъ (ветерановъ) съ полководцемъ Кратеромъ, богато одаривъ ихъ деньгами.

Александръ сдѣлалъ своею столицею Вавилонъ, и усердно занялся устройствомъ своей обширной монархіи: проводилъ дороги и каналы, строилъ города и гавани. Онъ старался сблизить персовъ съ греками: носилъ одежду персидскихъ царей, имѣлъ отрядъ персидскихъ тѣлохранителей, и вообще окружалъ себя такою же пышностію, которая господствовала при персидскомъ дворѣ; многихъ молодыхъ македонянъ онъ женилъ на персіянкахъ, и самъ взялъ себѣ въ супруги красавицу Роксану, дочь одного знатнаго перса; потомъ женился еще на дочери Дарія Кодомана. Но македоняне и греки хотѣли быть господами въ завоеванныхъ земляхъ, и съ неудовольствіемъ смотрѣли на то, что царь равняетъ съ ними персовъ. Ропотъ ихъ раздражалъ Александра. Къ сожалѣнію онъ мало по малу привыкъ къ восточному самовластію, сдѣлался надмѣненъ, началъ слушать раболѣпныхъ льстецовъ и жестоко наказывать недовольныхъ. Такъ однажды на пиру Клитъ

(спасшій нѣкогда жизнь царю), разгоряченный винными парами, сталъ превозносить Филиппа болѣе чѣмъ его сына. Александръ вышелъ изъ себя отъ гнѣва, и собственноручно убилъ Клита; однако тотчасъ опомнился, и три дня провелъ въ слезахъ и раскаяніи. Еще прежде того онъ велѣлъ убить престарѣлаго полководца Парменіона и его сына, заподозривъ ихъ въ непріязненныхъ замыслахъ. Кромѣ того онъ казнилъ философа Каллисѳена по недоказанному обвиненію въ заговорѣ. Между тѣмъ здоровье македонскаго завоевателя сильно разстроилось отъ неимовѣрныхъ трудовъ, а также отъ неумѣренной жизни. Въ то же время онъ былъ сильно огорченъ смертью своего друга Гефестіона, котораго очень любилъ. Царь почтилъ друга великолѣпными похоронами (стоившими 10,000,000 руб. сереб. на наши деньги); 10,000 животныхъ были при этомъ закланы въ жертву богамъ. Вредный вавилонскій климатъ окончательно свелъ Александра въ могилу. Онъ умеръ только 33 лѣтъ отъ роду, и царствовалъ около 13 лѣтъ. Но въ это короткое время онъ совершилъ столько подвиговъ, что вполнѣ заслужилъ названіе *Великаго* *.

Александръ оставилъ послѣ себя слабоумнаго брата Аридея и малолѣтныхъ дѣтей. Говорятъ, когда полководцы спросили умирающаго царя, кому онъ назначаетъ престолъ, онъ отвѣчалъ: „достойнѣйшему“. Македонская монархія, состоявшая изъ самыхъ разнообразныхъ народовъ, оставшись безъ главы, вскорѣ распалась. Полководцы Александра раз-

---

* Извѣстія о жизни и подвигахъ Александра Македонскаго почерпаются преимущественно у историковъ греческихъ и латинскихъ, жившихъ въ первыя два вѣка по Р. Х., именно: у Плутарха, Квинта Курція и Арріана. Изъ нихъ лучшій источникъ это Арріанъ, который свое сочиненіе «О походахъ Александра» составилъ по запискамъ Александровыхъ современниковъ, напримѣръ Птоломея Лаги. Память о Македонскомъ героѣ долго жила въ преданіяхъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ. Даже въ пѣсняхъ кочеваго монгола упоминается иногда имя Искандера (такъ называли его въ Азіи); а въ средневѣковыхъ произведеніяхъ европейской словесности встрѣчается о немъ множество народныхъ легендъ.

дѣлили между собой разныя области: Птоломей взялъ Египетъ, Антигонъ Малую Азію, Антипатръ Македонію, Селевкъ Сирію, Лизимахъ Ѳракію, и т. д. Главнымъ правителемъ всего государства сначала былъ поставленъ полководецъ Пердикка, которому Александръ вручилъ свой перстень; но другіе ему не повиновались. Возникли междоусобныя войны, которыя продолжались болѣе 20 лѣтъ, и въ это время области переходили изъ рукъ въ руки. Послѣднее рѣшительное сраженіе произошло при Ипсѣ (во Фригіи. въ 301 г.). Селевкъ и Лизимахъ сразились здѣсь съ могущественнымъ Антигономъ и его сыномъ Димитріемъ Поліоркетомъ. 80 лѣтній Антигонъ палъ въ этой битвѣ, а Димитрій спасся бѣгствомъ съ остатками разбитаго войска.

Наконецъ изъ Македонской монархіи образовались слѣдующія государства:

1. *Македонія* и *Греція.* Смерть Александра воскресила въ грекахъ надежду воротить свою независимость. Аѳиняне, возбуждаемые Демосѳеномъ, первые отложились отъ Македоніи. Къ нимъ пристали и нѣкоторыя другія греческія государства. Возстаніе вначалѣ было удачно. Антипатръ, разбитый въ сраженіи, заперся и осажденъ въ крѣпости Ламіѣ (оттого и самая война называется *Ламійскою*). Но въ это время на помощь ему прибылъ изъ Азіи Кратеръ съ ветеранами, и греки были усмирены. Демосѳенъ, осужденный на казнь, бѣжалъ изъ Аѳинъ на одинъ сосѣдній островъ; за нимъ были посланы македонскіе воины. Онъ не хотѣлъ отдаться въ руки враговъ, и принялъ ядъ (322). Македонія по смерти Антипатра переходила изъ рукъ въ руки; здѣсь попеременно господствовали: сынъ Антипатра Кассандръ, Димитрій Поліоркетъ, Пирръ царь эпирскій, Лизимахъ и др. Окончательно завладѣлъ ею сынъ Димитрія Поліоркета Антигонъ Гонатъ.

Димитрій Поліоркетъ (т. е. завоеватель городовъ) является самымъ замѣчательнымъ представителемъ этой бурной эпохи діадоховъ (такъ назывались преемники Александра). Съ блестящими талантами и утон-

ченною аттическою образованностію онъ соединялъ чрезвычайную предпріимчивость и наклонность къ восточной нѣгѣ. Онъ былъ отличный знатокъ военнаго дѣла, которое въ тѣ времена сдѣлало большіе успѣхи, особенно при помощи механики, т. е благодаря изобрѣтенію новыхъ осадныхъ и метательныхъ орудій (катапульты и баллисты), которыя огромными массами бросали стрѣлы и камни въ осажденный городъ или въ ряды непріятельскаго войска. (Одинъ спартанскій царь, увидѣвъ въ первый разъ катапульту, воскликнулъ: «Увы! пришелъ конецъ военной доблести»). Никто не сооружалъ такихъ ужасныхъ машинъ, никто не спускалъ на воду такихъ огромныхъ кораблей какъ Димитрій. Свое названіе Поліоркета онъ получилъ за осаду городовъ Саламина (на островѣ Кипрѣ) и Родоса. Подъ Саламиномъ онъ, при содѣйствіи одного аѳинскаго механика, построилъ машину, которая имѣла видъ высокой башни, раздѣлялась на 9 ярусовъ и двигалась на 4 огромныхъ колесахъ; въ каждомъ ярусѣ расположены были орудія, метавшія камни; при нихъ находилось до 200 человѣкъ прислуги. При своей безпокойной дѣятельности, Димитрій не успѣлъ создать ничего прочнаго, и окончилъ жизнь въ Сиріи плѣнникомъ Селевка. Подобнымъ же характеромъ безпокойнаго искателя приключеній отличался Пирръ эпирскій, образовавшій свой военный талантъ подъ руководствомъ Димитрія Поліоркета, а потомъ бывшій его счастливымъ соперникомъ въ борьбѣ за Македонію. Страсть къ военнымъ предпріятіямъ не позволила ему упрочить за собою Македонію; онъ вмѣшался въ дѣла Пелопоннеза, и былъ убитъ при нападеніи на Аргосъ камнемъ, который бросила ему въ голову одна женщина съ кровли своего дома. Смертію его воспользовался Антигонъ Гонатъ, чтобы утвердить свою династію въ Македоніи. Преемники Антигона Гоната были: Димитрій II, Антигонъ Дозонъ, Филиппъ II и Персей; при послѣднемъ Македонія покорена Римлянами.

Между тѣмъ большая часть Греціи освободилась отъ македонскаго владычества. Въ ней образовалось два замѣчательныхъ союза: первый, союзъ *Ахейскихъ* городовъ, на сѣверѣ Пелопоннеса; второй, *Этольскій* союзъ, на западѣ Средней Греціи. Но къ сожалѣнію эти два союза враждовали другъ съ другомъ и тратили свои силы во взаимной враждѣ. Ахейскій союзъ достигъ большаго значенія и славы во времена своего стратега или предводителя Арада, который присоединилъ къ союзу свой родной городъ Сикіонъ и кромѣ того богатый, крѣпкій Коринѳъ. Такъ какъ законъ запрещалъ

выбирать того же стратега на слѣдующій годъ, то ахеяне выбирали Арада черезъ годъ. Возвышеніе Ахейскаго союза поставило его во вражду съ Спартою.

Въ Спартанской республикѣ древнія Ликурговы учрежденія существовали уже только по имени: главная власть принадлежала эфорамъ; число спартіатскихъ фамилій уменьшилось до 700; а вслѣдствіе новаго закона, дозволившаго каждому отцу располагать имуществомъ по своей волѣ, мало по малу вся поземельная собственность сосредоточилась въ рукахъ сотни фамилій, которыя и водворили въ государствѣ полную олигархію. Общественные столы и древніе строгіе нравы исчезли: страсть къ удовольствіямъ, изнѣженность, праздность, огромное богатство рядомъ съ жалкою бѣдностью—все это встрѣчалось въ Спартѣ точно также какъ и въ другихъ греческихъ городахъ. Но преданія о древней славѣ и доблести не умерли между спартанцами; время отъ времени здѣсь появляются замѣчательныя личности. Таковы были цари ихъ Агисъ III и Клеоменъ III, которые задумали возстановить Ликурговы учрежденія въ ихъ прежней силѣ, и тѣмъ обновить падающее государство. Сперва выступилъ съ своими планами реформы Агисъ III; онъ предложилъ: увеличить число гражданъ, пополнивъ его изъ періэковъ и другихъ сосѣднихъ грековъ; уничтожить долги и раздѣлить землю Лаконіи частію между гражданами, частію между періэками; кромѣ того установить вновь общественные столы и старинный образъ жизни. Богатыя фамиліи воспротивились такой реформѣ и успѣли погубить Агиса; онъ былъ казненъ (240 г. до Р. Х.). Но дѣло его продолжалъ другой царь, болѣе даровитый и энергичный, Клеоменъ III. Наученный примѣромъ предшественника, Клеоменъ хотѣлъ прежде всего составить преданное себѣ войско. Для этого онъ попытался воротить Спартѣ гегемонію въ Пелопоннезѣ, и началъ войну съ Ахейскимъ союзомъ. Онъ побѣдилъ Арада; потомъ вдругъ воротился въ Спарту съ своимъ наемнымъ войскомъ, врасплохъ напалъ на эфоровъ, и велѣлъ ихъ убить; многіе оли-

гархи подверглись изгнанію. Затѣмъ Клеоменъ ввелъ тѣ преобразованія, которыя предлагалъ Агисъ. Этотъ переворотъ произвелъ сильное впечатлѣніе и на другіе народы: во всемъ Пелопоннезѣ бѣдные граждане изъявляли сочувствіе Клеомену, надѣясь съ его помощью добиться уничтоженія долговъ и раздѣла земель. Встревоженный этимъ народнымъ волненіемъ, Ахейскій союзъ призвалъ македонскаго царя Антигона Дозона, и вручилъ ему главное начальство. Клеоменъ отважно вступилъ въ войну съ многочисленными врагами. Рѣшительная встрѣча произошла при городкѣ Селлазіи (въ сѣверной Лаконіи), и здѣсь спартанцы, послѣ упорнаго боя, были опрокинуты македонскою фалангою (222 г.). Разбитый Клеоменъ бѣжалъ въ египетскую Александрію, гдѣ потомъ самъ лишилъ себя жизни *. Съ его паденіемъ уничтожены были въ Спартѣ и его реформы.

Послѣ смерти Арада главою Ахейскаго союза является храбрый, даровитый Филопеменъ. Онъ завоевалъ самую Спар-

---

* Удрученный горемъ и усталостью, Клеоменъ послѣ битвы прискакалъ въ Спарту, въ сопровожденіи немногихъ всадниковъ. Вошедши въ свой домъ, онъ оперся на колонну, и, склонивъ голову, нѣсколько времени оставался неподвижнымъ, погруженнымъ въ глубокое раздумье. Но энергія взяла верхъ. Съ нѣсколькими преданными спартанцами онъ поспѣшилъ въ Гитіумъ, гдѣ сѣлъ на корабль, заранѣе приготовленный, и отправился въ Египетъ. Птоломей Эвергетъ оказалъ Клеомену почетный пріемъ, и обѣщалъ ему помощь противъ македонянъ. Но Эвергету вскорѣ наслѣдовалъ его недостойный сынъ Филопаторъ, преданный развратной жизни. Клеоменъ и посреди испорченныхъ египетскихъ нравовъ сохранялъ строгій, спартанскій образъ жизни; за что его не любили придворные льстецы Филопатора. Они увѣрили этого подозрительнаго деспота, что изгнанникъ замышляетъ покушеніе на Кирену. Тогда Клеомена и его друзей помѣстили въ одномъ уединенномъ домѣ и приставили стражу. Клеоменъ не вынесъ принужденнаго бездѣйствія. Однажды, обманувъ стражу, онъ съ своими спартанцами бросился на улицы Александріи, и началъ призывать ея жителей къ возстанію. Народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на эту горсть храбрыхъ; но никто не приставалъ къ нимъ. Спартанцы были окружены, и, чтобы не отдаться живыми въ руки враговъ, умертвили себя сами. (Плутархъ).

ту, заставилъ ее приступить къ Ахейскому союзу и отмѣнить у себя Ликурговы законы. Въ одной войнѣ съ мессенянами Филопеменъ попался въ руки непріятелей, и его заставили выпить яду (183 г.). Онъ названъ „послѣднимъ грекомъ“. Послѣ него могущество Ахейскаго союза падаетъ, и тогда Римляне легко завладѣли Греціей.

2. *Египетъ.* Здѣсь воцарилась династія полководца Птоломея Лаги. Подъ управленіемъ первыхъ трехъ Птоломеевъ (Птоломей Лаги Сотеръ, Птоломей Филадельфъ, Птоломей Эвергетъ). Царство Египетское достигло цвѣтущаго состоянія. Столица ихъ Александрія сдѣлалась средоточіемъ всемірной образованности, т. е. торговли, искусствъ и наукъ, такъ что затмила собою Аѳины. Время Птоломеевъ поэтому называется Александрійскою эпохою греческой образованности. Изъ построекъ здѣсь особенно былъ знаменитъ Фаросскій маякъ. Онъ стоялъ на скалѣ при входѣ въ александрійскую гавань и имѣлъ форму стройной пирамидальной башни, высотою неуступавшей пирамидамъ; на верху ея ночью разводилось пламя, которое освѣщало морякамъ путь къ гавани. Въ Александрію собирались съ разныхъ концевъ Греціи ученые, поэты и художники, и получали щедрое содержаніе отъ египетскихъ царей. Птоломеи завели богатѣйшую въ мірѣ библіотеку, въ которой были собраны рукописные свитки, заключавшіе сочиненія греческихъ писателей, и здѣсь постоянно работали сотни переписчиковъ. Это собраніе рукописей (числомъ до 700,000) вмѣстѣ съ помѣщеніемъ для ученыхъ и писателей составляло учрежденіе, названное *музеемъ.* Музей занималъ нѣсколько богато украшенныхъ зданій, соединенныхъ съ царскимъ дворцомъ.

Птоломей III Эвергетъ былъ притомъ счастливый завоеватель. Онъ имѣлъ супругою прекрасную Веренику, въ честь которой одно изъ небесныхъ созвѣздій названо „Волосы Вереники“. Но послѣ него начался рядъ царей, неотличавшихся отъ обыкновенныхъ восточныхъ деспотовъ. Жестокость, безумная роскошь и кровавые споры за престолъ составля-

ютъ ихъ главныя черты. Самое процвѣтаніе греческой образованности въ Египтѣ продолжалось недолго; она сосредоточивалась преимущественно въ Александріи, городѣ греческомъ, и мало имѣла вліянія на египетскій народъ.

3. *Сирійское* государство. Оно было самое обширное, и простиралось отъ Средиземнаго моря до рѣки Инда. Основателемъ его былъ полководецъ Александра Селевкъ. Изъ его преемниковъ или Селевкидовъ самый знаменитый—это Антіохъ III или Великій (224—187), врагъ римлянъ. Въ Сиріи было построено много богатыхъ греческихъ городовъ; напримѣръ, Пальмира и столица Селевкидовъ великолѣпная Антіохія (на сѣверномъ концѣ Финикіи). Но и здѣсь, какъ въ Египтѣ, греческая образованность не имѣла прочныхъ корней въ народѣ; города, основанные греками и македонянами, также подверглись вліянію азіатскихъ нравовъ, т. е. стремленію къ роскоши и изнѣженности. Сирійское государство часто страдало отъ междоусобій за престолъ и отъ возстанія своихъ разноплеменныхъ народовъ. Замѣчательно между прочимъ *возстаніе іудеевъ*.

Одинъ изъ наслѣдниковъ Антіоха Великаго, Антіохъ IV Эпифанъ, велѣлъ ограбить іерусалимскій храмъ, и воздвигъ гоненіе на іудейскую религію, желая между всѣми своими подданными распространить греческое язычество. Еврейскій народъ возсталъ подъ начальствомъ священника Матаѳіи и его пяти храбрыхъ сыновей (167 г.). Изъ нихъ особенно отличился своими подвигами Іуда Макавей, такъ что сдѣлался главою народа; послѣ его смерти братъ его Симонъ докончилъ освобожденіе іудеевъ отъ сирійскаго владычества, и былъ признанъ наслѣдственнымъ княземъ и первосвященникомъ іудейскимъ. Дальнѣйшимъ успѣхамъ еврейскаго народа много мѣшали внутренніе раздоры религіозныхъ партій. Главныхъ партій было три: фарисеи, саддукеи и ессеи. Фарисеи старались строго держаться Моисеева закона, изустныхъ преданій и буквально исполнять обрядовыя постановленія; при чемъ многіе изъ нихъ впадали въ лицемѣріе и

ханженство; эта секта была самая многочисленная; она пользовалась уваженіемъ въ народѣ и имѣла большое вліяніе на дѣла. Саддукеи, принадлежавшіе преимущественно къ богатому и образованному классу, отвергали то, что основывалось въ религіи на преданіяхъ, а не на письменномъ законѣ, и вообще подчинялись нѣкоторому вліянію греческой цивилизаціи *. Ессеи вели жизнь, удаленную отъ міра; это былъ родъ еврейскихъ монаховъ. Впослѣдствіи междоусобіе двухъ братьевъ Макавеевъ, спорившихъ за престолъ, послужило поводомъ къ римскому вмѣшательству. Нѣкто Иродъ, человѣкъ хитрый и жестокій, съ помощью римлянъ завладѣлъ престоломъ (въ 37 г. до Р. Х.), и истребилъ фамилію Маккавеевъ.

Парфяне, храбрый кочевой народъ, обитавшій къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря, подъ начальствомъ Арзака отложились отъ Сиріи (256). Арзакиды потомъ покорили всю страну отъ Эвфрата до Инда. Парфяне были отличные наѣздники и стрѣлки изъ лука.

Далѣе, на мѣстѣ Александровой монархіи возникло еще много мелкихъ владѣній каковы: царство *Понтійское* на сѣверномъ берегу Малой Азіи, *Пергамское* на западномъ берегу, *Армянское* на верхнемъ теченіи Эвфрата и т. д.

Всѣ эти государства, за исключеніемъ Парфянскаго, въ послѣдствіи были завоеваны Римлянами.

---

* Вліяніе это поддерживалось связями съ тѣми евреями, которые еще до разрушенія Іерусалима въ большомъ числѣ разсѣялись по разнымъ странамъ востока, занимаясь промышленностію и торговлею. Наиболѣе промышленные и знакомые съ эллинской образованностію были іудеи александрійскіе и антіохійскіе. На раннее распространеніе греческаго языка между евреями указываетъ преданіе о библіи 70 толковниковъ. Именно, расказываютъ, что Птоломей II Филадельфъ призвалъ къ своему двору 70 ученыхъ евреевъ, и поручилъ имъ сдѣлать переводъ библіи на греческій языкъ. Каждый изъ нихъ былъ заключенъ въ особую комнату; но когда работа кончилась, всѣ переводы сравнены между собою и найдены буквально одинаковыми, такъ что не было никакого сомнѣнія въ вѣрности перевода.

Въ греческой литературѣ Александрійскаго періода мѣсто прежняго энергическаго творчества заступило собираніе, приведеніе въ порядокъ и провѣрка древнихъ произведеній эллинской словесности. Возникла особая наука, такъ наз. граматика, подъ которою разумѣлось не одно знаніе языка, но вмѣстѣ и критика, археологія (или познаніе древностей) и миѳологія—все это нужно было для объясненія древнихъ произведеній. (Знаменитѣйшимъ граматикомъ былъ Зенодоръ эфесскій, смотритель музея въ Александріи при Птоломеѣ Филадельфѣ). Поэзія этой эпохи по большей части отличается безжизненностію и переходитъ въ искусственное стихотворство, т. е. въ умѣнье составлять гладкіе стихи. Только немногіе поэты выдаются истиннымъ талантомъ и вдохновеніемъ; таковъ особенно Ѳеокритъ, родомъ изъ Сициліи, жившій нѣкоторое время при Александрійскомъ дворѣ (въ III в. до Р. Х.). Онъ писалъ идилліи или поэтическія картины изъ пастушескаго быта. Общему направленію соотвѣтствовала и новая греческая комедія; съ упадкомъ прежняго республиканскаго быта она потеряла свой политическій характеръ, и предметомъ своей насмѣшки брала теперь уже не общественныхъ дѣятелей (какъ это было у Аристофана), а событія обыденной жизни, семейныя сцены, мелкія интриги и т. п. Основателемъ такой комедіи считается Менандръ аѳинскій. Точно также историческіе писатели не рѣшаются расказывать о временахъ къ нимъ близкихъ, чтобы не навлечь себѣ непріятностей отъ сильныхъ людей; они занимались болѣе событіями миѳическаго и героическаго періодовъ (таковы, напримѣръ, сицилійцы Тимей и Эвгемеръ, въ III в. до Р. Х. Къ этому разряду историковъ принадлежатъ халдейскій жрецъ Берозъ и египетскій жрецъ Манетонъ, жившіе также въ III в. и написавшіе по гречески каждый исторію своей страны съ древнѣйшихъ временъ).

Изъ философскихъ системъ этой эпохи замѣчательны ученія Эпикурейское и Стоическое. Эпикуръ аѳинскій продолжалъ развивать систему Киренской школы, т. е. ученіе о

наслажденія; онъ полагалъ наслажденіе главнымъ образомъ въ сохраненіи душевнаго спокойствія; но послѣдователи его обратились преимущественно къ чувственнымъ удовольствіямъ. Въ противуположность ему другой аѳинянинъ и современникъ его Зенонъ (въ первой половинѣ III вѣка до Р. Х.), старался возвысить и облагородить циническую школу и училъ переносить всѣ невзгоды и перевороты житейскіе съ непоколебимою твердостію и равнодушіемъ. Онъ излагалъ свои мысли въ портикѣ называвшемся *стоа;* поэтому философія его извѣстна подъ именемъ стоической.

Александрійскій періодъ занимаетъ очень важное мѣсто въ исторіи образованности развитіемъ наукъ математическихъ и естественныхъ. Первые Птоломеи не мало способствовали успѣхамъ естествознанія основаніемъ звѣринцевъ и другихъ собраній по естественной исторіи. Врачебное искусство (возвышенное на степень науки Гиппократомъ коссиимъ въ концѣ V и началѣ IV в. до Р. Х.) много подвинулось впередъ съ разработкою анатоміи, которой помогалъ египетскій обычай бальзамированія труповъ. Между математиками александрійскими первое мѣсто принадлежитъ Эвклиду, который далъ своей наукѣ строгую систему и изобрѣлъ методъ ея преподаванія, господствующій до сихъ поръ. (На вопросъ Птоломея I Сотера, нельзя ли придумать для него болѣе легкаго метода изученія геометріи? Эвклидъ отвѣчалъ: „для царей нѣтъ особаго пути къ геометріи"). Послѣ Эвклида знаменитымъ математикомъ былъ Эратостенъ, въ III в. до Р. Х., родомъ изъ Кирены. Птоломей III поручилъ ему завѣдываніе Александрійской библіотекой. Ученая дѣятельность его очень разнообразна; между прочимъ онъ своими описаніями, странъ и народовъ оказалъ великія заслуги наукѣ географіи. (Земля представлялась ему неподвижнымъ шаромъ). Современникъ его Архимедъ сиракузскій является величайшимъ механикомъ древности. Съ успѣхами механики тѣсно были связаны успѣхи промышленности и военнаго искусства. Основателемъ науки астрономіи считается Гиппархъ, родомъ изъ Никеи, жившій во II в. до Р. Х.

Построеніе новыхъ городовъ, храмовъ и дворцовъ, особенно въ царствѣ Птоломеевъ и Селевкидовъ, дало обильную пищу архитектурному искусству. Но памятники этой эпохи носятъ на себѣ печать восточнаго вліянія; они отличаются колоссальными размѣрами и роскошью въ отдѣлкѣ. Пластика также обнаруживаетъ стремленіе къ величественному и поразительному (т. е. къ эффекту); таковъ, напримѣръ, знаменитый колоссъ Родосскій или статуя Аполлона, стоявшая при входѣ въ Родосскую гавань и имѣвшая 70 футовъ вышины *. Во II в. до Р. Х. впрочемъ въ ваяніи замѣтенъ переворотъ: художники стараются возстановить изящный стиль по древнимъ образцамъ искусства. Изъ пластическихъ произведеній этой послѣдней (собственно греко-римской) эпохи, дошедшихъ до насъ, знамениты: группа Лаокоона и двухъ его сыновей, обвитыхъ змѣями, Венера Медичейская и Аполлонъ Бельведерскій.

---

* Колоссъ Родосскій причисленъ къ чудесамъ свѣта. Главными изъ этихъ чудесъ были: пирамиды, Фаросъ Александрійскій, сады и стѣны Вавилона, храмъ Діаны Эфесской, гробница Мавзола въ Галикарнасѣ, Фидіевы статуи Аѳины и Юпитера Олимпійскаго.

РИМЪ.

VIII. ВРЕМЯ ЦАРЕЙ ВЪ РИМѢ И БОРЬБА ПАТРИЦІЕВЪ СЪ ПЛЕБЕЯМИ.

Географическій обзоръ Италіи. Этруски. Латины. Сабеллы Городъ Римъ. Преданія о его происхожденіи. Похищеніе сабинокъ. Смерть Ромула. Его преемники. Патриціи и плебеи. Учрежденія Сервія Туллія. Тарквиній Гордый. Лукреція. Начало республики. Порсена. Цинциннатъ. Неудовольствіе плебеевъ. Народные трибуны. Коріоланъ. Аграрные законы. Децемвиры. Нашествіе галловъ. Камиллъ. Лициніевы законы и уравненіе правъ.

Италія представляетъ узкій, длинный полуостровъ, на сѣверѣ ограниченный высокими Альпійскими горами и прорѣзанный во всю свою длину скалистымъ Аппенинскимъ хребтомъ. Ея положеніе посреди моря, которое соединяетъ три части Стараго свѣта, весьма способствовало Риму выполнить его задачу, т. е. собрать въ одно государство историческія страны древняго міра и распространить на востокъ и на западъ начала греко-римской цивилизаціи. Теплый климатъ и разнообразная растительность дѣлаютъ Италію прекраснѣйшею страною Европы. Береговая линія ея далеко не такъ развита какъ въ Греціи, и древнѣйшее ея населеніе является по преимуществу съ характеромъ земледѣльческимъ и пастушескимъ.

Названіе Италія сначала принадлежало одной южной части полуострова; позднѣе оно распространилось на всю область Аппенинъ; только въ концѣ республиканскаго періода и въ началѣ имперіи это названіе захватило и страну между Альпами и Аппенинами. Въ эту эпоху установилось и

дѣленіе Италіи на три части: Сѣверную или Верхнюю, Среднюю и Нижнюю, съ ихъ подраздѣленіями на различныя области.

Сѣверная Италія населена была по преимуществу гальскими племенами (каковы: Инсубры, Таурины, Бои, Сеноны, и др.), и потому называлась у римлянъ *Галлія Цизальпинская* (т. е. Предъальпійская), въ отличіе отъ Галліи Транзальпинской (Заальпійской) или нынѣшней Франціи. На сѣверѣ она замыкается Альпами, которыхъ южные склоны круты и обрывисты, а сѣверные болѣе покаты (что облегчало вторженіе въ Италію сѣвернымъ народамъ). Границею между Сѣверной и Средней Италіей служили двѣ рѣки: Рубиконъ, впадающій въ Адріатическое море, и Макра — въ Лигурійскій заливъ. Плодородная низменность Цизальпинской Галліи орошается рѣкою По (у римлянъ *Падусъ*) и его притоками, изъ которыхъ главные: Тичинъ, Адда, Оліо и Минчіо съ лѣвой стороны, и Требіа съ правой. Кромѣ того въ Адріатическое море впадаетъ Эчъ (*Атезисъ*), послѣ По самая значительная рѣка Италіи. Рѣкою По Цизальпинская Галлія дѣлилась на двѣ области: Галлію *Транспаданскую* (т. е. лежащую за Падусомъ) и *Циспаданскую* (по сю сторону, т. е. къ югу отъ Падуса). Въ первой замѣчательнѣйшіе города были: Медіоланумъ (Миланъ), Кремона и Аугуста Тауриноруиъ (Туринъ); а во второй: Равенна, Бононіа, Мутина (Модена) и др. Вдоль Лигурійскаго залива лежала третья область Сѣверной Италіи *Лигурія* съ городомъ Генуа; а по сѣверному берегу Адріатики область Венетовъ съ городами Патавіумъ (Падуа) и Аквилея.

Средняя Италія простирается отъ рѣкъ Макра и Рубиконъ до рѣкъ Силяръ и Френта (послѣдняя впадаетъ въ Адріатику; а первая въ Средиземное море, которое у западныхъ береговъ Италіи въ древности называлось Тирренскимъ моремъ). Аппенинскій хребетъ въ Средней Италіи подступаетъ близко къ восточному берегу и спускается крутыми склонами къ морю, такъ что здѣсь нѣтъ ни значительныхъ

рѣкъ, ни отдѣльныхъ горныхъ группъ. Напротивъ отъ западнаго берега онъ отходитъ довольно далеко и оставляетъ значительное пространство для своихъ предгорій и развѣтвленій, для плодоносныхъ равнинъ, рѣкъ, озеръ и болотистыхъ низменностей. Изъ рѣкъ замѣчательны: Арно, Тибръ, Лирисъ (теперь Гарильяно) и Вультурнъ; изъ озеръ: Тразименское въ Этруріи и Фучинское (извѣстное своими наводненіями) въ Самніѣ. Около устья Арно находятся такъ наз. Маремы—нездоровая болотистая мѣстность; по берегу Лаціума идутъ Понтинскія болота, а далѣе, въ Кампаніи, Минтурнскія. Средняя Италія дѣлилась на слѣдующія области: 1. *Этрурія* или *Тусція*, представлявшая до своего покоренія римлянами союзъ 12 городовъ, каковы: Клузіумъ, Перузіа, Волатерры. Тарквиніи, Веи и др. 2. Далѣе къ югу, *Лаціумъ*. отдѣлявшійся отъ Этруріи рѣкою Тибромъ, съ городами: Римъ, Альба Лонга, Ардеа, Тускулумъ и Тибуръ (теперь Тиволи), отличающійся красивымъ мѣстоположеніемъ. 3. *Кампанія*, отдѣлявшаяся отъ Лаціума рѣкою Лирисъ. Это очень плодоносная равнина, славившаяся особенно своими виноградниками (знаменитое въ древности Фалернское вино) и обильная вулканами (Везувій). Города здѣсь: Капуа, Неаполь (въ древности Партенопея), Кумы и Баіи; последній лежалъ на берегу прелестной бухты и былъ извѣстенъ своими теплыми, минеральными купаньями, которыя съ особымъ усердіемъ посѣщались римскими дамами. По восточному берегу находились: 4. *Умбрія* съ городомъ Ариминіумъ (теперь Римини); 5. *Пиценумъ* съ богатымъ торговымъ городомъ Анкона, и 6. *Самніумъ*, занимавшій среднюю и самую высокую часть Аппенинъ и населенный воинственными племенами сабельскими; города: Куры—столица древнихъ сабинскихъ царей, Амитернумъ, Беневентумъ, Каудіумъ (близь него знаменитыя Кавдинскія ущелья), и др.

Нижняя Италія, названная по обилію греческихъ колоній Великою Греціей, во времена римскаго владычества дѣлилась на 3 области: 1. *Апулія съ Калабріей* занимала сѣверную

ея часть, обращенную къ Адріатическому морю съ торговымъ и портовымъ городомъ Брундузіумъ; 2. *Луканія* — между Тарентскимъ заливомъ и Тирренскимъ моремъ и 3. *Бруціумъ* — самая южная область. Къ южной Италіи можно отнести и жаркій плодоносный островъ Сицилію, оторванный отъ полуострова Мессинскимъ проливомъ. Этотъ островъ назывался прежде *Тринакрія*, т. е. трехконечный. (Важнѣйшіе греческіе города южной Италіи и Сициліи были упомянуты въ обзорѣ Греческой исторіи).

При началѣ Римской исторія на Итальянскомъ полуостровѣ главное мѣсто занимали три народа: Этруски, Латины и Сабеллы.

Этруски (иначе называвшіеся Туски, Разена и Тиррены), какъ полагаютъ, пришли въ Италію съ сѣвера изъ Реціи, т. е. Тироля. (Къ какому великому племени они принадлежали, въ точности неизвѣстно; одни ученые относятъ ихъ къ кельтамъ, другіе къ пеласгамъ). Они покорили долину рѣки По; а отсюда распространились потомъ и о Этруріи и Кампаніи гдѣ самою значительною колоніей ихъ была Капуа. Впослѣдствіи они были вытѣснены изъ Верхней Италіи нашествіемъ галльскихъ племенъ; а въ Кампанія подверглись нападеніямъ самнитянъ; такимъ образомъ господство ихъ ограничилось собственною Этруріей. Здѣсь этруски составили союзъ изъ 12 главныхъ городовъ. (На прежней родинѣ своей, въ Реціи, они дѣлились на 12 племенъ, и это дѣленіе удержали въ новомъ отечествѣ; каждое племя построило себѣ особый городъ). Каждый городъ съ принадлежавшимъ къ нему округомъ образовалъ независимое государство, съ строго аристократическимъ устройствомъ: знатныя, жреческія фамиліи составляли господствующую касту, и выбирали изъ своей среды такъ наз. лукумона, который соединялъ въ себѣ достоинство царя и верховнаго жреца. Отличительными знаками его сана были: пурпуровая тога, кресло изъ слоновой кости и свита изъ 12 ликторовъ, вооруженныхъ связкою прутьевъ со вложенною въ нихъ сѣкирою. Для обсужденія

дѣлъ, касавшихся всего союза, лукумоны 12 городовъ собирались въ храмѣ одной богини близъ города Вольсиній, и рѣшали вопросы большинствомъ голосовъ. Главною цѣлью этого союза была собственно защита противъ внѣшнихъ враговъ. Этруски рано достигли значительной степени развитія въ дѣлѣ искусствъ, промышленности и торговли, и при появленіи Рима были самымъ богатымъ, сильнымъ народомъ въ Италіи. Ихъ купеческій флотъ соперничалъ на Средиземномъ морѣ съ греками и карфагенянами; а многочисленные тирренскіе пираты наводили ужасъ на торговыя суда другихъ народовъ. Религія этрусковъ носила на себѣ печать дуализма (вѣра въ боговъ небесныхъ и преисподнихъ, въ добрыхъ и злыхъ духовъ); волю боговъ жрецы узнавали гаданіями по жертвеннымъ животнымъ. Этрусскіе жрецы, какъ разсказываютъ, обладали нѣкоторыми познаніями въ астрономіи, медицинѣ и естественныхъ наукахъ. Богатства, скопившіяся въ рукахъ высшаго сословія, и строго оберегаемое, неограниченное господство его надъ остальнымъ населеніемъ, мало по малу развили въ этомъ сословіи наклонность къ роскошному, изнѣженному образу жизни. Между тѣмъ низшій классъ (по всей вѣроятности происходившій изъ покоренныхъ туземцевъ) состоялъ въ крѣпостной зависимости отъ благородныхъ и находился въ бѣдности и угнетеніи. Свободнаго, средняго сословія здѣсь почти не существовало. Этимъ объясняется послѣдующій упадокъ этрусскаго могущества и легкое покореніе Этруріи римлянами.

Памятниками этого народа служатъ остатки огромныхъ валовъ, каналовъ, дорогъ, плотинъ, городскихъ стѣнъ, храмовъ и другихъ зданій. Замѣчательны особенно: уцѣлѣвшія отчасти стѣны Волатерры, Клузіума и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, сложенныя изъ большихъ каменныхъ плитъ; гробница царя Порсенны въ Клузіумѣ, заключающая въ себѣ пять пирамидъ; далѣе, погребальные склепы, украшенные внутри живописью; въ нихъ находятъ урны и саркофаги съ прекрасными барельефами, расписанные

глиняные сосуды („этрусскія вазы") и множество дорогихъ металлическихъ вещей искусной работы. Отъ этрусковъ осталось кромѣ того много надписей; но они до сихъ поръ неразобраны, и языкъ ихъ неизвѣстенъ. (Онѣ написаны отъ правой руки къ лѣвой). Этрусская цивилизація имѣла большое вліяніе на развитіе римской жизни. Это вліяніе отразилось преимущественно въ религіозныхъ церемоніяхъ и въ нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Рима.

Латины, какъ полагаютъ, произошли изъ смѣшенія пришлыхъ пеласговъ съ прежними обитателями страны, Сиканами и Сикулами (часть послѣднихъ заселила островъ Сицилію и сообщила ей свое имя). Пеласгическое происхожденіе латиновъ подтверждается родствомъ латинскаго языка съ греческимъ, а также сходствомъ религіи и обычаевъ. Главными божествами латиновъ были: Юпитеръ, Юнона, Сатурнъ, Янусъ и Веста. Властитель неба Юпитеръ и его супруга Юнона соотвѣтствовали по своему значенію греческимъ Зевесу и Герѣ. Сатурнъ впослѣдствіи уподобленъ греческому Хроносу; древнѣйшіе миѳы латинянъ расказываютъ, что онъ когда то былъ царемъ въ Италіи, научилъ народъ земледѣлію и общежитію, и время его царствованія было золотымъ вѣкомъ на землѣ. Янусъ по этимъ миѳамъ первоначально является также благодѣтельнымъ царемъ; какъ божество онъ олицетворялъ собою солнце, а супруга его Яна (или Діана) луну. Онъ почитался охранителемъ городскихъ воротъ, и изображался съ двумя лицами, обращенными въ противуположныя стороны; такъ какъ всякія ворота обращены на наружную и внутреннюю сторону. (По другому объясненію это двуликое изображеніе произошло изъ того, что Янусъ почитался также богомъ времени, и взоромъ своимъ равно обнималъ прошедшее и будущее). Именемъ Януса назывался у римлянъ первый мѣсяцъ въ году или януарій. Веста, соотвѣтствовавшая греческой богинѣ Гестіѣ, олицетворяла домашній очагъ, и потому символомъ ея былъ огонь. Въ ея храмѣ постоянно поддерживался священный огонь жрицами или ве-

сталками, которыя давали обѣтъ навсегда сохранять себя дѣвами. Остатки древнѣйшихъ латинскихъ городовъ носятъ такой-же характеръ, какъ и циклопическія сооруженія Греціи, и слѣдовательно также указываютъ на пеласгическое происхожденіе латиновъ. Въ эпоху основанія Рима въ Лаціумѣ существовалъ союзъ 30 городовъ; главою союза былъ городъ Альба Лонга (къ юговостоку отъ Рима), расположенный на склонѣ Альбанской горы, образовавшейся изъ потухшаго вулкана. Основаніе этого города римскія преданія приписывали Асканію, сыну Энея, который послѣ разоренія Трои прибылъ въ Италію съ троянскими колонистами.

Сабельскіе народы занимали горы и долины центральныхъ Аппенинъ, оба склона ихъ къ морю и большую часть южной Италіи. Родоначальникомъ этихъ народовъ было суровое, воинственное племя Сабинянъ, сѣверныхъ сосѣдей Латиновъ. Многочисленность и распространеніе ихъ колоній объясняется существовавшимъ у нихъ обычаемъ такъ называемой „священной весны". Когда въ какой либо мѣстности обнаруживалось излишнее многолюдство или народу грозила какая нибудь опасность, тогда опредѣляли: все, что родится слѣдующею весною изъ людей и домашняго скота, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ должно оставить родную землю и искать другаго мѣста для поселенія. Если, послѣ большихъ трудовъ и усилій, колонистамъ удавалось пріобрѣсти себѣ новую родину, они образовывали тамъ отдѣльную общину, независимую отъ своей метрополіи. При такомъ способѣ колонизаціи сабинское племя распалось на многіе мелкіе народы, каковы: Самниты, Марсы, Марруцины, Френтаны, Пицены, Луканы, Эквы, Герники и др. Эти горные народы долгое время сохраняли простоту своихъ нравовъ, прилежно занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ; они обожали силы природы и отличались большою набожностію; особенностію ихъ религіи было гаданіе по полету птицъ. Общественное устройство у нихъ было патріархальное (родовое), т. е. управляли ими отцы семействъ или родона-

чальники. У нихъ не было дѣленія на классы господствующихъ и подчиненныхъ слѣдовательно не было и вражды сословій; знатные люди наравнѣ съ простыми обработывали свое поле собственными руками. Поэтому, при всей раздробленности своей и при недостаткѣ укрѣпленныхъ городовъ (они жили въ открытыхъ мѣстечкахъ и деревняхъ), эти народы впослѣдствіи оказали римлянамъ самое упорное сопротивленіе. Во время войны нѣсколько сосѣднихъ общинъ обыкновенно выбирали предводителя съ неограниченною властію (диктатора). Сабины, вошедшіе потомъ въ составъ юнаго римскаго народа, внесли въ характеръ римлянъ лучшія ихъ черты, т. е: энергію, стойкость и благочестіе.

Римъ построенъ на лѣвомъ берегу рѣки Тибра, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его устья. Онъ лежитъ въ странѣ холмовъ. Первое основаніе его было положено на холмѣ Палатинскомъ; потомъ онъ распространился по шести сосѣднимъ холмамъ (Капитолійскому, Авентинскому, Квиринальскому, Целійскому, Виминальскому и Эсквилинскому); отъ чего и названъ „семихолмнымъ“ городомъ. (Впослѣдствіи въ черту города вошелъ еще холмъ Яникульскій, лежащій на другой сторонѣ Тибра). Внутренняя крѣпость римская, Капитолій построенъ на холмѣ Капитолійскомъ; на томъ же холмѣ стоялъ храмъ главнаго римскаго бога Юпитера. Сторона этого холма, обращенная къ Тибру, представляла крутой обрывъ, извѣстный подъ именемъ Тарпейской скалы; отсюда свергали внизъ важныхъ государственныхъ преступниковъ. Въ долинѣ между холмами Палатиномъ и Авентиномъ находился самый старинный и самый огромный римскій циркъ („Большой циркъ“ или Circus Maximus) — выровненное и огороженное мѣсто, назначенное для бѣга колесницъ и коней. А между Палатиномъ и Капитоліемъ лежалъ главный римскій форумъ (такъ назывались городскія площади, служившія рынками и вообще мѣстами публичныхъ собраній); въ одной части его происходили собранія или комиціи плебеевъ, а въ другой собирались комиціи патриціевъ; эти ча-

сти раздѣлялись между собой платформой, съ которой ораторы говорили свои рѣчи народу. Къ сѣверу отъ Капитолія по берегу Тибра пролегала низменная, широкая площадь, такъ называемое Марсово поле; здѣсь римскіе юноши занимались военными упражненіями.

Частные дома въ древнемъ Римѣ отличались малыми размѣрами, простотою убранства и расположены были въ безпорядкѣ, такъ что правильныхъ прямыхъ улицъ долгое время не существовало. Но главное величіе города заключалось въ великолѣпныхъ общественныхъ постройкахъ, каковы: храмы, амфитеатры, термы, базилики, мосты, водопроводы, и пр. Въ позднѣйшее, цвѣтущее время Рима, говорятъ, онъ заключалъ въ себѣ до 400 храмовъ, и имѣлъ при Августѣ до 650,000 свободнаго населенія; а вмѣстѣ съ рабами оно простиралось до 1,300,000.

Основаніе Рима и древнѣйшая его исторія украшены многими баснословными преданіями или миѳами. Вотъ что расказывали позднѣйшіе римляне:

Въ Альбалонгѣ царствовалъ нѣкогда добродушный Нумиторъ; онъ былъ свергнутъ злымъ своимъ братомъ Амуліемъ. Послѣдній велѣлъ дочь Нумитора, Рею Сильвію, посвятить въ весталки, чтобы отъ нея не было никакого потомства. Но Рея Сильвія отъ Марса, бога войны, родила двухъ близнецовъ, *Ромула* и *Рема*. Амулій велѣлъ Рею Сильвію похоронить живую, какъ это дѣлали съ провинившимися весталками, а дѣтей ея отнести въ Тибръ. Одинъ пастухъ нашелъ корзину съ двумя малютками, и воспиталъ ихъ вмѣсто своихъ сыновей (Это преданіе напоминаетъ расказы о Моисеѣ и Кирѣ). Когда мальчики выросли, они узнали о своемъ происхожденіи, убили Амулія, и возвратили престолъ своему дѣду Нумитору. Но, полюбивъ безпокойный воинственный образъ жизни, братья не остались у дѣда; вмѣстѣ съ товарищами своими, молодыми пастухами, они удалились на холмъ Палатинскій, гдѣ нѣкогда нашелъ ихъ пастухъ, и рѣ-

шили построить здѣсь собственный городокъ. Тутъ они заспорили, чьимъ именемъ назвать городъ; во время спора Ромулъ убилъ Рема, и назвалъ городокъ своимъ именемъ. (Римъ по латынѣ: *Рома*). Основаніе города сопровождалось по обычаю разными религіозными обрядами. Между прочимъ Ромулъ запрегъ въ плугъ бѣлаго вола и бѣлую корову, и провелъ четырехъугольную борозду, которая обозначила мѣсто городскаго рва и вала; тамъ, гдѣ предполагалось поставить ворота, онъ приподнималъ плугъ (753 г. до Р. Х.).

Чтобы увеличить свой городъ, Ромулъ охотно принималъ къ себѣ бѣглецовъ и изгнанниковъ изъ латинскихъ и этрусскихъ городовъ, и началъ заселять ими прочіе холмы. Римъ сначала представлялъ только группы бѣдныхъ хижинъ, сдѣланныхъ изъ глины, покрытыхъ камышемъ или соломою. Скоро онъ началъ обогащаться отъ удачныхъ войнъ и набѣговъ на сосѣдніе народы, послѣ которыхъ римляне возвращались съ награбленною добычею. Чтобы достать себѣ женъ, они похищали у сосѣдей дѣвушекъ. Преданіе раскызываетъ, что однажды Ромулъ устроилъ военныя игры, и пригласилъ сосѣдей съ женами и дочерьми; но во время игръ римляне бросились на гостей, и отняли у нихъ женщинъ. Большая часть гостей была изъ племени Сабинянъ, и потому происшествіе это извѣстно подъ именемъ *Похищенія Сабинокъ.* Оскорбленные мужья и отцы потомъ пришли съ войскомъ; но похищенныя женщины уже привыкли къ своимъ римскимъ мужьямъ, и убѣдили обѣ стороны помириться; послѣ чего сабиняне, пришедшіе подъ начальствомъ своего царя Тита Тація, поселились подлѣ римлянъ на холмѣ Квиринальскомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Титъ Тацій былъ убитъ, и обѣ общины, римская и сабинская, соединились въ одну подъ управленіемъ Ромула; съ того времени, по словамъ преданія, граждане приняли названіе квиритовъ. (Это имя производятъ отъ города Куръ, изъ котораго пришли сабинскіе поселенцы).

Ромулъ старался окружить себя знаками царскаго достоинства. Такъ, по примѣру сосѣднихъ этрусскихъ царей, ког-

да онъ являлся народу, то впереди его шли двѣнадцать ликторовъ, и каждый несъ связку прутьевъ со вложенною въ нихъ сѣкирою; по знаку царя они немедленно наказывали провинившихся. Далѣе, Ромулъ учредилъ совѣтъ старѣйшинъ или *сенатъ* изъ 100 членовъ и постоянную конницу изъ 300 всадниковъ; остальные римляне составляли пѣшее войско. О смерти Ромула расказываютъ слѣдующее. Однажды онъ производилъ смотръ войску. Вдругъ поднялась сильная буря и произвела смятеніе; а когда буря прошла, царя уже не было. Народъ пришелъ въ безпокойство, подозрѣвая сенаторовъ въ убійствѣ царя; тогда одинъ сенаторъ объявилъ, что онъ видѣлъ Ромула восходящимъ на небо. Римляне причли его къ числу своихъ боговъ подъ именемъ Квирина.

По смерти Ромула (717 г. до Р. Х.) сенатъ въ продолженіи года управлялъ государствомъ; но притѣсняемый имъ народъ потребовалъ избранія новаго царя. Между римлянами и сабинянами по этому поводу произошелъ споръ, и рѣшено было, чтобы царя выбрали римляне, но изъ среды сабинянъ. Выборъ палъ на родственника Тита Тація, *Нуму Помпилія*. Преданіе описываетъ его человѣкомъ миролюбивымъ и набожнымъ; онъ является устроителемъ внутренняго порядка и религіозныхъ обрядовъ. Онъ построилъ алтари и храмы, установилъ религіозныя церемоніи, празднества, жертвоприношенія и раздѣлилъ жрецовъ на разные классы для служенія главнымъ божествамъ. Онъ старался также пріохотить римлянъ къ земледѣлію, роздалъ гражданамъ земли, завоеванныя Ромуломъ, и, чтобы внушить уваженіе къ собственности, посвятилъ грани полей особому божеству Термину. Миръ и тишина господствовали въ Римѣ во все долгое царствованіе Нумы Помпилія, и построенный имъ храмъ двуликаго Януса оставался затвореннымъ (онъ растворялся только во время войны).

Третій царь *Туллъ Гостилій* (673 г.) былъ также предпріимчивъ какъ Ромулъ, и значительно расширилъ владѣнія римлянъ. Въ его правленіе завоевана Альбалонга. Пре-

даніе расказываетъ, что два враждебныя войска условились рѣшить побѣду поединкомъ трехъ юношей съ каждой стороны. Изъ албанскаго лагеря вышли три брата Куріацієвъ, а изъ римскаго три брата Горацієвъ. Два Горація уже пали; но оставшійся третій братъ побѣдилъ всѣхъ Куріацієвъ, и жители Альбы должны были покориться; а потомъ Туллъ Гостилій разрушилъ ихъ городъ, и заставилъ ихъ всѣхъ переселиться въ Римъ, назначивъ имъ для того холмъ Целійскій. Съ паденіемъ Альбы, Римъ началъ присвоивать себѣ первое мѣсто въ средѣ латинскихъ городовъ. Удачно воюя съ сосѣдними народами, Туллъ Гостилій, оставлялъ въ небреженіи благочестіе и служеніе богамъ; за что, по словамъ преданія, навлекъ на себя гнѣвъ Юпитера, и былъ убитъ громомъ со всѣмъ своимъ семействомъ (642 г.).

Преемникъ его *Анкъ Марцій*, котораго называютъ внукомъ Нумы, возстановилъ религіозные обряды и церемоніи, и поощрялъ земледѣліе. Латины отложились отъ союза, заключеннаго съ Тулломъ Гостиліемъ. Анкъ Марцій побѣдилъ ихъ, взялъ нѣсколько городовъ, и жителей ихъ поселилъ на Авентинскомъ холмѣ. Онъ распространилъ римскія владѣнія до устьевъ Тибра, и построилъ тамъ гавань Остію.

Слѣдующій за нимъ царь *Тарквиній Древній* (Priscus) былъ сынъ одного знатнаго коринфскаго выходца, который переселился изъ Греціи въ Этрурію. Тарквиній со многими приверженцами оставилъ Этрурію, и переѣхалъ въ Римъ. Благодаря своему богатству, уму и военному мужеству, онъ пріобрѣлъ здѣсь общее расположеніе; такъ что Анкъ Марцій, умирая, назначилъ его опекуномъ своихъ дѣтей (617 г.). Но Тарквиній вскорѣ самъ былъ избранъ народомъ въ цари. Своими удачными войнами онъ увеличилъ римскія владѣнія, и заставилъ латинскіе города окончательно признать Римъ главою своего союза. Кромѣ того Тарквиній Древній знаменитъ великолѣпными сооруженіями, украсившими городъ. Такъ, онъ окружилъ его каменною стѣною, заложилъ основаніе Капитолійскому храму, посвященному тремъ боже-

ствамъ: Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ; устроилъ Большой циркъ и главный форумъ. Чтобы осушить низменныя мѣста въ городѣ, онъ провелъ широкій подземный каналъ или клоаку, выложенную внутри твердымъ плитнякомъ (т. наз. Cloaca maxima); это сооруженіе, замѣчательное по своей громадности и прочности, до сихъ поръ сохраняется въ цѣлости. Тарквинію приписываютъ введеніе въ Римѣ нѣкоторыхъ этрусскихъ обычаевъ и учрежденій, между прочимъ введеніе этрусской одежды и внѣшнихъ знаковъ верховной власти (пурпуровая тога, курульное кресло изъ слоновой кости и пр.). Число сенаторовъ онъ увеличилъ до 300, и удвоилъ число всадниковъ.

Послѣ долгаго и счастливаго царствованія Тарквиній Прискъ погибъ отъ убійцы, котораго подослали сыновья Анка Марція, мстившіе за лишеніе ихъ престола. (578). Супруга Тарквинія Танаквилла тотчасъ велѣла запереть ворота дворца, объявила народу, что царь только раненъ, и что онъ пока поручилъ управленіе зятю своему *Сервію Туллію*. Потомъ, когда смерть Тарквинія сдѣлалась извѣстною, Сервій Туллій былъ признанъ царемъ. Преданіе говоритъ, что онъ рожденъ отъ одной прекрасной женщины, которая была взята въ плѣнъ и потомъ служила рабынею у Танаквиллы (оттуда и прозваніе его Servius, отъ слова serva — рабыня). Воспитанный въ царскомъ дворцѣ, онъ въ юношескомъ возрастѣ отличился умомъ и храбростью, пріобрѣлъ любовь Тарквинія и Танаквиллы, получилъ руку ихъ дочери, и сдѣланъ былъ соправителемъ царя. Царствованіе свое Сервій Туллій ознаменовалъ въ особенности покровительствомъ плебеямъ, которые при немъ впервые получили нѣкоторыя гражданскія права.

Плебеями назывались новые жители Рима и его окрестностей, отчасти переселенные насильно изъ нѣкоторыхъ завоеванныхъ городовъ, отчасти приходившіе сюда добровольно изъ сосѣднихъ мѣстъ Лаціума и Этруріи. Они были лич-

но свободны *, занимались земледѣліемъ и ремеслами, платили подати, отправляли военную службу; но все еще считались иностранцами, а не гражданами, не имѣли участія въ управленіи и не получали доли въ общественной землѣ (ager publicus; такъ назывались земли завоеванныя у сосѣдей и считавшіеся собственностію государства, но раздаваемыя во временное пользованіе гражданамъ). Между тѣмъ новые жители Рима состояли не изъ однихъ бѣдныхъ простыхъ людей; въ ихъ числѣ находилось также не мало богатыхъ и знатныхъ переселенцевъ. Гражданами римскими считались только коренные потомки древнихъ римлянъ; они назывались *патриціями*, составляли высшій, господствующій классъ въ государствѣ, и не хотѣли смѣшиваться съ переселенцами. Патриціи захватывали въ свои руки пользованіе общественными полями; они одни занимали государственныя должности и собирались въ народное собраніе (comitium), гдѣ совѣщались о государственныхъ дѣлахъ. Патриціанская община имѣла уже замкнутый характеръ съ строго опредѣленнымъ устройствомъ. А именно. Она дѣлилась на три поколѣнія или „трибы": *Рамны* (потомки римлянъ основавшихъ городъ вмѣстѣ съ Ромуломъ), *Тиціи* (потомки сабинянъ пришедшихъ съ Титомъ Таціемъ) и *Люцеры* (имъ приписываютъ этрусское происхожденіе). Каждая триба подраздѣлялась на 10 курій; въ народномъ собраніи патриціи совѣщались, раздѣленные по куріямъ; отсюда эти собранія назывались комиціями куріальными (comitia curiata). Каждая курія состояла изъ 10 фамилій или родовъ (gentes); члены рода подраздѣлялись на старшихъ и младшихъ; изъ послѣднихъ выбирались всадники; а изъ первыхъ сенаторы, по одному отъ каждаго рода (названіе сена-

* Римляне въ первоначальную эпоху своей исторіи вообще не истребляли и не обращали въ рабство жителей завоеванныхъ городовъ; а оставляли имъ личную свободу и часть поземельной собственности, или селили ихъ въ Римѣ и впослѣдствіи допускали въ число собственныхъ гражданъ. Эта политика усвоенія новыхъ элементовъ послужила однимъ изъ главныхъ источниковъ римскаго могущества.

та произошло отъ senex — старикъ; сенаторы собственно назывались patres, т. е. отцы; откуда и слово „патриціи"). Родъ въ обширномъ смыслѣ обнималъ не однихъ только родственниковъ; къ нему относились и *кліенты*; такъ назывался классъ полусвободныхъ жителей, происшедшихъ изъ покоренныхъ туземцевъ и рабовъ отпущенныхъ на волю. Каждый кліентъ долженъ былъ имѣть между патриціями своего покровителя или патрона, который бы защищалъ его передъ судомъ и помогалъ бы ему въ затруднительныхъ случаяхъ; съ своей стороны кліентъ обязанъ былъ вездѣ поддерживать своего патрона, особенно въ денежномъ отношеніи, напримѣръ, помогатъ ему въ уплатѣ долговъ, въ снабженіи его дочерей приданымъ и пр.

Сначала классъ плебеевъ былъ незначителенъ; но съ теченіемъ времени онъ сильно увеличился и сдѣлался гораздо многочисленнѣе патриціевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ плебеи начали обнаруживать неудовольствіе на свое безправное положеніе въ государствѣ. Сервій Туллій рѣшился дать болѣе опредѣленное устройство плебейской общинѣ и сдѣлать первый шагъ къ уравненію плебеевъ съ патриціями. Онъ раздѣлилъ плебеевъ по мѣсту жительства на 30 трибъ: 4 городскихъ (безземельныя, ремесленныя) и 26 сельскихъ (земледѣльческія), и учредилъ въ каждой трибѣ плебейскія собранія (comitia tributa), въ которыхъ плебеи совѣщались о дѣлахъ, касавшихся ихъ общины. Далѣе, онъ раздѣлилъ патриціевъ и плебеевъ вмѣстѣ на пять *классовъ* по имуществу. Первый классъ заключалъ гражданъ имѣвшихъ не менѣе 100.000 ассовъ (около 10.000 руб. сереб. на наши деньги); второй не менѣе 75.000; потомъ: 50.000, 25.000 и 12.500. Каждый классъ онъ подраздѣлилъ на *центуріи*, которыя приблизительно были равны между собою не по числу членовъ, а по суммѣ ихъ имущества; поэтому число всѣхъ центурій въ первомъ классѣ было гораздо болѣе чѣмъ въ послѣдующихъ; а членовъ гораздо менѣе. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ распредѣлены были подати и вооруженіе, т. е. первые классы платили бо-

лѣе податей и отправляли военную службу въ болѣе тяжеломъ вооруженіи. (Вооруженіе перваго класса составляли: шлемъ, круглый мѣдный щитъ, панцырь, кольчуга, метательное копье и мечъ; къ первому классу отнесены и центуріи всадниковъ; второй классъ имѣлъ тоже вооруженіе, но безъ панцыря, а щитъ деревянный продолговатый; третій — безъ кольчуги, четвертый былъ уже легковооруженный — только копье и стрѣлы, а пятый — пращи). Всѣ имѣвшіе менѣе 12.500 ассовъ составили шестой класъ; они назывались *пролетаріи*, не отправляли военной службы и не участвовали въ народномъ собраніи. Сервій Туллій установилъ общія народныя собранія патриціевъ и плебеевъ на Марсовомъ полѣ для совѣщанія о самыхъ важныхъ дѣлахъ государства, напримѣръ, о войнѣ, о новыхъ законахъ и т. п. Граждане являлись сюда вооруженные, каждый сообразно своему классу, и подавали голоса не поголовно, а по центуріямъ, т. е. каждая центурія представляла одинъ голосъ; отчего эти собранія и назывались центуріатными (comitia centuriata). Рѣшеніе вопросовъ однако зависѣло преимущественно отъ перваго класса, и, если всѣ центуріи его были согласны между собою, то они уже составляли большинство трехъ голосовъ: такъ какъ въ первомъ классѣ было 98 центурій; а въ четырехъ прочихъ вмѣстѣ взятыхъ 95 центурій. Слѣдовательно и въ этихъ собраніяхъ аристократія, какъ самый богатый классъ, имѣла рѣшительный перевѣсъ; а большинство перваго класса конечно состояло изъ патриціевъ. Но для плебеевъ важно было уже и то, что они призывались къ совѣщанію о государственныхъ дѣлахъ на ряду съ патриціями, и признаны были теперь не иностранцами, а гражданами (хотя еще неполноправными).

Патриціямъ сильно не нравились эти учрежденія Сервія Туллія; они опасались также, чтобы царь не увеличилъ своей власти съ помощію благодарныхъ ему плебеевъ. Поэтому они составили заговоръ, и Сервій Туллій былъ убитъ собственнымъ зятемъ *Тарквиніемъ* (1535 г.). Послѣдній

сдѣлался царемъ и потомъ получилъ названіе *Гордаго*. Тарквиній Гордый велъ счастливыя войны, и докончилъ построеніе знаменитаго римскаго кремля или Капитолія. Но онъ хотѣлъ сдѣлать свою власть неограниченною, и началъ казнить патриціевъ. Сыновья его отличались высокомѣріемъ и буйнымъ характеромъ. Наконецъ онъ былъ сверженъ. Объ этомъ событіи расказываютъ слѣдующее.

Тарквиній осадилъ одинъ сосѣдній латинскій городъ (Ардею). Сыновья Тарквинія и знатные юноши, находившіеся при войскѣ, собирались иногда попировать, чтобы сократить скучное время осады. На одной такой пирушкѣ у нихъ зашелъ споръ, у кого жена лучше другихъ; всякій хвалилъ свою. Нѣкто Коллатинъ предложилъ тотчасъ сѣсть на коней и поѣхать посмотрѣть, чѣмъ занимаются ихъ жены. Предложеніе его было исполнено. Оказалось, что жены Тарквиніевыхъ сыновей пировали съ пріятельницами; а жена Коллатина, Лукреція, скромно занималась пряденіемъ шерсти вмѣстѣ съ своими служанками; за ней признали пальму первенства. Спустя нѣсколько дней, злой Секстъ, одинъ изъ сыновей Тарквинія, явился неожиданно въ домъ Лукреціи, и жестоко ее оскорбилъ. Лукреція не хотѣла перенести безчестье; она призвала мужа и родственниковъ, расказала имъ поступокъ Секста, и заколола себя кинжаломъ. Тогда патрицій Брутъ (притворявшійся дотолѣ безумнымъ, чтобы избѣжать преслѣдованій Тарквинія) схватилъ окровавленный кинжалъ Лукреціи, собралъ народъ, и произвелъ мятежъ. Рѣшено было отмѣнить царскую власть. Услыхавъ о томъ, Тарквиній поспѣшилъ въ Римъ; но нашелъ ворота его запертыми; онъ поскакалъ назадъ къ войску, но тамъ Брутъ предупредилъ его, и войско также возмутилось. Тарквиній былъ осужденъ на изгнаніе со всѣмъ семействомъ. (510 г. до Р. Х.)

Патриціи объявили Римъ республикой. Вмѣсто царя они стали избирать ежегодно изъ своей среды двухъ *консуловъ*, которые предводительствовали войскомъ и судили преступни-

ковъ. Право издавать законы принадлежало сенату и народному собранію. Государственныя должности по прежнему находились въ рукахъ патриціевъ; слѣдовательно Римъ сдѣлался республикою аристократическою. Первыми консулами были Брутъ и Коллатинъ.

Но Тарквиній не терялъ надежды воротить престолъ. Сначала онъ попытался возбудить междоусобіе въ самомъ Римѣ, гдѣ у него нашлись приверженцы, особенно между знатною молодежью, которая была недовольна строгостью республиканскихъ нравовъ. Составился заговоръ въ пользу изгнаннаго царя, но былъ открытъ, и заговорщики казнены. Въ числѣ ихъ находились сыновья Брута и родственники Коллатина. Брутъ безъ малѣйшаго колебанія произнесъ смертный приговоръ сыновьямъ; а Коллатинъ не обнаружилъ такой же твердости относительно своихъ родственниковъ, и долженъ былъ сложить свое достоинство. Мѣсто его заступилъ Валерій, прозванный *Попликола*, т. е. другъ народа. (Онъ покровительствовалъ плебеямъ и былъ ихъ любимцемъ).

Тарквинію удалось вооружить противъ римлянъ могущественнаго этрусскаго лукумона Порсену, царствовавшаго въ городѣ Клузіумѣ. Порсена подступилъ къ Риму съ праваго берега Тибра, и едва не ворвался въ городъ по Тибрскому мосту. Одинъ мужественный воинъ, Горацій Коклесъ, оборонялъ мостъ до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ сломанъ римлянами. Тогда Коклесъ бросился въ воду, и въ полномъ вооруженіи переплылъ на другой берегъ. Римскія легенды разсказываютъ еще другой примѣръ римскаго мужества. Нѣкто Муцій Сцевола пробрался въ этрусскій лагерь, и хотѣлъ умертвить Порсену; но по ошибкѣ убилъ одного изъ царскихъ приближенныхъ. Царь погрозилъ Муцію сжечь его живаго, если онъ не сознается въ томъ, что побудило его на убійство; Муцій въ доказательство своего презрѣнія къ смерти положилъ правую руку въ огонь, пылавшій на жертвенникѣ, и сказалъ, что онъ хотѣлъ убить самого царя и что 300 римскихъ юношей дали клятву пожертвовать собой

для этой цѣли. Порсена, какъ говорятъ римскіе историки, будто испугался угрозъ Муція и поспѣшилъ заключить миръ. Однако по этому миру римляне уступили ему часть своихъ владѣній, и дали заложниковъ.

Тарквиній Гордый сдѣлалъ еще попытку, и призвалъ на помощь Латинскій союзъ, который завидовалъ возвышенію Рима. Римляне выбрали *диктатора*, т. е. предводителя съ неограниченною властію, и побѣдили латинцевъ при Регильскомъ озерѣ (496 г.). Съ тѣхъ поръ во время опасности, внѣшней или внутренней, римляне обыкновенно выбирали диктатора, но не болѣе какъ на шесть мѣсяцевъ. Изъ такихъ диктаторовъ особенно прославился Цинцинатъ. Однажды римское войско было побѣждено и заперто храбрыми эквами въ горныхъ тѣснинахъ. Узнавъ о его отчаянномъ положеніи, римляне выбрали диктаторомъ уважаемаго патриція Цинцинната. Онъ былъ бѣденъ, и самъ обработывалъ свое поле; когда послы отъ сената пришли объявить ему объ избраніи, они нашли его за плугомъ. Цинцинатъ немедленно отправился на помощь войску, освободилъ его, и въ свою очередь такъ стѣснилъ непріятелей, что тѣ принуждены были выдать оружіе и пройти подъ ярмомъ (для этого втыкали въ землю два копья, а третье клали сверху). Окончивъ походъ, Цинцинатъ сложилъ диктаторскую власть, и опять воротился къ своему плугу (457 г.).

Частыя войны съ сосѣдями были очень разорительны для плебеевъ, которые платили подати и на свой счетъ отправляли военную службу; между тѣмъ поля ихъ по причинѣ походовъ часто оставались невоздѣланными. Отъ того многіе плебеи совершенно обѣдняли и впали въ большіе долги у патриціевъ. Пока продолжалась опасность со стороны Тарквинія, патриціи старались сохранять согласіе съ плебейскимъ сословіемъ. Но когда Тарквиній умеръ (495 г.), они измѣнили свою политику, и перестали соблюдать тѣ постановленія, которыя были изданы въ пользу плебеевъ. Отсюда начи-

нается знаменитая и долгая борьба плебеевъ съ патриціями, окончившаяся уравненіемъ ихъ правъ.

Патриціи съ особою суровостію пользовались законами о долгахъ; они обращали несостоятельныхъ должниковъ въ рабство или подвергали ихъ истязаніямъ. Плебеи роптали на свое тяжелое положеніе. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнія, они однажды отказались идти въ походъ противъ непріятелей, оставили Римъ, и ушли съ своими семействами на одинъ сосѣдній холмъ, названный Священною горою, гдѣ расположились лагеремъ и хотѣли основать собственный городъ (493. г.). Патриціи рѣшились сдѣлать уступки, и вошли въ переговоры съ плебеями. (Посланный отъ патриціевъ Мененій Агриппа сказалъ плебеямъ притчу о членахъ человѣческаго тѣла, возмутившихся противъ желудка). Послѣ многихъ убѣжденій плебеи согласились воротиться въ Римъ, но съ условіемъ, чтобъ имъ облегчили долги и чтобъ они изъ своей среды выбирали ежегодно двухъ народныхъ *трибуновъ*. Эти трибуны присутствовали въ сенатѣ, и могли однимъ словомъ veto (не позволяю) останавливать всякое рѣшеніе сената; особа ихъ считалась неприкосновенною, и двери ихъ дома никогда не запирались, чтобы каждый плебей могъ всегда требовать у нихъ помощи противъ притѣснителей. (Въ послѣдствіи число трибуновъ увеличилось до десяти).

Учрежденіе народныхъ трибуновъ сильно не нравилось многимъ патриціямъ. Одинъ сенаторъ, Маркъ Коріоланъ, совѣтовалъ воспользоваться наступившимъ голоднымъ временемъ и не продавать плебеямъ дешево хлѣбъ изъ государственныхъ магазиновъ, если они не откажутся отъ трибуновъ. Но трибуны позвали Коріолана на судъ народный. Гордый патрицій не явился, и былъ осужденъ на изгнаніе. Озлобленный этимъ онъ удалился къ сосѣднему племени Вольсковъ, и привелъ ихъ на Римъ. Послы отъ сената тщетно просили его о мирѣ; тогда собрались римскія матроны (знатныя женщины); вмѣстѣ съ Коріолановой матерью и женою, которая несла на рукахъ своихъ дѣтей, онѣ отправились въ его станъ,

и умоляли пощадить отечество. Коріоланъ не устоялъ противъ слезъ матери и жены, и отступилъ отъ города.

Дѣло Марка Коріолана, окончившееся въ пользу плебеевъ, показало имъ силу новаго учрежденія (т. е. трибуната), и ободрило ихъ въ стремленіи къ равноправности съ патриціями. Вмѣстѣ съ новыми завоеваніями римлянъ увеличивалась ихъ общественная земля или ager publicus (обыкновенно они отбирали у покоренныхъ жителей третью часть земли). Но пользованіе ею (арендованіе) патриціи исключительно присвоивали себѣ. Поэтому плебеи начали требовать *аграрныхъ* или полевыхъ законовъ, по которымъ имъ было бы предоставлено участіе въ общественныхъ поляхъ. Патриціи всѣми силами противились этому требованію (потому что безраздѣльное пользованіе общественными полями служило главнымъ источникомъ ихъ благосостоянія). Однако и въ ихъ средѣ иногда являлись благомыслящіе люди, принимавшіе сторону плебеевъ; но слишкомъ настойчивые поборники аграрныхъ законовъ обыкновенно подвергались жестокому мщенію со стороны патриціевъ *. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ по это-

---

* Такъ, консулъ Спурій Кассій первый предложилъ раздать плебеямъ въ собственность часть общественныхъ полей Опасаясь народнаго волненія, сенатъ принялъ его аграрные законы; но заранѣе рѣшился не приводить ихъ въ исполненіе. По окончаніи срока своего консульства Спурій Кассій былъ обвиненъ патриціями въ государственной измѣнѣ за сношенія съ непріятелями и въ намѣреніи достигнуть царской власти; его приговорили къ смертной казни (486 г.). Спустя нѣсколько лѣтъ, трибунъ Генуцій потребовалъ на судъ народный всѣхъ преемниковъ Спурія Кассія на консульствѣ за то, что они не исполнили сенатскаго опредѣленія объ аграрныхъ законахъ; но поутру въ день суда Генуцій найденъ мертвымъ въ своей постелѣ (473 г.). Патриціанская фамилія Фабіевъ приняла сторону плебеевъ въ томъ же вопросѣ; она подверглась преслѣдованію, и оставила городъ. Во время этого добровольнаго изгнанія Фабіи, въ числѣ 306 человѣкъ, съ нѣсколькими тысячами своихъ кліентовъ нѣкоторое время одни выдерживали войну съ вейентинцами; но разъ попали въ засаду и были всѣ истреблены. Говорятъ, только одинъ изъ Фабіевъ, оставшійся въ Римѣ по малолѣтству, воспрепятствовалъ прекращенію этой геройской фамиліи. Между противниками плебеевъ наиболѣе выдавалась своею суровостью патриціанская фамилія Аппіевъ Клавдіевъ.

му вопросу, вожди плебеевъ оставили пока въ сторонѣ аграрные законы, и начали добиваться другихъ гражданскихъ правъ.

Такъ какъ въ Римѣ еще не было писанныхъ законовъ, а судьями были только патриціи, то конечно плебеи много терпѣли отъ ихъ пристрастія въ судебныхъ дѣлахъ. Посредствомъ своихъ трибуновъ они потребовали, чтобы законы были написаны. (Первый внесъ это требованіе трибунъ Терентилъ Арса въ 461 г.). Послѣ многихъ споровъ сенатъ наконецъ согласился, и отправилъ трехъ мужей въ Грецію (вѣроятнѣе, въ греческія города Италіи) для изученія лучшихъ законодательствъ. По возвращеніи ихъ, для составленія новыхъ законовъ, выбраны были 10 патриціевъ, которыхъ облекли неограниченною властію; а всѣ другія власти въ республикѣ пока были устранены (450 г.). Къ концу года эти *децемвиры* изготовили десять мѣдныхъ таблицъ съ вырѣзанными на нихъ законами, которые и были утверждены народомъ въ центуріатскихъ комиціяхъ. Такъ какъ это законодательство еще не было окончено, то власть децемвировъ продолжили и на слѣдующій годъ; въ теченіе этого года они прибавили еще двѣ таблицы *.

---

* Вотъ нѣкоторыя черты изъ законовъ двѣнадцати таблицъ: Они подтверждаютъ за отцемъ семейства его неограниченную власть надъ своими рабами, дѣтьми и женой. За преступленія противъ личности они назначаютъ менѣе тяжкія наказанія сравнительно съ преступленіями противъ собственности: воръ, застигнутый ночью, можетъ быть убитъ безнаказанно, а также и днемъ, если онъ будетъ защищаться; кто подожжетъ складъ чужаго жита долженъ быть самъ сожженъ; несостоятельный должникъ можетъ быть проданъ въ рабство или разрубленъ на куски. Ложный свидѣтель и подкупленный судья должны быть сброшены (вѣроятно, съ Тарпейской скалы). Тутъ встрѣчаются и нѣкоторыя постановленія въ духѣ уравненія плебеевъ съ патриціями; напримѣръ: окончательный приговоръ въ уголовныхъ преступленіяхъ принадлежитъ центуріатнымъ комиціямъ, въ которыхъ участвовали патриціи и плебеи вмѣстѣ; противъ рѣшенія сановниковъ, и даже диктатора, можно всегда аппелировать въ народное собраніе. Но съ другой стороны законы 12 таблицъ проникнуты духомъ аристократическихъ привилегій; такъ, они подтверждаютъ запрещеніе брачныхъ союзовъ между патриціями и плебеями.

Но сами децемвиры, пользуясь своею властію, позволяли себѣ разныя обиды и насилія плебеямъ. Надменностію и жестокостію особенно отличался между ними Аппій Клавдій. Онъ вздумалъ завладѣть прекрасною Виргиніей, дочерью одного уважаемаго плебея, и съ этою цѣлью подговорилъ собственнаго кліента схватить Виргинію и объявить ее передъ судомъ своей невольницей. Судьею былъ самъ Аппій Клавдій, который и рѣшилъ дѣло въ пользу кліента. Тогда отецъ Виргиніи, чтобы избавить дочь отъ безчестья, вонзилъ ей въ сердце ножъ. Этотъ случай окончательно возмутилъ народъ; децемвиры были низвержены; Аппій Клавдій самъ лишилъ себя жизни въ темницѣ.

Вскорѣ потомъ, по предложенію трибуна Канулея, отмѣнена статья 12 таблицъ, запрещавшая браки между патриціями и плебеями (445). Тогда же трибуны потребовали и допущенія плебеевъ къ консульскому достоинству; но это требованіе встрѣтило упорное сопротивленіе со стороны патриціевъ. Наконецъ, угрожаемый народнымъ волненіемъ, сенатъ уступилъ но не вполнѣ: онъ положилъ вмѣсто двухъ консуловъ избирать ежегодно изъ обоихъ сословій шесть или восемь военныхъ трибуновъ съ консульскою властію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлили отъ консульства цензъ, т. е: надзоръ за оцѣнкой имущества гражданъ, управленіе государственными имуществами, надзоръ за нравами и высшую полицейскую власть въ городѣ; для этихъ обязанностей учредили особую должность *цензоровъ* (числомъ два), въ которую избирались только патриціи (443 г.). Частыя войны съ сосѣдями, главною своею тяжестью падавшія на плебеевъ, побудили наконецъ сенатъ назначить жалованье гражданамъ на время ихъ службы въ легіонахъ. Съ тѣхъ поръ легіонеръ менѣе чѣмъ прежде спѣшилъ воротиться къ своему полю, и могъ долѣе оставаться подъ знаменами. Благодаря этому обстоятельству, римляне вскорѣ окончили борьбу съ однимъ изъ самыхъ упорныхъ своихъ непріятелей, сосѣднимъ этрусскимъ городомъ Вейями. Осажденные римлянами и оставлен-

ные безъ помощи Этрусскимъ союзомъ, вейентинцы храбро защищались, и осада тянулась десять лѣтъ. Наконецъ Маркъ Камиллъ, выбранный диктаторомъ, взялъ городъ посредствомъ подкопа (395 г.). Въ награду Камиллъ получилъ пышный тріумфъ; но, нелюбимый за свою гордость, онъ навлекъ на себя обвиненіе трибуновъ въ утайкѣ нѣкоторой части изъ добычи, и, предупреждая народный приговоръ, добровольно удалился въ изгнаніе. Покидая родной городъ, онъ, по словамъ преданія, молилъ боговъ, чтобъ они скоро заставили неблагодарныхъ согражданъ пожалѣть о его отсутствіи. (Эта эгоистическая молитва была совершенно противуположна молитвѣ греческаго Аристида, изгнаннаго остракизмомъ). Вслѣдъ за тѣмъ, дѣйствительно, Римъ едва не погибъ отъ нашествія дикихъ варваровъ.

Многочисленное ополченіе сенонскихъ галловъ двинулось изъ Верхней Италіи въ Этрурію, и осадило городъ Клузіумъ, требуя отъ него уступки многихъ земель. Этрусскій союзъ въ то время уже распался; клузіумцы обратились за помощью къ римлянамъ. Послѣдніе отправили трехъ пословъ (изъ фамиліи Фабіевъ) для переговоровъ съ галлами. На вопросъ пословъ, по какому праву галлы требуютъ себѣ чужихъ земель, бреннъ (такъ назывался у галловъ предводитель) отвѣчалъ: „Мы носимъ свое право на остріѣ нашего меча. Храбрымъ принадлежитъ міръ“. Фабіи, не смотря на свое званіе пословъ, приняли участіе въ вылазкѣ осажденныхъ; при чемъ одинъ изъ нихъ убилъ одного изъ галльскихъ военачальниковъ. Галлы потребовали отъ римлянъ выдачи пословъ, но сенатъ отказалъ. Тогда бреннъ двинулся на Римъ. Римскіе легіоны встрѣтили галловъ на берегахъ рѣчки Аліи; но, приведенные въ замѣшательство дикимъ видомъ и воинственнымъ крикомъ варваровъ, римляне не выдержали ихъ стремительнаго нападенія, и обратились въ бѣгство.

Испуганные жители Рима большею частію удалились въ сосѣднія земли; только небольшая дружина подъ начальствомъ консула Манлія заперлась въ крѣпкомъ Капитоліѣ. Нѣсколько

десятковъ престарѣлыхъ сенаторовъ и жрецовъ не послѣдовали за другими, и обрекли себя на смерть; завернувшись въ свои бѣлыя тоги съ жезлами въ рукахъ, они сидѣли неподвижно въ креслахъ на площади, когда непріятели вошли въ городъ. Галлы сначала приняли ихъ за статуи; какой-то любопытный дернулъ одного старика за бороду; тотъ ударилъ его жезломъ, и былъ тотчасъ убитъ со всѣми товарищами. Римляне, затворившіеся въ Капитоліѣ, мужественно выдерживали осаду. Между тѣмъ многіе римскіе бѣглецы собрались въ городѣ Веяхъ. и выбрали диктаторомъ Камилла; но, чтобы избраніе было законно, требовалось утвержденіе сената; притомъ Камиллу предварительно должно было возвратить права гражданина, которыя онъ потерялъ вмѣстѣ съ своимъ изгнаніемъ. Одинъ молодой плебей вызвался отправиться въ Римъ; онъ переплылъ Тибръ, счастливо миновалъ непріятельскую стражу, взобрался на Капитолійскій холмъ, и, возвратясь тою же дорогою, принесъ въ Веіи утвержденіе Камилла. Галлы замѣтили слѣды отважнаго юноши, и хотѣли воспользоваться ими для внезапнаго нападенія на Капитолій. Преданіе расказываетъ, что однажды въ темную ночь они взобрались уже на стѣну; но гуси, посвященные богинѣ Юнонѣ, подняли такой крикъ, что Манлій съ товарищами проснулся, и сбросилъ со стѣны влезавшихъ непріятелей. Осажденные испытывали сильный голодъ; но и осаждавшіе также терпѣли во всемъ недостатокъ, потому что совершенно опустошили окрестную страну. Наконецъ бреннъ согласился заключить миръ за большое количество золота. Преданіе римское, чтобы смягчить непріятное для національной гордости воспоминаніе, расказываетъ при этомъ слѣдующее невѣроятное событіе. Когда вѣсили золото, бреннъ бросилъ на вѣсы свой мечъ, и воскликнулъ: „Горе побѣжденнымъ!“ Но въ эту минуту явился диктаторъ Камиллъ съ войскомъ изъ римскихъ бѣглецовъ, и сказалъ: „Не золотомъ, а желѣзомъ должны платить римляне!“. Произошло сраженіе, и галлы были разбиты (390 г.).

Когда галлы удалились, Римъ представлялъ такую печальную картину разрушенія, что плебеи не хотѣли возвращаться на свои мѣста, и думали переселиться въ другой городъ (въ Веіи). Съ трудомъ удалось сенату отклонить народъ отъ этого намѣренія и возстановить Римъ изъ развалинъ. Сенату въ особенности помогъ въ этомъ случаѣ Камиллъ, который за свои заслуги при возобновленіи города получилъ прозваніе „втораго основателя Рима". Сосѣдніе народы, эквы, вольски, латины и этруски, хотѣли воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ римлянъ послѣ галльскаго нашествія и уничтожить свою зависимость; но побѣды Камилла скоро заставили ихъ смириться.

Между тѣмъ, едва прошла внѣшняя опасность и едва Римъ наскоро обстроился, какъ въ самомъ городѣ возобновились внутреннія несогласія. Плебеямъ трудно было оправиться отъ разоренія, причиненнаго галльскимъ нашествіемъ; для хозяйственнаго обзаведенія и для уплаты налоговъ они принуждены были прибѣгать къ займамъ, и вошли въ большіе долги у патриціевъ. А послѣдніе старались воспользоваться такимъ положеніемъ плебеевъ, что бы возвратить свое прежнее господствующее значеніе; они стали съ большою строгостію примѣнять законы о долгахъ, т. е. обращали несостоятельныхъ должниковъ въ своихъ рабовъ, заключали ихъ въ оковы, подвергали побоямъ и тяжкимъ работамъ. Въ это время одинъ изъ аристократовъ, именно Манлій Капитолійскій (тотъ самый, который защищалъ Капитолій отъ галловъ) явился покровителемъ и другомъ бѣдныхъ людей: онъ выкупалъ несостоятельныхъ должниковъ, и даже началъ домогаться постановленія о совершенномъ отпущеніи долговъ. Патриціи возненавидѣли его, и обвинили въ стремленіи къ царской власти; онъ былъ приговоренъ къ смертной казни и сброшенъ съ Тарпейской скалы, а домъ его разрушенъ до основанія и сравненъ съ землею. Послѣ того оппозиція плебеевъ была еще болѣе подавлена, и Риму грозило утвержденіе па-

трицiанской олигархiи *. Отъ этой опасности Римъ былъ спасенъ мирнымъ внутреннимъ переворотомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Лициніевыхъ законовъ.*

Два мужа изъ числа зажиточныхъ плебеевъ, Кай Лициній Столонъ и Люцій Секстій Латеранъ, связанные между собой тѣсною дружбою, будучи выбраны въ число народныхъ трибуновъ, возобновили вопросъ объ аграрныхъ законахъ и о расширеніи политическихъ правъ плебейскаго сословія (376 г.). А именно, они внесли слѣдующія предложенія (или, какъ называлось въ Римѣ, *рогаціи*): 1, Отмѣнить военныхъ трибуновъ и на будущее время избирать опять двухъ консуловъ, съ тѣмъ что бы одинъ консулъ былъ непремѣнно изъ плебеевъ. 2, Никто изъ гражданъ не можетъ получать въ аренду болѣе 500 югеровъ изъ общественныхъ полей, и не долженъ высылать на общественныя пастбища болѣе 100 головъ крупнаго скота и 500 мелкаго; все остальное количество общественныхъ земель раздѣлить на небольшіе участки и раздать бѣднымъ плебеямъ въ полную собственность, на каждое семейство по 7 югеровъ (около 2 нашихъ десятинъ). 3, Уплаченные по долгамъ проценты зачесть въ долговой капиталъ, а оставшійся долгъ погасить въ трехгодовые сроки. (Надобно замѣтить, что проценты считались у древнихъ римлянъ, какъ вообще у земледѣльческихъ народовъ,

---

* Т. е. того образа правленія, который обыкновенно поддерживается жестокими мѣрами противъ всякихъ попытокъ къ перемѣнамъ, ведетъ къ застою, къ испорченности самой аристократіи, къ угнетенію низшихъ классовъ, и доводитъ государство до крайней слабости и упадка; такъ, напримѣръ, было въ древней Спартѣ и впослѣдствіи въ Венеціанской республикѣ. До сихъ поръ борьба двухъ римскихъ сословій, при своемъ умѣренномъ характерѣ, поддерживала ихъ въ равновѣсіи и способствовала постепенному развитію государственнаго устройства и внутренней силы Рима. Исключительное господство одного сословія остановило бы это развитіе, и тогда Римъ не могъ бы выполнить свое историческое назначеніе: объединить сначала Италію, а потомъ собрать земли и народы, которымъ суждено главное участіе въ дальнѣйшей исторіи человѣчества.

дѣломъ дурнымъ; „ростовщикъ, говорили они, хуже убійцы").

Эти предложенія двухъ трибуновъ встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны патриціевъ; сенатъ прибѣгъ къ подкупу остальныхъ трибуновъ, которые своимъ veto останавливали дѣло, предпринятое ихъ товарищами. Но плебеи цѣлыя десять лѣтъ выбирали трибунами Лицинія и Секстія, которые съ своей стороны произносили veto противъ избранія высшихъ сановниковъ, и государство въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ управлялось такъ-называемыми *междуцарями* (interreges). Однако Лициній и Секстій во время своей энергической борьбы съ патриціями не выходили изъ предѣловъ умѣренности: они не возбуждали народъ къ насильственному перевороту или къ междоусобію; а во время внѣшней опасности прекращали свою оппозицію и способствовали единодушному ополченію римлянъ противъ непріятелей. Когда Лициній и Секстій съ помощію новыхъ трибуновъ добились единодушія въ самой коллегіи своихъ товарищей, сенатъ обратился къ послѣднему средству: онъ выбралъ въ диктаторы знаменитаго Камилла. Но и это не помогло; плебеи угрожали опять удалиться на Священную гору. Тогда самъ Камиллъ началъ хлопотать о примиреніи сословій, и законы Лицинія были наконецъ утверждены сенатомъ (367 г.). Люцій Секстій первый изъ плебеевъ выбранъ въ консулы. Въ память этого примиренія, престарѣлый Камиллъ далъ обѣтъ построить храмъ богинѣ Согласія *.

---

* Римскіе историки не отдали должной справедливости заслугамъ Лицинія и Секстія. Первоначальнымъ побужденіемъ къ ихъ предпріятію, по расказу Тита Ливія, будто бы послужило женское тщеславіе. А именно: Нѣкто патрицій Фабій Амбустъ, бывшій военный трибунъ, выдалъ старшую изъ своихъ дочерей за патриція, а младшую, Фабію, за плебея Лицинія Столона. Однажды Фабія посѣтила свою сестру, и была испугана внезапнымъ стукомъ у дверей. Оказалось, что этимъ стукомъ ликторы возвѣщали прибытіе хозяина дома, воротившагося со службы (онъ занималъ тогда должность военнаго трибуна). Старшая сестра подсмѣялась надъ младшей за то, что

Прежде чѣмъ уступить плебеямъ, патриціи отдѣлили отъ обязанностей консуловъ судебную власть, и учредили для нея должность *преторовъ*; кромѣ того учредили для городской полиціи *курульныхъ эдиловъ*; обѣ эти должности были предоставлены сначала исключительно патриціямъ. Но со времени Лициніевыхъ законовъ быстрѣе чѣмъ прежде пошло движеніе къ уравненію сословій. Такъ, во время новаго нашествія галловъ и войны съ этрусками, Маркъ Рутилій былъ первый изъ плебеевъ выбранъ въ диктаторы (356 г.), а потомъ и въ цензоры. Вскорѣ плебеямъ сдѣлались доступны должности преторовъ и эдиловъ, а наконецъ и высшій жреческій санъ понтифексовъ и авгуровъ (302). Такимъ образомъ плебеи совершенно сравнялись въ своихъ правахъ съ патриціями, и слились съ ними въ одно сословіе „римскихъ гражданъ" *.

она, вышедши замужъ за плебея, забыла патриціанскіе обычаи. Подобная насмѣшка сильно затронула самолюбіе Фабіи, и она съ тѣхъ поръ не давала покою своему мужу, возбуждая его добиваться высшаго государственнаго сана.

По поводу этого расказа знаменитый Нибуръ замѣчаетъ, въ своей «Римской Исторіи», что недоброжелательство часто приписываетъ великимъ людямъ мелочныя побужденія и причины (что бы уменьшить ихъ заслугу въ глазахъ потомства), и что приведенный расказъ противорѣчитъ самъ себѣ: Отецъ Фабіи занималъ прежде должность военнаго трибуна; слѣдовательно стукъ ликторовъ былъ ей хорошо знакомъ. Дѣло въ томъ, что римскія лѣтописи, которыми пользовался Титъ Ливій для своей исторіи, составлялись патриціями; а послѣдніе недружелюбно относились къ виновникамъ Лициніевыхъ законовъ.

Нибуръ, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, находитъ также, что извѣстіе Ливія о десятилѣтней борьбѣ за эти законы преувеличено, и что она продолжалась не десять, а пять лѣтъ.

* «Уравненіе правъ было слѣдствіемъ многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, и между ними должно поставить на первомъ мѣстѣ оригинальный составъ плебейскаго сословія. Будь всѣ плебеи только крестьяне и ремесленники, тогда они едвали достигли бы равноправности. Простые люди, по-

IX. РАСПРОСТРАНЕНІЕ РИМСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА И ПЕРЕМѢНА НРАВОВЪ.

Войны съ латинами и самнитянами. Тарентинцы и Пирръ. Начало Пуническихъ войнъ. Построеніе флота. Регулъ. Покореніе сѣверной Италіи. Аннибалъ. Его походъ на Италію. Фабій Максимъ. Битва при Каннахъ. Твердость римлянъ. Сципіонъ Африканскій. Судьба Аннибала. Покореніе Македоніи и Греціи. Разрушеніе Карфагена. Дѣла въ Испаніи. Римскій характеръ. Перемѣна нравовъ. Рабство. Цензоръ Катонъ. Оптиматы и пролетаріи. Тиверій Гракхъ. Возобновленіе аграрныхъ законовъ. Кай Гракхъ.

Вмѣстѣ съ сліяніемъ двухъ сословій настала самая славная эпоха Римской республики. Правительственный классъ составился изъ людей отправлявшихъ высшія государственныя должности и изъ ихъ потомковъ; они получили общее названіе „знатныхъ“ (nobiles); но не пользовались никакими исключительными правами; уваженіе къ нимъ народа основывалось на ихъ заслугахъ. Всякій бѣдный, но достойный граж-

---

лагающіе свои силы на трудъ насущный, не могутъ успѣшно заниматься общественными дѣлами. Какъ бы ни было сильно и даровито крестьянство но уедините его отъ высшихъ классовъ, пользующихся бо̀льшимъ достаткомъ, образованіемъ и досугомъ, и вы непремѣнно увидите, что крестьянство окажется неспособнымъ къ самоуправленію. Римскіе плебеи были обязаны своими успѣхами на политическомъ поприщѣ тому обстоятельству, что вслѣдствіе особенности своего происхожденія, состояли не изъ однихъ простыхъ людей, а считали въ своей средѣ много людей богатыхъ и знатныхъ, которые предводительствовали ими и были такъ сказать правительственнымъ классомъ плебейскаго сословія. Изъ этихъ знатныхъ и богатыхъ плебеевъ выходили плебейскіе трибуны и вообще люди, отстаивавшіе интересы сословія и управлявшіе его дѣлами. Римскіе крестьяне хорошо вели свои дѣла, и наконецъ достигли политической и гражданской полноправности лишь благодаря тому, что имѣли этихъ людей въ своей главѣ». *(О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ*—Леонтьева).

данинъ могъ достигнуть высшихъ должностей и занять видное мѣсто въ средѣ знатныхъ. Правленіе римской знати въ то время было истинной *аристократіей* (что значитъ: правленіе лучшихъ). Слѣдствіемъ такого правленія были успѣхи внутренняго благосостоянія и быстрое развитіе внѣшняго могущества. Итальянскіе народы тщетно стараются остановить разливъ римскаго владычества на полуостровѣ; одинъ за другимъ, они принуждены покориться, и войны съ ними оканчиваются объединеніемъ Италіи подъ властію Рима.

Главнымъ врагомъ этого объединенія и защитникомъ отдѣльной самобытности явились храбрые, свободолюбивые горцы Самніума; римляне должны были выдержать противъ нихъ самую трудную и упорную борьбу.

Поводомъ къ началу борьбы съ ними послужила богатая этрусская колонія Капуа. Тѣснимые самнитянами, капуанцы отдались подъ покровительство Рима, и признали его господство надъ собою. Римляне отправили два войска подъ начальствомъ двухъ консуловъ (Валерія Корва и Корнелія Косса), одно въ Кампанію, другое въ Самнитскія горы. Оба консула одержали побѣды надъ непріятелемъ. *Первая Самнитская война* была непродолжительна (343—341). Угрожаемые возстаніемъ латиновъ, римляне отказались пока отъ Капуи, и заключили миръ съ самнитянами.

Латинскіе города, признавшіе гегемонію римлянъ въ своемъ союзѣ и выставлявшіе имъ вспомогательныя войска, потребовали себѣ равныхъ правъ съ римскими гражданами; а именно, чтобы одинъ консулъ и часть сенаторовъ были выбираемы изъ латиновъ. Римляне отказали, и началась *Латинская война*. Риму на этотъ разъ пришлось сражаться съ людьми, которые прежде служили въ его легіонахъ, привыкли къ римской дисциплинѣ, и имѣли одинаковое съ римлянами вооруженіе и военное устройство. Римскимъ войскомъ начальствовали консулы Манлій Торкватъ и Децій Мусъ. Первый отличался необыкновенно строгимъ наблюденіемъ военной дисциплины. Собственный сынъ Манлія безъ позво-

ленія консула вышелъ на поединокъ съ однимъ изъ непріятельскихъ предводителей, и побѣдилъ его; тѣмъ не менѣе Манлій Торкватъ велѣлъ своимъ ликторамъ отрубить сыну голову. Другой консулъ, Децій Мусъ, добровольно обрекъ себя гибели. Во время главной битвы съ латинами (у подошвы горы Везувія, въ 340 г.) римляне поколебались. Тогда Децій Мусъ призвалъ жреца, и велѣлъ произнести надъ собою заклинанія, которыя обрекли его въ жертву подземнымъ богамъ. Потомъ, надѣвъ бѣлую одежду, онъ сѣлъ на коня, и бросился въ средину латинскихъ легіоновъ. Онъ погибъ; но его самопожертвованіе удвоило мужество римлянъ, и они остались побѣдителями. Латины защищались еще около двухъ лѣтъ; наконецъ возстаніе было сломлено, и города ихъ одинъ за другимъ принуждены сдаться (338 г.). Римское правительство поступило при этомъ съ замѣчательною дальновидностію: чтобы разъединить латиновъ на будущее время, оно давало имъ миръ на различныхъ условіяхъ. Ближайшимъ къ Риму городамъ даровано римское гражданство съ правомъ голоса въ римскихъ комиціяхъ; другіе получили гражданство безъ этого права голоса, третьи получили его еще съ бо́льшими ограниченіями; четвертые должны были принять римскія колоніи, которыя имѣли значеніе военныхъ гарнизоновъ.

Во время Латинской войны самниты были союзниками римлянъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, эти два народа снова столкнулись другъ съ другомъ въ стремленіи завладѣть плодоносной Кампанской равниной. Началась *Вторая Самнитская война* (326 г.), и вскорѣ приняла жестокій характеръ. Однажды самниты, предводимые Понціемъ, завлекли римскихъ консуловъ съ ихъ легіонами въ Кавдинскія ущелья, и такъ ихъ стѣснили, что римляне положили оружіе, заключили миръ и прошли подъ ярмомъ. Но сенатъ отвергнулъ миръ, и выдалъ непріятелямъ консуловъ, преступившихъ предѣлы своей власти. (Самниты не приняли ихъ, и притомъ великодушно пощадили заложниковъ). Чтобы загладить свой позоръ, римляне продолжали войну съ усиленною энергіей, и вскорѣ взяли

рѣшительный перевѣсъ надъ самнитами. Послѣднимъ удалось поднять противъ Рима и другіе народы Италіи, именно этрусковъ, умбровъ, герниковъ, эквовъ и пр.; но римляне всюду остались побѣдителями. Главными героями этой войны изъ числа римскихъ военачальниковъ явились Папирій *Курсоръ* (бѣгунъ) и Фабій Максимъ *. Самнитяне принуждены просить мира (305).

Но вскорѣ они снова поднялись въ союзѣ съ этрусками и умбрами. (299 г. Это собственно *Третья Самнитская война*). Римскіе легіоны вторглись въ Самніумъ, и подвергли его страшному опустошенію. Тогда самниты, оставивъ свои горы, двинулись въ Умбрію на соединеніе съ своими союзниками, и призвали еще на помощь сенонскихъ галловъ. Опасность для римлянъ была велика; они вооружили почти всѣхъ людей способныхъ носить оружіе. Вновь выбранный консуломъ, Фабій Максимъ сначала искуснымъ движеніемъ въ Этрурію отвлекъ этруссковъ отъ соединенія съ самнитами; а потомъ поспѣшилъ въ Умбрію, и здѣсь вмѣстѣ съ другимъ

---

* Замѣчательны взаимныя отношенія этихъ двухъ мужей Папирій Курсоръ однажды былъ выбранъ диктаторомъ; а начальникомъ конницы былъ у него Фабій Максимъ. Отлучившись на время въ Римъ, Курсоръ оставилъ войско въ распоряженіи Фабія, но запретилъ ему вступать въ битву до своего возвращенія. Однако пылкій Фабій, при одномъ непріятельскомъ нападеніи, вышелъ изъ укрѣпленнаго лагеря, сразился и одержалъ побѣду. Строгій хранитель древней римской дисциплины, Курсоръ изрекъ надъ нимъ смертный приговоръ; но Фабій спасся бѣгствомъ въ Римъ. Курсоръ послѣдовалъ за нимъ, что бы привести приговоръ въ исполненіе; сенатъ и весь народъ едва умолили его простить Фабія. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Фабій Максимъ въ санѣ консула побѣдоносно сражался въ Этруріи, товарищъ его, т. е. другой римскій консулъ, былъ окруженъ въ Самнитскихъ горахъ непріятелями и отрѣзанъ отъ всякаго сообщенія съ Римомъ. Сенатъ счелъ нужнымъ выбрать опять диктаторомъ Папирія Курсора, грозу самнитянъ. Но для этого избранія требовалось согласіе консуловъ. Послали къ Фабію въ Этрурію. Фабій принялъ пословъ поздно вечеромъ, и, выслушавъ ихъ просьбу, удалился безъ отвѣта. Очевидно въ душѣ его происходила сильная борьба личной непріязни съ гражданскимъ долгомъ. Послѣдній взялъ верхъ. На слѣдующее утро Фабій торжественно объявилъ посламъ объ избраніи Папирія Курсора диктаторомъ.

консуломъ, Деціемъ Мусомъ Младшимъ, далъ рѣшительную битву галло-самнитскому ополченію при городкѣ Сентинумѣ. Лѣвое крыло, предводимое Деціемъ, поколебалось отъ стремительнаго натиска галловъ и ихъ боевыхъ колесницъ. Тогда Децій Мусъ Младшій, по примѣру своего отца, посвятилъ себя подземнымъ богамъ, и ринулся въ среду непріятелей. Но на галловъ это посвященіе не произвело такого впечатлѣнія, какъ на латиновъ (имѣвшихъ одинакія религіозныя вѣрованія съ римлянами), и только, благодаря искусству Фабія, непріятели потерпѣли здѣсь совершенное пораженіе (295). Самнитяне однако не упали духомъ; они еще нѣсколько лѣтъ мужественно боролись съ Римомъ, и иногда не безъ успѣха; такъ, вновь выбранный ими въ предводители Понцій, герой Кавдинскихъ ущелій, нанесъ пораженіе консулу Фабію, сыну упомянутаго Фабія Максима. По просьбѣ послѣдняго, сенатъ не отнялъ начальство у молодаго Фабія и позволилъ отцу сопровождать сына въ походъ. Руководимый престарѣлымъ героемъ, сынъ его вскорѣ одержалъ большую побѣду; благородный Понцій, взятый въ плѣнъ, въ оковахъ слѣдовалъ за колесницей побѣдителя во время тріумфальнаго вступленія въ Римъ, и потомъ, къ стыду римлянъ, обезглавленъ. Наконецъ сопротивленіе самнитянъ и ихъ союзниковъ было сломлено. При всей своей многочисленности, враждебные Риму итальянскіе народы страдали недостаткомъ единодушія въ борьбѣ съ римлянами; тогда какъ послѣдніе кромѣ мужества и энергіи имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ единства дѣйствія (т. е. перевѣсъ правительственной централизаціи, которая безусловно распоряжалась всѣми силами государства, и, смотря по надобности, устремляла ихъ въ ту или другую сторону). Консулъ Курій Дентатъ принудилъ самнитянъ просить мира и признать себя въ зависимости отъ римлянъ (290). Послѣ того около десяти лѣтъ продолжалась еще побѣдоносная борьба римлянъ съ этрусками и галлами. Этрусскіе города покорились Риму, и получили миръ на довольно выгодныхъ условіяхъ, т. е. большею частію сохранили свое прежнее устрой-

ство: римляне спѣшили окончить войну на сѣверѣ, потому что имъ предстояла въ то время новая война на югѣ.

Греческая колонія Туріумъ въ южной Италіи (близъ древняго Сибариса), тѣснимая луканцами, отдалась подъ защиту Рима, и приняла въ свои стѣны римскій гарнизонъ. Богатая Тарентинская республика встревожилась такимъ близкимъ сосѣдствомъ римскаго владычества, уничтожила римскую эскадру, появившуюся въ Тарентинскомъ заливѣ, и выгнала римскій гарнизонъ изъ Туріума. Началась война (280 г.).

Тарентинцы наняли въ свою службу Пирра, царя эпирскаго, который слылъ за отличнаго полководца и старался подражать Александру Македонскому. Пирръ высадился въ Италію съ опытнымъ войскомъ и 20 боевыми слонами. Первая битва (при Гераклеѣ) была неудачна для римлянъ; когда появились слоны съ башнями на спинѣ, откуда воины бросали стрѣлы, кони римскихъ всадниковъ испугались и произвели смятеніе. Римляне отступили. Однако Пирръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на ихъ мужество и отличный боевой порядокъ. Его потери были такъ велики, что послѣ второй битвы (при Аскулумѣ) онъ воскликнулъ: „еще одна такая побѣда, и я останусь безъ войска!“ Пирръ предлагалъ миръ съ тѣмъ, чтобы римляне отказались отъ южной Италіи. Тщетно было краснорѣчіе его посла Кинеаса, ученика Демосфенова; сенатъ отвергъ предложеніе. (Сенатъ римскій произвелъ такое впечатлѣніе на Кинеаса, что по его словамъ, показался ему „собраніемъ царей“. Вообще доблести римлянъ возбуждали невольное удивленіе между греками, которыхъ нравы въ то время уже отличались испорченностію. Такъ, Пирръ пораженъ былъ чрезвычайною честностію консула Фабриція, котораго напрасно пытался подкупить). Между тѣмъ римляне пріучились сражаться противъ слоновъ, употребляя для этого стрѣлы, обернутыя зажженой паклей съ дегтемъ; животные въ испугѣ бросались назадъ и топтали собственное войско. Наконецъ подъ начальствомъ Курія Дентата римляне нанесли Пирру рѣшительное пораженіе при городѣ Малевентѣ (это

названіе означаетъ „Дурной климатъ“; но со времени побѣды надъ Пирромъ римляне переименовали его въ Беневентъ, т. е. „Хорошій климатъ“). Пирръ послѣ того удалился изъ Италіи. Тарентъ сдался римлянамъ (272 г.); а за нимъ покорились и остальные города Великой Греціи и южно-итальянскіе народы. Новыя завоеванія римляне, по обычной своей политикѣ, старались укрѣпить за собою разъединеніемъ покоренныхъ, т. е. дарованіемъ мира на различныхъ правахъ и основаніемъ военныхъ колоній (изъ бѣднѣйшихъ римскихъ гражданъ) въ наиболѣе важныхъ пунктахъ.

Покореніе южной Италіи повело за собою желаніе овладѣть и сосѣднимъ богатымъ островомъ Сициліей. Но тутъ римляне должны были вступить въ борьбу съ Карфагенской республикой, которая владѣла западною половиною Сициліи и стремилась подчинить себѣ весь островъ. Обѣ республики, Римская и Карфагенская, достигли въ то время замѣчательнаго развитія своихъ силъ. Богатствомъ своимъ и обширностью владѣній карфагеняне превосходили римлянъ; но для борьбы положеніе послѣднихъ было выгоднѣе. Ихъ государство представляло сосредоточенную вокругъ Рима, сплошную массу народовъ, населявшихъ Апеннинскій полуостровъ. Хотя итальянскіе народы еще недавно покорились римлянамъ; но они были имъ родственны по происхожденію и успѣли уже привыкнуть къ господству Рима, благодаря его мудрой политикѣ: по большой части онъ оставлялъ имъ прежнее ихъ устройство и не обременялъ ихъ поборами, требуя только людей для военной службы; съ утвержденіемъ римскаго владычества наступилъ на полуостровѣ миръ и безопасность, а вмѣстѣ съ ними увеличились успѣхи земледѣлія и торговли. Между тѣмъ владѣнія карфагенянъ тянулись на далекое пространство вдоль сѣверной Африки; но онѣ представляли довольно узкую береговую полосу, не углублялись внутрь материка и были всюду доступны внѣшнему нападенію. Притомъ подозрительная, корыстолюбивая политика Карфагена въ отношеніи къ покореннымъ племенамъ не могла примирить

туземцевъ съ его владычествомъ; будучи народомъ по преимуществу коммерческимъ, карфагенане старались извлекать изъ своихъ владѣній какъ можно болѣе доходовъ; они не дозволяли въ провинціяхъ укрѣплять города изъ опасенія, что-бъ эти укрѣпленія не сдѣлались опорными пунктами для возстанія; но вслѣдствіе того провинціи оставались беззащитны противъ внѣшнихъ непріятелей. Въ твердости и силѣ своей власти правительство карфагенское далеко уступало римскому сенату; а пестрыя, безпорядочныя толпы африканскихъ наемниковъ конечно не могли идти въ сравненіе съ гражданскими легіонами Рима, привыкшими къ строгой дисциплинѣ и проникнутыми высокимъ патріотическимъ духомъ.

Поводомъ къ началу борьбы послужило слѣдующее обстоятельство. По смерти сиракузскаго тиранна Агаѳокла, его наемники, извѣстные подъ именемъ мамертинцевъ (Мамерціумъ — городъ въ южной Италіи), захватили городъ Мессану, истребили всѣхъ мужчинъ, и, завладѣвъ ихъ женами и имуществомъ, основали здѣсь свою республику. Сосѣднія мѣстности Сициліи много страдали отъ ихъ разбоевъ, пока они непотерпѣли нѣсколькихъ пораженій отъ новаго сиракузскаго тиранна Гіерона. Стѣсненные Гіерономъ, мамертинцы обратились въ Римъ съ просьбою о помощи. Но въ то время, какъ римскій сенатъ колебался вступить въ союзъ съ разбойниками, часть мамертинцевъ отдалась подъ покровительство карфагенянъ. Тогда римляне отправили войско, которое въ одну темную ночь переправилось черезъ Мессинскій проливъ, прогнало карфагенянъ отъ стѣнъ города, и принудило Гіерона къ союзу съ Римомъ. Такъ началась *Первая Пуническая война* (264 — 241). (Карфагеняне назывались у римлянъ пунами; оттуда и названіе войнъ пуническими).

Римляне отняли у карфагенянъ большую часть ихъ владѣній въ Сициліи; но за то карфагенскій флотъ безнаказанно опустошалъ берега Италіи, вредилъ ея морской торговлѣ, и сильно затруднялъ сообщенія съ островомъ. Что бы упрочить новыя завоеванія, римлянамъ необходимо было завести

собственный сильный флотъ; до сихъ поръ они имѣли только небольшое число триремъ или трехпалубныхъ судовъ, набранныхъ въ греческихъ городахъ южной Италіи. Римляне рѣшили сдѣлать чрезвычайныя усилія, и въ два мѣсяца построили и вооружили 120 большихъ, пятипалубныхъ или пятиярусныхъ кораблей (такъ наз. пентеры: гребцы ихъ съ обѣихъ сторонъ расположены были въ пять рядовъ, одинъ рядъ надъ другимъ). Къ этимъ кораблямъ они присоединяли еще собственное изобрѣтеніе — абордажные мосты, которые перебрасывали на непріятельскіе суда, и, при помощи ихъ, сражались какъ на сушѣ. * Благодаря такому устройству, римской консулъ Дуилій одержалъ надъ карфагенянами блестящую морскую побѣду при Липарскихъ островахъ. Обрадованные римляне наградили Дуилія первымъ морскимъ тріумфомъ, и постановили, что бы каждый разъ, когда онъ вечеромъ возвращался домой, ему предшествовалъ человѣкъ съ зажженымъ факеломъ и музыкантъ, игравшій на флейтѣ. Кромѣ того въ честь Дуилія воздвигнута была на форумѣ мраморная *ростральная* колонна, т. е. украшенная носами кораблей (rostra; эта колонна существуетъ до сихъ поръ,

---

* Вотъ что раскazываетъ Поливій (греческій историкъ II вѣка до Р. Х.) о сооруженіи этого флота.

Одинъ пятиярусный карфагенскій корабль былъ прибитъ волнами къ итальянскому берегу; римляне захватили, его и взяли за образецъ для своего флота. Между тѣмъ какъ одни чиновники смотрѣли за дѣятельною постройкою и оснасткою судовъ, другіе въ то же время снаряжали морской экипажъ (т. е. матросовъ), и на сушѣ пріучали его владѣть веслами. Для этого гребцы садились на землю въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ должны были сидѣть на корабляхъ, и потомъ, по сигналу начальника, то отбрасывали верхнюю часть тѣла назадъ, подводя руки къ груди, то наклонялись впередъ, протягивая ихъ передъ собою.

Абордажный мостъ прикрѣплялся канатомъ къ высокой мачтѣ, утвержденной въ передней части корабля. Подойдя близко къ непріятельскому кораблю, опускали канатъ; мостъ падалъ на непріятельскую палубу, врѣзывался въ нее придѣланнымъ къ нему крюкомъ, и такимъ образомъ сцѣплялъ два корабля. Этотъ снарядъ названъ былъ «ворономъ».

и надпись ея служитъ однимъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ латинскаго языка). Ободренные успѣхомъ, римляне отважились переправиться въ самую Африку подъ начальствомъ консула Регула. Но карфагеняне, подобно тарентинцамъ, призвали наемныя греческія войска, а начальство поручили спартанцу Ксантиппу. Регулъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Расказываютъ, что нѣсколько лѣтъ спустя, когда счастье опять перешло на сторону римлянъ, карфагеняне отправили Регула въ Римъ съ предложеніемъ о перемиріи, и взяли съ него слово въ случаѣ неудачи воротиться назадъ. Регулъ напротивъ посовѣтовалъ римлянамъ продолжать войну, и, вѣрный своему слову, воротился въ Карфагенъ, гдѣ, какъ увѣряютъ, его предали мучительной смерти.

У Карфагенянъ оставались еще на западномъ сицилійскомъ берегу двѣ крѣпости, Лилибей и Дрепанумъ; римляне тщетно пытались овладѣть ими. Здѣсь во главѣ карфагенскихъ войскъ поставленъ былъ превосходный полководецъ Гамилькаръ *Барка* (молнія), который цѣлыя шесть лѣтъ защищалъ послѣднія карфагенскія владѣнія въ Сициліи. Наконецъ римляне сдѣлали опять чрезвычайныя усилія, вооружили новый флотъ въ 200 кораблей, и, подъ начальствомъ консула Лутація Катулла, разбили карфагенскій флотъ при Эгатскихъ островахъ (у запад. береговъ Сициліи). Карфагеняне, съ прекращеніемъ морскихъ сообщеній, не могли долѣе держаться на островѣ, и принуждены просить мира. Они отказались отъ Сициліи, отпустили безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ, и обязались въ десять лѣтъ уплатить Риму огромную сумму денегъ (3200 талантовъ).

Сицилія сдѣлалась первою римскою *провинціей* (такъ стали называться „завоеванныя“ области, лежавшія внѣ Италіи, обложенныя значительными податями, лишенныя самоуправленія и подчиненныя особому сановнику, присылаемому изъ Рима, *проконсулу* или *пропретору*). Вторую провинцію составили покоренные вскорѣ острова Корсика и Сардинія. Затѣмъ римляне смирили иллирійскихъ пиратовъ, грабившихъ

берега Адріатическаго и Іоническаго морей, и заняли нѣсколько пунктовъ на Иллирійскомъ берегу. Цизальпинскіе галлы съ неудовольствіемъ смотрѣли на основаніе въ ихъ землѣ римскихъ военныхъ колоній. Они призвали на помощь своихъ трансальпинскихъ соплеменниковъ, и большою ордою двинулись опять на Римъ, сопровождая свой путь опустошеніемъ. Римляне подняли всю Италію для защиты отъ своихъ старинныхъ враговъ, и въ Этруріи (подлѣ мыса Теламона) нанесли галламъ страшное пораженіе (225 г. до Р. Х.). Спустя нѣсколько лѣтъ, они докончили покореніе Верхней Италіи, которую обратили въ римскую провинцію подъ именемъ „Цизальпинской Галліи", и такимъ образомъ раздвинули свои сѣверные предѣлы до самыхъ Альповъ.

Между тѣмъ карфагеняне, выдержавъ трехлѣтнюю тяжелую войну съ своими наемниками, обратились въ богатую дорогими рудниками Испанію, чтобы тамъ вознаградить себя за потерю Сициліи. Знаменитый Гамилькаръ Барка въ теченіи девяти лѣтъ успѣлъ покорить значительную часть полуострова; онъ погибъ въ сраженіи съ лузитанами. Преемникъ и зять его Гасдрубалъ распространилъ завоеванія до р. Эбро, и основалъ на юговосточномъ берегу городъ Новый Карфагенъ, который сдѣлался опорнымъ пунктомъ карфагенскихъ владѣній въ Испаніи. Когда Гасдрубалъ палъ отъ руки убійцы, войско выбрало своимъ предводителемъ Гамилькарова сына *Аннибала* (это имя на пунійскомъ языкѣ означало: „милость Ваала"); карфагенскій сенатъ утвердилъ выборъ войска. Расказываютъ, что Аннибалъ, будучи девятилѣтнимъ ребенкомъ, просилъ своего отца Гамилькара взять его съ собою въ испанскій походъ; отецъ согласился; но при этомъ подвелъ сына къ жертвеннику, и заставилъ поклясться въ томъ, что онъ будетъ всегда непримиримымъ врагомъ римлянъ.

Аннибалъ воспитался въ воинскомъ станѣ, и обнаружилъ необыкновенныя дарованія вмѣстѣ съ твердымъ, отважнымъ духомъ. Сдѣлавшись начальникомъ карфагенскихъ войскъ въ Испаніи, онъ явился величайшимъ полководцемъ древнихъ

временъ. Онъ велъ образъ жизни простаго солдата, неутомимо переносилъ всѣ военные труды, жаръ, холодъ, безсонныя ночи; въ бою былъ первый, и послѣдній оставлялъ поле сраженія. Войско его боготворило *. Аннибалъ всю жизнь оставался вѣренъ клятвѣ, данной отцу, и римляне никогда

* Великіе таланты Аннибала, по словамъ Тита Ливія, омрачались неукротимою жестокостію и вѣроломствомъ. Но вотъ какими словами характеризуетъ его новѣйшій нѣмецкій историкъ Момсенъ въ своей «Римской исторіи»:

„Современники Аннибала пытались набросать нѣсколько черныхъ пятенъ на его характеръ: у римлянъ слылъ онъ жестокимъ, у карфагенянъ корыстолюбивымъ; дѣйствительно, онъ ненавидѣлъ такъ, какъ могутъ ненавидѣть только восточныя натуры; а чтобы не нуждаться никогда въ деньгахъ и запасахъ, необходимо полководцу искать пріобрѣтенія. Между тѣмъ злоба и ненависть, подъ вліяніемъ которыхъ написана его исторія, не смогли затемнить чистаго и великаго образа. Помимо выдумокъ злой клеветы, помимо того, что сдѣлано отъ его имени его подчиненными, на немъ не лежитъ ничего, въ чемъ нельзя бы оправдать его тогдашними отношеніями и тогдашнимъ народнымъ правомъ. Едва ли кто другой соединялъ въ себѣ въ такой степени осторожность и одушевленіе, предусмотрительность и стремительность въ самомъ дѣйствіи. Особенно свойственно ему изобрѣтательное лукавство, составляющее одну изъ главныхъ чертъ пуническаго характера: онъ охотно выбиралъ особенные и непредвидѣнные пути, часто прибѣгалъ къ засадамъ и разнаго рода военнымъ хитростямъ, съ безпримѣрнымъ вниманіемъ изучалъ характеръ противника. Его шпіоны дѣятельно слѣдили за непріятелемъ; даже въ самомъ Римѣ имѣлъ онъ постоянныхъ корреспондентовъ; его самаго видали часто переодѣтымъ и съ фальшивыми волосами, когда онъ выѣзжалъ, чтобы узнать то или другое. О его стратегическомъ геніи свидѣтельствуетъ всякій листъ современной ему исторіи, равно какъ и о его государственныхъ дарованіяхъ, обнаруженныхъ имъ послѣ мира съ Римомъ въ реформѣ карфагенскаго устройства и въ томъ чрезвычайномъ вліяніи, которое онъ, ищущій убѣжища бѣглецъ, имѣлъ на кабинеты восточныхъ державъ. Какою силою вліянія на людей обладалъ онъ, лучше всего доказывается его безпримѣрною властью надъ пестрой и многоязычной арміей, которая никогда, даже въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, не возмущалась противъ него. Онъ былъ великій человѣкъ; куда онъ ни приходилъ, взоры всѣхъ на него устремлялись“.

не имѣли болѣе опаснаго врага. Онъ началъ съ того, что напалъ въ Испаніи на греческую колонію Сагунтъ, союзную съ Римомъ, и разрушилъ ее до основанія. Это событіе послужило поводомъ ко *Второй Пунической войнѣ* (218—201 г.) *.

Предоставивъ начальство въ Испаніи брату своему Гасдрубалу, Аннибалъ съ шестидесятитысячнымъ наемнымъ войскомъ и многими слонами изъ Испаніи предпринялъ походъ въ самую Италію. Онъ прошелъ Пиринеи, южную Галлію, поднялся вверхъ по Ронѣ, и, переправясь черезъ нее, вступилъ въ Альпійскія горы (Сенъ Бернаръ). Тутъ пришлось взбираться на крутыя вершины, покрытыя снѣгомъ и льдомъ; люди, лошади и слоны безпрерывно падали въ пропасти; въ тоже время надобно было сражаться съ суровыми горными племенами. Этотъ переходъ черезъ Альпы стоилъ Аннибалу болѣе половины войска и почти всѣхъ слоновъ. Наконецъ онъ спустился въ долины сѣверной Италіи, куда призывали его галлы, которые надѣялись при его помощи сбросить съ себя римское иго. Такимъ образомъ война должна была сосредоточиться въ Италіи, между тѣмъ какъ римляне думали вести ее въ Африкѣ и Испаніи: одинъ консулъ, Семпроній, уже готовился переправиться съ войскомъ изъ Сициліи въ Африку; а другой, Сципіонъ, находился на дорогѣ въ Испанію. Оба консула теперь были поспѣшно отозваны назадъ. Аннибалъ сначала разбилъ Сципіона при р. Тичино, потомъ Семпронія при р. Требіи. Послѣ этихъ побѣдъ поднялись цизальпинскіе галлы, и въ большомъ числѣ подкрѣпили карфагенскую армію. Отсюда Анни-

---

* Посольство римское, отправленное въ Карфагенъ, потребовало удовлетворенія за дѣйствія Аннибала. Когда въ карфагенскомъ сенатѣ происходили пренія по этому требованію, Фабій, одинъ изъ пословъ, взялъ въ руку уголъ своей тоги, и сказалъ: «Я держу здѣсь войну или миръ, выбирайте!» «Выбирайте сами», отвѣчали сенаторы. «Итакъ, война!» воскликнулъ Фабій, и распустилъ свою тогу.

балъ повелъ ее черезъ Аппенины въ Этрурію; этотъ переходъ черезъ суровыя горы и по долинѣ р. Арно, затопленной весеннимъ разливомъ, стоилъ ему большихъ потерь, и самъ онъ, отъ вредныхъ испареній и ночнаго бдѣнія, лишился одного глаза. У Тразименскаго озера встрѣтила его третья римская армія, подъ начальствомъ консула Фламинія. Хитрый карфагенскій полководецъ завлекъ неосторожнаго Фламинія въ долину между озеромъ и холмами, за которыми была скрыта часть карфагенской арміи; Фламиній потерпѣлъ совершенное пораженіе, и палъ въ битвѣ. Дорога къ Риму была открыта. Сенатъ, объятый ужасомъ, два дня не расходился, придумывая средство спасти отечество, и выбралъ диктаторомъ Фабія Максима.

Аннибалъ однако не рѣшился напасть на самый Римъ, и направился въ южную Италію, въ надеждѣ возмутить ея жителей противъ римскаго владычества. Однако надежда его пока не оправдалась. Опытный и осторожный Фабій Максимъ избѣгалъ вступать въ открытое сраженіе; онъ старался устроивать засады и утомлять карфагенскія войска частыми, неожиданными тревогами. За такой образъ дѣйствія онъ получилъ прозваніе Кунктатора (т. е. Медлителя). Однажды Аннибалъ со всѣмъ войскомъ былъ запертъ Фабіемъ въ горныхъ тѣснинахъ, и избавился отъ него только помощію хитрости. Онъ велѣлъ ночью привязать зажженыя связки хворосту къ рогамъ нѣсколькихъ сотъ быковъ и погнать ихъ на римлянъ; а потомъ, пользуясь замѣшательствомъ враговъ, прошелъ тѣснины. Когда окончился срокъ диктаторству Фабія, войско римское поступило подъ начальство двухъ консуловъ: Павла Эмилія и Варрона. Первый былъ остороженъ и хотѣлъ подражать Фабію; но пылкій Варронъ не раздѣлялъ его осторожности. Консулы каждый день чередовались въ начальствѣ надъ войскомъ. Варронъ въ день своего начальства далъ Аннибалу рѣшительную битву при Каннахъ (въ Апуліи). Тутъ римляне потерпѣли такое пораженіе, какого никогда не испытывали, хотя они были почти вдвое многочисленнѣе непрія-

телей. Говорятъ, ихъ легло до 50,000 на полѣ битвы, и будто Аннибалъ послалъ въ Карфагенъ цѣлую мѣру золотыхъ колецъ, которыя служили отличительнымъ признакомъ римскихъ всадниковъ (216 г.). Но и послѣ такой побѣды Аннибалъ не рѣшился идти на Римъ, а отправился зимовать въ городъ Капуу. Многіе народы южной Италіи отпали теперь отъ римлянъ. Между тѣмъ римскій сенатъ показалъ замѣчательную твердость духа; вмѣсто упрековъ, онъ благодарилъ Варрона за то, что тотъ не отчаялся въ спасеніи отечества. Женщинамъ римскимъ приказано было не выходить изъ домовъ, чтобы своими слезами по убитымъ родственникамъ не смущать народъ; вся латинская молодежь призвана къ оружію; вооружили и нѣсколько тысячъ рабовъ. Сенатъ даже прибѣгъ къ человѣческимъ жертвоприношеніямъ, чтобы умилостивить боговъ; именно, четыре плѣнника зарыты живыми на римской площади.

Когда на слѣдующую весну начались военныя дѣйствія, карфагеняне уже стали терпѣть неудачи. Зимовка въ роскошныхъ городахъ Кампаніи вредно подѣйствовала на карфагенскихъ наемниковъ. Въ самомъ Карфагенѣ у Аннибала были сильные завистники, которые замедляли посылку необходимыхъ для него подкрѣпленій и денегъ; а южноитальянскіе союзники Аннибала мало оказывали ему помощи, и тяготились этою разорительною для нихъ войною. Успѣхъ войны мало по малу перешелъ на сторону неутомимыхъ римлянъ. Консулъ Марцеллъ переправился въ Сицилію, и послѣ упорной осады взялъ городъ Сиракузы, вступившій въ союзъ съ карфагенянами. Этотъ богатый городъ былъ разграбленъ и опустошенъ (212 г.). Тутъ въ числѣ погибшихъ жителей находился знаменитый математикъ Архимедъ, который изобрѣтенными имъ машинами долгое время держалъ въ страхѣ осаждавшее войско римлянъ.

Аннибалъ пригласилъ Гасдрубала привести къ нему на помощь испанскія войска. Гасдрубалъ перешелъ Альпы, по слѣдамъ брата; въ сѣверной Италіи усилилъ себя галльски-

ми отрядами, и двинулся вдоль Адріатическаго берега на соединеніе съ Аннибаломъ, который стоялъ лагеремъ въ Апуліи противъ консула Клавдія Нерона. Чтобы помѣшать этому соединенію, Клавдій Неронъ задумалъ и исполнилъ смѣлый планъ. Съ отборною частью своего войска онъ вышелъ тайкомъ изъ лагеря, въ шесть дней прошелъ Италію до рѣки Метавра (въ Умбріи), и здѣсь соединился съ другимъ консуломъ, дѣйствовавшимъ противъ Гасдрубала; консулы общими силами нанесли ему совершенное пораженіе, и самъ онъ палъ въ битвѣ. За тѣмъ Клавдій Неронъ также быстро воротился въ Апулію; окровавленная голова Гасдрубала, брошенная въ карфагенскій станъ, возвѣстила Аннибалу печальную участь брата и его войска. Тогда герой удалился въ Бруціумъ; оставшись теперь безъ всякой помощи, безъ союзниковъ, онъ держался здѣсь еще пять лѣтъ, только благодаря своему генію.

Между тѣмъ молодой, геніальный Корнелій Сципіонъ (сынъ Сципіона разбитаго при Тичино), поставленный во главѣ римскихъ легіоновъ въ Испаніи, взялъ Новый Карфагенъ, и своимъ ласковымъ обращеніемъ привлекъ на сторону римлянъ многія туземныя племена. Карфагенскіе полководцы одинъ за другимъ были имъ побѣждены, и Испанія перешла подъ владычество римлянъ. Назначенный правителемъ Сициліи, Сципіонъ предпринялъ отсюда высадку въ самую Африку, гдѣ соединился съ нумидійскимъ царемъ Массиниссой. (Массинисса владѣлъ восточною частью Нумидіи, а въ западной царствовалъ Сифаксъ; послѣдній прежде былъ союзникомъ Рима; но карфагенскій полководецъ Гасдрубалъ выдалъ за него свою дочь прекрасную Софонисбу, и привлекъ его на сторону Карфагена. Сифаксъ изгналъ Массиниссу изъ его владѣній и захватилъ всю Нумидію. Послѣ высадки Сципіона Массинисса съ помощью римлянъ отнялъ у Сифакса Нумидію, и хотѣлъ взять себѣ въ супруги плѣнную Софонисбу; но Сципіонъ, спасаясь, чтобы прекрасная карфагенянка не отвлекла и своего втораго мужа отъ союза съ Римомъ, потребовалъ ея

выдачи; тогда Массинисса, вмѣсто свадебнаго подарка, послалъ ей чашу съ ядомъ, которую Софонисба мужественно выпила). Потерпѣвъ нѣсколько пораженій, карфагеняне, для защиты собственной столицы, вызвали Аннибала изъ Италіи. Близъ городка Зама онъ сошелся съ войскомъ Сципіона, и сначала попытался при личномъ свиданіи склонить своего противника къ условіямъ мира, не слишкомъ тягостнымъ для Карфагена; но Сципіонъ требовалъ безусловной покорности. Произошла рѣшительная битва, и римляне остались побѣдителями. Тогда карфагеняне должны были заключить миръ на самыхъ тяжкихъ условіяхъ: они выдали на сожженіе почти весь свой флотъ, обязались уплатить 10,000 талантовъ въ теченіе 50 лѣтъ за военныя издержки, и кромѣ того не воевать ни съ кѣмъ безъ позволенія римлянъ. Сципіонъ въ награду получилъ великолѣпный тріумфъ и названіе „Африканскаго".

По окончаніи войны Аннибалъ показалъ, что онъ такой же отличный государственный человѣкъ какъ и великій полководецъ. Фамилія Барка была въ Карфагенѣ главою демократической партіи; съ помощью своихъ приверженцевъ Аннибалъ выбранъ въ званіе суффета. Онъ дѣятельно принялся за преобразованіе въ устройствѣ и управленіи Карфагена: онъ ограничилъ вліяніе Совѣта Ста (который около того времени деспотически властвовалъ въ республикѣ), и ввелъ такой порядокъ въ государственныхъ финансахъ, что карфагеняне могли въ 10 лѣтъ уплатить римлянамъ всю сумму, назначенную въ мирномъ договорѣ. Но его реформы увеличили ненависть къ нему его многочисленныхъ враговъ; они донесли въ Римъ, что Аннибалъ сносится тайно съ непріятелемъ римлянъ сирійскимъ царемъ Антіохомъ III (Великимъ). Римскій сенатъ потребовалъ выдачи героя; тогда онъ бѣжалъ въ Азію къ царю Антіоху. Аннибалъ представлялъ царю необходимость остановить распространеніе римскаго владычества, которое грозило теперь поглотить всѣ другія государства; совѣтовалъ ему напасть прямо на Италію, и

предлагалъ себя въ начальники этой экспедиціи, обѣщая помощь со стороны Карѳагена, гдѣ у него все еще была сильная партія. Но придворные Антіоха, завидуя возраставшему вліянію карѳагенскаго изгнанника, постарались возбудить въ царѣ недовѣріе къ его совѣтамъ. Антіохъ предпринялъ походъ въ Грецію, надѣясь увлечь за собой грековъ противъ римлянъ. Но при Ѳермопилахъ онъ былъ разбитъ римлянами, и воротился въ Азію; римляне послѣдовали за нимъ, и нанесли ему большое пораженіе при городѣ Магнезіи (въ Лидіи, въ 190 г. до Р. Х.), подъ начальствомъ Луція Сципіона (братъ Сципіона Африканскаго, который сопровождалъ его въ этомъ походѣ и руководилъ своими совѣтами). Антіохъ купилъ миръ уступкою нѣкоторыхъ своихъ владѣній въ Малой Азіи, уплатою огромной суммы денегъ, и между прочимъ обязался выдать Аннибала. Послѣдній бѣжалъ ко двору виѳинскаго царя Прузія; но и тамъ римляне преслѣдовали своего непримиримаго врага; чтобы не отдаться въ ихъ руки, Аннибалъ выпилъ ядъ (183 г. Р. Х.).

Вообще, послѣ того какъ сокрушилось могущество Карѳагенской республики, уже не было ни одного государства, которое могло бы соперничать съ Римомъ, и римляне начали стремиться къ покоренію цѣлаго міра. Еще прежде Антіоха поплатился за свои связи съ Аннибаломъ македонскій царь Филиппъ II, который во время Второй Пунической войны былъ союзникомъ карѳагенянъ. По окончаніи этой войны римляне обратились на македонянъ; Филиппъ нѣсколько лѣтъ искусно отражалъ непріятелей; наконецъ онъ потерпѣлъ большое пораженіе отъ консула Фламинина при Киноскефалахъ, гдѣ македонская фаланга была сломлена римскими легіонами (197). Филиппъ долженъ былъ заключить миръ, по которому отказался отъ всѣхъ владѣній внѣ Македоніи, заплатилъ большую контрибуцію, и вывелъ изъ греческихъ городовъ свои гарнизоны (Греція подпала македонскому вліянію со времени битвы при Селлазіи). Затѣмъ Фламининъ, усердный почитатель греческой образованности, на истмій-

скихъ играхъ велѣлъ объявить черезъ герольда освобожденіе Греціи отъ македонской зависимости; это объявленіе встрѣчено было восторженными кликами со стороны собранія (забывшаго, что свобода должна быть не случайнымъ подаркомъ, а плодомъ собственныхъ трудовъ и единодушныхъ усилій народа). Но вскорѣ оказалось, что для Греціи только перемѣнилась македонская зависимость на римскую. Сынъ и преемникъ Филиппа II, *Персей* попытался возобновить борьбу съ римлянами, и нѣкоторое время боролся съ ними не безъ успѣха; наконецъ, разбитый при Пиднѣ (168) консуломъ Павломъ Эмиліемъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ, и украсилъ собою тріумфъ побѣдителя. Македонія была раздѣлена на четыре зависимыя отъ Рима республики. Въ тоже время окончательно покорена Иллирія, бывшая во время войны съ Персеемъ союзницею македонянъ. 20 лѣтъ спустя, возстаніе, поднятое однимъ самозванцемъ (Андрискомъ), выдававшимъ себя за сына Персеева, подало римлянамъ поводъ покончить съ Македоніей. Консулъ Метеллъ разбилъ самозванца, и обратилъ Македонію въ римскую провинцію (148 г.).

Вслѣдъ за тѣмъ рѣшена была и участь Греціи. При постоянной борьбѣ разныхъ партій въ греческихъ городахъ, греки сами вмѣшивали римлянъ въ свои внутренніе раздоры, и помогали имъ постепенно водворить здѣсь свое владычество. Однажды въ спорѣ, возникшемъ между Спартою и Ахейскимъ союзомъ, обѣ стороны обратились за рѣшеніемъ его въ Римъ. Римскіе послы потребовали, чтобы всѣ неахейскіе города, каковы: Спарта, Коринѳъ Аргосъ и др., были исключены изъ Ахейскаго союза. Это требованіе возбудило такое народное негодованіе въ Коринѳѣ, что послы были брошены въ тюрьму, а нѣкоторые умерщвлены. Метеллъ, только что окончившій покореніе Македоніи, перешелъ съ войскомъ въ Грецію, и разбилъ ахейцевъ. Окончаніе этой войны поручено было новому консулу, суровому Муммію, который взялъ Коринѳъ, и предалъ потомъ великолѣпный городъ грабежу и

пламени; жители его отчасти были избиты; а остальные проданы въ рабство. Грецiя объявлена римской провинцiей подъ именемъ *Ахаiи.* (146 г.).

Въ томъ же году былъ разрушенъ Карфагенъ.

Благодаря обширной торговлѣ и выгодному положенiю, Карфагенская республика довольно скоро оправилась отъ своего разоренiя. Но она много терпѣла со стороны хищнаго нумидiйскаго царя Массиниссы, который отнималъ у нея земли; между тѣмъ какъ карфагеняне не смѣли воевать безъ позволенiя Рима. Они прибѣгли къ посредничеству римскаго сената, и тотъ отправилъ въ Африку посольство, во главѣ котораго находился суровый Порцiй Катонъ. Послѣднiй показалъ себя пристрастнымъ въ пользу Массиниссы, и потому карфагеняне не приняли его третейскаго рѣшенiя. Во время этого посольства Катонъ былъ пораженъ богатствами и многолюдствомъ Карфагена, а также плодородiемъ и цвѣтущимъ видомъ всей страны. Въ такомъ быстромъ возрожденiи Карфагенской республики онъ видѣлъ серьёзную опасность для Рима, и съ тѣхъ поръ о чемъ бы ни говорилъ въ сенатѣ, всегда заканчивалъ свою рѣчь словами: „Сверхъ того полагаю, что надобно разрушить Карфагенъ" (*delenda est Carthago*). Выведенные изъ терпѣнiя набѣгами Массиниссы, карфагеняне взялись за оружiе. Тогда римляне воспользовались этимъ поводомъ, и отправили противъ нихъ войско. Открылась *Третья Пуническая война* (149—146).

Сначала карфагеняне исполнили всѣ требованiя римлянъ, выдали имъ нѣсколько сотъ знатныхъ юношей, весь флотъ и все оружiе. Но, когда имъ велѣли покинуть свой городъ и переселиться на другое мѣсто, карфагеняне рѣшились защищаться до послѣдней возможности. Быстро составили они войско, ломали кровли домовъ и строили изъ нихъ корабли, собрали всѣ металлическiя вещи въ городѣ и наковали оружiе; женщины обрѣзывали свои косы, и плели изъ нихъ тетивы для луковъ. Цѣлые два года римляне безуспѣшно оса-

ждали Карфагенъ, пока начальство надъ нимъ не принялъ умный Сципіонъ Эмильянъ (усыновленный фамиліей Сципіона Африканскаго); тогда осада пошла успѣшнѣй. Онъ наконецъ проникъ въ городъ; но еще цѣлые шесть дней продолжался жестокій бой на улицахъ посреди горѣвшихъ зданій, пока римляне достигли Бирсы, т. е. карфагенскаго кремля. Оставшіеся въ живыхъ карфагеняне сдались на милость побѣдителей, вмѣстѣ съ полководцемъ своимъ Асдрубаломъ. Но жена его не хотѣла послѣдовать примѣру мужа, убила своихъ дѣтей, и сама бросилась въ пламя. Городъ былъ отданъ солдатамъ на разграбленіе, а продолжительный пожаръ превратилъ его въ груду развалинъ. * 50,000 карфагенянъ, взятыхъ въ плѣнъ, были проданы въ рабство. Область Карфагенская обращена въ римскую провинцію подъ именемъ *Африки*.

Около того же времени докончено покореніе Испаніи. Хотя со времени Второй Пунической войны Испанія считалась римскою провинціей, но римляне должны были вести здѣсь почти непрерывную войну съ туземцами, которые то тамъ, то здѣсь возставали противъ иноземнаго владычества. Къ храбрѣйшимъ изъ туземныхъ народовъ принадлежали лузитаны, жившіе въ западной части полуострова между рѣками Таго и Миньо. Въ 149 г. до Р. Х. они поднялись подъ предводительствомъ пастуха Виріата, который вскорѣ обнаружилъ замѣчательные таланты полководца; держась обычной на Пиринейскомъ полуостровѣ партизанской войны (герилья), онъ

---

* Говорятъ, Сципіонъ, смотря на эти дымившіяся развалины, не могъ удержаться отъ слезъ, и произнесъ слѣдующіе стихи Гомера:

«Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ высокая Троя,
Древній погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.

Историкъ Поливій, который находился тогда подлѣ Сципіона, спросилъ его, какой смыслъ придаетъ онъ этимъ стихамъ. «Я думаю о Римѣ, отвѣчалъ Сципіонъ, и опасаюсь непрочности человѣческихъ дѣлъ».

постоянно тревожилъ римскіе легіоны быстрыми нечаянными нападеніями и засадами; билъ ихъ по частямъ; а однажды цѣлое римское войско заперъ въ горныхъ ущельяхъ, подобныхъ Кавдинскимъ. Онъ отпустилъ это войско, заключивъ миръ, по которому римляне признали независимость лузитанъ, а Виріата ихъ царемъ. Но, также какъ и послѣ Кавдинскаго договора, они нарушили миръ, и возобновили враждебныя дѣйствія. Чтобы избавиться отъ своего опаснаго врага, римляне подкупили нѣсколько приближенныхъ къ Виріату лицъ, и послѣдніе умертвили героя (140). Послѣ того раздоры, возникшіе между лузитанами, помогли римлянамъ подавить ихъ движеніе. Но вслѣдъ за тѣмъ угнетеніе отъ римскихъ намѣстниковъ вызвало отчаянное возстаніе кельтиберовъ, жившихъ на верхнемъ Дуэро и имѣвшихъ главнымъ городомъ своимъ Нуманцію. Въ теченіе пяти лѣтъ нумантинцы геройски отбивали всѣ нападенія римлянъ. Наконецъ начальство въ этой войнѣ поручено было завоевателю Карфагена, Сципіону Эмильяну. Онъ со всѣхъ сторонъ окружилъ Нуманцію окопами, и страшный голодъ принудилъ нумантинцевъ къ сдачѣ; храбрѣйшіе изъ нихъ не хотѣли отдаться въ руки враговъ, и лишили себя жизни (133 г.). Но и послѣ того сѣверные испанскіе горцы (Астурійцы и Кантабры) долго еще не признавали римскаго владычества. Въ тотъ годъ, когда пала Нуманція, въ Малой Азіи пергамскій царь Атталъ, умирая, отказалъ по завѣщанію римлянамъ свое царство и все свое имущество. Побочный сынъ его (Аристоникъ) поднялъ жителей къ возстанію противъ римлянъ, и въ началѣ имѣлъ успѣхъ; потомъ былъ побѣжденъ, и взятъ въ плѣнъ (130 г.). Пергамское царство обращено въ римскую провинцію подъ именемъ *Азіи*.

Побѣдамъ и завоеваніемъ римлянъ не мало способствовало отличное устройство римскаго войска. Главное достоинство его заключалось въ строжайшей дисциплинѣ: порядокъ и повиновеніе считались выше всего. Этимъ качествомъ отличался и весь римскій народъ. Умѣренность въ образѣ жизни,

единодушіе и суровая непреклонная сила характера сдѣлали римлянъ побѣдителями всѣхъ народовъ и властителями почти всего древняго міра. Первоначально римляне жили въ деревянныхъ или глиняныхъ хижинахъ. Главное занятіе ихъ было земледѣліе; сами консулы не стыдились собственноручно обработывать свое поле. Кисель, немного мяса и нѣсколько плодовъ составляли обыкновенную пищу. Отецъ у себя въ семьѣ былъ неограниченный господинъ; онъ могъ даже распоряжаться жизнію своихъ дѣтей; но въ свою очередь безусловно повиновался государственнымъ законамъ. Замѣчательно, что и распри патриціевъ съ плебеями не ослабили Рима; въ случаѣ войны съ внѣшними врагами патриціи и плебеи по большой части дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Но съ теченіемъ времени образъ жизни и характеръ римскаго народа мало по малу измѣнились. По мѣрѣ того какъ Римъ покорялъ новыя страны и обогащался несмѣтною добычею, упадала въ немъ прежняя строгость нравовъ, распространялась привычка къ удовольствіямъ и роскоши. Римскіе богачи одинъ передъ другимъ начали щеголять богатою отдѣлкою своихъ домовъ и садовъ, драгоцѣнной утварью, пышными обѣдами и многочисленною рабскою прислугою.

Рабство болѣе всего способствовало порчѣ римскихъ нравовъ. Прежде число рабовъ въ Римѣ было очень незначительно, и римляне сами исполняли всѣ работы. Теперь рабы сдѣлались чрезвычайно многочисленны, потому что при завоеваніи земель римляне многихъ жителей обращали въ рабство, и продавали ихъ на рынкахъ. Дороже другихъ цѣнились рабы изъ грековъ: это были самые образованные люди, знавшіе многія ремесла и искусства. Римляне даже поручали греческимъ рабамъ воспитаніе своихъ дѣтей; греческіе писатели и греческій языкъ вошли у римлянъ въ моду. Вообще они многое переняли у грековъ, напримѣръ утонченное обращеніе, искусство строить красивые храмы, театры, общественныя бани; но вмѣстѣ съ тѣмъ перенимали у нихъ притворство, продажность и любовь къ праздной, веселой жизни.

Еще болѣе испортились нравы, когда римляне начали завоеванія въ Азіи и познакомились съ образомъ жизни азіатскихъ деспотовъ.

Нѣкоторые римскіе граждане съ неудовольствіемъ смотрѣли на распространеніе роскоши и чужеземныхъ обычаевъ. Изъ такихъ гражданъ особенно извѣстенъ Порцій Катонъ; онъ былъ врагъ грековъ и карфагенянъ, и въ своемъ образѣ жизни старался подражать древнимъ римлянамъ. Когда онъ получилъ должность цензора, то началъ съ большою строгостію преслѣдовать роскошь; но тѣмъ только возбудилъ противъ себя ненависть, и всѣ его усилія остались тщетны. Между прочимъ онъ старался законами ограничить распространявшуюся между римскими женщинами страсть къ дорогимъ нарядамъ. Но женщины подняли такую тревогу, что народъ отмѣнилъ эти законы. Катонъ сильно враждовалъ противъ знаменитаго героя Сципіона Африканскаго, который былъ большой почитатель греческихъ поэтовъ и философовъ. По наущенію Катона, Сципіонъ не разъ былъ обвиненъ въ утайкѣ казенныхъ денегъ и другихъ незаконныхъ поступкахъ*. Хотя обвиненія остались недоказаны, однако Сципіонъ принужденъ былъ покинуть Римъ, и остатокъ жизни провелъ въ сельской тишинѣ посреди своихъ греческихъ книгъ. (Говорятъ, онъ умеръ въ одинъ годъ съ Аннибаломъ). Самъ суровый Катонъ на старости лѣтъ принялся прилежно изучать греческихъ писателей.

Въ это время въ Римѣ начались уже гибельныя несогласія

---

* Посредствомъ одного изъ трибуновъ Катонъ обвинилъ однажды Сципіона въ томъ, что Сирійскій царь купилъ у него миръ за деньги. Въ день, назначенный для суда, Сципіонъ взошелъ на трибуну съ побѣднымъ вѣнкомъ на головѣ, и сказалъ: «Римляне! въ этотъ день я побѣдилъ Аннибала; иду въ Капитолій благодарить боговъ. Пойдемте со мною молить ихъ о томъ, чтобы они всегда даровали вамъ предводителей, подобныхъ мнѣ». Весь народъ послѣдовалъ за нимъ, и трибуны одни остались на форумѣ. При всѣхъ заслугахъ Сципіона, такое гордое поведеніе достойно порицанія: оно подавало и другимъ примѣръ неуваженія къ отечественнымъ законамъ и властямъ.

и вражда разныхъ партій. Хотя различіе между патриціями и плебеями уничтожилось и всѣ граждане римскіе имѣли равныя права, но въ дѣйствительности это равенство существовало недолго. Безпрестанныя войны постоянно разоряли и уменьшали зажиточные классы римскихъ гражданъ, изъ которыхъ составлялись легіоны; такъ что мало по малу въ Римѣ осталось только два класса: богачей и бѣдняковъ. Съ одной стороны богатыя и знатныя фамиліи (оптиматы) разбогатѣли еще болѣе чѣмъ прежде, потому что захватывали общественныя земли, скупали за безцѣнокъ участки разорившихся семействъ, и составляли себѣ такимъ образомъ огромныя помѣстья (latifundia). Они забирали въ свои руки всѣ высшія государственныя должности (консуловъ, цензоровъ, преторовъ, квесторовъ, проконсуловъ, пропреторовъ и пр.) Вслѣдствіе упадка честности и распространенія взятокъ, должности эти сдѣлались очень доходны. Самыми доходными были мѣста проконсуловъ и пропреторовъ, т. е. намѣстниковъ провинцій. Оптиматы, особенно впавшіе въ долги, старались обыкновенно отправиться проконсулами въ Испанію, Сицилію, Азію или Африку, притѣсненіями вымогали у жителей деньги, и по истеченіи срока службы возвращались съ большими капиталами. Обиженные жители тщетно искали правосудія у римскаго сената, въ которомъ засѣдали родственники и друзья грабителей.

Съ другой стороны классъ бѣдняковъ или пролетаріевъ постепенно увеличивался, потому что по бѣдности своей они не обязаны были служить въ легіонахъ, и слѣдовательно войны не уменьшали ихъ; къ нимъ присоединялись еще обѣднѣвшіе граждане и вольноотпущенные рабы. Прежде пролетаріи по крайней мѣрѣ нанимались обработывать землю у богатыхъ людей; а теперь богачи все дѣлали своими рабами, и притомъ обращали свои поля по большей части или въ пастбища или въ загородныя дачи окруженныя садами и парками (виллы). Отъ этого земледѣліе въ Италіи упало, и хлѣбъ привозился въ Римъ на корабляхъ изъ отдаленныхъ провин-

цій. Ремесла также представляли мало выгоды для бѣдныхъ гражданъ, потому что богатые старались между своими рабами имѣть разныхъ ремесленниковъ.

Тщетно нѣкоторые благородные граждане пытались улучшить положеніе пролетаріевъ. Таковы были особенно два брата изъ знатной фамиліи *Гракховъ*, Тиверій и Кай. Они лишились отца; но получили тщательное воспитаніе, благодаря попеченіямъ своей матери, умной, образованной Корнеліи, дочери знаменитаго Сципіона Африканскаго.

Тиверій Гракхъ отличился въ Нумантинской войнѣ. Плутархъ расказываетъ, что, отправляясь квесторомъ въ Испанію и проѣзжая по Этруріи, Гракхъ былъ пораженъ пустынностью страны и множествомъ закованныхъ въ цѣпи рабовъ, которые обработывали поля или пасли стада богачей оптиматовъ. Тиверій Гракхъ пришелъ къ убѣжденію, что необходимо ограничить число крупныхъ помѣстьевъ и увеличить число мелкихъ землевладѣльцевъ. Съ этою цѣлью, по возвращеніи въ Римъ, онъ явился соискателемъ на выборахъ въ трибуны, и, какъ только былъ выбранъ, предложилъ возобновить забытые аграрные законы Лицинія, съ нѣкоторыми измѣненіями. Именно: владѣльцы, занявшіе общественныя земли, могутъ удержать за собою изъ нихъ 500 югеровъ и кромѣ того на каждаго изъ сыновей по 250 югеровъ (въ общей сложности однако не болѣе 1000 югеровъ); остальныя земли отобрать въ казну, раздѣлить на участки и раздать ихъ бѣднымъ гражданамъ. Аристократы были чрезвычайно возмущены этимъ посягательствомъ на земли, которыя они привыкли уже считать своею собственностію, потому что владѣли ими съ давнихъ поръ, продавали ихъ, покупали и затрачивали капиталы на ихъ обработку. Они склонили на свою сторону одного изъ трибуновъ, Марка Октавія, и тотъ противопоставлялъ свое veto каждый разъ, когда доходило дѣло до подачи голосовъ по поводу новаго закона. Что бы уничтожить это препятствіе, Тиверій Гракхъ побудилъ народъ отнять у Марка Октавія трибунскую должность (чѣмъ онъ самъ нанесъ

ударъ званію трибуна, который почитался лицомъ неприкосновеннымъ и несмѣняемымъ до окончанія своего срока). Тогда новый законъ былъ принятъ въ трибутныхъ комиціяхъ, и для исполненія его назначена коммиссія изъ трехъ членовъ (самого Тиверія Гракха, брата его Кая и тестя Аппія Клавдія). Что бы спасти себя отъ мести оптиматовъ, Тиверій явился соискателемъ въ трибунскую должность и на слѣдующій годъ. Выборы были шумны; Тиверій указалъ народу на свою голову, давая понять, что она въ опасности. Враги его истолковали этотъ знакъ требованіемъ царской короны. Сенатъ въ тотъ день засѣдалъ въ храмѣ богини Вѣрности, по сосѣдству съ мѣстомъ народнаго собранія. Отъ консула Сцеволы потребовали, что бы онъ велѣлъ схватить мятежника; но Сцевола былъ сторонникъ Гракхова закона, и отказался прибѣгать къ какому либо насилію. Тогда одинъ изъ старшихъ сенаторовъ, Сципіонъ Назика, пригласилъ товарищей вооружиться и слѣдовать за нимъ въ народное собраніе. Чернь почтительно разступилась передъ ними и оставила Гракха безъ защиты. Онъ былъ убитъ; вмѣстѣ съ нимъ погибло въ этотъ день до 300 его приверженцевъ (133 г.).

Судьба Тиверія Гракха не остановила его младшаго брата Кая, еще болѣе смѣлаго и даровитаго. Спустя десять лѣтъ, Кай, избранный въ трибуны, возобновилъ требованіе аграрнаго закона, къ которому присоединилъ еще нѣсколько предложеній въ пользу бѣдныхъ гражданъ. Сенатъ подкупилъ одного изъ трибуновъ, Друза, который на каждый законъ, предложенный Каемъ, отвѣчалъ проектомъ, еще болѣе лестнымъ для народа, и такимъ образомъ подрывалъ своего товарища. (Напримѣръ, по аграрному закону Гракха земельные участки должны быть розданы пролетаріямъ въ наслѣдственную аренду за умѣренный оброкъ; а Друзъ говорилъ, что надобно раздать ихъ въ полную собственность и безъ всякаго оброка; Кай Гракхъ предложилъ основать колоніи изъ бѣдныхъ гражданъ въ провинціи, т. е. за предѣлами Италіи; а Друзъ обѣщалъ, что имъ отведены будутъ удобныя мѣста въ

самой Италіи, и т. п. Разумѣется, эти обѣщанія не были исполнены и имѣли цѣлью только выиграть время). Такая уловка подѣйствовала на чернь. Кай Гракхъ не былъ выбранъ опять въ трибуны. Воспользовавшись однажды волненіемъ въ народномъ собраніи, сенатъ объявилъ Кая Гракха виновнымъ въ мятежѣ. Партія послѣдняго вооружилась и удалилась съ нимъ на Авентинскую гору. Произошла кровопролитная схватка. Демократическая или народная партія была побѣждена; Кай Гракхъ бѣжалъ за Тибръ въ рощу Фурины, и тамъ найденъ былъ его обезглавленный трупъ. (Консулъ заранѣе объявилъ, что тотъ, кто принесетъ голову Кая, получитъ столько золота, сколько вѣситъ голова). Во время этого междоусобія погибло до 3000 человѣкъ его партіи. (121 г.).

Послѣ Кая Гракха остался одинъ законъ, которымъ онъ думалъ помочь бѣднякамъ; но въ дѣйствительности этотъ законъ оказался вреденъ для государства. Именно, Кай настоялъ на томъ, чтобы бѣднымъ гражданамъ раздавали хлѣбъ по самой ничтожной цѣнѣ изъ государственныхъ магазиновъ. А вскорѣ имъ начали раздавать хлѣбъ уже совсѣмъ безплатно. Вслѣдствіе того Римъ наполнился голодною толпою пролетаріевъ, которые, получая даровой хлѣбъ, пренебрегали работой, и эта праздная, безпокойная толпа сдѣлалась очень опасна для спокойствія республики. (Другой законъ Кая Гракха о назначеніи судей изъ богатаго сословія всадниковъ, а не сенаторовъ, какъ было прежде, имѣлъ также важныя послѣдствія: онъ ослаблялъ значеніе сенаторства, и породилъ раздоры между родовою и денежною аристократіей).

X. УПАДОКЪ РЕСПУБЛИКАНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ ВЪ РИМѢ.

Постоянные легіоны. Марій. Югурта. Кимвры и Тевтоны. Сулла. Союзники. Митридатъ. Междоусобіе въ Римѣ. Диктаторство Суллы. Гладіаторы. Спартакъ. Крассъ. Помпей и его подвиги въ Азіи. Катилина. Цицеронъ. Юлій Цезарь Первый Тріумвиратъ. Цезарь въ Галліи. Венцингеториксъ. Борьба Цезаря съ Помпеемъ. Катонъ Утическій. Диктаторство и смерть Цезаря. Антоній. Октавій. Второй тріумвиратъ. Клеопатра.

Со времени братьевъ Гракховъ еще болѣе усилилась въ Римѣ вражда между простымъ народомъ и оптиматами, т. е. между партіями демократической и аристократической. Во время такой вражды, какъ всегда бываетъ, возвышались смѣлые честолюбивые люди, которые захватывали въ свои руки власть, не уважали законовъ и заводили междоусобныя войны. Такимъ образомъ мало по малу упадало республиканское устройство. Главнымъ средствомъ для достиженія власти сдѣлалось начальство надъ легіонами, которые вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ и гарнизонной службы въ завоеванныхъ земляхъ уже не распускались, а обратились въ *постоянныя войска*. (Судьба Гракховъ показала, что въ борьбѣ съ аристократіей городская чернь представляетъ ненадежную опору).

Первый примѣръ жестокихъ междоусобныхъ войнъ подали Марій и Сулла. Марій былъ родомъ изъ простолюдиновъ, не получилъ никакого образованія и отличался грубыми манерами. Но, сдѣлавшись солдатомъ, онъ своею храбростію и военными подвигами достигъ высшихъ степеней въ легіонахъ. Особенно возвысила его *Война съ Югуртою* (112—106).

Югурта былъ внукъ нумидійскаго царя Массиниссы. Онъ отличался предпріимчивымъ неукротимымъ характеромъ, слылъ первымъ наѣздникомъ между нумидійцами, и никто не былъ

храбрѣе его на охотѣ за львами въ Атласскихъ горахъ. Желая одинъ владѣть всею Нумидіей, Югурта умертвилъ своихъ двоюродныхъ братьевъ. Такъ какъ Нумидія находилась въ зависимости отъ Рима, то римскій сенатъ послалъ консула съ войскомъ, что бы его наказать. Но римляне уже до такой степени потеряли свою прежнюю честность, что Югурта купилъ выгодный миръ у консула. Потомъ, по приглашенію сената, онъ явился въ Римъ для своего оправданія и помощью золота нашелъ себѣ защитниковъ; но и въ самомъ Римѣ не задумался убить одного своего родственника, имѣвшаго притязаніе на Нумидію. Тогда сенатъ приказалъ ему оставить городъ, и опять объявилъ войну *. Югурта подкупалъ римскихъ предводителей, и тѣмъ спасался отъ пораженій. Наконецъ начальство надъ легіонами въ Африкѣ поручено было неподкупному Метеллу, который вскорѣ счастливыми битвами возстановилъ честь римскаго оружія. Но ему не удалось окончить эту войну. При новыхъ выборахъ въ консулы въ числѣ соискателей явился Марій, служившій тогда подъ начальствомъ Метелла. Съ помощью народной партіи онъ дѣйствительно былъ выбранъ, и отправленъ въ Африку на смѣну своего прежняго начальника. Чтобы пополнить свои легіоны, онъ противъ обычая принялъ въ нихъ многихъ пролетаріевъ, т. е. самыхъ бѣдныхъ гражданъ. Неоднократно разбитый Маріемъ, Югурта бѣжалъ къ своему союзнику, сосѣднему мавританскому царю Бокху. Но послѣдній вскорѣ выдалъ его римлянамъ. За окончаніе Югуртинской войны Марій получилъ тріумфъ. Плѣнный Югурта въ цѣпяхъ шолъ за тріумфальною колесницею; потомъ онъ брошенъ въ темницу, и умеръ тамъ голодною смертью (106 г.).

Въ это самое время на сѣверныхъ границахъ Италіи появились дикія галльскія и германскія племена *Кимвровъ* и

---

* Римскій историкъ Салюстій говоритъ, что, выѣхавъ за ворота Рима, Югурта обернулся посмотрѣть на него и воскликнулъ: «Вотъ городъ, который продалъ бы себя, если бы нашелъ покупщика!»

Тевтоновъ. Одѣтые въ звѣриныя шкуры, отличаясь исполинскимъ ростомъ и силою, они истребили нѣсколько римскихъ армій, и навели ужасъ на римлянъ. Тогда народъ обратился къ своему любимцу Марію, и онъ, вопреки законамъ, четыре года сряду былъ избираемъ въ консулы. Сначала въ южной Галліи при городѣ Аквахъ Секстійскихъ онъ разбилъ на голову тевтоновъ, и взялъ въ плѣнъ ихъ предводителя Тевтобода. Когда солдаты Марія вступили въ непріятельскій лагерь, тутъ ихъ встрѣтили жены варваровъ съ оружіемъ въ рукахъ; чтобы не отдаться въ руки римлянъ, онѣ душили своихъ дѣтей или бросали ихъ подъ колеса телегъ, и потомъ убивали самихъ себя (102 г.). Въ слѣдующемъ году Марій обратился на кимвровъ, которые прошли Швейцарію и по льдистымъ крутизнамъ Альпійскихъ горъ скатились на своихъ огромныхъ щитахъ въ сѣверную Италію. При городѣ Верцеллахъ Марій разбилъ и этихъ варваровъ; жены ихъ также не хотѣли пережить своихъ мужей.

Тогда слава Марія достигла высшей степени; народъ называлъ его спасителемъ Рима. Аристократы еще болѣе его возненавидѣли, и нашли ему достойнаго соперника въ лицѣ Суллы. Послѣдній принадлежалъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій, былъ очень уменъ и образованъ; но въ честолюбіи и жестокости не уступалъ грубому Марію. Таланты свои Сулла обнаружилъ первоначально въ Югуртинской войнѣ; посланный Маріемъ для переговоровъ съ Бокхомъ, онъ искусно склонилъ послѣдняго выдать Югурту. Потомъ онъ отличился побѣдами въ такъ наз. *Союзнической войнѣ* (90—88). Итальянскіе народы уже давно не хотѣли довольствоваться названіемъ „союзниковъ", и требовали себѣ гражданскихъ правъ равныхъ съ римлянами. Вскорѣ послѣ нашествія кимвровъ, народы Сабельскаго племени отложились отъ Рима, и составили особый „Италійскій союзъ" съ сенатомъ и двумя консулами во главѣ; столицею союза назначили самнитскій городъ Корфиніумъ. Война съ ними стоила Риму чрезвычайныхъ усилій. Хотя они были усмирены, однако

римляне принуждены по большей части исполнить ихъ требованія, т. е. дать имъ права римскаго гражданства. Марій началъ завидовать успѣхамъ Суллы, и при первомъ удобномъ случаѣ вступилъ съ нимъ въ открытое междоусобіе.

Въ Малой Азіи усилилось небольшое дотолѣ государство Понтійское, на берегахъ Чернаго моря. Царь понтійскій Митридатъ VI, чрезвычайно дѣятельный и отважный, успѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ мелкіе сосѣдніе народы на востокѣ и на югѣ; онъ говорилъ на 22 нарѣчіяхъ, такъ что могъ съ каждымъ изъ своихъ народовъ объясняться на его языкѣ. Митридатъ задумалъ овладѣть всей Малой Азіей и изгнать римлянъ, которымъ принадлежали тогда западныя области этого полуострова. Онъ назначилъ день, когда всѣ римляне, находящіеся на полуостровѣ, съ ихъ женами и дѣтьми должны быть избиты. Римскіе намѣстники и чиновники поборами и притѣсненіями уже успѣли возбудить ненависть къ своему владычеству, и потому жители охотно исполнили приказъ Митридата; говорятъ, тогда погибло до 80,000 римлянъ (88 г. до Р. Х.).

Сенатъ назначилъ Суллу полководцемъ въ Азію; но завистливый Марій не хотѣлъ ему уступить. Хотя Марію было уже около 70 лѣтъ, однако онъ каждый день являлся на Марсовомъ полѣ, и состязался съ юношами въ военныхъ упражненіяхъ, чтобы показать, что силы его отъ старости нисколько не ослабѣли. Онъ подкупилъ одного трибуна, и съ помощію черни отнялъ начальство у Суллы. Тогда послѣдній поспѣшилъ къ легіонамъ, склонилъ ихъ на свою сторону, и побѣдилъ соперника. Марій, осужденный на смерть, спасся бѣгствомъ, и выбрался изъ Италіи посреди разныхъ приключеній и опасностей. Разъ близь города Минтурнъ его нашли укрывающимся въ болотѣ, и отвели въ городскую тюрьму. Чтобы исполнить надъ нимъ смертный приговоръ, начальство города послало въ тюрьму одного изъ кимвровъ, взятыхъ когда-то въ плѣнъ Маріемъ. „Дерзнешь ли ты, несчастный, поднять руку на Марія?“ воскликнулъ старикъ. Кимвръ,

испуганный его сверкающимъ взоромъ и громовымъ голосомъ, ушелъ, и отказался исполнить казнь. Послѣ того доброжелатели Марія дали ему возможность спастись, и онъ удалился въ Африку.

Когда Сулла отправился въ походъ, одинъ изъ предводителей народной партіи, Цинна, вступилъ въ открытую борьбу съ аристократами, и вызвалъ изъ Африки своего друга Марія. Собравъ вокругъ себя толпы пролетаріевъ, поселянъ и рабовъ, они взяли Римъ. Здѣсь семидесятилѣтній Марій далъ полную волю своему мщенію: городъ подвергся насиліямъ отъ его дикихъ шаекъ; многіе представители аристократической партіи были убиты, а имущество ихъ разграблено. Марій велѣлъ въ седьмой разъ избрать себя консуломъ; но вслѣдъ за тѣмъ свирѣпый старикъ умеръ, отъ чрезмѣрнаго пьянства (86 г.).

Между тѣмъ Сулла счастливо велъ войну съ Митридатомъ, и принудилъ его къ миру (84 г.). Собравъ большія контрибуціи съ усмиренныхъ провинцій Малой Азіи, онъ воротился съ своими легіонами въ Италію, куда уже давно призывала его утѣсненная аристократическая партія. Цинна, самовольно присвоившій себѣ должность консула, повелъ было противъ него свои войска; но на дорогѣ былъ убитъ возмутившимися солдатами. Сулла разбилъ остальныхъ предводителей народной или Маріанской партіи, и, вступивъ въ Римъ, принялся истреблять своихъ противниковъ съ неимовѣрною жестокостію. Даже кости Марія были вырыты для поруганія, и потомъ брошены въ рѣку. А приверженцы его въ цѣлой Италіи безъ пощады были осуждаемы на смерть, изгнаніе и лишеніе имущества. Множество жителей въ разныхъ мѣстахъ Италіи были выгнаны изъ своихъ домовъ и имѣній, которыя Сулла большею частію роздалъ ветеранамъ, т. е. старымъ солдатамъ, бывшимъ въ его легіонахъ. Обнародованы были особые опальные списки (*проскрипція*) съ именами тѣхъ маріанцевъ, которыхъ каждый могъ лишить жизни и имущества. Сулла заставилъ провозгласить себя диктаторомъ на неопредѣлен-

ное время, и, пользуясь неограниченною властію, принялся издавать новые законы, которыми увеличивались преимущества аристократовъ надъ простымъ народомъ. Спустя два года, онъ самъ сложилъ съ себя диктаторство (79 г. до Р. Х.), и удалился въ свое помѣстье, гдѣ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ невоздержной жизни.

Марій и Сулла своимъ примѣромъ показали, что полководецъ, который пріобрѣтетъ привязанность солдатъ, можетъ сдѣлаться владыкою Рима. Этотъ примѣръ скоро нашелъ послѣдователей.

Въ то время особенно возвысились въ Римѣ Помпей, Крассъ, Цицеронъ и Юлій Цезарь.

Помпей, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, отличился въ Союзнической войнѣ. Во время борьбы Суллы съ маріанцами онъ уже предводительствовалъ войсками диктатора и за свои побѣды получилъ отъ него прозваніе „великаго" *. По смерти Суллы онъ является одною изъ главныхъ опоръ аристократической партіи. Между прочимъ ему досталась честь окончить *войну Серторіанскую*. Серторій, бывшій сторонникъ Марія и Цинны и самый даровитый изъ вождей демократической партіи, во время диктаторства Суллы удалился въ Испанію, сталъ тамъ во главѣ возставшихъ лузитанъ, и собралъ вокругъ себя многихъ римскихъ изгнан-

---

* Послѣ одного удачнаго похода, воротясь въ Римъ, Помпей потребовалъ себѣ тріумфа, хотя онъ не занималъ еще ни одной изъ высшихъ должностей. Сулла отказалъ. «Пусть онъ вспомнитъ — велѣлъ передать диктатору смѣлый юноша, — что восходящее свѣтило находитъ себѣ болѣе почитателей, чѣмъ заходящее». «Да будетъ ему тріумфъ», отвѣчалъ удивленный Сулла; «да будетъ ему тріумфъ», повторилъ онъ. Римскіе историки описываютъ Помпея человѣкомъ красивой, величественной наружности и безукоризненныхъ нравовъ; свои военные таланты онъ развилъ еще прилежнымъ изученіемъ военной науки; но какъ ораторъ онъ не былъ выше посредственности. Стремясь къ почестямъ, онъ однако не хотѣлъ добиваться ихъ насильственными средствами; искусный полководецъ на войнѣ, во время мира это былъ одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ гражданъ.

никовъ (маріанцевъ). Всѣ усилія римскихъ полководцевъ не могли одолѣть Серторія. Наконецъ противъ него былъ отправленъ Помпей; но и онъ неоднократно терпѣлъ неудачи; только благодаря смерти Серторія, измѣннически убитаго собственными товарищами (72 г.), Помпею удалось подавить возстаніе.

Крассъ славился своимъ богатствомъ, которое онъ пріобрѣлъ большею частію во время жестокостей Суллы, скупая за безцѣнокъ земли и имущества изгнанныхъ гражданъ. Кромѣ того онъ отличился усмиреніемъ опаснаго возстанія рабовъ. Извѣстно, что вмѣстѣ съ завоеваніями число рабовъ въ Римской республикѣ чрезвычайно умножилось. По большей части господа содержали ихъ дурно и обращались съ ними жестоко; поэтому въ разныхъ мѣстахъ рабы нерѣдко производили возстанія; но, не умѣя дѣйствовать согласно, всегда были усмиряемы, и подвергались позорной казни (распятію на крестѣ). * Между рабами было много *гладіаторовъ*. Такъ назывались люди, которые забавляли римлянъ сраженіями между собою или съ дикими звѣрями. Римляне страстно любили подобныя зрѣлища, въ которыхъ кровь лилась въ изобиліи. Въ гладіаторы выбирали сильныхъ и храбрыхъ людей, и въ особыхъ гладіаторскихъ школахъ обучали ихъ искусству владѣть оружіемъ. Въ одной такой школѣ, въ городѣ Капуѣ, былъ нѣкто Спартакъ родомъ изъ Ѳракіи, человѣкъ очень мужественный. Онъ убѣдилъ своихъ товарищей гладіаторовъ, что лучше проливать кровь за собственную свободу, чѣмъ для потѣхи надменныхъ римлянъ. Они убѣжали, и воз-

---

* Особенно сильно было возстаніе рабовъ въ Сициліи подъ начальствомъ одного сирійскаго невольника Эвна, который принялъ имя царя Антіоха. Число возставшихъ возрасло до 200,000, и они завладѣли почти всѣмъ островомъ. Только послѣ большихъ усилій римлянамъ удалось подавить это возстаніе (133). Двадцать лѣтъ спустя, во время нашествія Кимвровъ и Тевтоновъ, сицилійскіе рабы возмутились снова, подъ начальствомъ т. наз. царя Трифона; потребовалась трехлѣтняя упорная война, чтобы возстановить спокойствіе на островѣ.

мутили до 70,000 рабовъ. Высланныя противъ нихъ войска нѣсколько разъ были разбиты. Тогда сенатъ вручилъ начальство Крассу. Между тѣмъ рабы по обыкновенію предались грабежу, и раздѣлились. Спартакъ отчаянно защищался противъ Красса; передъ рѣшительнымъ сраженіемъ (на берегахъ р. Силара) онъ закололъ своего коня, чтобы пѣшимъ биться въ переднихъ рядахъ своихъ воиновъ и раздѣлить съ ними смерть или побѣду. Онъ былъ тяжело раненъ, и толпы его разсѣялись. 6000 плѣнныхъ рабовъ было распято на крестахъ, и эти кресты разставлены вдоль всей дороги отъ Капуи до Рима (71 г.)

Остатки мятежныхъ шаекъ успѣли пробраться на сѣверъ и достигли уже Альпійскихъ горъ; но здѣсь они были истреблены Помпеемъ, который возвращался тогда изъ Испаніи (по окончаніи Серторіанской войны). Помпей, принявшій на себя роль посредника въ распряхъ между сенатомъ и простымъ народомъ, скоро сдѣлался народнымъ любимцемъ. Ему дано было важное порученіе очистить Средиземное море отъ карійскихъ и киликійскихъ пиратовъ: пользуясь смутами въ Римѣ, эти пираты до того размножились и сдѣлались смѣлы, что остановили почти морскую торговлю и прекратили сообщенія Италіи съ восточными римскими провинціями. Помпей, предводительствуя сильнымъ флотомъ, счастливо исполнилъ свое порученіе, и освободилъ море отъ разбойниковъ (67 г.). Тогда благодарный народъ предоставилъ ему окончаніе войны съ Митридатомъ Понтійскимъ, который уже опять боролся противъ ненавистныхъ ему римлянъ. Сначала Митридатъ имѣлъ успѣхъ; но потомъ былъ побѣжденъ даровитымъ проконсуломъ римскимъ Лукулломъ, и бѣжалъ къ своему зятю Тиграну, царю армянскому. Лукуллъ предпринялъ далекій, трудный походъ въ Арменію, разбилъ Тиграна близъ его столицы Тиграноцерты, и готовился идти далѣе, когда взбунтовавшіеся легіоны заставили его отступить. (Этотъ Лукуллъ, очень богатый аристократъ, особенно пріобрѣлъ извѣстность своими великолѣпными пирами и вообще своею роскошью).

Преемникъ его Помпей нанесъ Митридату рѣшительное пораженіе на берегахъ Эвфрата (66 г.). Побѣжденный царь бѣжалъ въ свои владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря, и тамъ замышлялъ новыя предпріятія противъ римлянъ; но, когда собственный сынъ его Фарнакъ возсталъ противъ отца и хотѣлъ выдать его римлянамъ, престарѣлый царь лишилъ себя жизни. (Онъ принялъ яду, который носилъ всегда въ рукояткѣ своего меча; но его желѣзная натура не поддалась отравѣ; тогда онъ приказалъ умертвить себя своему тѣлохранителю). Помпей между тѣмъ заставилъ Тиграна армянскаго подчиниться Риму. Съ своими легіонами онъ побѣдоносно прошелъ горныя Прикавказскія страны, и раздвинулъ римскіе предѣлы до самыхъ береговъ Каспія. Потомъ онъ обратился къ западу, уничтожилъ въ Сиріи царство Селевкидовъ, и докончилъ покореніе Малой Азіи; нѣкоторыя малоазіатскія области обратилъ въ римскія провинціи, въ другихъ оставилъ туземныхъ государей въ качествѣ данниковъ Рима. Іудея приведена имъ также въ римскую зависимость (63 г.). Изъ военной добычи онъ доставилъ въ государственную казну большія суммы, и въ награду получилъ блестящій тріумфъ.

Въ это время Римъ едва не сдѣлался жертвою большаго заговора. Одинъ промотавшійся, обремененный долгами аристократъ, по имени Катилина, составилъ заговоръ вмѣстѣ съ подобными ему буйными людьми; они задумали съ помощію самой низкой черни и грубыхъ, жадныхъ солдатъ свергнуть республиканское правительство, перебить лучшихъ гражданъ и захватить государство въ свои руки. Но всѣ замыслы ихъ уничтожены Цицерономъ.

Цицеронъ былъ сынъ незнатныхъ родителей и происходилъ изъ латинскаго городка Арпинума (откуда былъ родомъ и Марій); въ молодости своей онъ показалъ большую наклонность къ ученію; отецъ его переселился въ Римъ, и здѣсь Цицеронъ пользовался уроками самыхъ знаменитыхъ наставниковъ краснорѣчія и философіи. Образованіе свое онъ докончилъ

потомъ путешествіемъ въ Аѳины и въ Родосъ (послѣдній славился тогда своею школою краснорѣчія). Блистательнымъ ораторскимъ талантомъ Цицеронъ проложилъ себѣ путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ. (Человѣкъ неродовитый, достигшій этихъ должностей, назывался у римской знати homo novus, т. е. новичекъ) *. Во время заговора Катилины онъ занималъ должность консула. Сенатъ получилъ извѣстіе о томъ, что уже въ разныхъ мѣстахъ Италіи собираются мятежные отряды, и что въ самомъ Римѣ готовится возстаніе. Цицеронъ принялъ военныя мѣры предосторожности, и вездѣ въ городѣ разставилъ сильную стражу. Но Катилина оставался въ Римѣ, и спокойно продолжалъ засѣдать въ сенатѣ. Наконецъ Цицеронъ разразился противъ него громовою рѣчью (сенатъ въ этотъ день засѣдалъ въ храмѣ Юпитера Статора). „Долго ли еще, Катилина, будешь ты злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ? — воскликнулъ Цицеронъ — Какъ! ни стража, которая бодрствуетъ ночью на холмѣ Палатинскомъ, ни войска, собранныя въ городѣ, ни смущеніе народа, ни это стеченіе добрыхъ гражданъ, ни это священное мѣсто, гдѣ собрался сенатъ, ни взоры негодованія, которые здѣсь всѣ на тебя бросаютъ, ничто тебя не останавливаетъ!... О времена, о нравы!“ Катилина оставилъ сенатъ, произнося угрозы, и въ ту же ночь отправился въ Этрурію, что бы принять начальство надъ мятежными отрядами. Скоро онъ погибъ въ битвѣ съ консульскими легіонами. Цицеронъ былъ прославленъ спасителемъ республики, и получилъ названіе „Отца отечества“ (62 г.).

---

* Замѣчательны его обличительныя рѣчи противъ Верреса. Во время своего трехлѣтняго пропреторства (т. е. намѣстничества) въ Сициліи Верресъ отличился страшнымъ грабительствомъ. Когда онъ покинулъ островъ, жители рѣшились искать на него правосудія въ Римѣ, и адвокатомъ своимъ выбрали Цицерона (70 г.). Цицеронъ съ такою энергіею повелъ дѣло и съ такою очевидностію раскрылъ возмутительные поступки Верреса, что послѣдній былъ осужденъ, не смотря на покровительство аристократіи и вопреки обычной тогда безнаказанности областныхъ намѣстниковъ.

Римъ былъ спасенъ отъ гнуснаго заговора, но уже ничто не могло спасти упадавшее республиканское устройство. Это устройство основано тогда, когда всѣ римскія владѣнія заключались почти въ одномъ городѣ Римѣ и его окрестностяхъ; а теперь Римское государство вмѣщало въ себѣ множество разнообразныхъ странъ и народовъ. Слѣдовательно прежнее устройство не соотвѣтствовало новымъ обстоятельствамъ, и безпрерывныя смуты отъ враждебныхъ партій могли окончиться только съ учрежденіемъ твердаго монархическаго правленія. Первый опытъ такого правленія показалъ Юлій Цезарь.

Аристократъ по рожденію, прекрасно образованный, Цезарь своимъ вкрадчивымъ краснорѣчіемъ и пріятнымъ обращеніемъ легко привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. Въ молодости онъ велъ веселую жизнь, былъ въ Римѣ первымъ щеголемъ и повидимому мало заботился объ общественныхъ дѣлахъ. * Однако подъ его безпечною наружностію скрывалось самое горячее честолюбіе. Такъ однажды, смотря на статую Александра Македонскаго, Цезарь не могъ удержаться отъ слезъ, и сказалъ: „Въ мои лѣта онъ уже завоевалъ весь свѣтъ, а я еще ничего не сдѣлалъ„. Въ другой разъ, Цезарь отправлялся въ Испа-

---

* Вотъ нѣкоторыя характеристическія черты изъ его молодости.

Цезарь приходился родственникомъ Марію и былъ женатъ на дочери Цинны. Сулла во время своего диктаторства велѣлъ ему развестись съ женою; но Цезарь отказался, и подвергся за то проскрипціи. Онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Рима и укрываться отъ преслѣдованій. Между тѣмъ друзья его просили диктатора помиловать Цезаря, извиняя его неповиновеніе молодостью. Сулла простилъ; но замѣтилъ при этомъ: «знайте, что этотъ юноша нѣкогда погубитъ аристократію; онъ стоитъ нѣсколькихъ Маріевъ». Чтобы усовершенствовать свой ораторскій талантъ, Цезарь отправился потомъ въ Родосъ къ Молону, знаменитому въ то время учителю краснорѣчія (у котораго учился и Цицеронъ); но дорогою попалъ въ руки пиратовъ. Находясь у нихъ въ плѣну, Цезарь держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что разбойники относились къ нему весьма почтительно. Между прочимъ онъ не разъ грозилъ имъ казнію, какъ скоро получитъ свободу. Дѣйствительно, когда присланъ былъ назначенный выкупъ и Цезарь освободился изъ плѣна, онъ снарядилъ въ Милетѣ нѣсколько судовъ, захватилъ пиратовъ и исполнилъ свою угрозу.

нію въ качествѣ римскаго намѣстника. Дорогою, когда онъ проѣзжалъ мимо одной деревни, спутники его замѣтили, что и въ этой глуши вѣроятно также существуютъ зависть и борьба честолюбія. Цезарь сказалъ на это: „Я все-таки лучше желалъ бы быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ". Онъ искусно добивался народнаго расположенія; между прочимъ, занимая должность эдила, онъ расточалъ свое имущество на великолѣпныя зрѣлища, до которыхъ римляне были очень жадны. Зная, какъ опасно было бы начать открытое соперничество съ Помпеемъ и Крассомъ, Юлій Цезарь поступилъ очень ловко. Помпей находился тогда въ раздорѣ съ аристократической партіей, потому что сенатъ отказывался утвердить его распоряженія въ Азіи и раздачу земель, которыя онъ обѣщалъ своимъ ветеранамъ; а Крассъ былъ личнымъ врагомъ Помпея. Цезарь вошелъ къ нимъ въ дружбу, примирилъ ихъ, и уговорилъ заключить втроемъ тайный союзъ (названный *тріумвиратомъ*), съ цѣлью поддерживать другъ друга и сообща властвовать надъ республикой. Союзъ съ Помпеемъ онъ еще болѣе скрѣпилъ тѣмъ, что выдалъ за него свою дочь Юлію (которая впрочемъ скоро умерла). При помощи этихъ сильныхъ друзей Цезарь достигъ консульства. Потомъ они устроили такъ, что всѣ трое получили въ управленіе значительныя провинціи: Крассъ богатую Сирію, Помпей Испанію, а Цезарь Галлію и Иллирію на пять лѣтъ (потомъ его намѣстничество продолжено еще на пять лѣтъ). Крассъ вскорѣ погибъ: онъ началъ войну съ парѳянами, перешелъ Эвфратъ и углубился въ песчаныя, знойныя степи Месопотаміи; но тутъ былъ разбитъ парѳянскими наѣздниками, и измѣннически умерщвленъ во время свиданія съ непріятельскимъ предводителемъ (53 г.). Помпей управлялъ Испаніей посредствомъ помощниковъ (легатовъ), а самъ остался въ Италіи, чтобы держать въ своей зависимости сенатъ и римскую знать.

Цезарь оказался гораздо дальновиднѣе своихъ товарищей. Онъ понялъ, что не сенатъ, а только преданное войско можетъ доставить ему владычество, и потому хотѣлъ прежде

всего пріобрѣсти военную славу. Поэтому онъ выбралъ для себя Галлію Предъальпійскую и Заальпійскую. Въ Галліи Заальпійской только самая южная часть ея принадлежала тогда римлянамъ. * Остальное пространство населяли воинственные народы, которые надобно было еще покорить. Цѣлыя восемь лѣтъ (58—50 г.) Цезарь провелъ въ безпрерывныхъ походахъ и битвахъ, и обнаружилъ блестящіе таланты полководца. Во первыхъ, онъ отбилъ вторженіе гельветовъ, которые покинули свою горную безплодную страну (Швейцарію) и двинулись въ юговосточную Галлію, что бы найти здѣсь лучшія мѣста для поселенія; разбитые Цезаремъ, они принуждены были воротиться въ свою опустошенную родину. Потомъ Цезарь освободилъ Галлію отъ другаго нашествія: одно изъ галльскихъ племенъ, Секваны, тѣснимые другимъ племенемъ, Эдуями, союзниками римлянъ, призвали къ себѣ на помощь изъ за Рейна германскія дружины; послѣднія пришли въ огромномъ числѣ подъ начальствомъ своего вождя Аріовиста. Эдуи обратились за помощью къ римлянамъ. Цезарь разбилъ Аріовиста, прогналъ германцевъ обратно за Рейнъ; потомъ онъ самъ два раза переходилъ на правую сторону Рейна, и побѣдами своими устрашилъ германцевъ такъ, что они надолго оставили въ покоѣ Галлію. Эти вторженія варваровъ подали Цезарю поводъ распространить римское владычество на всю среднюю Галлію. Затѣмъ онъ постепенно покорилъ сѣверовосточную Галлію, населенную сильнымъ

---

* Эта *провинція* (откуда потомъ произошло ея настоящее названіе Провансъ) была завоевана римлянами вслѣдъ за войной Нумантинской; главныя римскія колоніи, основанныя здѣсь, были Аквы Секстійскіе (теперь Э) и Нарбонъ. По имени послѣдняго города провинція получила названіе *Галліи Нарбонской* Находившійся здѣсь богатый греческій городъ Массилія, старый союзникъ Рима, пока сохранялъ свою самостоятельность; онъ былъ средоточіемъ, откуда съ помощью торговыхъ сношеній распространялись начатки греческой образованности между сосѣдними племенами; его колоніи и торговыя заведенія распространялись по всему берегу Средиземнаго моря отъ Альповъ до Пиринеевъ.

племенемъ Белговъ, и югозападную или Аквитанію. Далѣе, онъ два раза переправлялся въ Британію, чтобы навести страхъ римскаго имени на бриттовъ, галльскихъ соплеменниковъ. Но во время его отсутствія безпокойныя галльскія племена подняли возстаніе; прежде они защищали свою независимость отдѣльно, и легко были побѣждаемы; теперь, наученныя опытомъ, они начали соединяться въ большіе союзы. Борьба приняла упорный характеръ, и не разъ легіоны Цезаря подвергались опасности совершеннаго истребленія; но, благодаря его генію и неодолимой энергіи, римляне восторжествовали. Изъ галльскихъ вождей въ этой борьбѣ особенно отличился Венцингеториксъ, знатный молодой человѣкъ изъ племени арверновъ (оверицы); почти всѣ племена средней Галліи избрали его своимъ предводителемъ. Послѣ многочисленныхъ походовъ и битвъ судьба возстанія рѣшена была подъ стѣнами города Алезіи. Здѣсь Венцингеториксъ, осажденный Цезаремъ, долго и мужественно защищался; пришедшіе къ нему на помощь галльскія войска не могли прорвать римскихъ окоповъ, окружавшихъ городъ, и были разсѣяны. Голодъ принудилъ гарнизонъ Алезіи къ сдачѣ. Венцингеториксъ верхомъ на боевомъ конѣ, въ полномъ вооруженіи, явился въ римскомъ станѣ, и здѣсь сложилъ свое оружіе къ ногамъ проконсула. Цезарь однако принялъ его сурово, и, спустя нѣсколько лѣтъ, гальскій вождь былъ казненъ въ Римѣ.

Помпей уже завидовалъ славѣ Цезаря. По его желанію сенатъ приказалъ послѣднему сложить съ себя начальство въ Галліи и распустить войска. Цезарь не исполнилъ приказа, и былъ объявленъ врагомъ отечества. Тогда онъ съ своими легіонами двинулся на Италію. На берегахъ рѣчки Рубикона, составлявшей границу его провинціи, онъ впалъ въ нѣкоторое раздумье; но потомъ, сказавъ: „Жребій брошенъ", перешелъ рѣку.

Помпей не ожидалъ, такого смѣлаго поступка, и не приготовился къ войнѣ. („Лишь топну ногою и изъ земли явятся легіоны", говорилъ онъ. Но дѣйствительность скоро обна-

ружила его заблужденіе). Въ сопровожденіи многихъ сенаторовъ и молодыхъ аристократовъ онъ убѣжалъ въ Грецію. Цезарь сначала завладѣлъ Италіей и Испаніей; а потомъ переправился за Адріатическое море, и напалъ на Помпея, который уже собралъ вокругъ себя многочисленныя войска. Армія Цезаря, хотя была менѣе числомъ, за то состояла изъ отличныхъ галльскихъ легіоновъ, закаленныхъ въ битвахъ и вполнѣ преданныхъ своему вождю. Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ стычекъ, главная битва произошла въ Ѳессаліи при городѣ Фарсалѣ (48. г.). Цезарь приказалъ своимъ легіонерамъ рубить изнѣженныхъ аристократовъ прямо въ лицо; онъ зналъ, что они наружностью своею дорожили болѣе, чѣмъ славою. Помпей былъ совершенно разбитъ, и отправился въ Египетъ просить убѣжища у царя Птоломея. Послѣдній обѣщалъ; но едва Помпей сошелъ на берегъ, какъ былъ убитъ по приказанію вѣроломнаго ѳараона. Послѣдній думалъ тѣмъ угодить побѣдителю, но ошибся. Цезарь прибывшій въ Египетъ, почтилъ своего соперника достойнымъ погребеніемъ; а Птоломея лишилъ царства, и посадилъ на египетскій престолъ его прекрасную сестру Клеопатру.

Здѣсь, въ столицѣ Египта, онъ долженъ былъ съ небольшимъ отрядомъ выдерживать неравную борьбу противъ войскъ ѳараона и многочисленной александрійской черни; пока подоспѣвшія подкрѣпленія не помогли ему окончить эту такъ наз. *Александрійскую войну*. (Происшедшій во время нея пожаръ истребилъ большую часть знаменитой библіотеки Птоломеевъ). Въ то время въ Малой Азіи возсталъ противъ римлянъ сынъ Митридата Понтійскаго Фарнакъ. Цезарь пошелъ противъ него, и побѣда досталась ему такъ легко, что онъ извѣстилъ о ней сенатъ тремя словами: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“. Но партія Помпея и республиканцевъ была еще сильна. Они собрали многочисленныя войска въ Африкѣ. Изъ ихъ предводителей особенно замѣчателенъ Катонъ Младшій, потомокъ Катона цензора; онъ былъ извѣстенъ честнымъ, неподкупнымъ характеромъ, старался подражать сво-

ему знаменитому предку въ любви къ старымъ республиканскимъ нравамъ, и принадлежалъ къ послѣдователямъ стоической философіи. Нумидійскій царь Юба, сторонникъ Помпея, соединился съ республиканцами. Когда Цезарь готовился изъ Италіи переправиться въ Африку, часть легіоновъ его возмутилась, потребовала обѣщанныхъ наградъ и увольненія отъ службы. Тогда Цезарь показалъ чрезвычайную находчивость и присутствіе духа. Онъ одинъ явился посреди мятежниковъ, и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой соглашался исполнить ихъ желаніе; при этомъ онъ назвалъ ихъ не „воинами," а „квиритами", что означало просто гражданъ. Такая перемѣна показалась легіонерамъ весьма прискорбною (до того уже измѣнились нравы римлянъ!); они немедленно раскаялись, и умоляли вождя взять ихъ съ собою въ Африку. Тамъ, не смотря на численное превосходство своихъ противниковъ, Цезарь совершенно разбилъ ихъ при городѣ Тапсѣ. Катонъ, удалившійся въ городъ Утику, не хотѣлъ пережить паденія республики, и съ стоическою твердостью лишилъ себя жизни. (Вечеромъ онъ легъ въ постель съ книгою Платона въ рукахъ, прочелъ его разсужденіе о безсмертіи души, и заснулъ глубокимъ сномъ. При первомъ щебетаньи птицъ онъ проснулся, и пронзилъ себѣ грудь; рана еще не была смертельна, и врачъ успѣлъ вовремя перевязать ее; но, пришедши въ чувство, Катонъ сорвалъ повязки, и истекъ кровью). Царь Юба послѣ пораженія при Тапсѣ также окончилъ свою жизнь самоубійствомъ, и Нумидія была присоединена къ римскимъ провинціямъ. Остатки помпеянцевъ и республиканцевъ собрались въ Испаніи подъ начальствомъ двухъ Помпеевыхъ сыновей и Лабіена (бывшаго въ Галльской войнѣ однимъ изъ лучшихъ помощниковъ Цезаря). Они подняли тамъ часть туземныхъ племенъ, вооружили сильное войско, и оказали отчаянное сопротивленіе Цезарю; но въ рѣшительной битвѣ при Мундѣ были побѣждены, и партія ихъ разсѣялась.

Когда побѣдитель воротился въ Римъ, сенатъ уже безпрекословно исполнялъ его волю, и назвалъ его диктаторомъ на

всю жизнь. Цезарь праздновалъ свои побѣды великолѣпнымъ тріумфомъ, и угостилъ народъ разнообразными зрѣлищами въ циркахъ и амфитеатрахъ; кромѣ того роздалъ солдатамъ и бѣднымъ гражданамъ большія суммы денегъ изъ своей добычи. На высотѣ счастья онъ показалъ замѣчательное великодушие, и не преслѣдовалъ бывшихъ своихъ враговъ, какъ это дѣлали Марій и Сулла. Напротивъ онъ усердно началъ водворять порядокъ и спокойствіе въ Римскомъ государствѣ, и издалъ нѣсколько полезныхъ законовъ. Между прочимъ, многихъ жителей провинцій онъ уравнялъ въ правахъ съ римскими гражданами; а Римъ значительно облегчилъ отъ безпокойной толпы пролетаріевъ, получавшей даровой хлѣбъ отъ государства; до 80,000 пролетаріевъ Цезарь разослалъ въ отдаленныя провинціи, надѣливъ ихъ землею. Онъ принималъ разныя мѣры противъ упадка земледѣлія и запустѣнія деревень въ самой Италіи: такъ, при надѣлѣ землею бѣдныхъ гражданъ оказывалъ предпочтеніе тѣмъ, у которыхъ было многочисленное семейство; а ветеранамъ своимъ позволилъ продавать розданные имъ участки только послѣ двадцатилѣтняго владѣнія. Чтобы приготовить переходъ къ монархическому правленію, Цезарь началъ систематически ослаблять значеніе республиканскихъ магистратовъ (т. е. властей) и тѣснѣе сближать провинціи съ Римомъ. Онъ увеличилъ число членовъ сената до 900, наполнивъ его людьми новыми (т. е. непринадлежавшими къ римской знати) и преимущественно галльскими провинціалами; такой сенатъ конечно оказался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ диктатора и безпрекословно подтверждалъ его распоряженія. Кромѣ того онъ умножилъ число высшихъ сановниковъ, именно преторовъ, жрецовъ, квесторовъ и эдиловъ. * Онъ задумалъ собрать всѣ законы,

---

* Число консуловъ осталось тоже; но диктаторъ иногда въ продолженіи одного года назначалъ ихъ нѣсколько разъ. Напримѣръ, одинъ консулъ умеръ 31 декабря; оставалось только нѣсколько часовъ до окончанія года, и вмѣстѣ до окончанія срока его службы; тѣмъ не менѣе Цезарь назначилъ ему преем-

и постановленія, извлечь изъ нихъ лучшее и издать сводъ для всеобщаго свѣденія (эта мысль была исполнена только во времена позднѣйшихъ римскихъ императоровъ). Важную услугу оказалъ онъ преобразованіемъ римскаго календаря, который пришелъ въ большой безпорядокъ отъ неточнаго распредѣленія годоваго времени. Цезарь поручилъ это дѣло александрійскому ученому Созигену: прежній лунный годъ римлянъ (имѣвшій 355 дней) былъ окончательно замѣненъ годомъ солнечнымъ (въ 365 дней и 6 часовъ). (Этотъ преобразованный календарь извѣстенъ подъ именемъ *Юліанскаго*).

Народъ былъ доволенъ правленіемъ Юлія Цезаря; но многіе аристократы только до удобнаго времени затаили свою вражду. Цезарю хотѣлось уничтожить самое имя республики и возложить на себя царскую корону; этимъ желаніемъ онъ усилилъ ненависть знатныхъ людей, которые сожалѣли о паденіи республики. Между сенаторами составился заговоръ на жизнь диктатора. Число заговорщиковъ простиралось до 60; во главѣ ихъ стали Кассій и Юній Брутъ. Послѣдній былъ любимъ и облагодѣтельствованъ Цезаремъ; но ведя происхожденіе отъ того Брута, который прославился при учрежденіи республики, онъ хотѣлъ слѣдовать примѣру предка. Заговорщикамъ удалось привести свой замыселъ въ исполненіе 15 марта 44 г. до Р. Х.

Вотъ нѣкоторыя подробности этого печальнаго событія, передаваемыя Плутархомъ:

Многія знаменія и чрезвычайныя явленія заранѣе предвѣстили Цезарю его судьбу. Онъ получалъ разныя предостереженія о заговорѣ; но не хотѣлъ обращать на нихъ вниманія. Между прочимъ одинъ гадатель предупредилъ Цезаря, что въ мартовскіе иды (т. е 15 марта) ему угрожаетъ великая опасность. На канунѣ этого дня онъ ужиналъ у Лепида. Во время разговора кто то предложилъ вопросъ, какая смерть наилучшая? «Неожиданная» — отвѣчалъ Цезарь. Слѣдующимъ утромъ, жена Цезаря, Кальпурнія, испуганная зловѣщими сновидѣніями умоляла его

ника на эти нѣсколько часовъ. «Какой бдительный консулъ — съострилъ поэтому случаю Цицеронъ:— онъ не спалъ въ теченіе всей своей магистратуры».

не ходить въ сенатъ; жертвоприношенія также дали неблагопріятныя предзнаменованія. Цезарь уступилъ просьбамъ Кальпурніи, и хотѣлъ послать въ сенатъ одного изъ своихъ друзей, Антонія, чтобы распустить собраніе. Но пришелъ Децимъ Брутъ, который подобно Юнію Бруту пользовался довѣріемъ диктатора и былъ однимъ изъ заговорщиковъ. Опасаясь, что бы замыселъ не былъ открытъ въ то время, когда заговорщики уже ждали свою жертву, Децимъ Брутъ началъ смѣяться надъ дурными предзнаменованіями и увѣрялъ диктатора, что сенаторы будутъ очень обижены отсрочкою совѣщаній, особенно если они узнаютъ, что причиною тому женскія сновидѣнія. Онъ взялъ Цезаря за руку и увлекъ его изъ дому. Дорогою одинъ наставникъ изъ грековъ подалъ диктатору записку, прося прочитать ее немедленно. Въ ней сообщались подробности о заговорѣ. Но разныя лица своими разговорами отвлекли вниманіе Цезаря отъ этой записки. Засѣданіе назначено было въ залѣ Помпеева театра. Здѣсь одинъ изъ заговорщиковъ началъ просить диктатора за своего изгнаннаго брата, и, когда получилъ отказъ, схватилъ его за тогу. То былъ условный знакъ. Сенаторъ Каска первый нанесъ ударъ. Цезарь схватился за мечъ, и воскликнулъ: «злодѣй Каска, что ты дѣлаешь?» Въ эту минуту всѣ заговорщики, обнаживъ кинжалы, бросились на диктатора. Онъ хотѣлъ было защищаться; но, увидя Юнія Брута въ числѣ нападающихъ, завернулся въ свою тогу, и упалъ мертвый къ подножію Помпеевой статуи.

Убійцы съ восторгомъ объявили народу о смерти тирана, какъ они называли Цезаря; но обманулись въ своихъ ожиданіяхъ; народъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, и безмолствовалъ. Другъ Цезаря, Антоній, занимавшій въ то время должность консула, устроилъ торжественное сожженіе тѣла на кострѣ (по обычаю того времени); тутъ онъ въ пламенной рѣчи напомнилъ народу заслуги покойнаго. „И ты, непобѣдимый герой, остался невредимъ въ стольких сраженіяхъ для того только, чтобы погибнуть среди насъ!“ — заключилъ свою рѣчь Антоній; при этихъ словахъ онъ развернулъ окровавленную тогу диктатора. Римляне, пришли въ ярость, схватили головни изъ горящаго костра, и хотѣли поджечь домы убійцъ, которые уже успѣли удалиться изъ Рима. Честолюбивый Антоній задумалъ воспользоваться такимъ настроеніемъ народа, чтобы подчинить себѣ сенатъ и самому занять мѣсто Цезаря.

Въ это время возвратился въ Римъ племянникъ покойнаго диктатора Октавій, котораго бездѣтный Цезарь усыновилъ, назначилъ наслѣдникомъ своего имущества, и послалъ въ Грецію для занятія науками. То былъ молодой человѣкъ небольшаго роста, съ виду очень скромный, но необыкновенно хитрый и проницательный. Наслѣдствомъ его уже успѣлъ завладѣть Антоній; Октавій получилъ только часть изъ имуществъ диктатора, и ту онъ немедленно употребилъ на подарки ветеранамъ Цезаря, чѣмъ привлекъ ихъ на свою сторону. Онъ примкнулъ сначала къ республиканской партіи, т. е. къ партіи сената, который тогда находился въ борьбѣ съ Антоніемъ. Престарѣлый Цицеронъ выступилъ опять главою республиканской партіи и началъ громить Антонія своими рѣчами въ сенатѣ, какъ нѣкогда громилъ Катилину (эти рѣчи называются *филиппиками*, въ подражаніе рѣчамъ Демосфена противъ Филиппа). Октавій оказывалъ Цицерону величайшее почтеніе, спрашивалъ его совѣтовъ, писалъ къ нему почти каждый день и называлъ его своимъ отцемъ. Старикъ былъ очарованъ его поведеніемъ; благодаря покровительству Цицерона, сенатъ назначилъ Октавія въ число полководцевъ, отправленныхъ противъ Антонія, который вопреки сенатскому постановленію хотѣлъ взять себѣ въ управленіе Галлію Цизальпинскую.

Во время этой войны Октавій сбросилъ съ себя маску, и вступилъ съ Антоніемъ въ переговоры. Съ ними соединилось еще третье значительное лицо, Лепидъ, правитель Транзальпинской Галліи, и они заключили между собою *второй тріумвиратъ*. Тогда сенатъ остался безъ арміи, и тріумвиры начали распоряжаться въ государствѣ по своему произволу. При этомъ они подвергли преслѣдованію и казнямъ враговъ Цезаря и своихъ собственныхъ съ такою жестокостію, которая напомнила времена Марія и Суллы. Въ числѣ ихъ жертвъ погибъ и знаменитый Цицеронъ. Подобно другимъ аристократамъ, спасавшимся бѣгствомъ, онъ хотѣлъ отплыть въ Македонію; но на дорогѣ къ морю его нагнали посланные убійцы. Головы его требовали Антоній и особенно жена послѣд-

кяго злая Фульвія. Когда ей принесли эту сѣдую голову, Фульвія съ дикою радостью проколола мертвый языкъ булавкою за тѣ рѣчи, которыми онъ преслѣдовалъ ее при жизни.

Между тѣмъ остатки республиканской партіи собрались въ Македоніи вокругъ Брута и Кассія, которые управляли восточными провинціями и приготовили большія военныя силы. Тріумвиры побѣдили ихъ при македонскомъ городкѣ Филиппи. Брутъ и Кассій не хотѣли пережить республику, и въ отчаяніи бросились на свои мечи (42); они были названы „послѣдними римлянами". Побѣдители раздѣлили между собой римскія провинціи: Октавій получилъ западъ, Лепидъ Африку, Антоній восточныя области. Но согласіе между ними существовало недолго. Октавій отнялъ у Лепида его провинцію, и исключилъ его изъ тріумвировъ. Потомъ наступила очередь Антонія.

Пылкій Антоній попалъ въ сѣти египетской царицы Клеопатры. Забывъ всѣ свои дѣла, онъ жилъ при ея Александрійскомъ дворѣ, занимаясь пирами, охотой и другими удовольствіями, и наконецъ началъ раздавать римскія области сыновьямъ Клеопатры. Хитрый Октавій воспользовался его неблагоразуміемъ, и побудилъ сенатъ объявить войну египетской царицѣ; а Антоній рѣшился ее защищать. Между Октавіемъ и Антоніемъ произошла морская битва у западныхъ береговъ Греціи, при мысѣ Акціумѣ; флотомъ Октавія начальствовалъ искусный его полководецъ Агриппа. Клеопатра сопровождала Антонія въ походѣ: но вдругъ во время самой битвы она велѣла своимъ кораблямъ плыть въ Египетъ. Антоній покинулъ сраженіе и поспѣшилъ за нею. Послѣ чего флотъ его былъ разбитъ; а сухопутное войско, оставшись безъ предводителя, перешло на сторону Октавія.

Октавій послѣдовалъ въ Египетъ, и явился передъ стѣнами Александріи. Тогда Клеопатра измѣнила Антонію, и вошла въ переговоры съ побѣдителемъ. Она спряталась въ одну башню, и велѣла сказать Антонію, что умерла. Антоній въ отчаяніи произилъ себя мечомъ. Клеопатра хотѣла очаровать Октавія

также, какъ она очаровала Юлія Цезаря и Антонія. Ей было уже около 40 лѣтъ; но она еще не утратила своей граціи, а главное надѣялась на свой умъ и искусство нравиться. Зная серьезный, сдержанный характеръ Октавія, царица при первомъ свиданьѣ приняла его въ глубокомъ траурѣ съ грустнымъ выраженіемъ лица, много говорила ему о Юліѣ Цезарѣ и читала Цезаревы письма. Но Октавій остался холоденъ ко всѣмъ усиліямъ ея кокетства, и видѣлъ въ ней только драгоцѣнное украшеніе для своего тріумфальнаго въѣзда въ Римъ. Гордая царица не хотѣла дожить до такого униженія, и отравилась. Ее нашли распростертою на золотомъ ложѣ въ парадномъ царскомъ одѣяніи; у ногъ ея были двѣ вѣрныя служанки, также лишившія себя жизни.

Послѣ того Августъ объявилъ Египетъ римскою провинціей. Онъ воротился въ Римъ уже единодержавнымъ повелителемъ государства (30 г. до Р. Х.). Такимъ образомъ Римская республика обратилась въ имперію.

XI. РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ.

Характеръ Августова правленія. Заботы о провинціяхъ. Постройки. Тевтобургскій лѣсъ. Семейныя отношенія. Тиверій и Германикъ. Сеянъ. Безуміе Калигулы. Клавдій. Злодѣйства Нерона. Разрушеніе Іерусалима. Веспасіанъ. Титъ. Геркуланъ и Помпея. Домиціанъ. Траянъ. Адріанъ. Маркъ Аврелій. Господство солдатъ. Септимій Северъ и его династія. Смутный періодъ. Діоклетіанъ и его соправители. Константинъ Великій. Христіанство. Перенесеніе столицы. Новое устройство имперіи. Юліанъ Отступникъ. Валентъ. Θеодосій Великій и раздѣленіе имперіи.

Октавій, получившій прозваніе *Августа* (священнаго), управлялъ государствомъ неограниченно; но онъ не отмѣнилъ ни сената, ни консуловъ и другихъ сановниковъ; жилъ безъ особенной пышности, и не принималъ царскаго титула, а при-

своилъ себѣ преимущественно званіе *императора*, что означало прежде полководца; это званіе сосредоточивало въ его рукахъ начальство надъ всѣми военными силами. Кромѣ того онъ соединилъ въ своей особѣ почти всѣ высшія должности республики (консула, цензора, трибуна и верховнаго жреца), а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ отрасли государственнаго управленія.

Народъ римскій, утомленный долгими смутами и междоусобіями, былъ доволенъ наставшимъ спокойствіемъ, и охотно подчинился монархической власти. Единственнымъ кликомъ римской черни сдѣлались слова: „хлѣба и игръ!" (*panem et circenses.*); императоръ доставлялъ ей и то и другое. Иногда хитрый Августъ притворно изъявлялъ намѣреніе сложить съ себя правленіе; тогда народъ усердно просилъ его остаться. Вообще Августъ умно и заботливо управлялъ огромнымъ Римскимъ государствомъ, которое простиралось отъ Атлантическаго океана до Эвфрата и отъ Дуная до пустынь Сагары и водопадовъ Нила. Оно заключало въ себѣ болѣе 100,000,000 жителей. Августъ точнѣе раздѣлилъ его на провинціи; чтобы тѣснѣе соединить ихъ съ Римомъ, умножалъ дороги и каналы. Въ провинціяхъ, пограничныхъ съ враждебными сосѣдями, расположены были римскіе легіоны, числомъ до 25; они заключали до 400,000 человѣкъ; эти легіоны набирались уже большею частію не изъ собственныхъ римлянъ, а изъ покоренныхъ народовъ. Пограничныя провинціи поручены военнымъ начальникамъ, подчиненнымъ непосредственно императору, и потому названы „императорскими"; остальныя области напротивъ сохранили управленіе гражданское, подчиненное римскому сенату, и названы „сенатскими" *.

---

* Къ сенатскимъ отнесены преимущественно тѣ провинціи, которыя окружали Средиземное море; ихъ населяли народы по большей части мирные, промышленные, уже привыкшіе къ римскому владычеству; таковы: Греція и Македонія, большая часть Малой Азіи, Сицилія, Киренаика, Африка (т. е. Карфагенская область), Нумидія, Бэтика (южная Испанія), Галлія Нербон-

Доходы съ первыхъ провинцій шли прямо въ *фискъ* или императорскую казну; а съ сенатскихъ въ *эраріумъ*, т. е. въ государственное казначейство. Относительно провинцій введено важное улучшеніе. Прежде должность намѣстниковъ или правителей была безмездна; но зато они сами вознаграждали себя, обирая жителей; Августъ назначилъ имъ жалованье, и внимательно надзиралъ за ихъ поведеніемъ; искусныхъ и усердныхъ правителей онъ оставлялъ въ ихъ должности далѣе годоваго срока, который усвоенъ былъ во времена республики. Вообще Августъ заботами своими о провинціяхъ старался показать, что онъ не дѣлаетъ разницы между ними и Италіей; въ теченіе своего царствованія онъ лично и по-нѣскольку разъ посѣтилъ большую часть провинцій.

Въ самой столицѣ императоръ учредилъ нѣсколько когортъ или отрядовъ полицейской стражи, и тѣмъ водворилъ тишину и безопасность; а для себя устроилъ особую гвардію, извѣстную подъ именемъ „преторьянцевъ". Онъ много заботился объ украшеніи Рима дорогими постройками храмовъ, театровъ, бань и т. п.; такъ что въ послѣдствіи онъ не безъ основанія говорилъ: „Я нашелъ Римъ кирпичнымъ, а оставляю его мраморнымъ". Въ этихъ сооруженіяхъ помогалъ Августу въ особенности его другъ и совѣтникъ Агриппа; между прочимъ Агриппа построилъ изящный храмъ Пантеонъ, имѣющій круглую форму и сохранившійся до нашего времени. Другой совѣтникъ и приближенный человѣкъ императора, Меценатъ, пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность покровительствомъ поэтамъ и писателямъ (такъ что его имя сдѣлалось нарицательнымъ). Изъ поэтовъ Августова вѣка, названнаго Золотымъ вѣкомъ римской литературы, наиболѣе знаменитые и близкіе къ Меценату были Виргилій и Горацій.

ская (или юговосточная). Императорскія провинціи составляли области, расположенныя по берегамъ Атлантическаго океана. Рейна, Дуная, Евфрата и Нила, т. е: Лузитанія (нынѣ Португалія), Испанія Тарраконская (сѣверовосточная), Аквитанія (югозападная Галлія). Лугдунская (или средняя) Галлія. Белгика. Далмація, Сирія, Египетъ и пр.

Августъ заботился не столько о новыхъ завоеваніяхъ, сколько объ охраненіи и укрѣпленіи обширныхъ римскихъ границъ. Поэтому войны, веденныя имъ, были незначительны и имѣли преимущественно оборонительный характеръ; таковы военныя дѣйствія его полководцевъ въ сѣверной Испаніи, въ Альпійскихъ странахъ (Реція, Винделиціи и Норикѣ), и усмиреніе обитателей Далмаціи и Панноніи. Парфяне, вслѣдствіе однихъ только переговоровъ, добровольно возвратили римскія знамена и плѣнниковъ, захваченныхъ вмѣстѣ съ Крассомъ. При Августѣ начинается продолжительная борьба римлянъ съ воинственными германскими племенами. Римскіе легіоны, предводимые храбрымъ Друзомъ, пасынкомъ императора, изъ Галліи перешли на правую сторону Рейна, и привели въ зависимость отъ Рима часть западныхъ германскихъ народовъ. Возвращаясь послѣ одного изъ удачныхъ походовъ въ Германіи, Друзъ упалъ несчастливо съ лошади, и умеръ. Братъ его и преемникъ Тиверій докончилъ покореніе западной Германіи. Здѣсь уже начали водворяться римское управленіе и римскіе обычаи; знатные германцы дружились съ римлянами и охотно вступали въ римскую военную службу. Но вскорѣ обстоятельства измѣнились.

Римскимъ намѣстникомъ въ западной Германіи былъ назначенъ нѣкто Варъ, человѣкъ гордый и корыстолюбивый, который своими притѣсненіями раздражалъ германцевъ. Одинъ изъ князей племени Херусковъ, Арминій или Германъ, воспитавшійся въ римской военной службѣ, тайно возбудилъ германцевъ къ возстанію. Варъ съ тремя легіонами пошелъ на мятежниковъ, и неосторожно углубился въ мрачный Тевтобургскій лѣсъ. Здѣсь со всѣхъ сторонъ напали на него скрытые въ засадѣ германцы. Не смотря на мужественную оборону, римляне были совершенно разбиты Арминіемъ, и Варъ въ отчаяніи бросился на свой мечъ. Римскіе плѣнники принесены въ жертву германскимъ богамъ или обращены въ рабство. (Въ 9 году по Рождествѣ Христовѣ). Говорятъ, Августъ, получивъ извѣстіе объ этомъ пораженіи, ударился

головою объ стѣну, и нѣсколько разъ воскликнулъ: „Варъ, Варъ! отдай мнѣ мои легіоны". Съ того времени владычество римлянъ въ западной Германіи было уничтожено, и Рейнъ сдѣлался границею имперіи. Берега его были защищены рядомъ укрѣпленныхъ римскихъ колоній, изъ которыхъ самыми замѣчательными городами впослѣдствіи сдѣлались *Майнцъ и Кёльнъ.*

Августъ не былъ счастливъ въ семейной жизни. Послѣдніе годы свои онъ проводилъ почти въ одиночествѣ. Племянникъ его Марцеллъ (сынъ его сестры Октавіи), подававшій прекрасныя надежды, предназначался ему въ преемники; но рано былъ похищенъ смертію. Впослѣдствіи одинъ за другимъ умерли два внука Августа, сыновья его дочери Юліи (бывшей въ замужествѣ за его другомъ Агриппой); а третій ея сынъ отправленъ въ заточеніе; сама Юлія за свое безнравственное поведеніе также подверглась ссылкѣ. Гибель Августовыхъ наслѣдниковъ по большей части приписывалась кознямъ его второй супруги, злой, коварной Ливіи, которая хотѣла проложить дорогу къ престолу своему сыну отъ перваго брака, Тиверію. Дѣйствительно, по ея настоянію Августъ усыновилъ Тиверія, и назначилъ его своимъ преемникомъ. За тѣмъ семидесятишестилѣтній императоръ скончался (въ 14 г. по Р. Х.); въ его смерти подозрѣніе пало также на Ливію *.

---

* Вотъ главные члены Августова дома:

Октавіанъ его супр. Скрибонія
I
Юлія (Агриппа)

Кай, Луцій, Агриппа Постумъ, Агриппина Старшая.

Ливія (въ первомъ бракѣ съ Клавд. Нерономъ)

Тиверій. Друзъ

Германикъ (его супруга Агриппина Старшая). *Клавдій* (его супр. Мессалина).

Калигула, Агриппина Младшая (въ перв. б. съ Домиціемъ).
I
Неронъ.

I
Британикъ

Въ тридцатомъ году Августова царствованія въ Виѳлеемѣ, маленькомъ городкѣ отдаленной римской провинціи Іудеи, родился Христосъ Спаситель. Его проповѣдь, страданія и смерть совершились въ царствованіе слѣдующаго императора, Тиверія.

Тиверій (14—37 г.) былъ умный, дѣятельный и очень бережливый правитель. Онъ неусыпно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы чиновники исполняли законы и не угнетали народъ. Римскія области пользовались при немъ спокойствіемъ и правосудіемъ. Племянникъ Тиверія, Германикъ, своими побѣдами надъ германцами возстановилъ на сѣверѣ славу римскаго оружія. Во время одного изъ своихъ походовъ противъ Арминія онъ вступилъ въ Тевтобургскій лѣсъ; груды тлѣвшихъ костей обозначали мѣсто, гдѣ погибли легіоны Вара; они были теперь съ честію преданы землѣ. Когда Германикъ былъ отозванъ Тиверіемъ изъ сѣверныхъ провинцій и отправленъ на востокъ, походы римлянъ въ Германію прекратились; но въ это время возникла междоусобная война въ самой Германіи. Арминію или Герману удалось образовать большой союзъ изъ сѣверногерманскихъ племенъ; въ то же время Марбодъ, король маркомановъ (жившихъ въ Богеміи), сталъ во главѣ другаго союза, составленнаго изъ нѣкоторыхъ южногерманскихъ племенъ. Марбодъ явился соперникомъ Арминія и союзникомъ римлянъ; а хитрый Тиверій искусно раздувалъ вражду между предводителями германцевъ. Въ этой междоусобной войнѣ Марбодъ былъ побѣжденъ, и умеръ бѣглецомъ въ Италіи; но и Арминій вскорѣ погибъ отъ руки своихъ завистниковъ, и союзъ, составленный имъ, распался.

Въ самомъ Римѣ еще сильна была партія аристократовъ, которые жалѣли о своемъ прежнемъ владычествѣ, и, показывая чрезвычайное раболѣпіе передъ императоромъ, втайнѣ заводили противъ него разныя интриги. А Тиверій былъ очень подозрителенъ и наклоненъ къ мстительности. Говорятъ, жертвою его подозрительности палъ благородный Гер-

маникъ: народъ оказывалъ ему такую любовь, что дядя счелъ его опаснымъ для себя, и, назначивъ его правителемъ восточныхъ провинцій, поручилъ Пизону, намѣстнику Сиріи, отравить племянника. Когда Агриппина, образецъ строгой, добродѣтельной римской матроны, прибыла въ Римъ съ погребальною урною, заключавшею пепелъ ея супруга, народъ встрѣтилъ ее выраженіями глубокой печали. Она обвинила Пизона въ смерти Германика и потребовала у сената правосудія; сенатъ назначилъ слѣдствіе; но въ одно утро Пизонъ былъ найденъ въ своемъ домѣ мертвымъ (неизвѣстно, слѣдствіе убійства или самоубійства). Агриппина, спустя нѣсколько лѣтъ, отправлена въ заточеніе на одинъ пустынный островъ, гдѣ, какъ говорятъ, уморила себя голодомъ. Два ея старшихъ сына также погибли; остался въ живыхъ только младшій, Кай Калигула.

Подозрительностію Тиверія воспользовался его недостойный любимецъ Сеянъ, префектъ преторьянцевъ, и возбудилъ въ немъ такую боязнь заговоровъ, что Тиверій началъ безъ пощады истреблять людей, казавшихся ему опасными. Онъ привелъ въ дѣйствіе кровавый законъ *объ оскорбленіи величества*, по которому даже непочтительно отозвавшійся объ императорѣ подвергался казни; доносчики щедро награждались изъ имѣнія осужденнаго. Потому число низкихъ шпіоновъ и доносчиковъ чрезвычайно расплодилось, и между ними часто встрѣчались люди аристократическихъ фамилій; до такой степени упала въ Римѣ нравственность. Сеянъ уже надѣялся самому себѣ проложить дорогу къ престолу, и съ этою цѣлью увѣрилъ Тиверія, что жизнь его въ Римѣ не безопасна. Императоръ удалился на маленькій скалистый островъ Капрею (при входѣ въ Неаполитанскій заливъ), и провелъ здѣсь почти всю вторую половину своего царствованія. Замыслы Сеяна открылись, и онъ погибъ; но казни аристократовъ не прекращались до самой смерти Тиверія (который, по расказу историка Тацита, былъ задушенъ преемникомъ Сеяна, Макрономъ).

Наслѣдникомъ его былъ *Калигула*, сынъ Германика (37—41). Народъ встрѣтилъ его съ радостію, и начало его царствованія было довольно счастливо. Но послѣ одной болѣзни Калигула обнаружилъ явные признаки помѣшательства. Напримѣръ, онъ затѣялъ строить великолѣпный мостъ черезъ морской заливъ; а людей казнилъ просто для своего удовольствія, и сожалѣлъ, что человѣчество не имѣетъ одну только голову, чтобы отрубить ее разомъ. Наконецъ онъ былъ убитъ собственнымъ тѣлохранителемъ.

Сенатъ или аристократическая партія думала воспользоваться смертію Калигулы, чтобы возстановить республику; но народъ и солдаты предпочитали имперію. Преторіанцы возвели на престолъ дядю Калигулы *Клавдія* (41—54 г.). Онъ отличался чрезвычайною слабостью характера, и потому настоящими правителями государства сдѣлались его безнравственная жена Мессалина и любимцы изъ вольноотпущенныхъ, Нарцисъ, Палласъ и др. Эти правители продавали за деньги государственныя должности и правосудіе, и заставляли императора подписывать смертные приговоры недовольнымъ. Но между тѣмъ какъ въ Римѣ господствовала жестокая тираннія, относительно провинцій Клавдій продолжалъ политику Тиверія, и, чтобы тѣснѣе связать ихъ съ Римомъ, распространилъ на многихъ провинціаловъ права римскаго гражданства. Въ это царствованіе римское оружіе прославилось новыми побѣдами и завоеваніями; именно, на сѣверѣ начато было покореніе Британіи, а на югѣ окончено завоеваніе Мавританіи, которая обращена въ римскую провинцію. Между тѣмъ Мессалина довела свое безстыдство до того, что при жизни мужа публично отпраздновала свою свадьбу съ однимъ молодымъ римляниномъ. Вольноотпущенные любимцы воспользовались этимъ поступкомъ, чтобы исторгнуть у Клавдія ея смертный приговоръ. Потомъ они устроили бракъ императора съ его племянницею Агриппиною Младшею. Это была умная, энергичная женщина, но глубоко испорченная и готовая на всякое преступленіе для достиженія своихъ цѣлей.

У Клавдія отъ Мессалины былъ сынъ Британикъ. Но Агриппина хотѣла доставить престолъ своему сыну отъ перваго ея брака, Нерону, и по ея настоянію Клавдій усыновилъ Нерона. Потомъ она отравила Клавдія (съ помощью знаменитой составительницы ядовъ Локусты), и преторьянцы, которымъ была обѣщана богатая награда, провозгласили Нерона императоромъ.

Неронъ (54—68) получилъ хорошее образованіе, благодаря попеченіямъ матери, которая дала ему въ наставники знаменитаго философа Сенеку. Въ началѣ онъ показалъ себя добрымъ государемъ. «Я желалъ бы не умѣть писать!»—воскликнулъ онъ однажды, когда ему принесли для подписи смертный приговоръ. Но порочныя наклонности превозмогли. Мало по малу онъ сдѣлался свирѣпымъ тираномъ; истребилъ своихъ родственниковъ (между прочимъ отравилъ Британика), велѣлъ убить собственную мать Агриппину, а потомъ и своего учителя Сенеку, чтобы никто не мѣшалъ ему предаваться постыдному образу жизни вмѣстѣ съ низкими льстецами и буйными товарищами. Истощивъ казну своей безумной расточительностію, онъ безпрестанно осуждалъ на смерть или ссылалъ богатыхъ людей, и бралъ себѣ ихъ имущества *. Страшный пожаръ опустошилъ Римъ; говорятъ, Неронъ съ террасы своего дворца любовался пламенемъ и воспѣвалъ при этомъ пожаръ Трои. Потомъ онъ обвинилъ въ поджогѣ христіанъ, и воздвигъ противъ нихъ первое гоненіе. Христіанъ распинали на крестѣ, зашивали въ шкуры звѣрей и травили собаками; обливъ смолой, ихъ вѣшали на деревьяхъ въ садахъ Нерона, и за-

---

* Въ числѣ жертвъ Нерона погибъ и сенаторъ Тразеа Петъ, послѣдователь стоической философіи; Тацитъ говоритъ, что «это была сама добродѣтель». Когда послѣ убійства Агриппины въ сенатѣ прочтено было оправдательное посланіе Нерона (сочиненное Сенекой) и сенаторы наперерывъ расточали лесть передъ тираномъ, Тразеа, не сказавъ ни слова, всталъ и вышелъ изъ сената. Нравственный авторитетъ его былъ такъ великъ, что лучшіе граждане, по замѣчанію Тацита, справлялись не только о томъ, что Тразеа сказалъ въ сенатѣ, но и о томъ когда онъ молчалъ.

жигали вмѣсто факеловъ во время празднествъ, которыя онъ давалъ тамъ народу. Въ эпоху этого гоненія казнены апостолы Петръ и Павелъ.

У Нерона особенно развилась страсть къ пѣнію и игрѣ на лирѣ. Онъ воображалъ себя великимъ артистомъ, и началъ участвовать въ театральныхъ представленіяхъ. Зрители при этомъ краснѣли отъ стыда, но подъ страхомъ смертной казни должны были рукоплескать и приходить въ восторгъ отъ его пѣнія. Будущій императоръ Веспасіанъ едва не поплатился жизнію за то, что задремалъ однажды во время Нероновой игры на сценѣ. Неронъ недовольствовался подобными успѣхами въ Римѣ; онъ отправился въ Грецію, чтобы пожать театральные лавры и въ этой странѣ художниковъ. Наконецъ народъ вышелъ изъ терпѣнія, легіоны возмутились. Неронъ, всѣми оставленный, бѣжалъ въ загородное помѣстье одного своего вольноотпущенника, и тамъ послѣ долгаго колебанія рѣшился пронзить себя мечемъ. Послѣднія его слова были: „Какой великій артистъ погибаетъ!“

Смертью Нерона прекратилась фамилія Августа. Наступили смуты и междоусобія; въ разныхъ мѣстахъ легіоны провозглашали императорами своихъ предводителей. Въ теченіи двухъ лѣтъ въ Римѣ перемѣнилось три императора (именно: суровый старикъ *Гальба*, убитый преторьянцами за свою скупость; *Оттонъ*, бывшій товарищъ развратной жизни Нерона, и *Вителлій*, отличившійся непомѣрнымъ обжорствомъ и расточительностію; въ теченіе осьмимѣсячнаго царствованія онъ истратилъ на свои пиры до 50.000.000 руб. сер. на наши деньги). Наконецъ на престолѣ утвердился четвертый, *Веспасіанъ*, начальникъ сирійскихъ легіоновъ, который въ то время усмирялъ іудеевъ.

Послѣ того какъ Помпей привелъ Палестину въ зависимость отъ Рима, тамъ утвердилась династія идумеянина Антипатра. Сынъ его Иродъ, покровительствуемый римлянами, низвергъ потомство Маккавеевъ, и получилъ царскій титулъ (37 г. до Р. Х.). Этотъ царь своей чрезвычайною жестоко-

стью и подражаніемъ римскимъ обычаямъ навлекъ на себя общую народную ненависть. Династія его недолго держалась на престолѣ. По смерти его внука Агриппы (44 г. по Р. Х.) императоръ Клавдій обратилъ Іудею въ римскую провинцію, и поручилъ ея управленіе прокураторамъ. Жестокость и корыстолюбіе этихъ правителей раздражили еврейскій народъ и побудили его къ единодушному возстанію противъ римскаго владычества (65 г.). Первыя военныя дѣйствія римлянъ были неудачны, и Неронъ назначилъ въ Іудею одного изъ лучшихъ своихъ полководцевъ, Веспасіана. Предводительствуя сильнымъ войскомъ, Веспасіанъ началъ завоеваніе іудейскихъ городовъ; но встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Особенно большихъ усилій стоила ему осада крѣпости Іотапаты, гдѣ начальствовалъ Іосифъ Флавій (описавшій потомъ эту войну); крѣпость наконецъ взята только съ помощью измѣны; при чемъ было избито до 40,000 евреевъ *. Провозглашенный императоромъ, Веспасіанъ поспѣшилъ въ Римъ, и поручилъ окончаніе войны своему сыну Титу. Послѣдній осадилъ Іерусалимъ. Осажденные гибли отъ голода, но защищались съ отчаннымъ мужествомъ; когда городъ былъ взятъ, они держались еще въ іерусалимскомъ храмѣ, пока римляне его не подожгли. Іерусалимъ былъ совершенно разрушенъ (70 г. по Р. Х.). Послѣ того оставшіеся въ живыхъ іудеи начали покидать отечество и расходиться по разнымъ странамъ; прекрасная Іудея мало-по-малу обращалась въ пустыню. Въ память этого завоеванія Титу воздвиг-

* О степени ожесточенія воюющихъ сторонъ можетъ свидѣтельствовать еще слѣдующій фактъ. Послѣ взятія Іотапаты Іосифъ Флавій скрылся въ пещерѣ вмѣстѣ съ сорока евреями. Онъ предложилъ было сдаться римлянамъ; но за это едва не былъ убитъ своими товарищами, которые отвергали всякую мысль о сдачѣ. Рѣшено было всѣмъ умереть, и евреи начали поочереди умерщвлять другъ друга. Но Іосифъ устроилъ такъ, что онъ и еще одинъ еврей остались послѣдними; тогда они бѣжали къ Веспасіану. Остальную свою жизнь Іосифъ провелъ въ Римѣ, и тамъ написалъ многія сочиненія, изъ которыхъ самыя замѣчательныя: „Описаніе Іудейской войны» и «Іудейскія древности».

нута въ Римѣ мраморная тріумфальная арка; на ней еще и теперь видны барельефы, которые изображаютъ храмовые сосуды и другіе предметы добычи, взятой при разграбленіи Іерусалима.

Веспасіанъ (70—79) началъ собою рядъ хорошихъ императоровъ, которыхъ царствованіе обнимаетъ болѣе ста лѣтъ. Своею строгостію онъ возстановилъ въ войскѣ дисциплину; бережливостью поправилъ государственные финансы, а уничтоженіемъ судовъ объ оскорбленіи величества стѣснилъ вредное ремесло шпіоновъ и доносчиковъ. Бережливость, переходившая въ скупость, не помѣшала ему украсить Римъ многими величественными постройками; самая знаменитая изъ нихъ это Колизей—огромный амфитеатръ, который могъ вмѣщать въ себя болѣе 80.000 зрителей. Въ образѣ жизни своей Веспасіанъ подавалъ подданнымъ примѣръ порядка, экономіи и чрезвычайной дѣятельности. (Говорятъ, на смертномъ одрѣ онъ усиливался встать, замѣтивъ, что государь, долженъ умереть стоя). Кромѣ усмиренія евреевъ царствованіе его ознаменовано еще возстаніемъ народа Батавовъ (на устьяхъ Рейна); вождемъ ихъ явился умный, храбрый Цивилисъ; онъ увлекъ въ это возстаніе сосѣднія прирейнскія племена галловъ и германцевъ, и нанесъ римлянамъ нѣсколько пораженій. Но несогласія союзныхъ съ нимъ галловъ ослабили силу возстанія, и оно было наконецъ усмирено полководцемъ Цереалисомъ. Другой полководецъ Веспасіана, Агрикола, докончилъ покореніе бо́льшей части Британскаго острова; чтобы обезопасить эту часть отъ сѣверныхъ горцевъ (Каледонянъ или Пиктовъ и Скоттовъ), онъ построилъ рядъ укрѣпленій въ самомъ узкомъ мѣстѣ острова, т. е. между заливами Клейдъ и Фортъ.

Сынъ и наслѣдникъ Веспасіана *Титъ* (79—81) прославился своею добротою и милосердіемъ; народъ прозвалъ его „утѣшеніемъ человѣческаго рода“. Но его короткое царствованіе было омрачено тремя бѣдствіями: трехдневнымъ страшнымъ пожаромъ въ Римѣ, моровою язвою въ Италіи и ужаснымъ изверженіемъ Везувія; при чемъ лавою и пепломъ завалило

два ближніе города: Геркуланъ и Помпею. Ученый римскій естествоиспытатель, Плиній, хотѣлъ наблюдать поближе изверженіе Везувія, сѣлъ на корабль, и неустрашимо отправился къ подошвѣ горы; но тамъ погибъ. (Это событіе описано его племянникомъ Плиніемъ Младшимъ въ письмахъ къ историку Тациту). Съ небольшимъ за сто лѣтъ до нашего времени случайно отрыли слѣды Геркулана; съ тѣхъ поръ постоянно производятся раскопки на томъ мѣстѣ. Въ этихъ погибшихъ городахъ сохранились почти въ цѣлости дома, утварь, статуи, картины и пр.; такъ что они превосходно знакомятъ насъ съ образомъ жизни древнихъ римлянъ.

Только братъ Тита *Домиціанъ* (81—96) своимъ жестокимъ правленіемъ на нѣсколько лѣтъ прерываетъ рядъ добрыхъ государей. Возобновились времена Тиверія и Нерона; снова началъ дѣйствовать законъ объ оскорбленіи величества, и выступили толпы доносчиковъ. Гордость Домиціана дошла до того, что онъ приказывалъ называть себя богомъ; христіане, отказавшіеся давать ему это названіе, навлекли на себя жестокое гоненіе. Онъ велъ неудачную войну съ Децебаломъ, царемъ дакійцевъ (обитавшихъ въ нынѣшней Молдо-Валахіи и Трансильваніи) и золотомъ купилъ у него миръ; тѣмъ не менѣе устроилъ себѣ тріумфъ и принялъ названіе „Дакійскаго". Наконецъ онъ погибъ вслѣдствіе заговора, составленнаго его приближенными (въ томъ числѣ его женою), которые опасались потерять свою жизнь по капризу тирана *.

---

* Главная причина того, что въ Римѣ нерѣдко господствовали подобные тираны, заключалась въ совершенномъ упадкѣ римской нравственности. Тираны всегда находили вокругъ себя униженную раболѣпную толпу, которая каждую ихъ жестокость готова была прославлять какъ геройскій подвигъ. (Мало того, вошло въ обычай возводить императоровъ еще при жизни ихъ въ санъ боговъ и воздвигать имъ алтари). Римляне уже отвыкли заботиться объ общественныхъ дѣлахъ; знатные и богатые граждане болѣе всего дорожили теперь своимъ покоемъ и своими удовольствіями.

Вотъ какимъ образомъ Ювеналъ въ одной изъ своихъ сатиръ осмѣиваетъ Домиціана и римскихъ сенаторовъ. Одинъ бѣдный рыбакъ поймалъ

Послѣ Домиціана на престолъ былъ выбранъ престарѣлый, добродушный сенаторъ *Нерва* (96—98). Онъ усыновилъ себѣ отличнаго полководца Траяна, родомъ испанца, и назначилъ его своимъ преемникомъ. *Траянъ* (98—117) любилъ войну, и ознаменовалъ свое царствованіе новыми завоеваніями. Во первыхъ, онъ побѣдилъ Децебала, обратилъ Дакію въ римскую провинцію, и переселилъ туда множество римскихъ колонистовъ (изъ смѣшенія ихъ съ туземцами образовалось т. наз. Романское или Румынское племя). Потомъ Траянъ предпринималъ нѣсколько счастливыхъ походовъ на востокъ, присоединилъ Арменію, побѣдилъ парѳянъ, и раздвинулъ римскую границу до Тигра. Но любовь народную онъ пріобрѣлъ собственно своимъ благороднымъ характеромъ. Онъ имѣлъ слабость къ вину, и издалъ приказъ не исполнять его распоряженій, сдѣланныхъ послѣ пиршества. Однако и этотъ, по мнѣнію народа „лучшій", римскій императоръ не могъ воздержаться отъ гоненія на христіанъ. Памятникомъ его до сихъ поръ служитъ въ Римѣ огромная Траянова Колонна, на вершинѣ которой стояла прежде бронзовая вызолоченная статуя императора; на четырехъ сторонахъ ея пьедестала изображены побѣды Траяна надъ варварами.

Преемникомъ Траяна былъ его родственникъ *Адріанъ*, также испанецъ (117—138). Онъ отличался высокимъ образованіемъ, любовью къ искусствамъ и миролюбивымъ характе-

---

въ Адріатическомъ морѣ большую дорогую рыбу, и очень испугался: пожалуй кто нибудь изъ шпіоновъ донесетъ, что эта рыба бѣглая, что она откормлена въ садкахъ самого цезаря. Чтобы не навлечь на себя бѣды, онъ приноситъ рыбу къ Домиціану въ его загородную виллу и проситъ принять въ даръ Цезарь посылаетъ въ Римъ гонцовъ звать сенаторовъ на совѣщаніе о важномъ государственномъ дѣлѣ, т. е. о томъ, что дѣлать съ рыбой. Въ Римѣ все пришло въ смятеніе, и сенаторы сильно перепугались. Собравшись у цезаря, они начинаютъ произносить высокопарныя хвалебныя рѣчи въ честь рыбы. Самый тучный и самый прожорливый изъ нихъ подаетъ мнѣніе, что для такой рыбы надобно заказать особое огромное блюдо. Мнѣніе его принято Цезаремъ; послѣ того засѣданіе закрывается, и сенаторы получаютъ приказаніе удалиться.

ромъ (нечуждымъ впрочемъ нѣкоторой суровости и тщеславія). Онъ возвратилъ парѳянамъ завоеванную Траяномъ Месопотамію, находя предѣлы имперіи и безъ того слишкомъ обширными, и всю свою дѣятельность посвятилъ ея внутренней администраціи или управленію. Большую часть своего царствованія Адріанъ провелъ въ путешествіяхъ; онъ лично посѣтилъ всѣ провинціи, тщательно изслѣдовалъ ихъ состояніе и вездѣ оставлялъ слѣды своего правительственнаго генія. Путешествія эти онъ совершалъ во главѣ своихъ легіоновъ и нерѣдко пѣшкомъ, безъ всякой пышности. Любя архитектурное искусство, Адріанъ украсилъ многіе города превосходными общественными зданіями (онъ окончилъ храмъ Зевеса Олимпійскаго въ Аѳинахъ); основалъ также и нѣсколько новыхъ городовъ (напримѣръ Адріанополь во Ѳракіи и Антиноополь въ Египтѣ; послѣдній названъ такъ въ честь его любимца Антиноя, очень красиваго юноши, который утонулъ въ Нилѣ). Въ Римѣ великолѣпнымъ памятникомъ его строительной дѣятельности служитъ Мавзолей Адріана (теперь замокъ св. Ангела). Одинъ изъ ученыхъ римскихъ юристовъ того времени, Сальвій Юліанъ, чтобы внести болѣе порядка и однообразія въ судебныя рѣшенія, по порученію императора собралъ прежніе эдикты (постановленія) преторовъ, и составилъ изъ нихъ родъ свода законовъ, который былъ изданъ подъ именемъ „постояннаго эдикта". Мирный характеръ этого царствованія былъ нарушенъ только новымъ возстаніемъ евреевъ. Адріанъ велѣлъ на мѣстѣ разореннаго Іерусалима заложить римскую колонію подъ именемъ Эліи Капитолины, и на холмѣ, гдѣ стоялъ Соломоновъ храмъ, построить храмъ Юпитера Капитолійскаго. Евреи, возбуждаемые однимъ лжемессіей (Баркохба), снова взялись за оружіе; цѣлые три года продолжалась ожесточенная война, въ которой погибло болѣе полумилліона евреевъ; Іудея окончательно запустѣла; остатокъ народа проданъ въ рабство или разсѣялся по другимъ странамъ.

Адріану наслѣдовалъ усыновленный имъ *Антонинъ Пій*,

т. е. *Благочестивый*, родомъ изъ южной Галліи (138—161). Его царствованіе протекло въ глубокомъ мирѣ для имперіи. Слава о его добродѣтеляхъ распространялась такъ далеко, что цари Индіи и восточной Персіи избирали его посредникомъ въ своихъ распряхъ. Антонинъ Пій въ свою очередь усыновилъ и назначилъ себѣ преемникомъ *Марка Аврелія*, прозваннаго *Философомъ* (161—180). Послѣдній отличался очень простымъ умѣреннымъ образомъ жизни, любилъ науки и самъ писалъ философскія сочиненія; онъ былъ послѣдователь стоической школы. Маркъ Аврелій долженъ былъ вести трудную войну съ германскими народами (Маркоманами и Квадами), которые начали тѣснить сѣверныя римскія границы; во время этой войны онъ умеръ на Дунаѣ въ римской колоніи *Виндобона* или нынѣшняя Вѣна. Здѣсь на берегахъ Дуная посреди военныхъ тревогъ и опасностей онъ написалъ рядъ превосходныхъ правилъ стоической философіи, подъ заглавіемъ: „Къ самому себѣ“. Строгій къ себѣ и снисходительный къ другимъ (за исключеніемъ христіанъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ), Маркъ Аврелій терпѣлъ много огорченій отъ недостойнаго поведенія своего сына Коммода и супруги Фаустины.

Со смертію Марка Аврелія окончился счастливый періодъ Римской имперіи. Сынъ его *Коммодъ* (180—192) принадлежалъ къ числу наиболѣе порочныхъ тирановъ. Какъ Неронъ искалъ славы артиста, такъ Коммодъ хотѣлъ прослыть римскимъ Геркулесомъ; владѣя большою физическою силою, онъ унижалъ свой санъ участіемъ въ гладіаторскихъ сраженіяхъ цирка. Между тѣмъ снова выступили на сцену шпіоны и доносчики и возобновились безпрерывныя казни. Когда въ списокъ лицъ, обреченныхъ казни, попали нѣкоторые приближенные тирана, они поспѣшили предупредить его, и Коммодъ былъ задушенъ.

Теперь наступило владычество грубыхъ солдатъ; преторьянцы совершенно завладѣли трономъ и продавали его тому, кто давалъ больше денегъ; а потомъ при первомъ неудоволь-

ствіи его свергали. Рѣдкій императоръ умиралъ своею смертію. Только суровый *Септимій Северъ* (193—218 г.) съумѣлъ укротить на время эту буйную гвардію и возстановить порядокъ въ имперіи. Онъ былъ родомъ африканецъ, изъ Карфагенской области; рѣчь его постоянно отзывалась пуническимъ акцентомъ; а неукротимой энергіей онъ напоминалъ великаго соотечественника своего Аннибала. (Говорятъ, онъ даже питалъ особое уваженіе къ памяти карфагенскаго героя, и велѣлъ воздвигнуть ему богатый мавзолей изъ бѣлаго мрамора). Иллирійскіе легіоны, которыми онъ начальствовалъ, провозгласили его императоромъ. Подойдя къ Риму, онъ потребовалъ къ себѣ преторьянцевъ. Но едва они явились, какъ императоръ окружилъ ихъ своими легіонерами, велѣлъ сорвать съ нихъ военные знаки, и распустилъ преторьянскія когорты. Впрочемъ потомъ онъ опять возстановилъ эту гвардію, съ тѣмъ только различіемъ, что она должна была набираться изъ солдатъ, служившихъ съ отличіемъ въ легіонахъ. Септимій Северъ поддерживалъ въ арміи строгую дисциплину; тѣмъ не менѣе онъ умѣлъ привязать къ себѣ солдатъ увеличеніемъ ихъ жалованья и дарованіемъ разныхъ привилегій. Подобную же дисциплину старался онъ ввести и повсюду въ государствѣ. Онъ окончательно лишилъ сенатъ почти всякаго участія въ управленіи, и водворялъ въ Римской имперіи т. наз. военный деспотизмъ. Септимій Северъ умеръ въ Британіи, гдѣ онъ утвердилъ римское владычество, и въ самомъ узкомъ мѣстѣ острова (по линіи укрѣпленій Агриколы) построилъ каменную стѣну для защиты отъ набѣговъ шотландскихъ горцевъ, Пиктовъ и Скоттовъ.

Сынъ его *Каракалла* (211—217) былъ жестокій тиранъ. Онъ началъ свое правленіе тѣмъ, что собственноручно убилъ своего брата и соправителя Гету. Знаменитый римскій юристъ Папиньянъ отказался написать публичное оправданіе этого братоубійства, и за то осужденъ на казнь; съ нимъ погибло еще до 20.000 сторонниковъ Геты. Царствованіе свое Каракалла ознаменовалъ эдиктомъ, по которому всѣ свобод-

ные жители провинцій получили права римскаго гражданства. (Говорятъ, онъ сдѣлалъ это для того, чтобы увеличить количество нѣкоторыхъ податей, платимыхъ одними гражданами; впрочемъ его эдиктъ докончилъ дѣло его предшественниковъ, которые, начиная съ Юлія Цезаря, постоянно распространяли права гражданства на провинціаловъ въ видахъ внутренняго объединенія имперіи; Каракаллѣ принадлежитъ только послѣдній шагъ). Во время похода противъ парфянъ Каракалла былъ убитъ по наученію начальника его собственной гвардіи. Легіоны возвели на престолъ его родственника Элагабала, бывшаго жрецомъ сирійскаго бога солнца. *Элагабалъ* (218—222) замѣчателенъ только тѣмъ, что всѣхъ римскихъ тирановъ превзошелъ пороками и расточительностію. Наконецъ преторьянцы убили его, и провозгласили императоромъ его двоюроднаго брата юнаго Александра Севера.

Александръ Северъ (222—235) получилъ прекрасное воспитаніе, благодаря попеченіямъ своей умной матери Маммеи; руководимый ея совѣтами молодой императоръ, окружилъ себя искусными государственными людьми, въ числѣ которыхъ были: законовѣдецъ Ульпіанъ и историкъ Діонъ Кассій. Подъ управленіемъ его имперія провела нѣсколько спокойныхъ, счастливыхъ лѣтъ; христіане отдохнули отъ гоненій (императоръ и мать его Маммея обнаружили расположеніе къ христіанской религіи). Но Александру Северу не удалось водворить порядокъ и повиновеніе между солдатами, привыкшими къ буйству и самоуправству; такъ преторьянцы, недовольные своимъ префектомъ Ульпіаномъ, умертвили его въ глазахъ самаго императора. При немъ въ Азіи явились новые враги для римлянъ. Персы подъ начальствомъ Артаксеркса, происходившаго изъ фамиліи Сассанидовъ, свергли владычество парфянъ, и на мѣсто Парфянскаго государства основали Новоперсидское. Артаксерксъ даже хотѣлъ отнять у римлянъ Малую Азію, чтобы возстановить персидскія границы, которыя были во времена Кира и Да-

рія Гистаспа. Поэтому Александръ Северъ долженъ былъ вести съ нимъ упорную войну. Между тѣмъ какъ персы вторгались съ востока, германцы все болѣе и болѣе тѣснили предѣлы имперіи на сѣверѣ. Во время похода противъ германцевъ Александръ Северъ и мать его были убиты мятежными солдатами, которые не любили ихъ за бережливость. Императоромъ провозглашенъ начальникъ мятежа *Максиминъ* (235—238). Нѣкогда онъ былъ простымъ ѳракійскимъ пастухомъ; своимъ гигантскимъ ростомъ и необычайной силой обратилъ на себя вниманіе Септимія Севера, и былъ взятъ имъ въ военную службу, гдѣ скоро достигъ высшихъ степеней. Этотъ грубый, жадный человѣкъ обходился съ своей имперіей какъ съ завоеванною страною, предаваясь грабежу храмовъ и цѣлыхъ городовъ. Онъ также былъ убитъ потомъ возмутившимися солдатами. Одинъ изъ его преемниковъ *Филиппъ Аравитянинъ* съ большимъ великолѣпіемъ отпраздновалъ тысячелѣтіе, протекшее отъ основанія Рима (въ 248 г. по Р. Х.). Подобно Александру Северу онъ обнаружилъ наклонность къ христіанству, и также погибъ жертвою солдатскаго мятежа.

За тѣмъ наступаетъ самый смутный періодъ Римской имперіи. Солдаты безпрерывно возводятъ и свергаютъ императоровъ; а внѣшніе враги все болѣе и болѣе тѣснятъ предѣлы имперіи. Наконецъ во многихъ провинціяхъ начальники войскъ провозглашаютъ себя императорами, такъ что въ одно время число ихъ возрасло до 20. (По историки римскіе, въ подражаніе 30 аѳинскимъ олигархамъ, назвали это время „эпохою тридцати тирановъ“). Въ это время императоръ римскій *Валерьянъ* находился въ плѣну у персидскаго царя Сапора, а въ Римѣ управлялъ сынъ Валерьяна слабый *Галліэнъ* (259—268). Наиболѣе замѣчательный изъ провинціальныхъ государей былъ Оденатъ, правитель Сиріи, храбро отражавшій нападенія персовъ на восточные предѣлы; столицею его государства была Пальмира, богатый торговый городъ, расположенный на оазисѣ посреди сирійскихъ

степей и усвоившій себѣ греческую образованность. Послѣ смерти Одената ему наслѣдовала его умная, прекрасно образованная супруга Зиновія, руководимая совѣтами своего наставника греческаго философа Лонгина; къ своему государству она присоединила еще и Египетъ.

Возстановителемъ римскаго единства явился энергическій императоръ *Авреліанъ* (270—275). Онъ отбилъ на сѣверѣ вторженія германскихъ народовъ, франковъ, аллемановъ и готовъ; побѣдилъ на западѣ императора Тетрика, стоявшаго во главѣ Галліи, Испаніи и Британіи; потомъ двинулся на востокъ, разбилъ Зиновію и разрушилъ ея столицу. (Развалины Пальмиры, т. е. „города Пальмъ" и теперь еще возбуждаютъ удивленіе путешественниковъ остатками храмовъ и дворцовъ). Тетрикъ и Зиновія украсили собою тріумфальный въѣздъ императора въ Римъ; а Лонгинъ по его приказанію былъ казненъ. Но и Авреліанъ также погибъ насильственною смертію. Преемникомъ его былъ *Тацитъ*, потомокъ знаменитаго историка; а послѣ него солдаты выбрали *Проба* (276—282), который, подобно Авреліану, происходилъ изъ паннонскихъ поселянъ. Выборъ оказался удаченъ: своею суровою энергіею и твердостью Пробъ напоминалъ римлянъ стараго закала. Онъ прогналъ обратно за Рейнъ аллемановъ, завоевавшихъ часть Галліи, и окончилъ построеніе укрѣпленнаго римскаго вала, который проведенъ былъ между Рейномъ и Дунаемъ для защиты отъ германцевъ; на востокѣ онъ также возстановилъ потрясенное римское владычество въ Малой Азіи. Его строгость и постоянныя работы, которыя онъ возлагалъ на легіоны, именно разведеніе винограда въ рейнскихъ и дунайскихъ провинціяхъ, осушеніе болотъ и т. п., возбудили бунтъ между солдатами, и Пробъ погибъ жертвою этого бунта (Знаменитые рейнскіе и венгерскіе виноградники обязаны ему своимъ происхожденіемъ). Слѣдующій за нимъ императоръ *Каръ* былъ убитъ молніей во время своего побѣдоноснаго похода въ Месопотамію противъ персовъ *. Сынъ и преем-

---

*Царь персидскій Нарзесъ, испуганный успѣхами Кара, отправилъ къ

никъ его *Нумерьянъ* умеръ во время обратнаго похода легіоновъ изъ Месопотаміи. Общій голосъ обвинилъ въ его смерти Апра, префекта преторьянцевъ. Войско провозгласило императоромъ одного изъ своихъ начальниковъ, Деоклетіана. Онъ былъ родомъ изъ Далмаціи, сынъ вольноотпущенника, своимъ умомъ и ловкостью достигшій высшихъ степеней въ арміи. Царствованіе свое онъ началъ тѣмъ, что собственноручно убилъ Апра *. Съ его вступленіемъ на престолъ окончился смутный періодъ имперіи.

Деоклетіанъ (285—305) понималъ, что одному государю невозможно охранять спокойствіе внутри такого огромнаго государства, и въ то же время защищать его предѣлы отъ многочисленныхъ внѣшнихъ враговъ. Поэтому онъ назначилъ соправителемъ друга своего *Максиміана*; ему отдалъ западную половину имперіи, а себѣ взялъ восточную **. Потомъ

нему въ лагерь пословъ просить мира. Посланныхъ привели къ старику, который сидѣлъ на землѣ, покрытый пурпуровымъ плащемъ изъ грубой матеріи, и утолялъ свой голодъ такою же простою пищею, которую ѣли и прочіе римскіе легіонеры. Это былъ императоръ. Не вставая съ земли, старикъ объявилъ персидскимъ посламъ, что, если ихъ царь не исполнитъ его требованій, то онъ сдѣлаетъ Персію такою же голою какъ его голова. При этихъ словахъ онъ открылъ свою голову: она была совершенно обнажена отъ волосъ. «Если вы голодны—прибавилъ онъ,—то берите и вкушайте; если нѣтъ, то удалитесь». (Этотъ расказъ впрочемъ нѣкоторые историки относятъ къ императору Пробу).

* По поводу этого факта есть слѣдующее преданіе. Когда Деоклетіанъ служилъ въ Галліи, одна ворожея предсказала ему что онъ современемъ сдѣлается императоромъ, когда убьетъ вепря. («Imperator eris, quum aprum occideris»). Съ тѣхъ поръ Деоклетіанъ не пропускалъ случая убить на охотѣ вепря (вепрь по латынѣ aper); но предсказаніе пока не исполнялось. Умертвивъ упомянутаго Апра, онъ воскликнулъ: Tandem aprum fatalem occidi! («Наконецъ то я убилъ роковаго вепря!»).

** Раздѣленіе это вызывалось не одними административными побужденіями. Оно коренилось въ самомъ характерѣ двухъ половинъ имперіи: между тѣмъ какъ въ западной господствовала римская или латинская цивилизація, въ восточной преобладала греческая. Соперничество между восточными

назначилъ еще двухъ помощниковъ (подъ именемъ *цезарей*), себѣ *Галерія* для Балканскаго полуострова, а Максиміану *Констанція Хлора* для Испаніи, Галліи и Британіи. Такимъ образомъ Римская имперія раздѣлилась на четыре части (*тетрархія*, т. е. четверовластіе); впрочемъ три остальные государя подчинялись во всемъ Деоклетіану. Вмѣстѣ съ этимъ дѣленіемъ исчезло окончательно различіе между провинціями императорскими и сенатскими, а также между казною государя и государственною (т. е. между fiscus и aerarium). Онъ не любилъ Рима, гдѣ все еще были живы воспоминанія о республиканскомъ правленіи, гдѣ народъ привыкъ слишкомъ запросто обращаться съ императорами и мало уважать ихъ особу. Деоклетіанъ избралъ своею резиденціею малоазіатскій городъ Никомидію, окружилъ себя здѣсь пышнымъ дворомъ по образцу персидскаго, надѣлъ на голову діадиму или бѣлую царскую повязку, одѣвался въ золото и шелкъ; доступъ къ его особѣ сдѣлался очень труденъ, и тѣ, которымъ позволялось явиться передъ лицомъ государя, должны были падать передъ нимъ ницъ. Этимъ придворнымъ церемоніаломъ Деоклетіанъ старался сдѣлать особу государя священною въ глазахъ подданныхъ и поставить въ почтительное отдаленіе армію, привыкшую распоряжаться трономъ по своему произволу.

Содержаніе четырехъ отдѣльныхъ дворовъ (въ Никомидіи, Миланѣ, паннонскомъ Сирміумѣ и гальскомъ Трирѣ) и четырехъ особыхъ армій конечно увеличило бремя податей и налоговъ; но въ отношеніи внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности на первое время это раздѣленіе принесло свою пользу. На западѣ Максиміанъ, человѣкъ мало образованный и грубый, но храбрый и дѣятельный, съ успѣхомъ

и западными провинціями ясно обнаружилось во время предыдущей смутной эпохи; вскорѣ оно привело къ распаденію государства на двѣ отдѣльныя имперіи, а въ послѣдствіи (въ Средніе вѣка) проявилось и въ религіозной сферѣ раздѣленіемъ Христіанской церкви на восточную и западную.

отражалъ тѣснившіе Галлію германскіе народы аллемановъ, франковъ и бургундовъ. Кромѣ того онъ подавилъ въ Галліи возстаніе т. наз. багодовъ: выведенные изъ терпѣнія возраставшимъ бременемъ налоговъ и гнетомъ отъ дворянской и жреческой знати, гальскіе крестьяне начали соединяться въ *багоды*, т. е. шайки, и произвели опустошительную войну противъ высшихъ сословій. Хотя шайки ихъ были разбиты легіонами и предводители казнены; однако остатки багодовъ долго еще потомъ производили грабежи и безпокойства въ странѣ. Британія, захваченная однимъ изъ римскихъ полководцевъ (Керазіемъ), отдѣлилась отъ имперіи; но потомъ снова была завоевана Констанціемъ Хлоромъ. Между тѣмъ на востокѣ Деоклетіанъ и Галерій счастливо боролись противъ персовъ, и отняли у нихъ Месопотамію.

По окончаніи этихъ войнъ имперія наслаждалась спокойствіемъ подъ умнымъ, твердымъ правленіемъ Деоклетіана; но оно омрачилось жестокимъ гоненіемъ на христіанъ. Побуждаемый порочнымъ Галеріемъ, Деоклетіанъ издалъ эдиктъ, который запрещалъ христіанамъ вступать въ общественныя должности и предписывалъ закрыть мѣста ихъ богослуженія. Этотъ эдиктъ, прибитый на площади въ Никомидіи, былъ сорванъ однимъ христіаниномъ; къ тому же въ императорскомъ дворцѣ случился пожаръ, который приписали христіанамъ. Тогда раздраженный Деоклетіанъ велѣлъ повсюду хватать ихъ и предавать казнямъ. Только въ областяхъ кроткаго Констанція Хлора христіане почти не подвергались преслѣдованію.

Послѣ двадцатилѣтняго царствованія Деоклетіанъ, утомленный властію, сложилъ съ себя правленіе, и удалился на родину въ Далмацію, гдѣ послѣдніе годы жизни провелъ въ тишинѣ и въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ (именно въ своей великолѣпной виллѣ близъ Салоны на берегу Адріатики). Максиміанъ послѣдовалъ его примѣру, и также отрекся отъ власти; но потомъ раскаялся въ своемъ отреченіи, опять объявилъ себя государемъ, и убѣдительно приглашалъ

къ тому же Деоклетіана. „Если бы ты могъ видѣть отличныя овощи, которыя я посадилъ собственными руками, отвѣчалъ послѣдній, то навѣрное не сталъ бы меня уговаривать“.

Вмѣстѣ съ отреченіемъ Деоклетіана имперія лишилась государя, который своимъ авторитетомъ умѣлъ поддерживать миръ и согласіе между соправителями. Послѣ него возникли соперничество и междоусобія; число государей одно время увеличилось до шести. Изъ нихъ вскорѣ возвысился надъ другими сынъ и наслѣдникъ Констанція Хлора, геніальный *Константинъ*. Онъ вступилъ въ борьбу съ сыномъ Максиміана *Максенціемъ*, правителемъ Италіи. Разбитый въ рѣшительномъ сраженіи близъ Рима (при Мальвійскомъ мосту), Максенцій во время бѣгства утонулъ въ Тибрѣ (312 г.). Тогда Константинъ соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ западныя провинціи; а зять его *Лициній* завладѣлъ восточной половиной имперіи. Но между ними также произошла впослѣдствіи упорная война, въ которой побѣда осталась на сторонѣ Константина, и онъ возстановилъ наконецъ единодержавіе (324 г.).

Царствованіе свое Константинъ ознаменовалъ по преимуществу тремя великими дѣлами: утвержденіемъ христіанства какъ господствующей религіи, перенесеніемъ столицы и административнымъ устройствомъ имперіи.

Послѣ Вознесенія Спасителя ученики его или апостолы разошлись въ разныя стороны, чтобы проповѣдывать новую религію. Число ихъ послѣдователей быстро умножалось; христіане начали составлять отдѣльныя общины и выбирать изъ своей среды пресвитеровъ для отправленія богослуженія. Это богослуженіе въ началѣ было очень просто; оно состояло въ чтеніи священныхъ книгъ, въ проповѣди, пѣніи молитвъ, и оканчивалось общею трапезою. Старшіе изъ пресвитеровъ стали называться *епископами*, которые надзирали за другими и считались преемниками апостоловъ. Съ размноженіемъ христіанъ въ римскихъ областяхъ начались противъ нихъ гоненія. Христіане не хотѣли поклоняться статуямъ римскихъ

боговъ и императоровъ; они проповѣдывали братское равенство всѣхъ людей, собирались въ подземныхъ пещерахъ (катакомбахъ) и другихъ таинственныхъ мѣстахъ, чтобы никто не нарушалъ ихъ богослуженіе. Поэтому римскія власти преслѣдовали ихъ какъ мятежниковъ и заговорщиковъ. Главныхъ гоненій насчитываютъ десять; первое было при Неронѣ, послѣднее и самое свирѣпое при Деоклетіанѣ. Христіанъ жгли на кострахъ, топили, бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ; но они съ удивительнымъ мужествомъ переносили всѣ муки, и умирали съ твердою вѣрою въ будущую лучшую жизнь. Ихъ мужество удивляло язычниковъ, и многихъ обращало къ христіанству. Не одни простые люди, но знатные и богатые также начали принимать новую религію. Христіанство уже было повсюду и въ римскомъ войскѣ и въ сенатѣ. Многіе ревностные христіане отрекались отъ міра, уходили въ пустыни и лѣса; тамъ около нихъ собирались другіе отшельники, и составляли *монашескія* общины.

Константинъ воспитался въ уваженіи къ христіанской религіи, такъ какъ мать его благочестивая Елена была покровительницею христіанъ. Есть преданіе, что во время войны Константина съ Максенціемъ явилось ему видѣніе на небѣ, именно изображеніе креста съ надписью: „Симъ побѣдишь". Послѣ того онъ въ своемъ войскѣ вмѣсто прежняго серебрянаго орла ввелъ крестообразныя знамена. Это такъ одушевило христіанъ, въ большемъ числѣ наполнявшихъ его легіоны, что они много способствовали его побѣдѣ.

По окончаніи этой войны Константинъ издалъ въ Миланѣ эдиктъ, который разрѣшалъ христіанамъ свободно исповѣдывать ихъ религію, строить храмы и занимать общественныя должности (313 г.). На первое время онъ ограничился въ отношеніи христіанъ одною вѣротерпимостью; а впослѣдствіи, побѣдивъ Лицинія (бывшаго врагомъ христіанству) и возстановивъ единодержавіе, онъ началъ во всемъ оказывать христіанамъ предпочтеніе передъ язычниками и особенно въ раздачѣ общественныхъ должностей; такъ что

христіанство при немъ явилось уже господствующею религіей въ Римской имперіи. Дѣйствуя такимъ образомъ, Константинъ слѣдовалъ не одному личному расположенію къ христіанской религіи, но и внушенію политической мудрости: христіанство исповѣдывалось многими милліонами его подданныхъ, и представляло крѣпкую, энергическую общину, въ которой все болѣе и болѣе сосредоточивалась умственная жизнь имперіи. Пришедшее въ упадокъ язычество не могло долѣе выдерживать борьбу съ истинами христіанской религіи; только она одна могла сообщить различнымъ частямъ имперіи то религіозное единство, къ которому тщетно стремилось дотолѣ римское правительство, стараясь слить языческія вѣрованія Греціи и древняго Востока съ римскою государственной религіей. Константинъ началъ усердно способствовать обращенію язычниковъ, закрывать языческіе храмы и ниспровергать идоловъ; духовенство христіанское онъ надѣлялъ землями и разными привилегіями, напримѣръ свободою отъ податей и повинностей. Онъ старался также о поддержаніи мира и согласія въ самой христіанской церкви, которую около того времени начали тревожить нѣкоторыя распри или ереси (напр: *гностики*, старавшіеся объяснять истины христіанства особымъ таинственнымъ образомъ и признававшіе въ Спасителѣ не человѣка, а высшій разумъ; *манихеи* или послѣдователи Перса Мани, который примѣшивалъ къ христіанству черты Зороастровой религіи, и др.) Когда же александрійскій священникъ Арій началъ отвергать одинъ изъ самыхъ главныхъ догматовъ христіанства, т. е. единство св. Троицы (онъ училъ о неравенствѣ Сына Божія съ Богомъ Отцомъ), и нашелъ себѣ многихъ послѣдователей, императоръ созвалъ въ Никеѣ первый Вселенскій соборъ изъ епископовъ и священниковъ (325 г.). Этотъ соборъ осудилъ ересь Арія, и составилъ извѣстный Символъ вѣры. Самъ Константинъ принялъ крещеніе передъ смертью (337 г.). Мать его благочестивая Елена также принимала ревностное участіе въ утвержденіи и распространеніи христіанства; она

посѣтила Іерусалимъ, открыла пещеру св. Гроба, обрѣла животворящій крестъ, и очистила священное мѣсто отъ памятниковъ язычества.

Вмѣстѣ съ водвореніемъ новой религіи Константинъ докончилъ и новую организацію Римской имперіи, начатую Деоклетіаномъ. Онъ оставилъ Римъ съ его республиканскими и языческими воспоминаніями, и основалъ новую столицу на востокѣ, на мѣстѣ древней греческой колоніи Византіи, на берегу Боспорскаго пролива. Мѣсто было выбрано имъ чрезвычайно удачно: оно находилось довольно далеко отъ Дуная и Евфрата, т. е. отъ сѣверныхъ и восточныхъ границъ имперіи для того, что бы неподвергаться непріятельскимъ нападеніямъ, и въ тоже время довольно близко къ этимъ границамъ, что бы наблюдать за ихъ охраненіемъ. (Такой выборъ особенно оправдался эпохою Великаго Переселенія народовъ, которое увлекло Римъ въ свой водоворотъ, но не коснулось Византіи). Въ торговомъ отношеніи положеніе новой столицы, на рубежѣ двухъ частей свѣта, также оказалось очень выгоднымъ. Постройки начаты были здѣсь въ 326 г.; а въ 330 г. совершено освященіе „новаго Рима“ какъ называлъ Византію Константинъ; но она сдѣлалась болѣе извѣстна подъ именемъ *Константинополя*, въ честь своего основателя. Константинъ украсилъ городъ великолѣпными дворцами, храмами, водопроводами, портиками, термами, цирками и т. п.; множество статуй, картинъ и другихъ произведеній античнаго искусства перенесено сюда изъ разныхъ частей имперіи. Вмѣстѣ съ императоромъ многія знатныя и богатыя фамиліи покинули древній Римъ и поселились въ новомъ; какъ мѣстопребываніе двора и средоточіе управленія, этотъ городъ привлекалъ отвсюду переселенцевъ, и скоро сдѣлался очень многолюденъ.

По примѣру Деоклетіана, Константинъ раздѣлилъ всю имперію на четыре части, подъ именемъ *префектуръ*: Восточную (Востокъ, Ѳракія и Египетъ), Иллирійскую (Иллирія, Македонія и Греція), Итальянскую (Италія, Африка и нѣкоторыя при—

Дунайскія провинціи) и Галльскую (Галлія, Испанія и Британія). Префектуры онъ подраздѣлилъ на *діоцезы* или *области*; а области на *провинціи*; во главѣ префектуръ стояли префекты, діоцезами завѣдывали подпрефекты или викаріи, а провинціями проконсулы, консуляры и пр. Эти областные правители имѣли въ своемъ распоряженіи безчисленное количество мелкихъ чиновниковъ для администраціи, судопроизводства, полиціи, государственнаго хозяйства и пр. Чтобы отнять у префектовъ и ихъ помощниковъ средства къ мятежу, имъ была предоставлена только гражданская власть; а войска поручены особымъ начальникамъ (*magistri militum*). Гвардія императора, составленная изъ отборныхъ солдатъ, получала большое жалованье и пользовалась разными преимуществами передъ другими частями войска. Императорскій дворъ, устроенный по образцу азіатскихъ дворовъ, заключалъ многочисленный штатъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ. Верхнюю степень его занимали сановники, имѣвшіе въ своемъ завѣдываніи отдѣльныя отрасли управленія (родъ нашихъ министерствъ), каковы: оберкаммергеръ (*praepositus Sacri cubiculi*, собственно хранитель спальни его величества) министръ двора и внутреннихъ дѣлъ (*magister officiorum*), министръ юстиціи (*quaestor*), финансовъ (*comes sacrarum largitionum*) и пр. Всѣ государственныя должности представляли строго опредѣленную іерархическую лѣстницу, съ каждою ступенью которой связаны были извѣстные титулы. (На подобіе нашей табели о рангахъ). Высшіе сановники пользовались титуломъ *illustres*, за ними слѣдовали: *spectabiles*, *clarissimi*, *perfectissimi* и *egregii* (родъ нашихъ: сіятельство, превосходительство, высокородіе и пр.). Съ учрежденіями Константина окончательно упразднялись остатки старыхъ, республиканскихъ формъ, и утверждалась въ имперіи административная централизація. Эти многочисленные штаты чиновниковъ, блескъ и роскошь двора потребовали новыхъ расходовъ, и повели за собою умноженіе народныхъ податей и налоговъ. Личный характеръ Константина при всѣхъ его

блестящихъ качествахъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ, каковы излишняя подозрительность и властолюбіе. Тѣмъ не менѣе его подвиги и заслуги по справедливости упрочили за нимъ въ исторіи названіе *Великаго* и *Равноапостальнаго*.

Утверждая административное единство имперіи, Константинъ въ послѣдніе годы своей жизни воротился къ системѣ Деоклетіановой тетрархіи, и роздалъ отдѣльные части государства въ управленіе своимъ сыновьямъ (Константину, Констанцію и Константу). Слѣдствіемъ этого дѣленія, послѣ его смерти, были междоусобія, во время которыхъ погибли два брата; послѣ чего третій братъ, *Констанцій*, сдѣлался единодержавнымъ. Но безпрерывныя войны, которыя имперія должна была выдерживать въ одно и тоже время на своихъ восточныхъ и сѣверныхъ предѣлахъ, понудили Констанція назначить себѣ соправителемъ двоюроднаго брата Юліана (355 г.). Послѣдній жилъ тогда въ Аѳинахъ, окруженный греческими софистами и риторами. Констанцій послалъ его въ Галлію, гдѣ молодой Юліанъ вскорѣ обнаружилъ блестящія способности полководца и правителя. Около того времени франки и аллеманы наводнили сѣверовосточную Галлію; Юліанъ разбилъ тѣхъ и другихъ, перешелъ Рейнъ, и возстановилъ римскія укрѣпленія на его правомъ берегу. Завидуя славѣ Юліана и любви къ нему войска, Констанцій велѣлъ ему прислать на востокъ часть своей арміи. Но галльскіе легіоны отказались исполнить это повѣленіе, и въ городѣ Лютеціи (Парижѣ), мѣстопребываніи Юліана, провозгласили его императоромъ. Послѣдовавшая вскорѣ смерть Констанція на этотъ разъ прекратила междоусобную войну въ самомъ началѣ, и Юліанъ остался одинъ повелителемъ имперіи.

Юліанъ Отступникъ (361 — 363) былъ воспитанъ въ христіанствѣ; но во время своего пребыванія въ Аѳинахъ онъ предался занятіямъ греческою литературою, и въ особенности увлеченъ былъ идеями философской школы неоплатониковъ. Сдѣлавшись императоромъ, онъ уже не скрывалъ

своей приверженности къ язычеству, отступилъ отъ христіанства, и хотѣлъ во всей имперіи возобновить служеніе идоламъ. Въ качествѣ верховнаго жреца онъ самъ съ большою торжественностію совершалъ въ храмахъ жертвоприношенія. Впрочемъ Юліанъ не воздвигалъ кроваваго гоненія на христіанъ, и вообще это былъ государь умный и дѣятельный; царствованіе его продолжалось около двухъ лѣтъ. Онъ предпринялъ походъ противъ персовъ, и перешелъ за Тигръ. Здѣсь во время одного непріятельскаго нападенія Юліанъ, бывшій всегда впереди, поспѣшилъ въ битву, не надѣвъ доспѣховъ, и былъ смертельно раненъ стрѣлою (363 г.). Говорятъ, передъ смертью онъ воскликнулъ: „Ты побѣдилъ Галилеянинъ!“ Преемникомъ ему войско выбрало *Іовіана* (363—364), который возстановилъ въ имперіи господство христіанской религіи. Послѣ его смерти легіоны провозгласили государемъ *Валентиніана,* а послѣдній назначилъ себѣ соправителемъ брата своего *Валента,* предоставивъ ему восточную половину. Оба брата мужественно боролись съ внѣшними врагами имперіи. Но около этого времени въ Европу пришли изъ Азіи дикіе гунны, которые потѣснили германскіе и славянскіе народы; послѣдніе обрушились на Римскую имперію; началось такъ наз. Великое Переселеніе народовъ. Валентъ, бывшій усерднымъ аріаниномъ и гонителемъ православныхъ, погибъ въ сраженіи съ готами, поселившимися на Балканскомъ полуостровѣ (378 г.). Императоръ западной половины *Граціанъ* (сынъ Валентиніана) назначилъ правителемъ востока умнаго, даровитаго испанца Ѳеодосія.

Ѳеодосій Великій (379—395) своими побѣдами и искуснымъ управленіемъ съумѣлъ еще на нѣкоторое время поддержать славу и могущество имперіи. Онъ еще разъ возстановилъ единодержавіе, и новыми постановленіями окончательно утвердилъ торжество христіанства надъ язычествомъ *.

---

* Замѣчателенъ слѣдующій случай, при которомъ Ѳеодосій показалъ своимъ подданнымъ примѣръ смиренія передъ авторитетомъ христіанской церкви. Жители Ѳессалоники во время мятежа убили начальника города и нѣкото-

Умирая, онъ раздѣлилъ государство между своими двумя сыновьями: *Аркадію* отдалъ восточную или Византійскую половину, а *Гонорію* западную или собственно Римскую. Съ того времени эти половины уже болѣе не соединялись.

Перечислимъ вкратцѣ дальнѣйшія событія Западной Римской имперіи до ея паденія.

Руководителемъ юнаго Гонорія (395—423) былъ назначенъ Стилихонъ, вандалъ по происхожденію и отличный полководецъ. Онъ отразилъ нашествіе на Италію вестъ-готовъ, предводимыхъ Аларихомъ, и сборныхъ дружинъ свевовъ, вандаловъ и аланъ, предводимыхъ Радагайсомъ. Неблагодарный Гонорій велѣлъ убить Стилихона. Тогда Аларихъ напалъ снова на Италію, взялъ и разграбилъ Римъ (410 г.) Преемникъ Алариха *Атаульфъ* перевелъ готовъ въ Галлію, въ которой кромѣ готовъ утвердились бургунды и франки. Британія отпала отъ Рима; Испанія завоевана свевами, аланами и вандалами. Гонорію наслѣдовалъ его племянникъ ничтожный *Валентиніанъ III* (425—455). При немъ вандалы подъ начальствомъ Гензериха переправились изъ Испаніи въ Африку, призываемые возмутившимся ея намѣстникомъ Бонифаціемъ, и основали тамъ Вандальское королевство (429); а царь гунновъ Аттила совершилъ опустошительное нашествіе на Галлію и Италію. Онъ былъ побѣжденъ на поляхъ Каталаунскихъ (451 г.) Аэціемъ, послѣднимъ изъ великихъ римскихъ полководцевъ. Аэцій, подобно Стилихону, былъ убитъ неблагодарнымъ императоромъ; но и самъ Валентиніанъ III вскорѣ умерщвленъ. Гензерихъ, призванный мстительною вдовою Валентиніана, сдѣлалъ набѣгъ на Италію, и разграбилъ Римъ. Начальникъ наемныхъ германскихъ войскъ, свевъ Рицимеръ распоряжается трономъ Западной имперіи (съ 456 г. по 472), по своему произволу назначая и смѣняя императоровъ (*Майоріана*, *Либія*, *Севера* и др.). Послѣднимъ римскимъ императоромъ былъ *Ромулъ Августулъ*; предводитель германскихъ наемниковъ *Одоакръ* заставилъ его отречься отъ престола, и завладѣлъ Италіей съ титуломъ короля въ 476 г. Этотъ годъ считается въ исторіи годомъ *Паденія Западной Римской имперіи.*

рыхъ императорскихъ чиновниковъ. Ѳеодосій, въ припадкѣ сильнаго гнѣва, предписалъ жестокое наказаніе: до 7000 жителей подверглось избіенію, безъ различія пола и возраста. Когда императоръ послѣ того хотѣлъ войти въ церковь, въ Миланѣ, епископъ Амвросій встрѣтилъ его у церковныхъ дверей, передъ всѣмъ народомъ напомнилъ ему преступное пролитіе крови, и наложилъ на него эпитимію. Ѳеодосій принялъ ее, и въ теченіе осьми мѣсяцевъ не переступалъ порога храма.

XII. РИМСКІЙ БЫТЪ И РИМСКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ *.

Аристократія. Среднее состояніе. Муниципіи. Союзники. Колоны. Комиціи. Сенатъ. Магистраты постоянные и временные. Декуріоны. Управленіе провинціями. Перечень римскихъ провинцій. Доходы государственные. Военное искусство. Учрежденія религіозныя. Общественныя игры. Упадокъ религіи. Философскія школы. Изящныя искусства. Полезныя сооруженія. Жилища. Одежда. Обѣдъ. Положеніе женщинъ. Воспитаніе. Развитіе римской литературы. Писатели и поэты Золотаго вѣка. Писатели послѣдующей эпохи. Наука права. Греческая литература римскаго періода.

Какъ греки оставили послѣдующимъ вѣкамъ неподражаемые образцы въ искусствахъ и литературѣ, такъ римляне являются народомъ, развившимъ по преимуществу бытъ государственный и юридическій. Въ этомъ отношеніи они имѣли огромное вліяніе на новые европейскіе народы.

Населеніе Римскаго государства главнымъ образомъ состояло изъ трехъ классовъ: высшую ступень занимали граждане имѣвшіе полныя права гражданства, потомъ слѣдовали свободные, но неполноправные граждане, и наконецъ огромная масса рабовъ, неимѣвшихъ никакихъ гражданскихъ правъ и считавшихся собственностію своихъ владѣльцевъ **.

---

* При обозрѣніи римскаго государственнаго устройства мы разумѣемъ эпоху, послѣдующую за уравненіемъ въ правахъ плебеевъ съ патриціями. Республиканскія учрежденія Рима пережили паденіе республики, и по своимъ внѣшнимъ формамъ, за немногими исключеніями, продолжали существовать до временъ Діоклетіана. При императорахъ сохранялись тѣже отношенія сословій и почти таже администрація, которая была выработана въ періодъ предшествующій.

** Полныя права гражданства (jus quiritium или jus civitatis optimo jure) были слѣдующія:

Со времени уравненія правъ исчезло различіе между патриціями и плебеями; но въ дѣйствительности оно скоро обнаружилось снова, только подъ другою формою, именно подъ видомъ раздѣленія гражданъ на знатныхъ и незнатныхъ. Римская знать (nobilitas) получила характеръ чиновнаго дворянства; она составилась изъ тѣхъ фамилій, предки которыхъ отправляли т. наз. курульныя должности. Курульные сановники имѣли право выставлять у себя въ домѣ свои восковые бюсты и маски (jus imaginum). Въ важныхъ случаяхъ, особенно при погребеніи какого либо члена знатной фамиліи, обыкновенно снимали съ полокъ эти изображенія его предковъ, и несли ихъ въ торжественной процессіи. Съ одной стороны нѣкоторыя обѣднѣвшія патриціанскія фамиліи перешли въ разрядъ незнатныхъ или простыхъ гражданъ, съ другой многіе плебейскіе роды съ помощью высшихъ должностей примкнули къ знати. Новая чиновная аристократія, подобно прежней патриціанской, упорно старалась удерживать курульныя должности въ своихъ рукахъ и не допускать къ нимъ людей незнатныхъ. Сюда присоединилось слѣдующее обстоятельство. Со времени Пуническихъ войнъ публичныя зрѣлища начали устроиваться эдилами не насчетъ государственной казны, а на собственныя средства; званіе эдила составляло первую ступень къ высшимъ должностямъ; слѣдовательно для бѣдныхъ людей доступъ къ нимъ сдѣлался очень труденъ. Въ высшемъ классѣ различались еще два особыя состоянія (ordines): сенаторское (ordo senatorius) и

---

1) Право личной неприкосновенности (jus libertatis); 2) право быть записаннымъ въ цензорскій списокъ (jus census); 3) служить въ легіонахъ (jus militiae); 4) подавать голосъ въ комиціяхъ (jus suffragii); 5) быть избираемымъ во всѣ общественныя должности (jus honorum); 6) вступать въ законный бракъ съ свободнорожденною римлянкою (jus connubii); 7) свободно продавать или покупать квиритскую собственность (jus commercii; квиритъ—полноправный римскій гражданинъ) и 8) распоряжаться ею по завѣщанію (jus testamenti); 9) неограниченная власть надъ дѣтьми (patria potestas).

всадническое (ordo equester). Сенаторы назначались цензоромъ изъ лицъ, имѣвшихъ опредѣленный достатокъ и достигшихъ извѣстнаго возраста; отличительнымъ ихъ знакомъ была широкая пурпурная полоса на туникѣ, проходившая вдоль груди. Всадники также должны были имѣть значительное имущество (въ послѣднія времена республики около 1,000,000 ассовъ); но ихъ обязанность конной службы съ учрежденіемъ постоянныхъ легіоновъ болѣе и болѣе приходила въ забвеніе; они образовали собственно денежную аристократію въ государствѣ, и преимущественно пріобрѣли большое значеніе откупами государственныхъ доходовъ въ провинціяхъ. Отличительными знаками ихъ были узкая пурпурная полоса на туникѣ и золотое кольцо на лѣвой рукѣ.

Незнатные или простые граждане (plebs) по своему положенію въ государствѣ примыкали къ среднему классу населенія. Они раздѣлялись на записанныхъ въ трибы и незаписанныхъ или *эраріевъ*. Послѣдніе, какъ бѣднѣйшіе, не платили трибута, не служили въ легіонахъ (за исключеніемъ случаевъ особой нужды) и не имѣли голоса въ народныхъ собраніяхъ, слѣдовательно были уже неполноправными гражданами. Къ неполноправнымъ гражданамъ относился и многочисленный классъ рабовъ отпущенныхъ на волю (libertini); они по преимуществу сосредоточили въ своихъ рукахъ городскую промышленность; такъ какъ собственно римскіе граждане пренебрегали занятіями торговлею и ремеслами. Между вольноотпущенными поэтому было много богатыхъ людей; впослѣдствіи, когда этотъ классъ былъ записанъ въ трибы и допущенъ къ участію въ народномъ собраніи, онъ пріобрѣлъ значительное вліяніе на общественныя дѣла. Далѣе, къ среднему классу, т. е. къ классу неполноправныхъ гражданъ, принадлежало свободное населеніе италъянскихъ городовъ. Права ихъ были различны (смотря по различнымъ условіямъ и обстоятельствамъ, при которыхъ совершалось ихъ присоединеніе къ Римскому государству), и различіе это представляло цѣлую лѣстницу: одни города по своимъ пра-

вамъ стояли ближе къ полному римскому гражданству, другіе далѣе. Общее для всѣхъ ихъ названіе было *союзники* (socii populi romani).

Ближайшими къ Риму по своимъ правамъ были т. наз *муниципіи* или тѣ города, граждане которыхъ имѣли права римскаго гражданства, но безъ голоса въ римскихъ народныхъ собраніяхъ (civitas sine suffragio) Одни изъ муниципій вполнѣ сохраняли свое прежнее внутреннее устройство и управлялись собственными выборными властями; другіе получали изъ Рима префектовъ для завѣдыванія судопроизводствомъ (praefecti juri dicundo); послѣдніе города назывались *префектурами*. Къ муниципіямъ по большой части принадлежали союзники съ «Латинскимъ правомъ» (jus Latii). Слѣдующую низшую ступень составляли союзники съ «Итальянскимъ правомъ» (jus italicum): они не имѣли права голоса, права пріобрѣтать квиритскую собственность и права брака съ римскими гражданками. Впрочемъ сами по себѣ города эти еще подраздѣлялись на различныя группы, смотря по большей или меньшей суммѣ правъ. Въ отношеніи къ Риму союзническіе города обязаны были платить подати и выставлять людей для военной службы. Въ Италіи и въ провинціяхъ кромѣ того были еще римскія колоніи, т. е. города получившіе переселенцевъ изъ Рима для содержанія гарнизоновъ въ завоеванныхъ земляхъ. Эти колоніи отчасти удержали за собой полныя права гражданства, отчасти пользовались латинскимъ правомъ. Съ теченіемъ времени права городскихъ общинъ болѣе и болѣе расширялись; города и отдѣльныя лица нерѣдко получали римское гражданство. Къ началу имперіи почти всѣ итальянскіе города пользовались уже полными правами; а такъ наз. латинское право распространено было на многіе провинціальные города; вообще же въ провинціяхъ господствовало преимущественно итальянское право. При императорахъ послѣдовало еще быстрѣе распространеніе гражданскихъ правъ и сближеніе провинцій съ Италіей. Наконецъ указомъ Каракаллы, какъ извѣстно, всѣмъ свободнымъ жителямъ имперіи дарованы полныя права гражданства.

Низшее или сельское населеніе Италіи, кромѣ огромнаго количества рабовъ, состояло еще изъ колоновъ (coloni). Такъ стали называться лично свободные земледѣльцы, которые не имѣли собственной земли, а нанимали ее у крупныхъ помѣщиковъ за извѣстный оброкъ. При тягостной конкуренціи съ обработкой полей посредствомъ рабовъ и при де-

шевыхъ цѣнахъ на хлѣбъ (доставлявшіися изъ провинцій) колоны часто не были въ состояніи выплачивать оброкъ: а вмѣстѣ съ умноженіемъ недоимокъ увеличивалась ихъ зависимость отъ помѣщиковъ. Наконецъ въ послѣднія времена имперіи рядомъ законодательныхъ мѣръ колоны были обращены въ крѣпостное состояніе; впрочемъ они прикрѣплены собственно не къ личности владѣльца, а къ землѣ, на которой жили; господинъ не могъ продать колона безъ земли, равно не могъ продать и землю, удержавъ за собою жившихъ на ней колоновъ. Въ то же время многіе помѣщики, находя невыгоднымъ обработывать поля рабами, начали давать имъ личную свободу и участки земли за извѣстный оброкъ, т. е. превращали ихъ въ колоновъ. Такимъ образомъ число колоновъ увеличивалось, а число рабовъ уменьшалось. Изъ Италіи колонатъ или крѣпостное состояніе посредствомъ законодательства распространено было на многихъ сельскихъ жителей и въ другихъ частяхъ имперіи.

Верховную власть въ государствѣ во времена республики представляли *комиціи* или народныя собранія. Онѣ были трехъ родовъ: куріатныя, центуріатныя и трибутныя. Собранія перваго рода (comitia curiata) было собственно патриціанскія; совѣщанія происходили здѣсь по куріямъ, на которыя подраздѣлялось сословіе патриціевъ. Въ древнѣйшія времена эти собранія имѣли господствующее значеніе; но съ уравненіемъ правъ они утратили прежнее значеніе, и потомъ продолжали существовать только по формѣ. Въ цвѣтущія времена республики первенствующій характеръ получили собранія втораго рода (comitia centuriata); здѣсь соединялись всѣ римскіе граждане, и голоса считались по центуріямъ (на которыя народъ былъ раздѣленъ Сервіемъ Тулліемъ). Центуріатныя комиціи рѣшали самыя важныя вопросы: о мирѣ и войнѣ, о новыхъ законахъ, объ уголовныхъ преступленіяхъ гражданъ; здѣсь также происходили выборы высшихъ сановниковъ. Голоса подавали посредствомъ навощеныхъ табличекъ, на которыхъ каждый писалъ условныя буквы, оз-

начающія утвержденіе или отрицаніе. Трибутныя собранія (comitia tributa) въ началѣ были собственно плебейскими и не имѣли большаго вліянія на государственныя дѣла; но потомъ съ увеличеніемъ силы трибуновъ (которые предсѣдательствовали въ этихъ собраніяхъ) онѣ пріобрѣли важныя права; а въ послѣднія времена республики захватили себѣ первенствующее значеніе. Рѣшенія этихъ собраній (т. наз. plebiscita) получили характеръ законовъ обязательныхъ для всѣхъ. Впрочемъ въ этихъ собраніяхъ участвовали уже и патриціи, слѣдовательно весь народъ; голоса считались здѣсь поголовно, и потому низшіе или бѣднѣйшіе классы гражданъ (собственно демократія), какъ болѣе многочисленные, имѣли при подачѣ голосовъ рѣшительный перевѣсъ надъ знатными и богатыми. Во времена имперіи еще продолжали существовать центуріатныя и трибутныя комиціи; но онѣ сохраняли только тѣнь своего прежняго значенія. Ихъ постановленія и выборы сановниковъ получали силу только при императорскомъ утвержденіи.

На ряду съ народными комиціями высшую власть въ республикѣ представлялъ *сенатъ*. По своему первоначальному устройству онъ былъ собраніемъ патриціанскихъ старѣйшинъ; а впослѣдствіи наполнялся преимущественно лицами, отправлявшими прежде курульныя должности. Назначеніе сенаторовъ обыкновенно зависѣло отъ цензоровъ. Въ началѣ республики сенатъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ почти все управленіе государствомъ. Съ развитіемъ народныхъ собраній онъ утратилъ часть своего значенія; но за нимъ все таки оставался обширный кругъ дѣйствія. А именно: надзоръ за религіозными дѣлами, финансы, т. е. государственные доходы и расходы, устройство провинцій и надзоръ за ихъ управленіемъ, сношенія съ иностранными государствами, наборъ войска и пр. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ, напримѣръ во время большой опасности, сенатъ могъ облечь консуловъ безграничною властію (при этомъ употреблялось обычное выраженіе: videant consules ne quid respublica detrimenti

capiat, т. е: пусть консулы заботятся, чтобы республика не потерпѣла какого ущерба). Къ концу республики число сенаторовъ возрасло почти до 1000 человѣкъ; но Августъ потомъ уменьшилъ его до 600. Обыкновенныя сенатскія собранія происходили три раза въ мѣсяцъ (въ календы, ноны и иды). Онѣ начинались жертвоприношеніями и молитвой. Мѣстомъ для нихъ служили особыя зданія, называвшіяся *куріи*, или какой либо изъ храмовъ. Постановленія сената (senatus consulta) нерѣдко имѣли силу законовъ. При императорахъ сенатъ сохранилъ свое значеніе въ бо̀льшей степени, нежели народныя собранія.

Сановники или *магистраты* (magistratus), завѣдывавшіе разными отраслями государственнаго управленія, по значенію своей должности и по внѣшнимъ признакамъ дѣлились на старшихъ и младшихъ (majores и minores), постоянныхъ и временныхъ (ordinarii и extraordinarii), курульныхъ и некурульныхъ (magistratus curules были тѣ, которые во время отправленія своей должности сидѣли на особыхъ sellae curules — высокія кресла, оправленныя слоновою костью, съ выгнутыми ножками и спинкою).

Первое мѣсто между сановниками принадлежало двумъ *консуламъ*. Въ началѣ республики они замѣняли собою царскую власть; но впослѣдствіи кругъ дѣйствія ихъ былъ болѣе ограниченъ, именно съ отдѣленіемъ судебной части (порученной преторамъ) и экономической (цензорамъ). За ними остались преимущественно власть исполнительная и начальство на войнѣ. Внѣшними знаками ихъ отличія, кромѣ курульнаго кресла, были: тога обшитая пурпуромъ и свита изъ 12 ликторовъ съ пучками лозъ, а внѣ Рима со вложенными въ эти пучки сѣкирами (такъ какъ за предѣлами города Рима, т. е. на походѣ, консулы имѣли власть надъ жизнію и смертію). Они смѣнялись ежегодно; названіе каждаго года въ римскомъ календарѣ отмѣчалось именами двухъ консуловъ. Консулы должны были имѣть болѣе 40 лѣтъ отъ роду.

Преторы учреждены для попеченія о судебныхъ дѣлахъ. Ихъ было два: городской (praetor urbanus) и иностранный (praetor peregrinus); первый рѣшалъ тяжбы между римскими гражданами, а второй между неграждананами (которые обозначались общимъ именемъ peregrini, т. е. иностранцы). При вступленіи въ должность преторъ обнародовалъ эдиктъ, излагавшій порядокъ и основанія судопроизводства, которымъ онъ намѣренъ слѣдовать во время своей претуры; онъ назначалъ судей, дѣлалъ приговоръ и приказывалъ приводить его въ исполненіе. Обезпеченіемъ противъ произвольныхъ приговоровъ претора (несогласныхъ съ его собственнымъ эдиктомъ) служили гласность судопроизводства и возможность потребовать претора къ отвѣту по истеченіи срока его должности. Во время отсутствія консуловъ изъ Рима преторы заступали ихъ мѣсто. Знаками преторскаго сана были: пурпурная тога, курульное кресло и шесть ликторовъ.

Цензоры, въ числѣ двухъ, имѣли главною своею обязанностью цензъ, т. е. перепись имущества гражданъ, которая производилась каждыя пять лѣтъ (поэтому и срокъ цензорской должности простирался также на 5 лѣтъ, впрочемъ не всегда). Впослѣдствіи кругъ дѣйствія ихъ расширялся; они завѣдывали государственными имуществами, общественными зданіями и т. п. Значеніе ихъ возрасло особенно потому, что съ этою должностью связанъ былъ надзоръ за нравами гражданъ; цензоръ могъ за недостойное поведеніе исключить сенатора изъ сената, отнять у всадника его достоинство, ограничить гражданина въ его правахъ и т. п. Въ цензоры избирались лица извѣстныя своими заслугами, преимущественно бывшіе консулы. Внѣшніе знаки отличія у цензоровъ были консульскіе, за исключеніемъ ликторовъ, которыхъ они не имѣли.

Два *Курульные эдила* имѣли полицейскій надзоръ за постройками, улицами, рынками, общественной безопасностію и кромѣ того попеченіе о публичныхъ зрѣлищахъ. Они носили пурпурную тогу и имѣли курульное кресло.

Квесторы, сначала два потомъ болѣе, были государственными казначеями, т. е. хранили казну, принимали доходы, производили расходы и т. п.

Народные трибуны (tribuni plebis). сначала два потомъ десять, собственно не принадлежали къ числу сановниковъ. Первоначальное ихъ значеніе было только отрицательное, т. е. они могли произносить свое veto противъ несправедливыхъ постановленій. Но впослѣдствіи, съ уравненіемъ правъ, когда въ народные трибуны избирались равно патриціи и плебеи, трибуны сдѣлались сановниками; какъ предсѣдатели трибутныхъ комицій, они пріобрѣли чрезвычайное вліяніе на законодательство. Власть ихъ до того усилилась, что трибунъ могъ всякого сопротивлявшагося ему, даже консула, схватить посредствомъ своихъ служителей (viatores) и отослать въ тюрьму. Чтобы полагать предѣлы этой власти, аристократія обыкновенно возбуждала несогласія въ самой коллегіи трибуновъ.

Всѣ упомянутые сановники были постоянные, ежегодно смѣняющіеся (кромѣ цензоровъ). Во времена имперіи число ихъ было умножено (за исключеніемъ консуловъ), а должности ихъ сохранили только тѣнь прежняго значенія (цензорская должность обыкновенно находилась въ рукахъ императора).

Къ чрезвычайнымъ или временнымъ сановникамъ принадлежали:

Во первыхъ, *диктаторъ*, избиравшійся во время большой опасности и не болѣе какъ на шесть мѣсяцевъ, съ властію почти неограниченной. Свиту его составляли 24 ликтора съ пуками лозъ и сѣкирами. Диктаторъ назначалъ себѣ помощника называвшагося magister equitum (т. е. начальникъ конницы), который предводительствовалъ кавалеріей и имѣлъ преторскіе знаки отличія. Далѣе, *междуцари* (interreges), избиравшіеся на 5 дней въ случаѣ надобности, чтобы заступить мѣсто высшихъ сановниковъ, напримѣръ, для предсѣдательства въ комиціяхъ. Какъ временныя власти встрѣчаются

еще въ Римской республикѣ *децемвиры*, *военные трибуны* и наконецъ *тріумвиры*.

Низшія степени магистратовъ составляли: triumviri capitales, надзиравшіе за тюрьмами и исполненіемъ приговоровъ; triumviri monetales—за монетнымъ дѣломъ; triumviri nocturni—за ночною стражею и пожарными учрежденіями; curatores viarum — за большими дорогами, и пр. Далѣе слѣдовали классъ мелкихъ чиновниковъ и служители магистратовъ, каковы: scribae (писцы), notarii (составлявшіе протоколы), praecones (глашатаи), lictores, viatores (исполнители приказаній трибуновъ) и пр.

Что касается до устройства итальянскихъ городовъ, то, по родству народовъ населявшихъ Италію, оно и въ древнѣйшую эпоху имѣло много общаго съ устройствомъ Рима. Подъ римскимъ владычествомъ и особенно въ послѣднемъ періодѣ республики (когда на всю Италію распространились права муниципій) города итальянскіе получили учрежденія почти одинаковыя съ римскими. Въ нихъ также встрѣчаются народныя собранія и сенатъ. Члены сената назывались „декуріонами“ (а позднѣе „куріалами“, когда сенатъ сталъ обозначаться словомъ curia). Они выбирались на основаніи ценза, т. е. изъ богатыхъ гражданъ. Впослѣдствіи, при императорахъ, званіе декуріоновъ сдѣлалось наслѣдственнымъ; съ прекращеніемъ народныхъ собраній къ нимъ перешли права выбирать сановниковъ и издавать постановленія для своего города. Но въ этотъ періодъ начался уже упадокъ муниципальнаго устройства, и положеніе декуріоновъ сдѣлалось довольно тягостнымъ; на нихъ лежала отвѣтственность за исправность государственныхъ повинностей и налоговъ. Между муниципальными сановниками высшее мѣсто занимали цензоры или „кураторы“, имѣвшіе тоже значеніе какъ и римскіе цензоры; далѣе встрѣчаются: сановники, завѣдывавшіе судопроизводствомъ (duumviri или quatuorviri juridicundo), эдилы, квесторы и пр.

Провинціями, какъ извѣстно, назывались римскія области внѣ Италіи. Обыкновенно, послѣ завоеванія такой области, сенатъ назначалъ коммисію изъ 10 мужей, которые вмѣ-

стѣ съ полководцемъ, завоевавшимъ новую провинцію, устроивали ея управленіе. При этомъ изъ старыхъ мѣстныхъ законовъ и учрежденій оставляемы были тѣ, которые можно было согласить съ римскимъ владычествомъ; а значительнѣйшимъ провинціальнымъ городамъ давались иногда нѣкоторыя права и привилегіи римскихъ союзниковъ; такимъ образомъ устройство разныхъ провинцій въ подробностяхъ своихъ было различно. Общія черты ихъ были слѣдующія. Во главѣ управленія находился ежегодно смѣнявшійся намѣстникъ, съ титуломъ „пропретора" или „проконсула" (выбиравшійся изъ бывшихъ римскихъ консуловъ и преторовъ). Онъ имѣлъ власть гражданскую (potestas) и военную (imperium); онъ также чинилъ судъ и расправу. При немъ находилось нѣсколько помощниковъ (legati), квесторъ для финансовой части и множество низшихъ чиновниковъ (писцы, ликторы, переводчики и пр.) Извѣстно, какимъ притѣсненіямъ и вымогательствамъ подвергались провинціи со стороны намѣстника, его свиты и откупщиковъ государственныхъ доходовъ. Во времена имперіи положеніе провинцій улучшилось: съ одной стороны императоры усилили контроль или надзоръ за намѣстниками; съ другой на провинціальные города все болѣе и болѣе распространялись права муниципій (т. е. самоуправленіе или автономія). Наконецъ они были почти во всемъ сравнены съ Италіей; въ провинціяхъ также устроены муниципальные сенаты и сословіе декуріоновъ.

Вотъ перечень провинцій Римской имперіи (преимущественно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были устроены Августомъ):

I. Hispania или Iberia. Она дѣлилась на 3 провинціи: 1, Lusitania съ главнымъ городомъ Augusta Emerita (Мерида); 2, Baetica, названная такъ по рѣкѣ Baetis (Гвадалквивиръ), съ городами Corduba (Кордова) и Gades (Кадиксъ), и 3, Hispania Tarraconensis съ городами: Tarraco (Таррагона), Caesar Augusta (Сарагосса) на р. Iberus (Эбро), Numantia и т. д.

II. Gallia Transalpina дѣлилась на 4 провинціи: 1, Gallia Narbonensis или старая Provincia Romana (Провансъ и Лангедокъ), города: Tolosa (Тулуза), Aquae Sextiae (Э), Massilia и пр. 2, Gallia Lugdunensis, города:

Lugdunum (Ліонъ) на. р. Rhodanus (Рона) и Lutetia (Парижъ) на р. Sequana (Сена). 3, Aquitania съ городомъ Burdigala (Бордо) при устьѣ р. Garumna (Гаронна). 4, Belgica; къ ней причислялись Гельвеція или Швейцарія и земли по лѣвому берегу Рейна, населенныя германцами и раздѣленныя на двѣ части: верхнюю и нижнюю «Германію» (Germania superior и Germania inferior); главные города здѣсь были: Moguntiacum (Майнцъ), Colonia Agrippina (Кёльнъ) и Augusta Treviroruт (Триръ).

III. Britannia romana (а сѣверная, независимая часть острова называлась Britannia barbara или Caledonia). Города: Eboracum (Іоркъ) и Londinium (Лондонъ) на р. Tamesis (Темза).

IV. Провинціи по бассейну р. Истра или Дуная: 1, Rhaetia (Тироль) съ г. Tridentum; 2, Vendelicia (южная Баварія) съ г. Augusta Vindelicorum (Аугсбургъ): 3, Agri Decumates, т. е. Десятинные поля (уголъ между Рейномъ и Дунаемъ или Швабія); 4, Noricum (часть Австріи); 5, Panonnia (часть Венгріи) съ городами: Vindobona (Вѣна) и Sirmium; 6, Illiricum (Кроація и Далмація) съ городомъ Salona (Спалатро) на берегу Адріатическаго моря; 7, Moesia (Сербія и Болгарія), раздѣленная на Moesia superior и Moesia inferior (т. е. верхнюю и нижнюю), и 8, Dacia (Молдо-Валахія и Трансильванія).

V. Земли при Эгейскомъ морѣ: 1, Achaja (Греція); 2, Macedonia, и 3, Thracia съ городами: Byzantium (Константинополь) и Hadrianopolis (Адріанополь).

VI. Asia minor или Asia propria (Анатолія). Она подраздѣлялась на слѣдующія области: 1, Mysia, 2, Lydia и 3, Caria на западѣ; 4, Lycia, 5, Pamphilia и 6, Cilicia на югѣ: 7, Bithynia, 8. Paphlagonia и 9, Pontus на сѣверѣ; 10, Phrygia и 11, Cappadocia въ срединѣ.

VII. Сирійскія земли: 1, Syria, въ тѣсномъ смыслѣ, съ городами: Antiochia и Palmyra; 2, Phoenicia (Финикія) съ городомъ Ptolemais, и 3, Palaestina съ городомъ Aelia Capitolina (Іерусалимъ). Къ востоку отъ Малой Азіи и Сиріи лежали: Armenia и Mesopotamia.

VIII. Африканскія провинціи: 1, Aegyptus; 2, Cyrenaica; 3, Africa propria (Тунисъ и Триполисъ); 4, Numidia (восточная часть Алжира) съ главнымъ городомъ Hippo regius, и 5, Mauretania, раздѣленная на двѣ провинціи: восточную или Caesariensis и западную или Tingitana; въ первой городъ Caesarea, во второй Tingis (Танжеръ).

Острова Сицилія и Сардинія съ Корсикой составляли также отдѣльныя провинціи.

Доходы Римскаго государства состояли: во первыхъ изъ подати съ имущества полноправныхъ гражданъ (tributum) и

во вторыхъ изъ разнаго рода налоговъ и пошлинъ (извѣстныхъ подъ общимъ именемъ vectigalia). Сюда относились: оброкъ платимый за пользованіе государственною землею (decima, т. е. десятина); пошлины, взимаемые съ провозимыхъ товаровъ, съ соляныхъ и рудныхъ копей, при отпущеніи рабовъ на волю и пр. Въ случаяхъ государственной нужды взимались чрезвычайныя контрибуціи съ областей, или отдѣльныхъ городовъ. Наконецъ важнымъ источникомъ доходовъ была военная добыча; напримѣръ, при завоеваніи Македоніи доставлена была въ Римъ такая богатая добыча, что правительство отмѣнило взиманіе съ гражданъ трибута (впослѣдствіи онъ былъ возобновленъ). Налоги и пошлины въ провинціяхъ обыкновенно отдавались на откупъ частнымъ людямъ. Эти откупщики или «публиканы» вносили опредѣленную сумму въ государственную казну (aerarium), и потомъ уже сами собирали доходы. Обыкновенно такими откупами занималось сословіе римскихъ всадниковъ; они составляли между собою общества для различныхъ статей vectigalia; эти статьи отдавались на откупъ отдѣльно въ каждой провинціи. При императорахъ, когда государственные расходы увеличились (особенно на подарки и жалованье войску), прежніе доходы сдѣлались недостаточны. Тогда учреждены были новыя статьи доходовъ; таковы: двадцатая доля съ наслѣдства, превышающаго извѣстную сумму, подати на ремесла и на разные предметы роскоши; умножились и конфискаціи частныхъ имуществъ. Со времени Діоклетіана и Константина Великаго расходы, а вмѣстѣ съ ними и налоги возрасли еще болѣе, особенно вслѣдствіе издержекъ на великолѣпіе двора и на многочисленные штаты чиновниковъ; тогда какъ число податныхъ состояній уменьшилось (отъ податей освобождены были: духовенство, чиновники, артисты, медики, учителя и т. п.). Притомъ частыя войны и смуты предыдущаго періода и нашествія варваровъ произвели обѣдненіе жителей во многихъ провинціяхъ. Самый значительный налогъ въ это время былъ поземельный (называвшійся capitatio, потому что для взиманія

его вся земля была раздѣлена на равныя по цѣнѣ участки или capita). Сумму этого налога императоръ каждый годъ заранѣе распредѣлялъ между провинціями, на основаніи оцѣнки или кадастра, который производился черезъ каждыя 15 лѣтъ *. За исправность взноса отвѣчали крупные землевладѣльцы (преимущественно сословіе куріаловъ).

Побѣдамъ и завоеваніямъ римлянъ не мало способствовало отличное устройство римскаго войска; на военное искусство они обращали всегда особое вниманіе. Служба въ легіонахъ была не только обязанностью, но и честью: ее отправляли только граждане, записанные въ пяти классахъ Сервія Туллія. Отъ семнадцатилѣтняго возраста до 46-лѣтняго гражданинъ обязанъ былъ служить въ полевыхъ легіонахъ; послѣ 46 лѣтъ онъ участвовалъ только въ защитѣ города. Пролетаріи, ремесленники и вольноотпущенные были свободны отъ военной службы, за исключеніемъ случаевъ чрезвычайной опасности; но въ послѣднія времена республики и они принимались въ легіоны. Число набиравшихся легіоновъ и величина ихъ въ разное время были различны, смотря по обстоятельствамъ. Въ первые вѣка республики обыкновенно ихъ число было четыре (у каждаго консула по два легіона), а въ случаѣ нужды набиралось до 10 легіоновъ. Легіонъ заключалъ въ себѣ отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ, а позднѣе до 6000; въ томъ числѣ находилось 300 всадниковъ и нѣсколько сотъ легковооруженныхъ. Такое же количество выставляли итальянскіе народы, носившіе имя римскихъ союзниковъ. Легіонъ

* Это распредѣленіе называлось «индиктомъ» (indictio). Отсюда произошло въ Римской имперіи лѣтосчисленіе по индиктамъ или кадастровымъ пятнадцатилѣтіямъ. (Начиная съ 312 г. по Р. Х.). Древнѣйшею денежною единицею въ Римѣ былъ *ассъ*, подъ которымъ первоначально разумѣлся фунтъ мѣди; потомъ вѣсъ его значительно уменьшился. Въ послѣдствіи самою употребительною единицею для счета денегъ служилъ *сестерцій* (который равнялся приблизительно нашимъ 5 коп. сереб.) Наиболѣе извѣстною серебряною монетою былъ *денарій*, заключавшій въ себѣ четыре сестерція; по своему значенію онъ соотвѣтствовалъ греческой драхмѣ. Главная золотая монета, *солидъ* равнялся 25 денаріямъ.

раздѣлялся на 10 когортъ, предводимыхъ военными трибунами; когорта состояла изъ трехъ манипулъ, которыми командовали центуріоны. Легіоннымъ знаменемъ служилъ серебрянный орелъ съ распущенными крыльями, который утверждался на длинномъ древкѣ, заостренномъ внизу (для втыканія въ землю). Главную силу войска составляла тяжеловооруженная пѣхота. При боевомъ порядкѣ она строилась въ три линіи: солдаты передней линіи были моложе лѣтами и назывались гастаты (отъ hasta — копье); вторую линію занимали болѣе возмужавшіе люди, называвшіеся „принципами" (principes); а третью составляли опытные ветераны, подъ именемъ „тріаріевъ". Только тогда, когда гастаты и принципы бывали разбиты, выступали тріаріи, сомкнутыми рядами, и рѣшали сраженіе (res ad triarios rediit, т. е. „дѣло доходитъ до тріаріевъ" — говорили римляне въ критическую минуту битвы). Тяжелое вооруженіе римскаго воина составляли: мѣдный или желѣзный шлемъ, такой же панцырь (сверхъ котораго иногда еще кольчуга), деревянный щитъ, обтянутый кожею и окованный желѣзомъ, короткій обоюдуострый мечъ и два короткія метательныя копья или вмѣсто нихъ одно длинное. Легковооруженные (безъ панцыря и съ легкимъ щитомъ) обыкновенно начинали битву, и потомъ отходили въ промежутки тяжелой пѣхоты; конница размѣщалась по крыльямъ легіона.

На походѣ каждый воинъ кромѣ вооруженія несъ на себѣ еще продовольствіе на нѣсколько дней, колья, веревки, топоръ и прочіе матеріалы необходимые для устройства лагеря. Обыкновенно войско на каждую ночь располагалось укрѣпленнымъ лагеремъ. Онъ представлялъ четыреугольникъ, окруженный рвомъ и валомъ; внутри его каждая часть войска ставила палатки въ опредѣленныхъ правильныхъ рядахъ и группахъ, такъ что лагерь принималъ видъ города. Продолговатая площадь дѣлила лагерь на двѣ части; посреди этой площади ставилась палатка предводителя (praetorium); подлѣ нея совершались ауспиціи (т. е. религіозныя гаданія,

безъ которыхъ римляне не начинали никакого предпріятія) и находился войсковой трибуналъ или судилище. Крѣпость и силу, необходимыя для перенесенія военныхъ трудовъ, римляне пріобрѣтали въ частыхъ гимнастическихъ упражненіяхъ. Въ Римѣ такія упражненія происходили на Марсовомъ полѣ; тутъ они дрались мечами, метали копья и стрѣлы, бѣгали и прыгали въ полномъ вооруженіи или бросались въ Тибръ и нѣсколько разъ его переплывали. Почтенные мужи, сенаторы и консулы, не отставали отъ молодыхъ людей, и соперничали съ ними въ силѣ и проворствѣ. Въ военное время, когда войско стояло въ лагерѣ, кромѣ гимнастики оно упражнялось въ маневрированіи, маршированіи и въ разныхъ построеніяхъ. (Напримѣръ, было построеніе, называвшееся testudo, т. е. черепаха: воины смыкались въ тѣсный строй, закрывшись сверху щитами, которые такимъ образомъ составляли надъ ними чешуйчатую кровлю).

Долго сохраняя свои старыя военныя учрежденія, римляне однако ревностно усвоивали себѣ тѣ усовершенствованія въ военномъ искусствѣ, которыя встрѣчались у другихъ народовъ. Особенно много заимствовали они у грековъ (со времени своей войны съ Пирромъ), между прочимъ и разныя машины, употреблявшіяся при осадѣ городовъ. Самою обыкновенною машиною былъ „таранъ“; онъ состоялъ изъ бревна съ мѣднымъ наконечникомъ, имѣвшимъ видъ бараньей головы; если удавалось подвезти его къ городу, то бревно раскачивали на цѣпяхъ, и били имъ въ стѣну; рѣдкая стѣна могла устоять противъ этихъ ударовъ. Болѣе сложными военными машинами были „катапульты“ и „баллисты“, которыми метали большія стрѣлы, камни, горючія вещества и т. п. Далѣе, при осадахъ употреблялись „туры“, т. е. деревянныя башни, которыя на колесахъ или на каткахъ придвигались къ городу, чтобы изъ нихъ производить стрѣльбу или перебросить мостъ на городскую стѣну.

Воины, отличившіеся въ битвѣ, получали въ награду вѣнки, которые надѣвали по праздничнымъ днямъ. Полководцу,

побѣдоносно окончившему войну, при возвращеніи въ Римъ давали тріумфъ: онъ вступалъ въ городъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, на колесницѣ, запряженной бѣлыми конями; за нимъ вели связанныхъ плѣнниковъ, далѣе слѣдовали его легіоны, весь городъ выходилъ къ нему на встрѣчу. Тріумфальная процессія направлялась отъ Марсова поля по большимъ улицамъ въ Капитолій, гдѣ приносима была торжественная жертва; празднество заканчивалось пирами и народными увеселеніями.

Главное достоинство римскаго войска заключалось въ его дисциплинѣ: порядокъ и повиновеніе считались выше всего; нарушенія дисциплины въ цвѣтущія времена республики встрѣчались рѣдко и наказывались очень строго. *

При императорахъ, когда легіоны, вмѣсто прежнихъ гражданскихъ, сдѣлались постоянными, они набирались большею частію уже не изъ италіянцевъ, а изъ провинціаловъ (галлы, иллирійцы, ѳракійцы, нумидійцы и т. п.). А въ послѣднія времена имперіи главная сила римскихъ войскъ заключалась въ наемныхъ германскихъ дружинахъ.

Между римскими учрежденіями первое мѣсто по своей силѣ и долговѣчности занимаютъ безспорно учрежденія религіозныя. Онѣ имѣли по преимуществу аристократическій характеръ; во время борьбы съ патриціями плебеи только послѣ пріобрѣтенія всѣхъ другихъ правъ получили доступъ къ высшимъ жреческимъ должностямъ.

---

* Напримѣръ, по словамъ Полибія, если ночной дозоръ въ лагерѣ находилъ часоваго спящимъ, то его предавали суду военныхъ трибуновъ, и обыкновенно присуждали къ бичеванію, въ которомъ участвовали всѣ легіонеры. Несчастный не переживалъ такого наказанія; а, если и переносилъ его, то навсегда оставался подъ бременемъ инфаміи, т. е. безчестія: онъ не могъ воротиться на родину, никто изъ родственниковъ и друзей не смѣлъ пустить его къ себѣ черезъ порогъ. Съ такою же строгостію наказывали воиновъ, покинувшихъ свой постъ или оружіе во время сраженія. Если это случалось съ цѣлыми когортами, то ихъ постигала «децимація» (decimatio): каждаго десятаго по жребію подвергали бичеванію. Открытое неповиновеніе наказывалось смертію.

Жрецы въ Римѣ не составляли особой касты, отдѣльной отъ гражданскаго состоянія: однѣ и тѣже лица могли по избранію занимать религіозныя и гражданскія должности. Въ древнѣйшемъ періодѣ римскій царь былъ вмѣстѣ и верховный жрецъ; во времена республики высшее управленіе религіозными дѣлами принадлежало сенату. Между разными отдѣленіями жрецовъ самое важное составляла коллегія *понтифексовъ*, состоявшая изъ четырехъ членовъ (въ послѣдствіи болѣе) и старшины, который назывался *pontifex maximus*. Понтифексы имѣли своею обязанностію надзирать за точнымъ исполненіемъ установленныхъ обрядовъ и торжествъ; они имѣли судебную власть въ случаяхъ, касающихся религіи, и наблюдали за другими жрецами. Въ древнѣйшій періодъ они вели государственныя лѣтописи; на ихъ попеченіи лежало составленіе календаря *. Они носили шитую пурпуромъ тогу, а на головѣ коническую мѣховую шапку съ кистью на концѣ. На ряду съ pontifex maximus самымъ почетнымъ жреческимъ саномъ былъ *rex sacrorum*, учрежденный послѣ изгнанія Тарквинія для того, чтобы совершать жертвы приносимыя прежде царями. Для служенія отдѣльнымъ божествамъ были назначены жрецы *фламиніи*, числомъ пятнадцать. Между ними наибольшимъ значеніемъ пользовались трое: жрецъ Юпитера (flamen Dialis), жрецъ Марса (flamen Martialis) и жрецъ Ромула, причисленнаго къ богамъ подъ именемъ Квирина (flamen Quirinalis). Далѣе слѣдуютъ *авгуры*;

* Для измѣренія времени римляне принимали лунный годъ, заключавшій 355 дней и раздѣленный на 12 мѣсяцевъ. Первый день каждаго мѣсяца назывался *календы*, а пятнадцатый—*иды*; девятый день передъ идами или седьмой день мѣсяца назывался *ноны*. Дни, недостающіе до солнечнаго года, понтифексы вставляли по мѣрѣ нужды; но съ теченіемъ времени, при такихъ безпорядочныхъ вставкахъ, произошла большая запутанность въ календарѣ, и гражданскій годъ совсѣмъ не согласовался съ настоящими временами года. Юлій Цезарь, въ качествѣ pontifex maximus, съ помощью александрійскаго ученаго Созигена исправилъ римскій календарь, и ввелъ египетскій солнечный годъ въ 365 дней; а каждый четвертый годъ (високосный) съ этого времени имѣлъ 366 дней.

такъ назывались жрецы, которые производили гаданія по полету или пѣнію птицъ и наблюдали чрезвычайныя атмосферическія явленія. Римляне, подобно другимъ народамъ древности, вѣрили, что боги посредствомъ такихъ явленій выражаютъ свою волю; ни одно общественное дѣло не начиналось у нихъ безъ предварительныхъ гаданій, и авгуры, какъ истолкователи этой воли, пользовались значительнымъ вліяніемъ въ государствѣ. Тѣ жрецы, которые гадали по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, назывались *гаруспексы*; они по значенію своему далеко уступали авгурамъ. Къ отдѣленію жрецовъ—гадателей можно отнести и хранителей Сивиллинныхъ книгъ. По словамъ преданія, Тарквиній Гордый купилъ у одной сивиллы или колдуньи три книги, въ которыхъ заключалось пророчество о будущихъ судьбахъ Рима. Онѣ тщательно хранились въ подземныхъ сводахъ храма Юпитера Капитолійскаго. Въ случаяхъ особой важности хранителямъ этихъ книгъ поручалось справляться съ ними и сообщать сенату ихъ пророчество. *Весталки*, т. е. жрицы богини Весты, въ числѣ шести, составляли родъ монашескаго ордена; онѣ выбирались изъ дѣвушекъ хорошихъ фамилій и обязывались служить Вестѣ 30 лѣтъ, по истеченіи которыхъ могли оставить ея храмъ и даже выдти за мужъ. Если по нерадѣнію весталки погасалъ въ храмѣ священный огонь, то виновная подвергалась бичеванію, и огонь надобно было зажечь снова лучами солнца. Если весталка нарушала обѣтъ цѣломудрія, ее хоронили живую. З то онѣ пользовались большимъ почетомъ: онѣ могли освободить встрѣтившихся съ ними преступниковъ отъ смертной казни, имѣли особыя почетныя мѣста въ театрѣ, ликтора для сопровожденія, и пр. Весталки носили длинное бѣлое одѣяніе, вышитое пурпурными полосами, и на головѣ повязку. Кромѣ того были жрецы *фециалы*, которые употреблялись для переговоровъ съ другими народами; они объявляли сосѣдямъ войну, бросая на ихъ землю окровавленное копье. Впослѣдствіи, когда начались отдаленныя войны, они бросали такое копье въ Римѣ передъ

храмомъ Беллоны. Были въ Римѣ еще и другія жреческія общины или братства, каковы: *арвалы*, обходившіе поля съ молитвами и жертвоприношеніями, *саліи*, совершавшіе ежегодно воинственныя пляски въ честь Марса, и пр.

У себя въ домѣ каждый отецъ семейства былъ жрецъ или служитель своихъ домашнихъ боговъ; они назывались *лары* и *пенаты*, и помѣщались обыкновенно подлѣ жертвенника, на которомъ горѣлъ священный огонь. Жертвенникъ этотъ находился въ главной части римскаго жилища (*атріумъ*).

Изъ религіозныхъ празднествъ римскихъ (feriae) наиболѣе замѣчательны: *Луперкаліи* (въ честь Пана—бога лѣсовъ), *Сатурналіи*, *Квириналіи* и пр. Къ религіознымъ празднествамъ относились по своему происхожденію и общественныя игры (ludi), именно: игры цирка и гладіаторскія. Первыя (ludi circenses) посвящены были Капитолійскимъ божествамъ и совершались въ огромномъ циркѣ, построенномъ Тарквиніемъ Древнимъ (Circus maximus); онѣ состояли въ ристаніи на колесницахъ, въ гимнастическихъ состязаніяхъ, различныхъ сраженіяхъ людей между собою или съ дикими животными и т. п. Гладіаторскія сраженія первоначально употреблялись при погребеніяхъ для примиренія тѣни усопшаго; а впослѣдствіи, также какъ игры цирка, давались просто для народнаго увеселенія, въ особо устроенныхъ для того *амфитеатрахъ* (амфитеатръ — овальная площадь усыпанная пескомъ и окруженная мѣстами для зрителей, въ нѣсколько этажей). Эти кровавыя зрѣлища, какъ извѣстно, были самою любимою забавою римлянъ.

Древніе римляне были весьма набожнымъ народомъ, и строго соблюдали свои религіозные уставы. Но когда распространилось ихъ владычество внѣ Италіи, и вмѣстѣ съ накопленіемъ добытыхъ войною богатствъ ослабѣла прежняя строгость нравовъ, тогда начался упадокъ и старыхъ религіозныхъ вѣрованій. Послѣ завоеванія Южной Италіи и собственной Греціи римляне подверглись сильному вліянію греческой образованности; это вліяніе отразилось и въ области

религіи: благодаря родству грековъ и латиновъ и многимъ общимъ вѣрованіямъ, богатая греческая миѳологія легко распространялась между латинами, и главныя латинскія божества мало по малу слились съ соотвѣтствующими олимпійскими богами. Юпитеръ уподобленъ былъ греческому Зевесу, Юнона Герѣ, Сатурнъ Хроносу и т. д. Послѣ завоеванія азіатскихъ и африканскихъ провинцій, когда въ Римѣ сильно увеличился приливъ иностранцевъ, въ немъ встрѣчаются жрецы и храмы восточныхъ божествъ, каковы: Кибелла фригійская, Митра (персидское божество солнца), Сераписъ и Изида египетскіе и пр.; эти божества находятъ многихъ поклонниковъ между самими римлянами и увеличиваютъ собою сонмъ греко-римскихъ боговъ. Такая вѣротерпимость римлянъ относительно иноземныхъ религій объясняется съ одной стороны упадкомъ ихъ собственной религіи: между тѣмъ какъ низшіе классы народа погружались въ безчисленныя суевѣрія и предразсудки, въ высшихъ классахъ распространялось равнодушіе къ религіознымъ интересамъ и невѣріе (атеизмъ). Жрецы сами подавали примѣръ: говорятъ, авгуры не могли безъ улыбки смотрѣть другъ на друга. Съ другой стороны правительство римское временъ императоровъ снисходительно смотрѣло на смѣшеніе вѣрованій покоренныхъ народовъ съ римскою государственною религіей, надѣясь черезъ это смѣшеніе упрочить единство имперіи не только политическое, но и религіозное. Такъ, при Августѣ построенъ былъ въ Римѣ храмъ Пантеонъ, въ которомъ должно было соединиться поклоненіе всѣмъ главнымъ божествамъ запада и востока. За то религіи, которыя не хотѣли смѣшиваться съ римскою, подвергались преслѣдованіямъ, именно: галльскій друидизмъ, іудейская вѣра и наконецъ христіанство. Императоры римскіе въ качествѣ верховныхъ жрецовъ (т. е. pontifex maximus) наблюдали сохраненіе языческихъ обрядовъ и установленій почти до самыхъ послѣднихъ временъ Западной имперіи; но они сами не мало способствовали окончательному упадку старыхъ вѣрованій введеніемъ собственнаго

обожанія: обыкновенно по смерти каждаго императора сенатъ причислялъ его къ числу боговъ, приказывалъ строить ему алтаря и храмы и учреждалъ для него особыхъ жрецовъ. Вскорѣ римляне уже не довольствовались обожаніемъ умершихъ императоровъ; а начали строить имъ храмы еще при жизни.

Въ эти испорченныя времена конечно встрѣчались многіе люди, скорбѣвшіе о нравственномъ упадкѣ Рима, и, не находя въ языческой религіи удовлетворенія своимъ духовнымъ потребностямъ, искали утѣшенія въ занятіяхъ философіей. Философскія ученія распространились здѣсь изъ Греціи. Особенно много послѣдователей между римлянами нашла себѣ школа *стоиковъ*, которая по духу своему ближе всего напоминала суровый, энергическій характеръ древнихъ римлянъ. Въ послѣднія времена республики и потомъ во времена тирановъ между римскими стоиками вошло даже въ обычай презрѣніе къ жизни и частое самоубійство, приводимое въ исполненіе съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Знатный римлянинъ, рѣшаясь на добровольную смерть, торжественно прощался съ друзьями и семействомъ, въ ихъ присутствіи отворялъ себѣ жилы, и продолжалъ бесѣду до послѣдняго вздоха. Съ другой стороны, эпикурейская школа также находила въ Римѣ многихъ послѣдователей, которые не вѣря въ боговъ и въ загробное существованіе, спѣшили насладиться настоящею жизнію.

Рядомъ съ этими невѣрующими (атеистическими) школами во времена имперіи появились и противуположныя имъ ученія такъ называемыхъ «неопиѳагорейцевъ» и «неоплатониковъ». Какъ и самое названіе показываетъ, они вели свое происхожденіе отъ древнихъ греческихъ философовъ Пиѳагора и Платона. Отличительною чертою этихъ новыхъ ученій былъ мистицизмъ, т. е. вѣра въ чудесное и стремленіе къ таинственному общенію людей съ добрыми и злыми геніями. Они пользовались большимъ успѣхомъ благодаря суевѣріямъ, распространеннымъ между необразованными классами, особенно между женщинами. Неопиѳагорейская школа увлеклась по преимуществу стремленіемъ къ сверхъестественному, къ занятіямъ магіей, которая будто бы научала искусству

творить чудеса, производить заклинанія, предсказывать будущее и т. п.; она обратилась скоро въ грубое колдовство и шарлатанство. Представителемъ этой школы считается Аполлоній Тіанскій (родомъ изъ греческаго городка Тіана въ Малой Азіи), жившій въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х.; онъ пользовался большимъ уваженіемъ у современниковъ; о немъ и о чудесахъ, будто бы совершенныхъ имъ, ходило много расказовъ. Ученіе неоплатониковъ получило свое начало въ греко-египетскомъ городѣ Александріи; оно представляло смѣсь философіи Платона и Аристотеля съ восточными (т. е. азіатсво-египетскими) вѣрованіями. Неоплатонизмъ старался примирить философію образованныхъ классовъ съ языческой религіей простаго народа, и много способствовалъ оживленію язычества, которое замѣтно во время его предсмертной борьбы съ христіанствомъ, въ III и IV вв. по Р. Х. Представителемъ неоплатониковъ считается философъ Плотинъ, жившій въ III в. (Въ числѣ ихъ последователей, какъ извѣстно, былъ и Юліанъ Отступникъ).

Первоначально римляне жили въ простыхъ хижинахъ изъ хвороста, обмазанныхъ глиною; потомъ стали строить дома изъ кирпича. Лучшія общественныя зданія въ древнѣйшій періодъ Рима были воздвигнуты этрусскими художниками. Храмы этого періода имѣли форму квадрата (тогда какъ греческіе представляютъ продолговатый прямоугольникъ). Образцомъ такого этрусско-римскаго стиля служилъ великолѣпный храмъ, воздвигнутый на вершинѣ Капитолійскаго холма тремъ высшимъ божествамъ: Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ; онъ былъ начатъ Тарквиніемъ Прискомъ, а оконченъ уже послѣ изгнанія царей; впослѣдствіи подвергался пожарамъ, и возобновлялся до четырехъ разъ. Находившіяся во внутреннемъ святилищѣ храмовъ колоссальныя статуи боговъ приготовлялись этрусскими художниками изъ глины и дерева. За періодомъ этрусскаго вліянія послѣдовало въ развитіи римскаго искусства вліяніе греческое. Оно началось очень рано, вслѣдствіе сосѣдства съ греческими колоніями, и еще болѣе увеличилось послѣ завоеванія этихъ колоній въ южной Италіи и Сициліи. При постепенномъ сліяніи греческихъ вѣрованій (т. е. миѳологіи) съ римскими и храмы римскіе приняли форму греческихъ; колоннады храмовъ усвоили себѣ преимущественно стиль коринѳскаго ордена.

Послѣ завоеванія собственной Греціи и разрушенія Коринфа, въ Римъ начали въ большомъ количествѣ стекаться греческіе художники; сюда перенесены были и многія образцовыя произведенія греческаго ваянія, взятыя побѣдителями въ завоеванныхъ городахъ. Съ накопленіемъ богатствъ у римлянъ скоро развилась любовь къ дорогимъ изящнымъ постройкамъ, которыя производились греческими художниками или ихъ подражателями. Въ послѣднія времена республики и особенно въ первые два вѣка имперіи Римъ украсился множествомъ великолѣпныхъ зданій и всякаго рода памятниковъ искусства; таковы: храмы (самый замѣчательный это круглый Пантеонъ Агриппы), куріи, базилики (продолговатыя, четырехъугольныя залы окруженныя колоннадами; онѣ служили мѣстомъ сходокъ для торговыхъ людей—родъ нашей биржи; на одномъ концѣ базилики обыкновенно отдѣлялось рѣшеткою полукруглое пространство съ трибуналомъ, гдѣ производился судъ. Форма этого зданія послужила образцомъ для христіанскихъ храмовъ), театры (особенно два: Помпея и Марцелла), цирки (Circus maximus, основанный Тарквиніемъ Прискомъ и увеличенный Юліемъ Цезаремъ), амфитеатры (Колизей), термы (т. е. публичныя бани, при которыхъ находились гимнастическія залы, портики, библіотеки, тѣнистыя аллеи и т. д. Замѣчательны термы Агриппы, Нерона и Тита; остатки послѣднихъ существуютъ до сихъ поръ), тріумфальныя арки и колонны (арка Тита и колонна Траяна), мавзолеи или надгробные памятники (Moles Hadriani — теперь замокъ св. Ангела), императорскіе дворцы (т. наз. „золотой дворецъ“ Нерона) и пр. Отъ общественныхъ зданій роскошь перешла вскорѣ и къ частнымъ: римскіе богачи наперерывъ начали воздвигать мраморные дворцы и загородныя виллы, украшая ихъ скульптурными произведеніями, стѣнною живописью, мозаичными полами и потолками, цвѣтниками, изящною утварью, напримѣръ: столы и скамьи оправленные серебромъ, слоновой костью и т. п., разнаго рода золотые, серебрянные и бронзовые сосуды; еще замѣчательными памятниками этой эпохи служатъ геммы и кам-

меи — миньатюрные камни съ рѣзными изображеніями. Изъ Рима и Италіи эта любовь къ роскоши и покровительство изящнымъ искусствамъ быстро распространились въ провинціальныхъ городахъ и способствовали ихъ украшенію. Вмѣстѣ съ эпохою Антониновъ кончается цвѣтущій періодъ греко-римскаго искусства. За тѣмъ наступаетъ время упадка, которое обнаружилось порчею вкуса; послѣдующія произведенія архитектуры и ваянія отличаются недостаткомъ гармоніи и изящества.

Будучи подражателями грековъ въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ, римляне проявили свой оригинальный, практическій геній въ постройкахъ государственной пользы, каковы: дороги, мосты, водопроводы и т. п. Остатки этихъ громадныхъ сооруженій до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе своею необыкновенною прочностію. Уже во времена республики изъ Рима проложены были большія шоссейныя дороги почти во всѣ стороны Италіи (Аппіева, Пренестинская, Тибуртинская, Фламиніева и пр.); онѣ связывали разныя ея области съ столицей, и, облегчая движеніе легіоновъ, упрочивали римское господство надъ покоренными народами. При императорахъ дороги были умножены и продолжены изъ Италіи въ провинціи. Наиболѣе замѣчательная изъ римскихъ дорогъ это Аппіева (Via Appia); она была начата цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ Цекомъ (за три вѣка до Р. Х.), и соединяла съ Римомъ Капую, а потомъ была продолжена до Брундузіума. Нижній ея пластъ состоитъ изъ крѣпко утоптаннаго щебня и разбитыхъ камней, залитыхъ известью, а верхній изъ базальтовыхъ плитъ, плотно прилаженныхъ другъ къ другу. Съ обѣихъ сторонъ ея шли каменныя тропинки для пѣшеходовъ, по краямъ каменныя перила и на извѣстныхъ разстояніяхъ скамьи для отдыха. Остатки этой дороги существуютъ до сихъ поръ.

Что касается до наружнаго характера римскихъ городовъ, до устройства ихъ жилищъ и домашняго быта въ цвѣтущую эпоху государства, о нихъ подробное понятіе даютъ намъ въ

особенности раскопки, производимыя въ Помпеѣ. Улицы тамъ очень тѣсны, и въ нѣкоторыхъ два экипажа не могутъ разъѣхаться (экипажей подобныхъ нашимъ тогда еще не было; вмѣсто нихъ служили носилки и небольшія колесницы). Частные дома малы, низки и обыкновенно въ одинъ этажъ, съ плоскою кровлею. Наружность ихъ очень проста; но внутри они украшены съ большимъ тщаніемъ; полы выложены мозаикой (т. е. рисунками составленными изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ камней) и стѣны расписаны картинами миѳологическаго или историческаго содержанія. Домашняя утварь, т. е. разнообразныя вазы, лампы, треножники, канделябры, металлическія зеркала, бронзовые и глиняные сосуды — все это отличается большимъ вкусомъ и изяществомъ. Дома римскіе состояли изъ двухъ главныхъ частей: атрій (atrium) или передняя и перистилій (peristylium) или задняя часть; онѣ представляли двѣ четырехъугольныя залы, соединенныя коридорами (fauces); среднее пространство этихъ залъ не было покрыто кровлею; тутъ находились небольшіе водоемы или бассейны, куда стекала дождевая вода съ кровли и распространяла кругомъ прохладу; къ атрію и перистилю примыкали съ боковъ комнаты, служившія для жилья, для пріема гостей, для обѣда, купанья, прислуги и пр. Для освѣщенія дѣлались отверстія въ стѣнахъ и закрывались деревянными ставнями; во времена императоровъ начали дѣлать окна изъ слюды и прозрачныхъ мраморныхъ досокъ. *

---

* Образцомъ жилища зажиточныхъ гражданъ служитъ т. наз. домъ Пансы отрытый въ Помпеѣ (судя по надписи на немъ онъ принадлежалъ какому то эдилу Пансѣ). На порогѣ его выложено мозаикой слово: salve (здравствуй); продолговатыя сѣни (vestibulum) ведутъ въ просторный атріумъ, посреди котораго находится водоемъ (impluvium) и подлѣ него жертвенникъ домашнихъ пенатовъ. Справа и слѣва къ атріуму примываютъ четыре небольшія комнатки. На противуположной отъ входа сторонѣ атріума довольно большая комната (tablinum), украшенная мозаичномъ поломъ и назначавшаяся для храненія фамильныхъ драгоцѣнностей, каковы: бюсты предковъ, родословныя таблицы и т. п. Она вела въ перистиль; но обык-

Одежда у римлянъ была почти такая же какъ у грековъ, именно: нижняя одежда или „туника“ (соотвѣтствующая греческому хитону и нашей рубашкѣ только безъ рукавовъ или съ короткими рукавами) и верхній плащъ или „тога“ (греческій гиматіонъ). Туника и тога дѣлались изъ шерстяной матеріи, и, смотря по званію и состоянію лицъ, различались тонкостью, цвѣтомъ и отдѣлкою, т. е. вышитыми на нихъ полосами и узорами.

Напримѣръ, у сенаторовъ туника отличалась широкою полосою на труди *(tunica laticlava)*, а у всадниковъ узкою *(angusticlava)*. Обыкновенно и мужчины и женщины носили двѣ туники, одну исподнюю, другую верхнюю. Тога у сановниковъ была также украшена пурпурною полосою *(toga praetexta)*, а у всадниковъ и авгуровъ совсѣмъ пурпурная или съ пурпурными полосами въ нѣсколько рядовъ *(trabea)*; лице, искавшее быть выбраннымъ въ какую либо общественную должность, носило бѣлую тогу *(toga candida;* отсюда такое лицо называлось «кандидатъ»). Матроны или знатныя римлянки на исподнюю тунику надѣвали другую богато украшенную и съ рукавами *(stola)*; а сверху накидывали родъ плаща, ниспадавшаго широкими складками *(palla)*. Для обуви употребляли дома кожаныя подошвы, привязанныя къ ногѣ ремнемъ *(solea,* похожія на греческія сандаліи), а при выходѣ надѣвали родъ башмаковъ *(calceus)*; у воиновъ онѣ дѣлались высокія съ толстыми подошвами *(caliga)*.

Пищу римляне употребляли обыкновенно два раза въ день: около полудня подавалась легкая закуска (*prandium*), а

новенно черезъ нее не ходили безъ особой надобности, и занавѣсы, отдѣлявшіе tablinum отъ атрія, поднимались только ради пріятной перспективы. Сбоку tablinum'а находится коридоръ, который собственно и служилъ для перехода изъ атрія въ красивый перистиль, образующій внутреннюю часть всего зданія Посреди его водоемъ (piscina т. е. рыбный садокъ), подобный impluvium'у, но бо̀льшихъ размѣровъ; этотъ водоемъ окруженъ шестнадцатью колоннами, которыя поддерживаютъ кровлю (открытую надъ piscina такъ же какъ надъ impluvium) Слѣва опять рядъ небольшихъ комнатъ служившихъ вѣроятно для спанья (cubicula), а справа триклиній (triclinium) или столовая зала Изъ перистиля черезъ особою залу (oecus) и боковой при ней коридоръ входили въ крытую галлерею (porticus,, за которой расположенъ былъ садъ.

часа три или четыре спустя обѣдъ (*coena*). Въ столовыхъ залахъ (триклиніяхъ) находились четырехъугольные или круглые столы, обставленные съ трехъ сторонъ софами для возлежанія. Простота и умѣренность въ пищѣ, отличавшія римлянъ въ древнѣйшую эпоху, начали измѣняться со времени ближайшаго знакомства съ греками и восточными народами. Въ концѣ республики и во времена императоровъ порча римскихъ нравовъ съ особою силою выразилась въ роскоши и неумѣренности стола; изъ провинцій съ большими издержками доставлялись въ Римъ дорогія и лакомыя яства, каковы: павлины, фазаны, соловьи, разнаго рода морскія рыбы и т. п. (Между прочимъ необходимую часть торжественнаго обѣда составляла жареная т. наз. „троянская свинья"—porcus trojanus). Богачи любили проводить время за роскошными обѣдами посреди многочисленныхъ гостей, большею частію *паразитовъ* (это люди, старавшіеся жить на чужой счетъ, подольщавшіеся къ богачамъ чудовищною лестію и переносившіе отъ нихъ всевозможныя униженія). На пиршествахъ вошло даже въ обычай принимать рвотное, чтобы очистить желудокъ и имѣть удовольствіе снова его наполнить; разумѣется, слѣдствіемъ такого обычая бывала преждевременная дряхлость. За пиромъ обыкновенно слѣдовала попойка, продолжавшаяся до поздней ночи. Изъ итальянскихъ винъ славилось особенно Фалернское (или Кампанское), а изъ греческихъ Хіосское и Кипрское. Пирующихъ увеселяли музыканты, танцовщики, шуты и гладіаторы (все это были домашніе рабы хозяина); а люди, владѣвшіе болѣе тонкимъ, развитымъ вкусомъ, заставляли во время пира прочитывать себѣ лучшія мѣста изъ извѣстныхъ писателей; чтеніе это исполнялъ рабъ, наученный декламаціи и сценическому искусству.

Состояніе нравовъ у римлянъ, какъ и у всѣхъ народовъ, находилось въ непосредственной связи съ семейными отношеніями и съ положеніемъ женщинъ. Въ древнѣйшую эпоху и въ цвѣтущія времена республики жены гражданъ находи-

лись въ такомъ же полномъ подчиненіи у своихъ мужей какъ и всѣ другіе члены семейства. Римскія матроны тѣхъ временъ отличались строгими нравами; онѣ скромно проводили время, занимаясь воспитаніемъ дѣтей, домашнимъ хозяйствомъ, тканьёмъ и пряденіемъ вмѣстѣ съ своими рабынями. *Domi mansit, lanam fecit* (сидѣла дома, пряла шерсть), эти слова служили обычною похвалою для римской матроны. Такое поведеніе поощрялось самыми законами и обычаями, которые неумолимо преслѣдовали супругу гражданина за всякое уклоненіе отъ скромности и цѣломудрія. За то она пользовалась внѣшнимъ почетомъ. Встрѣчаясь на улицѣ съ консуломъ она не уступала ему дороги, и его ликторъ, разгонявшій толпу, не смѣлъ коснуться ея длинной одежды; человѣкъ, оскорбившій ее дурнымъ словомъ или непристойнымъ движеніемъ, подвергался наказанію. Когда Риму угрожала опасность, сенатъ обращался къ молитвамъ матронъ, которымъ приписывалась особенная сила. Хотя закономъ дозволены были разводы; но они случались чрезвычайно рѣдко. Послѣ покоренія Карѳагена, Греціи и Малой Азіи, съ упадкомъ религіозности и прежнихъ строгихъ нравовъ началось и ослабленіе семейныхъ узъ; женщины все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ свободы въ своемъ поведеніи. Предоставивъ рабамъ и рабынямъ воспитаніе дѣтей и домашнее хозяйство, онѣ предаются страсти къ дорогимъ нарядамъ и удовольствіямъ; многія изъ нихъ, подобно греческимъ гетерамъ, стараются блистать въ обществѣ мущинъ своимъ знакомствомъ съ лучшими произведеніями греческой и римской литературы или искусствомъ танцовать и играть на цитрѣ. Разводы сдѣлались весьма часты, и матроны переходили отъ одного брака къ другому; самые браки заключались большею частію уже безъ торжественныхъ религіозныхъ обрядовъ, а на основаніи простаго договора. Рядомъ съ этою распущенностію нравовъ шло и юридическое освобожденіе женщины отъ прежней вѣчной опеки надъ нею мущинъ; новые законы предоставили ей нѣкоторыя права равныя съ мущинами;

особенно важно было для нея право наслѣдства и владѣнія своимъ недвижимымъ приданымъ. Упадокъ семейныхъ добродѣтелей, легкость нравовъ и разорительная роскошь римскихъ дамъ уменьшала въ мущинахъ наклонность къ семейной жизни; число холостыхъ между знатными и даже въ среднемъ состояніи быстро увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалось число рожденій. Августъ и послѣдующіе императоры пытались помочь злу изданіемъ законовъ, которые уменьшали гражданскія права холостыхъ и давали нѣкоторыя привилегіи женатымъ, преимущественно имѣющимъ много дѣтей; но законы эти не достигали своей цѣли. Итакъ, освобожденіе женщины отъ прежняго суроваго положенія въ римскомъ обществѣ сопровождалось порчею ея нравовъ; но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанства, выработался другой болѣе возвышенный идеалъ жены, какъ подруги мужа и матери семейства: церковь признала бракъ таинствомъ и сообщила бо́льшую крѣпость семейному союзу.

Воспитаніе римлянъ въ цвѣтущую эпоху государства было по преимуществу практическое. До семилѣтняго возраста мальчикъ находился на попеченіи матери и няньки; потомъ онъ переходилъ подъ непосредственный надзоръ отца, учился чтенію, письму, гимнастикѣ, и заучивалъ наизусть законы Двѣнадцати таблицъ. Общественная жизнь во времена республики представляла молодымъ римлянамъ богатыя средства для приготовленія ихъ къ гражданской дѣятельности; они присутствовали при народныхъ собраніяхъ, а сенаторы могли брать своихъ сыновей съ собою на засѣданія сената, гдѣ они поучались политической мудрости. Люди, извѣстные своими познаніями въ законахъ и государственною опытностію, были предметомъ особаго уваженія со стороны юношей; послѣдніе провожали такихъ людей при ихъ возвращеніи изъ сената или съ форума или на прогулкѣ, спрашивали у нихъ объясненія того или другаго обычая или закона, и почтительно выслушивали ихъ толкованія. На 15-мъ году молодой римлянинъ становился уже гражданиномъ; онъ снималъ дѣтскую тогу,

и надѣвалъ мужескую (toga virilis). Его практическое воспитаніе продолжалось или въ лагерѣ при особѣ военачальниковъ, или въ свитѣ намѣстниковъ провинцій. Отъ молодыхъ людей прежде всего требовались скромность и послушаніе старшимъ.

Со времени близкаго знакомства римлянъ съ греками воспитаніе подверглось сильному вліянію послѣднихъ. Греческій языкъ и греческая литература сдѣлались необходимою принадлежностію римскаго образованія. Публичныя школы, встрѣчавшіяся прежде въ небольшомъ числѣ и ограниченныя первоначальнымъ обученіемъ, начали размножаться, благодаря наплыву греческихъ учителей. Кромѣ низшихъ или элементарныхъ школъ, которыя научали чтенію и письму, являются и высшія, гдѣ подъ руководствомъ т. наз. граматиковъ и риторовъ мальчики упражнялись въ слогѣ, въ декламаціи, слушали объясненія лучшихъ произведеній греческой и римской литературы, изучали миѳологію, исторію и особенно краснорѣчіе или ораторское искусство. Школы эти были долгое время частнымъ предпріятіемъ, но во времена императоровъ онѣ получаютъ болѣе общественный характеръ; правительство назначало учителямъ жалованье, и заботилось о распространеніи школъ въ провинціяхъ; такимъ образомъ онѣ сдѣлались доступны и людямъ небогатымъ. Родители въ этотъ періодъ сами мало занимались воспитаніемъ своихъ дѣтей, и молодой римлянинъ обыкновенно росъ подъ надзоромъ домашняго наставника, который или нанимался изъ образованныхъ грековъ, или просто выбирался изъ числа греческихъ рабовъ. Этотъ наставникъ (*paedagogus*) сопровождалъ всюду своего воспитанника, на прогулку, въ школу и т. п., и также самъ давалъ ему уроки въ нѣкоторыхъ наукахъ. (Вліяніе греческихъ рабовъ-наставниковъ на молодое поколѣніе имѣло значительную долю участія въ порчѣ римскихъ нравовъ). Чтобы закончить свое образованіе, многіе молодые римляне предпринимали путешествіе въ греческіе города, преимущественно въ Аѳины, Родосъ и Александрію, и тамъ слушали уроки извѣстнѣйшихъ риторовъ и философовъ.

Литература римская развилась подъ вліяніемъ грековъ. Однако до знакомства съ греками у римлянъ встрѣчаются начатки оригинальной латинской поэзіи и прозы. На послѣднюю указываетъ существованіе римскихъ государственныхъ лѣтописей или анналовъ, куда вносились ежегодно краткія отмѣтки о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ и замѣчательныхъ явленіяхъ природы. Они велись жрецами понтифексами (Annales pontificum). Эти лѣтописи не дошли до насъ; но ими пользовались римскіе историки. Начатками собственно латинской поэзіи представляются хвалебныя пѣсни въ честь предковъ, которыя въ древнѣйшую эпоху пѣлись на торжественныхъ обѣдахъ всѣми участниками по очереди и въ сопровожденіи флейты.

Нѣкоторые новѣйшіе европейскіе ученые предполагаютъ, что въ Италіи существовали народныя пѣсни и сказанія о древнѣйшихъ или героическихъ временахъ Рима; но эти отрывочныя пѣсни не сложились въ большія поэмы, подобныя Гомеровымъ (именно, Нибуръ думаетъ, что баснословные расказы римскихъ историковъ о древнѣйшемъ періодѣ Рима заимствованы изъ такихъ эпическихъ сказаній). Упоминаются кромѣ того священныя или религіозныя пѣсни (напримѣръ, жрецовъ-саліевъ и „арвальскихъ братьевъ" или жрецовъ, молившихъ боговъ о плодородіи полей). Существовали также въ древнемъ Римѣ и народныя пѣсни веселаго или остроумнаго содержанія; иногда такія пѣсни сопровождались соотвѣтствующими тѣлодвиженіями и сценическими представленіями (такъ наз. „мимы" и „ателланы"). Безъискусственный размѣръ этихъ народныхъ пѣсенъ съ его грубымъ, необработаннымъ языкомъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ *сатурнова стиха.*

Вліяніе грековъ на развитіе римской литературы обнаружилось вскорѣ послѣ завоеванія южной Италіи. Первые писатели, познакомившіе римлянъ съ произведеніями греческой поэзіи и начавшіе литературную обработку латинскаго языка, были по происхожденію греки; именно ***Ливій Андроникъ***, ***Невій*** и ***Энній***.*

* Ливій Андроникъ, родомъ изъ Тарента, жилъ въ III в. до Р. Х. Взятый въ плѣнъ, онъ попалъ въ рабство, былъ потомъ отпущенъ своимъ господиномъ на волю и занимался въ Римѣ обученіемъ греческому языку. Онъ

Изъ писателей собственно римскихъ въ этотъ первый періодъ подражанія греческимъ образцамъ замѣчательны особенно *Плавтъ* и *Теренцій*, прославившіеся своими комедіями. Вообще изъ разныхъ видовъ поэзіи комедія и сатира съ большимъ успѣхомъ были усвоены римлянами, потому что наиболѣе соотвѣтствовали національному римскому характеру (при его наклонности къ юмору); на поприщѣ трагедіи, напротивъ, римляне не произвели ни одного замѣчательнаго писателя: драматическимъ діалогамъ (разговорамъ) они предпочитали кровавыя представленія въ циркахъ и амфитеарахъ, гдѣ упивались зрѣлищемъ дѣйствительной борьбы и страданій. Плавтъ, современникъ Сципіона Африканскаго, хотя и подражалъ греческимъ комикамъ, но онъ вносилъ въ нихъ столько простонароднаго итальянскаго остроумія и картинъ изъ итальянской жизни, что его комедіи были наиболѣе любимы римскимъ плебсомъ (извѣстнѣйшія изъ нихъ: „Хвастливый воинъ“, „Амфитріонъ“, „Домашній кладъ“, и др. Въ послѣдней онъ такъ искусно изобразилъ типъ скряги, что Мольеръ подражалъ ему въ своей знаменитой комедіи „Скупой“). Теренцій, жившій во II вѣкѣ до Р. Х., родомъ изъ Африки, напротивъ обращалъ особое вниманіе въ своихъ комедіяхъ на изящество языка и ближе держался греческихъ образцовъ (особенно Менандра). Поэтому его комедіи пользовались благоволеніемъ римской знати, которая тогда уже воспитывалась

перевелъ на латинскій языкъ Одиссею; сочинялъ также трагедіи и комедіи по греческимъ образцамъ. Современникъ его Невій написалъ поэму о первой Пунической войнѣ, въ которой самъ участвовалъ. Но за свои комедіи, въ которыхъ онъ по примѣру Аристофана пытался осмѣивать недостатки знатныхъ и сильныхъ людей, Невій подвергся преслѣдованію оптиматовъ, былъ заключенъ въ тюрьму, а потомъ изгнанъ изъ Рима. Третій поэтъ, Энній, родомъ также изъ южной Италіи, напротивъ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ льстилъ римскимъ аристократамъ, и пользовался ихъ покровительствомъ. Онъ участвовалъ во второй Пунической войнѣ и пріобрѣлъ дружбу Сципіона Африканскаго. Энній между прочимъ переложилъ въ стихи римскія «Анналы», т. е. лѣтописные расказы изъ древней римской исторіи.

на греческомъ языкѣ и греческой литературѣ; но простой народъ оставался къ нимъ холоденъ. (Лучшія изъ нихъ; „Андрія“, „Евнухъ“ и т. д.).

Писатели этого подражательнаго періода много содѣйствовали обработкѣ литературнаго вкуса и языка, и приготовили слѣдующій за тѣмъ періодъ классическій или т. наз. “Золотой вѣкъ римской литературы“.

Этотъ золотой вѣкъ начинается *Цицерономъ*, который можетъ назваться творцомъ классической прозы. Слава Цицерона основана на его образцовыхъ ораторскихъ произведеніяхъ, въ которыхъ онъ умѣлъ соединить необыкновенное изящество стиля съ живостью и энергіею языка. Кромѣ своихъ многочисленныхъ рѣчей онъ оставилъ еще нѣсколько философскихъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью въ легкой доступной формѣ ознакомить римлянъ съ результатами греческой философіи; самъ онъ впрочемъ не принадлежалъ ни къ какой опредѣленной философской школѣ, и разсуждалъ о философіи только какъ искусный риторъ, безъ глубокаго убѣжденія въ томъ или другомъ ученіи. Другой образецъ изящной латинской прозы представилъ *Юлій Цезарь* въ своихъ Запискахъ о Галльской войнѣ (Commentarii de bello Gallico) и о войнѣ Гражданской или междоусобной (de bello civili). Записки Цезаря отличаются удивительною простотою и ясностью изложенія и обнаруживаютъ въ немъ тонкаго наблюдателя. Рядомъ съ нимъ является еще замѣчательный историческій писатель, *Саллюстій Криспъ*; въ своихъ сочиненіяхъ — „О заговорѣ Катилины“ и „Югуртинская война„ — онъ взялъ себѣ за образецъ греческаго историка Ѳукидида, и съ расказомъ о событіяхъ соединялъ характеристику дѣйствующихъ лицъ и современной эпохи. Но, ярко изображая упадокъ республиканскихъ нравовъ Рима, самъ онъ, какъ говорятъ, отличился притѣсненіями и грабительствами въ Нумидіи, куда Цезарь назначилъ его намѣстникомъ.

Далѣе слѣдуетъ знаменитый историкъ *Титъ Ливій*, современникъ Октавія Августа. Онъ былъ родомъ изъ Патавіи

(т. е. Падуи); большую часть жизни провелъ въ Римѣ и пользовался благосклонностью Августа, хотя и не скрывалъ своей приверженности къ республиканской партіи. Ливій написалъ пространную римскую исторію отъ начала Рима до своего времени; но изъ 142 книгъ (собственно главъ) этой исторіи до насъ дошло только 35. Онъ предпринялъ свой трудъ для того, что бы прославить дѣянія древнихъ римлянъ въ поученіе ихъ потомкамъ, и показать, какими подвигами и при какихъ нравахъ Римъ достигъ владычества надъ міромъ. Сообразно съ этою патріотическою цѣлью онъ не подвергалъ строгой критикѣ источники, которыми пользовался для своего труда, и выбиралъ преимущественно тѣ извѣстія, которыя наиболѣе соотвѣтствовали національной гордости римлянъ. Его расказы о первомъ періодѣ Рима поэтому удержали характеръ народныхъ героическихъ сказаній. Слогъ его исторіи возвышенный, реторическій, но вмѣстѣ изящный и сильный. *

Поэзія золотаго вѣка латинской литературы достигла высшаго своего процвѣтанія въ лицѣ трехъ римскихъ поэтовъ:

---

* Къ числу историческихъ писателей надобно отнести *Порція Катона* и *Теренція Варрона*. Порцій Катонъ, знаменитый цензоръ, жившій во II в. до Р. Х., написалъ нѣсколько сочиненій о земледѣліи и кромѣ того сочиненіе о древнѣйшихъ государствахъ Италіи и о началѣ Рима. Теренцій Варронъ, современникъ Цицерона, знаменитъ своею необыкновенною ученостію и литературною плодовитостію: онъ написалъ многочисленные трактаты историческіе, философскіе, граматическіе, юридическіе, сельскохозяйственные и пр. Но до насъ дошли только два его сочиненія: „О латинскомъ языкѣ“ и „О сельскомъ хозяйствѣ“. Его ученыя изысканія по части римскихъ древностей и римской исторіи важны потому, что ими пользовались послѣдующіе историки. Современникомъ Цицерона былъ и *Корнелій Непотъ*, написавшій краткія біографіи или жизнеописанія великихъ государственныхъ мужей и полководцевъ, взятыя преимущественно изъ греческой исторіи. А во время Августа жилъ еще замѣчательный историкъ *Трогъ Помпей;* онъ попытался написать всеобщую исторію, по греческимъ источникамъ; сочиненіе его дошло до насъ въ сокращеніи, которое сдѣлалъ *Юстинъ*, писатель II вѣка по Р. Х.

Виргилія, *Горація* и *Овидія*. Всѣ трое были современниками Октавія Августа. Виргилій Маронъ, родомъ изъ окрестностей Мантуи, находился подъ особымъ покровительствомъ императора и Мецената. Онъ написалъ нѣсколько идиллій (или „эклогъ") о сельской жизни и прекрасную поучительную поэму о земледѣліи („Георгики"); но слава его преимущественно основывается на эпической поэмѣ „Энеида", гдѣ расказаны странствованія Энея послѣ разрушенія Трои и его поселеніе въ Лаціумѣ; здѣсь Виргилій выводитъ родъ Августа по прямой линіи отъ троянскаго героя. Эта поэма представляетъ подражаніе гомерическому эпосу; но по изяществу своей формы и чрезвычайному уваженію къ ней римлянъ она является произведеніемъ вполнѣ художественнымъ и національнымъ. Горацій Флаккъ былъ сынъ вольноотпущенника; во время втораго тріумвирата принадлежалъ къ партіи республиканцевъ, и сражался въ войскѣ Брута при Филиппахъ. (Въ одномъ стихотвореніи, обращенномъ къ другу, Горацій вспоминаетъ этотъ день, когда онъ, покинувъ щитъ, бѣжалъ съ поля битвы). Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ довѣріе и дружбу Мецената; самъ Августъ заискивалъ его стихотворныхъ похвалъ. Меценатъ подарилъ Горацію небольшое помѣстье, и здѣсь поэтъ, нелюбившій тревожной городской жизни, провелъ свои лучшіе годы. Онъ писалъ мелкія лирическія стихотворенія, и особенно знаменитъ своими остроумными, игривыми сатирами, въ которыхъ слегка подсмѣивался надъ суетностію, корыстолюбіемъ, расточительностію и другими недостатками современныхъ ему римлянъ. Овидій Назонъ, принадлежавшій къ богатому сословію всадниковъ, извѣстенъ преимущественно своими эротическими стихотвореніями (т. е. такими, въ которыхъ воспѣвалась любовь); самое значительное изъ его произведеній—это „Метаморфозы" или превращенія, которыя представляютъ рядъ изящныхъ миѳологическихъ расказовъ о грекоримскихъ богахъ и герояхъ. Августъ за что-то прогнѣвался на Овидія, и сослалъ его въ Томи, незначительный городокъ на сѣверозападныхъ

берегахъ Чернаго моря; здѣсь онъ и умеръ. Изъ другихъ лирическихъ поэтовъ того же вѣка наиболѣе извѣстны: *Катуллъ, Тибуллъ и Проперцій* *.

Послѣ Августа начинается упадокъ римской литературы (это такъ наз. „Серебряный вѣкъ"). Въ мрачную эпоху тирановъ всякая попытка къ свободному выраженію своихъ мыслей и чувствъ подвергалась преслѣдованію; поэтому писатели или старались не касаться современныхъ обстоятельствъ, или наполняли свои произведенія грубою лестью. Порча вкуса обнаружилась въ литературѣ преобладаніемъ реторики (т. е. пышныхъ фразъ или цвѣтовъ краснорѣчія). Такимъ реторическимъ направленіемъ проникнуты философскія сочиненія *Сенеки*, наставника Неронова. Онъ былъ послѣдователь стоической школы, но не отличался высокою нравственностію. Сенека, несправедливо обвиненный какъ участникъ въ одномъ заговорѣ противъ Нерона, по приказанію тирана долженъ былъ лишить себя жизни. По поводу того

---

* Съ процвѣтаніемъ литературы у римлянъ начала развиваться и книжная торговля. Прежде у каждаго порядочнаго римлянина обыкновенно въ числѣ домашнихъ рабовъ были и такіе, которые занимались переписываніемъ книгъ для библіотеки своего господина. Другъ Цицерона, Помпоній Аттикъ, человѣкъ очень образованный и предпріимчивый, первый завелъ у себя изготовленіе рукописей въ большомъ количествѣ для продажи. Онъ имѣлъ много рабовъ, пріученныхъ къ этому дѣлу, такъ что могъ издавать книги довольно скоро и дешево. Тогда читатели нашли болѣе удобнымъ покупать книги, нежели приготовлять ихъ домашними средствами. Успѣхъ Аттика вызвалъ подражателей, и вскорѣ изданіе книгъ сдѣлалось особымъ промысломъ, чему способствовало изобиліе рабовъ: обыкновенно одинъ рабъ диктовалъ разомъ цѣлой сотнѣ писцовъ, и каждая книга являлась въ такомъ же числѣ списковъ. Изъ Рима эти списки распространялись и по провинціямъ.

Поэтъ Марціалъ (жившій во второй половинѣ 1-го вѣка по Р. Х.) въ одномъ стихотвореніи жалуется на свое безденежье, и такимъ образомъ говоритъ о распространеніи своихъ сочиненій: «Не одинъ только городской досугъ увеселяетъ себя моею музою. И въ воинскомъ станѣ, посреди Дакійскихъ знаменъ, суровый центуріонъ читаетъ мою книгу. Поетъ мои стихи и (далекая) Британія. Но какая отъ того польза для моего кошелька»?

же заговора былъ осужденъ на смерть и племянникъ Сенеки, *Луканъ*, одинъ изъ лучшихъ поэтовъ того времени (онъ написалъ поэму „Фарсалія“, въ которой расказываетъ о междоусобной войнѣ Помпея и Цезаря).

Только въ царствованіе Веспасіана, Тита и Траяна литература получила болѣе свободы, и къ этому времени относится нѣсколько знаменитѣйшихъ латинскихъ писателей. Таковы особенно: *Ювеналъ*, *Тацитъ* и *Квинтильянъ*. Ювеналъ извѣстенъ своими желчными сатирами, въ которыхъ безпощадно осмѣялъ развращенные нравы и раболѣпіе современныхъ ему римлянъ. Корнелій Тацитъ по справедливости считается величайшимъ изъ римскихъ историковъ. Онъ описалъ періодъ отъ смерти Августа до смерти Домиціана; его расказъ о печальномъ времени тирановъ проникнутъ горькимъ чувствомъ патріота, скорбѣвшаго о нравственномъ упадкѣ согражданъ; слогъ его отличается чрезвычайною сжатостію и силою. Тацитъ составилъ еще біографію своего тестя Агриколы (полководца упрочившаго римское владычество въ Британіи) и книгу о германцахъ, которыхъ представилъ народомъ свѣжимъ и бодрымъ, въ противуположность изнѣженнымъ римлянамъ. Квинтиліанъ, бывшій учителемъ краснорѣчія и владѣвшій обширными познаніями въ литературѣ, написалъ между прочими своими трудами замѣчательную книгу „Объ ораторскомъ искусствѣ“; здѣсь онъ приводитъ множество извѣстій и сужденій о писателяхъ и вообще о знаменитыхъ мужахъ древности. Далѣе, изъ писателей этой эпохи замѣчательны два *Плинія*. Плиній Старшій занималъ при Веспасіанѣ нѣкоторыя изъ высшихъ государственныхъ должностей; онъ начальствовалъ римскимъ флотомъ, когда погибъ жертвою своей любознательности при изверженіи Везувія. Онъ былъ ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени; изъ его сочиненій до насъ дошла только „Естественная исторія“, въ которой сообщается множество общеполезныхъ свѣденій по части географіи, зоологіи, ботаники, медицины, образовательныхъ искусствъ и пр. Племянникъ его Плиній

Младшій, ученикъ Квинтильяна и другъ историка Тацита, пользовался расположеніемъ императора Траяна, и нѣкоторое время былъ намѣстникомъ Виѳиніи. Онъ извѣстенъ какъ краснорѣчивый ораторъ; но изъ его рѣчей сохранилась только одна, которую онъ говорилъ въ сенатѣ въ похвалу Траяна (Panegyricus ad Trajanum); до насъ дошло еще нѣсколько его писемъ, интересныхъ по своимъ извѣстіямъ о происшествіяхъ и лицахъ того времени.

Римское образованіе и римская литература распространились въ провинціяхъ (именно въ западной половинѣ имперіи) и возбудили тамъ интересъ къ умственнымъ занятіямъ. Многіе провинціалы съ одушевленіемъ предались литературной дѣятельности, и значительная часть лучшихъ произведеній латинской литературы во времена имперіи принадлежитъ людямъ, вышедшимъ изъ провинцій. Въ вѣкъ серебряный самое видное мѣсто въ литературѣ заняли писатели происходившіе изъ южной Галліи и особенно изъ Испаніи, такъ что это время называется періодомъ „латино-испанской“ литературы (Сенека, Луканъ, Квинтиліанъ, поэтъ Марціалъ и ученый географъ Помпоній Мела были испанцы). Въ слѣдующій за тѣмъ періодъ въ римской литературѣ выступаютъ преимущественно африканскіе уроженцы (т. е. областей Карфагенской и Нумидійской), и этотъ періодъ названъ „пунико-латинскимъ“. Каждая группа такихъ провинціаловъ вносила въ латинскую литературу черты своей народности; такъ, испанскіе писатели выдаются величавостію стиля и обиліемъ реторическихъ фигуръ; стиль галльскій носитъ характеръ игривости и утонченности, а стиль африканскій отличается изысканностію и богатствомъ фантазіи.

Самымъ извѣстнымъ представителемъ африканскихъ писателей является *Апулей*. Онъ жилъ во времена Антониновъ, и обработалъ преимущественно тотъ видъ прозаической литературы, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ повѣстей и романовъ (этотъ видъ какъ и другіе заимствованъ римля-

нами отъ грековъ). Извѣстность его основана на повѣсти „О золотомъ ослѣ“; здѣсь расказаны приключенія одного молодаго человѣка, который отправился въ Ѳесалію, чтобы научиться тамъ магіи или колдовству, и случайно былъ превращенъ въ осла.

Африканскимъ провинціямъ принадлежатъ и лучшіе христіанскіе писатели на латинскомъ языкѣ, именно: *Тертулліанъ*, епископъ карфагенскій, въ III в.; философъ *Лактанцій*, въ IV в., и блаженный *Августинъ*, епископъ Гиппонійскій, жившій во второй половинѣ IV и въ первой V вѣка. Августинъ выступилъ поборникомъ ученія о предопредѣленіи; изъ его сочиненій самое извѣстное это „О царствѣ Божіемъ“ (*De civitate Dei*). Современникъ его блаженный *Іеронимъ*, родомъ далматъ, перевелъ на латинскій языкъ Библію; этотъ переводъ получилъ названіе *Вульгаты* *.

Во II и III вв. по Р. Х., когда поэзія и изящная проза находились уже въ упадкѣ, одна отрасль римской литературы и науки достигла высшей степени своего развитія, именно наука права или „юриспруденція“. Въ другихъ отрасляхъ литературы и науки римляне были подражателями грековъ; но на ихъ долю выпало самостоятельное развитіе и усовершенствованіе юриспруденціи, которая вполнѣ соотвѣтствовала ихъ практическому государственному характеру.

* Въ послѣднюю эпоху окончательнаго упадка латинской литературы въ поэзіи и въ изящной прозѣ преобладаютъ писатели галльскіе, таковы: *Авзоній*, извѣстный своими идиллическими поэмами, въ IV в., и *Аполлинарій Сидоній*, епископъ Оверискій, въ V в. Отъ послѣдняго осталось много интересныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Между латинскими историческими писателями временъ имперіи, кромѣ упомянутыхъ, заслуживаютъ вниманіе: *Веллей Патеркулъ*, современникъ императора Тиверія («Римская исторія»), *Квинтъ Курцій* («О дѣяніяхъ Александра Македонскаго»), *Светоній*, другъ Плинія Младшаго („Жизнеописаніе 12 римскихъ императоровъ“), *Аммїанъ Марцеллинъ*, родомъ грекъ, жившій въ IV в. (Исторія императоровъ отъ Нервы до смерти Валента) и *Павелъ Орозій*, священникъ въ V в. (Всеобщая исторія отъ сотворенія міра до V вѣка по Р. Х.). Вообще историографія представляетъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ отдѣловъ латинской литературы.

Сословіе „законовѣдовъ" образовалось въ цвѣтущія времена республики, когда накопилась значительная масса законодательныхъ постановленій и усложнилась форма судебныхъ процессовъ. Законовѣды выходили изъ людей всѣми уважаемыхъ и занимавшихъ разнообразныя государственныя должности; они по собственному опыту были знакомы съ юридическими формами и къ этому опыту присоединяли изученіе самыхъ источниковъ гражданскаго права (*jus civilis*). Въ тяжебныхъ процессахъ граждане обращались за совѣтами къ подобнымъ законовѣдамъ; ихъ отвѣты и толкованія мало по малу пріобрѣли такой авторитетъ, что нерѣдко оказывали вліяніе и на самыя судейскія рѣшенія. (Отъ этого обычая давать совѣты законовѣды получили названіе *juris consulti;* иначе ихъ называли *prudentes*, т. е. prudentes juris civilis—свѣдующіе въ гражданскомъ правѣ). Источниками римскаго гражданскаго права служили: постановленія народныхъ комицій или собственно „законы" (*leges;* постановленія трибутныхъ комицій кромѣ того назывались *plebiscita)*, сенатскіе приговоры (*senatus consulta)* и указы высшихъ сановниковъ (*edicta magistratuum*, въ особенности преторскіе эдикты); во времена имперіи къ этимъ источникамъ присоединились постановленія императоровъ (*constitutiones principum)* и сочиненія классическихъ юристовъ (извлеченія изъ этихъ сочиненій, собранныя вмѣстѣ, получили названіе *дигестовъ* и *пандектовъ*).

Императоры покровительствовали сословію ученыхъ законовѣдовъ, и съ ихъ помощію старались привести въ порядокъ и въ систему огромную массу римскихъ законовъ и эдиктовъ. Въ правленіе Августа прославились своими сочиненіями особенно два юриста *Антистій Лабеонъ* и *Атей Капитонъ*; по своему личному характеру первый изъ нихъ былъ почитателемъ республиканскихъ учрежденій, а второй приверженецъ монархіи. Ихъ различные взгляды на римское право подали поводъ къ основанію двухъ юридическихъ школъ („сабиніанцы" и „прокуліанцы"; эти названія школы получили не отъ имени основателей, а отъ ихъ двухъ послѣдователей, Сабина и Прокула). Время Адріана и Антониновъ было эпохою высшаго процвѣтанія науки права; наибольшимъ авторитетомъ между учеными юристами этого времени пользовались *Сальвій Юліанъ*, который по порученію Адріана предпринялъ систематическій сводъ преторскихъ эдиктовъ (изданный подъ именемъ „постояннаго эдикта") и *Гай*. Далѣе слѣдуетъ *Папиніанъ*, знаменитѣйшій изъ всѣхъ римскихъ юристовъ; онъ пользовался дружбою императора Септимія Севера, занималъ высшую въ имперіи должность префекта преторьянцевъ, и особенно былъ уважаемъ за свою высокую нравственность; при Каракаллѣ онъ былъ казненъ за отказъ написать для него оправданіе въ убійствѣ Геты. Къ лучшимъ юридическимъ пи-

сателямъ принадлежатъ еще: *Ульпіанъ*, префектъ преторьянцевъ при Александрѣ Северѣ, убитый своими возмутившимися подчиненными, и современникъ его *Юлій Павелъ*. Сочиненія этихъ классическихъ юристовъ не дошли до насъ вполнѣ, и извѣстны только по извлеченіямъ изъ нихъ въ разныхъ юридическихъ сборникахъ (особенно въ дигестахъ и пандектахъ).

Между тѣмъ какъ западныя римскія провинціи подверглись романизаціи, т. е. господству римскаго языка и римской образованности, восточныя провинціи, несмотря на политическое подчиненіе Риму, сохраняли эллинизмъ, распространившійся тамъ со временъ Александра Великаго. Въ городскомъ населеніи здѣсь господствовала цивилизація, языкъ и литература грековъ; съ латинскимъ языкомъ знакомились только по необходимости какъ съ языкомъ правительственныхъ актовъ. Обитатели собственной Греціи, несмотря на свое политическое безсиліе, были горды своимъ славнымъ прошедшимъ, многостороннимъ развитіемъ своей образованности, и все еще смотрѣли на другіе народы какъ на „варваровъ". Греческая наука и литература продолжали процвѣтать и въ періодъ римскаго владычества.

По части исторіографіи замѣчательны слѣдующіе греческіе писатели. *Поливій*, родомъ изъ Мегалополя. Послѣ завоеванія римлянами Македоніи онъ былъ однимъ изъ 1000 ахеянъ (т. е. гражданъ Ахейскаго союза), отведенныхъ плѣнниками въ Римъ. Здѣсь Поливій сдѣлался наставникомъ и другомъ знаменитаго Сципіона Эмильяна, и потомъ сопровождалъ его въ походѣ противъ Карѳагена. Онъ написалъ „Всеобщую исторію", обнимавшую событія отъ начала Второй Пунической войны до разрушенія Коринѳа; къ сожалѣнію этотъ прекрасный, добросовѣстный трудъ большею частію потерянъ: изъ 40 книгъ его сохранились вполнѣ только первыя пять. *Діодоръ Сицилійскій*, современникъ Юлія Цезаря; онъ 30 лѣтъ работалъ надъ собраніемъ и приведеніемъ въ порядокъ матеріаловъ для своего обширнаго историческаго труда, и предпринималъ для него путешествія по

многимъ областямъ Европы и Азіи. Сочиненіе его, названное „Исторической библіотекой", есть всеобщая исторія отъ самыхъ древнихъ временъ до начала Галльскихъ войнъ Цезаря; бо́льшая часть ея также не дошла до насъ. Далѣе слѣдуютъ: *Діонисій Галикарнасскій*, современникъ Августа, написавшій исторію Рима („Римскія древности") до начала Пуническихъ войнъ, и *Плутархъ* херонейскій, жившій во второй половинѣ I вѣка по Р. Х., авторъ превосходной книги „Сравнительныя жизне-описанія" знаменитыхъ грековъ и римлянъ. Ни одно сочиненіе древности не было столько читаемо въ новые вѣка какъ эти біографіи Плутарха. Наукѣ древней географіи важныя услуги оказали своими трудами: *Страбонъ*, уроженецъ Малой Азіи, современникъ Августа, и *Птоломей*, александрійскій ученый астрономъ II вѣка по Р. Х. А науку медицинскую и соединенное съ ней естествознаніе значительно подвинулъ впередъ знаменитый врачъ *Гальенъ*, пергамскій уроженецъ, во II в. по Р. Х.

Относительно изящной греческой прозы самымъ виднымъ писателемъ этого періода является *Лукьянъ*, родомъ изъ сирійскаго города Самосаты. Онъ жилъ въ царствованіе Адріана и Антониновъ, и нѣкоторое время преподавалъ въ Греціи краснорѣчіе. Сочиненія его весьма разнообразны по своему содержанію; онѣ блестятъ остроуміемъ и тонкою насмѣшкою, въ особенности обращенною противъ суевѣрій и предразсудковъ современнаго ему общества (самъ Лукьянъ принадлежалъ къ школѣ эпикурейцевъ). Его называютъ Вольтеромъ своего времени. *

* Изъ греческихъ писателей римскаго періода заслуживаютъ еще вниманія: *Геліодоръ*, въ IV в. по Р. Х., сочинитель «Сирійскихъ повѣстей», которыя представляютъ первый образецъ нравственныхъ романовъ, и *Музей*, авторъ прекрасной поэмы «Геро и Леандръ». Изъ числа историковъ: *Аріанъ* («Исторія Александра Великаго»), *Аппіанъ* («Римская исторія»); оба они жили во II вѣкѣ по Р. Х.; *Діонъ Кассій* («Римская исторія»), который занималъ важныя государственныя должности въ царствованіе Каракаллы и Александра Севера, и епископъ *Евсевій*, современникъ Константина Великаго, написавшій церковную исторію первыхъ вѣковъ христіан-

Изъ восточныхъ отцовъ христіанской церкви, т. е. писавшихъ по гречески, первое мѣсто занимаютъ: *Климентъ Александрійскій* (во II в.) и ученикъ его *Оригенъ*, за излишнюю наклонность къ мистической философіи навлекшій на себя обвиненіе въ ереси (въ III в.); потомъ, *Василій Великій* и другъ его *Григорій Назіанзскій*, жившіе въ IV вѣкѣ. Григорію приписываютъ сочиненіе первой христіанской драмы „Страждущій Христосъ", которая послужила образцомъ для средневѣковыхъ мистерій.

ства. Для исторіи античнаго искусства замѣчателенъ трудъ *Павзанія*, во II в. по Р. X., именно его «Путешествіе по Греціи», гдѣ онъ подробно описываетъ видѣнные имъ памятники искусства. А изъ философовъ: стоикъ *Эпиктетъ*, въ I в. по Р. X; *Лонгинъ*, наставникъ знаменитой Зиновіи Пальмирской (отъ него сохранился трактатъ «О высокомъ»), и представители неоплатонизма: *Плотинъ* и ученикъ его *Порфирій*, въ III в. по Р. X. Императоръ Маркъ Аврелій, послѣдователь стоической школы, писалъ свои философскія сочиненія на греческомъ языкѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГРЕЦІЯ.

III. Древнѣйшая или героическая греція.

IV. Греческія государства и колоніи.

V. Борьба съ персами и разцвѣтъ греческой образованности.

VI. Пелопоннесская война и упадокъ греціи.

РИМЪ.

2007098238